

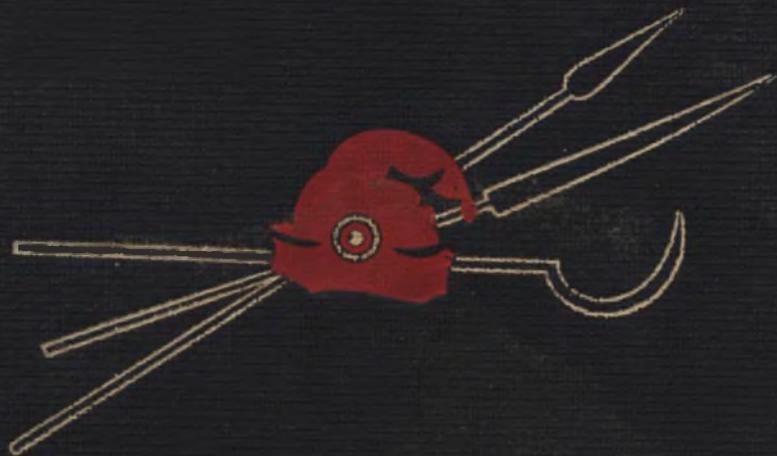
ПЕСНИ
ПЕРВОЙ
ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

ПЕСНИ
ПЕРВОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

ACADEMIA

ПЕСНИ
ПЕРВОЙ
ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

АКАДЕМИА

ФРАНЦУЗСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. М. ЭФРОСА

ПЕСНИ
ПЕРВОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

/ 1789-1799 /

МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
АКАДЕМИА
1934

ПЕСНИ
ПЕРВОЙ
ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

ПОДБОР ТЕКСТОВ,
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ
А. ОЛЬШЕВСКОГО

РЕДАКЦИЯ
М. ЗЕНКЕВИЧА И АБРАМА ЭФРОСА

ВВЕДЕНИЕ
Ц. ФРИДЛЯНДА

ACADEMIA
1934

*Суперобложка, переплет,
титул, шмуц-титула,
заставки и концовки
М. В. Матрица*

Пафос революции

Для знатных потемнели дни
При песне санкюлота..

1.

Фашистская публицистика, выдающая себя за науку, считает исходным пунктом грехопадения европейских наций французскую буржуазную революцию. В борьбе с идеями революции конца XVIII века Альфред Розенберг в книге «Миф XX столетия» видит основную задачу «арийской» исторической науки. В своей «истории революций» «теоретики» и вожди фашистского переворота революции, классовой борьбе противопоставляют войну народов, как источник творческих сил нации. Это противопоставление революционной борьбы национальным войнам составляет краеугольный камень фашистской «философии истории».

Характерно, что и Каутский в своей последней книге «Krieg und Demokratie» в угоду контр-революции доказывает, что гражданская война является

«абортом» революции и что идеи террора и насилия должны быть противопоставлены идеи гуманизма и либерализма. Французская революция как гражданская война представляет поэтому, с точки зрения Каутского, некоторую историческую случайность, в которой огромную роль играла злая воля крайних якобинцев вроде Марата.

Обе эти оценки социального переворота конца XVIII века возникли в ходе классовой борьбы. Они являются продолжением споров вокруг революции, ожесточенной борьбы взглядов на протяжении XIX века, споров, которые переросли в вооруженную борьбу классов. Реакционный историк конца прошлого столетия Эрико в своей «Истории революции» (1883) доказывал, что поэзия революционной эпохи представляет собою нечто ценное только тогда, «когда она вскрывает христианские корни переворота, она бессильна и подла, когда обнажает свою собственную основу». В звуках «Ca ira» плебейское начало дает себя знать с особенной силой, в отличие от величественных звуков «Марсельезы», в которых, по словам Эрико, нашло свое утверждение государственное величие Франции. Памфлет на революции конца XVIII века Ипполита Тэна совпадает с реакционной тенденцией всей буржуазной историографии. В конце концов правое крыло буржуазной исторической науки на протяжении многих десятилетий подготовляло то варварское отношение к своему прошлому, которое получило оформление в полуграмотных lamentациях фашистской публицистики. Но и противопоставление революции гражданской войне, попытка всю историю социального переворота конца XVIII века представить как отклонение от какого-то нормального пути исторического развития унаследовано по традиции от мелкобуржуазной историографии.

По другим путям шла критика опыта буржуазной революции у Маркса, Энгельса и Ленина. Для них французская революция 1789—1794 годов оставалась великим буржуазным переворотом; они отмечали, что между социальным переворотом буржуазии и пролетариата лежит историческая *пропасть*. «Для своего класса,—писал Ленин,—для которого она работала, для буржуазии, революция эта сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию культуре всего человечества, прошел под знаком французской революции». Европейская буржуазия забыла свое прошлое. Ленин напоминает ей: «Английские буржуа забыли свой 1649 год, французы свой 1793 год. Террор был справедлив и законен, когда он применялся буржуазией в ее пользу против феодалов, террор стал чудовищен и преступен, когда его дерзнули применять рабочие и беднейшие крестьяне против буржуазии». Ленин настаивал на том, что эта революция «не отличалась дряблостью, половинчатостью, фразерством многих революций 1848 года. Это была деловая революция, которая, свергнув монархистов, задавила их до конца».

Кто был героем этой революции? Мирный буржуа, ее исторический гегемон, или представитель тех низов городской и сельской бедноты, которые в 1793 году установили революционную диктатуру? Для нас не подлежит сомнению, что не в крупной или средней буржуазии, а в бедноте следует искать ту силу, которая довела борьбу с феодализмом до конца и понесла знамя революции по всей Европе. Роль *плебейской оппозиции* в эпоху буржуазной революции до сих пор не изучена. Для Тэна санкюлот—представитель черни, и, как это ни странно, этот блестящий реакционер более, чем какой-либо другой историк-

либерал, понял значение плебейской оппозиции. Он, конечно, искажил образ героя-санкюлота, он представил всю революцию как бессмысленный бунт, но Тэн видел, что не либерал-буржуа, не прекраснодушный интеллигент, а разоренный ремесленник, рабочий и крестьянин делали ненавистную ему революцию.

Характерно, что еще в 80-х годах XIX века, в своих замечаниях на книгу Каутского «Классовые противоречия во французской революции», Ф. Энгельс обратил внимание на совершенную недостаточность изучения этого вопроса. К. Каутский недооценил роль и значение той массы плебеев, которые были выброшены из рядов сословий, стояли вне третьего сословия, были неправы и «вне закона». «Буржуа,— писал Энгельс в недавно опубликованном письме Каутскому от 20 февраля 1889 г.,— в этой революции, как и всегда, были чересчур трусливыми, чтобы отстаивать даже свои собственные интересы, и, начиная с Бастилии, плебей взял на себя выполнение всей задачи. Без его вмешательства 14 июля, 5—6 октября, 10 августа, 2 сентября и т. д. буржуазия терпела бы постоянные поражения в своей борьбе со старым порядком. Она заключила бы соглашение с двором, и таким образом революция была бы подавлена. *Плебеи вынесли на себе революцию*, но это произошло не без того, чтобы эти плебеи придали революционным требованиям буржуазии такой смысл, какого эти требования не имели, доведя лозунги равенства и братства до их крайних выводов. Буржуазное содержание этих лозунгов было поставлено на голову, потому что, доведенные до своего логического конца, эти лозунги превратились в свою противоположность».

Трагедия плебейской оппозиции была именно в том, что гегемоном и авангардом в ее рядах не был про-

летариат. «Плебейское равенство и братство,—продолжал Энгельс,—не могло не быть чистой мечтой в эпоху, когда борьба шла за установление прямо противоположных принципов». Господство плебейской массы было только временным, но два года ее диктатуры (с августа 1792 г. по июль 1794 г.) были эпохой, когда городская и сельская беднота диктовала свою волю высшим классам Франции. Санкюлот стал героем революции. Лозунги демократии нередко скрывали социальные требования плебейской массы. Ее демократическая программа имела глубокое социальное содержание. Политическая борьба демократии была тесно связана с голодом и дороговизной.

В 1847 году Энгельс в статье «Праздник народов в Лондоне» писал: «Связь между большинством восстаний того времени и голодной нуждой очевидна; значение, которое имело снабжение провиантом столицы и распределение запасов уже начиная с 1789 г., декретирование максимума цен, законы против скупщиков жизненных припасов, боевой клич революционных армий: «Мир хижинам, война дворцам», свидетельство «Карманьоль», по которой республиканец наряду с «железом» и «сердцем» должен иметь также «хлеб», и сотни других несомненных признаков доказывают, помимо строгого изучения фактов, что тогдашняя демократия была чем-то совершенно иным, чем простая политическая организация. Известно также и то, что конституция 1793 года и террор исходили от той партии, которая опиралась на возмущенный пролетариат, что гибель Робеспьера означала победу буржуазии над пролетариатом, что заговор Бабефа сделал во имя равенства заключительные выводы из идей демократии 93 года, поскольку выводы эти возможны были тогда. Французская революция была со-

циальным движением от начала до конца, и после нее политическая демократия невозможна».

Социально-экономические требования плебейской оппозиции были не случайным историческим явлением. Они являлись результатом той безысходной нужды, в которой жили трудящиеся массы Франции накануне революции. Старинная французская поговорка гласила: «Ты заплакал, появляясь на свет, ибо увидел, что у отца твоего полотняные панталоны». Рожденный крестьянином был обречен на нужду и голод. Крестьянин повторял из десятилетия в десятилетие:

Не наши здесь хлеба, хотя мы жали их,
И спелый колос их даст хлеба для других.

Нужда казалась безысходной. В 1740 году епископ Клермон-Феррана писал министру Флери: «Наш деревенский люд живет в ужасной нищете, без кровати, без мебели. Большая часть даже питается половиною года ячменным и овсяным хлебом; это составляет их единственную пищу, которую им приходится вырывать из рта у себя и детей, чтобы уплатить налоги. С этой точки зрения негры наших островов бесконечно счастливее, потому что, пока они работают, их кормят и одевают вместе с их женами и детьми, тогда как наши самые трудолюбивые во всем королевстве крестьяне не имеют возможности при самом тяжелом и самом упорном труде добыть хлеб для себя и для своих семей и заплатить подати». Маркиз Мирабо с полным основанием утверждал: «Будут думать до самой катастрофы, что можно всегда безнаказанно морить голодом». Впрочем, это касалось не только крестьян, но и городской бедноты. И у них на столе ячменный, овсяный, гречневый или просяной хлеб был

единственной пищей. «Старый режим являлся как бы режимом дорогого хлеба» (Пьер Бризон, «История труда и трудящихся»).

Приходится ли удивляться, что бедняк был самой активной фигурой революции? Он двигал революцию вперед, он осуществлял ее исторические задачи в чужих интересах, в то время как буржуа искал любой возможности закончить революцию, поставить предел ее дальнейшему развитию. Для буржуа, особенно для представителя финансовой аристократии, при старом порядке было немало возможностей выйти в люди. Плебей из рядов рабочих и крестьян был навсегда лишен этой возможности. Чем несчастнее был он в прошлом, тем решительнее был он в годы революции.

Незадолго до последней войны французы издали сборники писем солдат-добровольцев революционной армии Конвента. В этих письмах, — интереснейшие человеческие документы, — написанных с фронта родным в деревню и город, солдаты-революционеры рассказывают о своих самых сокровенных желаниях и чувствах. Вот один из них, доброволец Ноэль, зажиточный крестьянин-буржуа, мечтающий о возврате в деревню и об округлении своего собственного состояния. Он возмущен тем, что при выборах в Конвент дается возможность участвовать классу наименее просвещенных. Он мечтает о скорейшей ликвидации войны и умоляет начальство об отпуске после первых побед революции. Историк Матъез в годы войны в шовинистической брошюре «La victoire de l'an II» («Победа II года») выбрал Ноэля своим героем революции (см. русский перевод «Как побеждала революция», изд. 1-е). Но сохранились письма и других солдат, настоящих санкюлотов, рядовых революционной армии. Вот один из них, Сульбо, крестьянин,

пишет своему отцу: «Я пошел в ряды добровольцев в Париже и готов к выступлению против врагов отечества. Я по рождению француз, с французом я хочу делить опасность и славу. И беспрестанно я буду помнить о том, что людей и собственность надо уважать или умереть за защиту их. Мы, мои товарищи и я, единодушны в таком убеждении. Одним словом, сердце и силы свои я посвящаю защите отечества, и мой лозунг: жить свободным или умереть». Вот другой крестьянин, из Риома. Он с восторгом описывает осаду Мангейма: «Солдаты-революционеры стояли лагерем в снегу, но все трудности,—с гордостью заявляет он,—были забыты. Знамя тирании склонилось пред трехцветным знаменем революции». Вот сын токаря из Риома. Он описывает ужасы войны, но гордо заявляет: «У нас почти ежедневно стычки с врагом. Эти рабы трепещут при приближении наших славных республиканцев». Вот сержант Брио. В июле 1794 года в письме к своим родным он заявляет: «Англичане, ганноверцы,—эти пруссаки, кичащиеся тем, что они лучшие солдаты Европы,—которых еще в прошлом году как будто боялись, теперь беспорядочно бегут от тех, кого они называют карманьолами».

Таковы представители той многочисленной плебейской армии, которая защищала революцию внутри страны и на ее границах, которая вынесла на своих плечах всю тяжесть гражданской войны в продолжение целого десятилетия. Это те якобинцы, о которых Ленин писал: «Якобинцы 1793 года были представителями самого революционного класса XVIII века, городской и деревенской бедноты». Против этого класса, расправившегося уже на деле (а не на словах) со своим монархом, со своими помещиками, со своими

умеренными буржуа посредством самых революционных мер, вплоть до гильотины, против этого истинно революционного класса XVIII века шли войной объединенные монархии Европы. В революции плебей приобрел не только гражданские права,— он приобрел и права человека.

Настоящая народная революция—невероятно сложный и мучительный процесс умирания старого и рождения нового общественного строя, радикального изменения уклада жизни десятков миллионов людей; революция является самой острой, бешеной, отчаянной классовой борьбой и гражданской войной, не только разрушительной, но югромной творческой силой. В период революции происходят грандиозные сдвиги. Революция обучает, воспитывает, организует, закаляет миллионы новых борцов. Восстания сменяются восстаниями, их размах расширяется, как и сопротивление врагов, пока наступает последний решительный бой. Это только первый этап борьбы. Вторым является организация революционного правительства, торжество революционной диктатуры. И, наконец, третий этап, на завтра после победы, сводится к стремлению заложить основы нового порядка. Творческие моменты революции на этом этапе проявляются в грандиозной организационной работе, работе по строительству нового общества. Плебейская оппозиция в революции конца XVIII века выполнила первые две задачи, но тот общественный порядок, который она строила, был чужд ее интересам. Она выполняла историческую задачу *другого класса*, и в этом был трагизм исторического положения плебейских масс.

В борьбе с докапиталистическим порядком санкюлот сверг кумиры, почувствовал, как падают большие и малые Бастилии, почувствовал себя гражданином

и человеком. Его захватил тот *нафос революции*, который отличает всякий великий социальный переворот; плебейская масса—подлинный герой революции.

Песни Французской революции, собранные в нашем сборнике, представляют особый интерес для выяснения роли и значения в этом перевороте плебейской оппозиции. С первых дней революции, с мая—июля 1789 года, по 1799 год, на каждом этапе санкюлоты играли активную роль, они были движущей силой событий.

С 1789 года по 1792 год, с момента открытия Генеральных штатов вплоть до революции 10 августа—2 сентября 1792 года, революции, свергнувшей монархию и создавшей республику, крестьянство и городская беднота толкали вперед буржуазию, заставляли ее, часто против воли ее представителей, добиваться решительных уступок со стороны монархии. В эти годы, когда плебейские массы все еще шли в фарватере буржуазного влияния, они доказали, что они, а не либералы, являются хозяевами революции. В августе—сентябре 1792 года монархия была свергнута, был создан Конвент. После нескольких месяцев борьбы с Жирондой, представителями торгово-промышленной буржуазии, в июне 1793 года Конвент утвердил диктатуру городской и деревенской бедноты. «Якобинцы 1793 года,—писал Ленин,—вошли в историю великим образцом действительно революционной борьбы с классом эксплуататоров со стороны взявшего всю государственную власть в свои руки класса трудящихся и угнетенных».

Эта диктатура плебейских масс в кольце военной опасности оставалась у власти до июня 1794 года, не больше одного года. В жестокой гражданской войне, в отчаянной борьбе фракций внутри якобинского блока укреплены были основы демократии. Но

плебейские массы не только завершали буржуазно-демократическую революцию, не только боролись за идеалы враждебного им класса, они имели свой собственный идеал. Этот идеал был социальной утопией. Он был утопией революционной, поскольку он двигал трудящиеся массы на борьбу с феодальным прошлым, на борьбу с теми элементами в рядах буржуазии, которые готовы были сохранить любой ценой свое привилегированное положение прошлых времен докапиталистического порядка. Эта утопия была реакционной, поскольку она была направлена против капитализма, не противопоставляя ему своего идеала нового коммунистического общества. «Идея равенства мелких производителей,—писал Ленин,—реакционна, как попытка искать позади, а не впереди решения задач социалистической революции... Идея равенства выражает всего цельнее борьбу со всеми пережитками крепостничества, борьбу за самое широкое и чистое развитие товарного производства».

Эти внутренние противоречия социальных проектов были тайной для мыслителей якобинизма XVIII века.

Они предполагали, что их эгалитарные теории ставят предел капиталистическому накоплению. Они забыли обращение Руссо. «Вы не римляне и не спартанцы;—обращался он в 1764 году к демократам Женевы.— Вы даже не афиняне. Оставьте смелость этим великим предкам. Вы только торговцы, ремесленники, буржуа, всегда занятые своим частным делом, своим трудом, заработком, прибылью, для которых свобода не что иное, как средство беспрепятственного приобретения и спокойного владения». Когда идеологи плебейской оппозиции вздумали выступить на борьбу с капитализмом, они встретились с собственническими.

интересами мелкой буржуазии, героев Руссо. Буржуа-предприниматели, все те, кто нажил состояние на спекуляции национальными имуществами, все те, для кого задержать дальнейшее углубление революции было вопросом существования,—весь блок собственных классов не мог не сопротивляться эгалитарным тенденциям плебейской оппозиции. Мелкобуржуазный идеал равенства потерпел поражение при столкновении с трезвым идеалом буржуа, утверждающего основы капиталистического порядка.

Плебейская оппозиция, лишенная пролетарского авангарда, была огромной разрушительной силой в борьбе с докапиталистическим порядком; она смогла расчистить почву для буржуазной демократии. Но здесь был предел ее исторических возможностей. Если 10 августа 1792 года было революцией, поставившей плебейскую оппозицию у власти, то 9 термидора 1794 года было контр-революцией, передавшей власть в руки буржуазии. С этого момента начинается нисходящая линия революции. Они изживала себя, открывая широкие возможности для реставрации монархии.

Старая Франция исчезла. Гражданская война избавила страну от паразитизма. Жак Простак, который до 1789 года чувствовал себя привязанным к земле железными цепями, разорвал цепи и встал. Деревня стала прочной основой капиталистического развития Франции. В городах появилась новая буржуазия—богачи-выскочки. В рядах мелкой буржуазии произошло в свою очередь немало изменений. Ничтожная ее часть разорилась, но большинство постепенно укрепляло свои позиции, округляло свое состояние. Служилые люди революции, армия поставщиков, провиантмейстеров, крисккомиссаров, заведующих продовольственной частью, откупщиков, всякого рода чиновников

кишмя кишела на государственном теле. Только вчерашний герой революции, городской и сельский бедняк, голодал и не видел исхода из тупика. Вся собственническая масса Франции не желала феодального порядка, не хотела реакции, но мечтала о контр-революции. Консерватизм проникал во все слои имущих классов. Белый террор занял место революционного террора. *Революция кончилась, контр-революция начиналась.*

Как эпизод революции следует рассматривать «Заговор равных» Бабефа в 1796 году. Это был последний этап плебейской революции; неудача «Заговора» свидетельствовала о том, что время для победы плебейской массы безвозвратно ушло, а для пролетариата и его революции еще не настало. В этих условиях шпига Бонапарта могла и должна была решить вопрос о форме государственной власти буржуазной контр-революции. 18 брюмера 1799 года молодой генерал ворвался в парламент еще недавно революционной Франции, разогнал его и начал править Францией от имени новой буржуазии.

II

Таковы основные этапы революции конца XVIII века. В поэзии революции ее история получила свое яркое отражение. Песни революции в первые ее месяцы отражают нужду и голод масс. В так называемых «Народных молениях» мы читаем:

От нищеты оберегите нас, государь,
 От отчаяния оберегите нас, государь,

 Благоволите, государь, воспротивиться
 прогрессу роскоши—
 Мы умоляем вас о том, государь!

Тот же мотив повторяется в «Молении третьего сословия», в молитве, в которой Неккер изображен опорой кредита Франции:

Избавьте нас, государь,
От аристократии, лишающей нас
покоя с давних пор.

• • • • •
От монополии на хлебопекарни
и виноградные давильни.
От монополии на мельницы.
От барщины и оброков.

Буржуазия в своих наказах мечтала только о политических правах. Наказы городского третьего сословия редко говорят о крепостном праве, но крестьянские наказаы прежде всего и исключительно настаивают на требовании отмены сенъериальных прав. Конфликт в рядах третьего сословия, конфликт между различными классами, его составляющими, начался уже с первых дней революции. К сожалению, рабочие и крестьяне не оставили нам мемуаров. Исторические исследования в своих выводах ограничены существующими до сих пор источниками, сам подбор которых определяется классовой борьбой и классовыми отношениями буржуазного общества. Мемуары Байи и Лафайета сообщают нам о страхе собственников перед плебейской массой, о том «великом страхе», который охватил собственническую Францию летом 1789 года не только в деревнях, но и в городах. Но в этих мемуарах мы ничего не узнаем о политической мысли пробудившихся плебейских масс.

Вот редкий документ—воспоминания будущего революционного генерала Россиньоля. В прошлом подмастерье золотых дел мастера, затем наемный солдат и чернорабочий, он в июле 1789 года, накануне взя-

тия Бастилии, вместе со своими товарищами-рабочими врывается в помещение, где происходят избирательные собрания третьего сословия, и излагает здесь свои требования от имени обездоленного четвертого сословия Франции. Он претендует на особое представительство рабочих, громко выражая свое недоверие буржуа-либералам. Неудивительно, что конфликт между плебейской оппозицией и либеральной буржуазией получил свое отражение в песнях. В одной из них («Песнь на взятие Дома инвалидов и Бастилии») мы читаем:

Герой, ты видишь муки,
Идет нам голод вслед!
Ружье роняют руки,
В живых уж милых нет.

И если благородный
Не сможет нам помочь,
То бедности народной
Окутает нас ночь.

Бедняки все еще надеются, даже выступая против своих руководителей, что между ними и благородными может быть установлен мир. Эта вера получила свое наивное выражение в «Письме башмачника к другому башмачнику». Башмачник надеется на помощь Неккера, он называет его опытным вожатым, но не может забыть другое:

Где сегодня наш обел,
братец мой?
В нищете погрязли люди,
Нет одежды, денег нет, хлеба нет.
Ты скажи, как дальше будет,
братец мой?

Ответ на этот вопрос у него уже готов в июле 1789 года (песня датирована 16 июля):

Сбросям к чорту поскорей,
 братец мой,
 Тех, что пышно так одеты,
 Презирающих людей,
 У которых нет кареты,
 братец мой.

Так рассуждал парижский санкюлот в первые дни революции, идя в бой рука об руку с парижским буржуа. Санкюлот—герой стихотворения Ладрэ «Башмачник, добрый патриот»: «Пускай башмачник я простой.—Мне по плечу министр любой». Он знает себе цену и уже в июле 1789 года понимает свою силу. Послушаем Ладрэ:

Когда Париж кипел в тревоге,
 Исчерпан хлебный был запас,
 Оружья не было у нас
 И враг стоял уж на пороге,
 Я прикрепил, чтоб воевать,
 Сапожный нож на' рукоять.

Это стихотворение—прекрасный исторический документ для подтверждения того, что мы говорили о роли плебейской оппозиции в первые месяцы революции. О том же говорит «Песнь на злобу дня». Сопоставьте слова представителя третьего сословия в этой песни со словами башмачника и портного и вы найдете лишнее доказательство нашим теоретическим рассуждениям. Третье сословие говорит:

Без пользы тополя шумят,
 Фруктовый презирая сад,—
 Нам это в огорченье!
 Но у вельможи во дворе
 Стоят по чину в серебре,—
 Какое утешенье!

Башмачник вторит:

В своих речах привыкла знать
Всех нас холопами считать. .
Нам это в огорченье!
Клянусь именем своим,
Что башмаков ей не дадим.
Какое утешенье!

В хор вступают портные:

Сеньер спесивый мнит порой,
Что он полезней, чем портной.
Нам это в огорченье!
А ты ему штанов не шей, —
Свой зад покажет дуралей.
Какое утешенье!

Восстание 5—6 октября было продолжением 14 июля. Оба события были незаконченной революцией. Плебейская оппозиция не смогла довести свое дело до конца. Победа оказалась в руках буржуазной аристократии. На завтра после восстания народ понес расплату за свое геройское поведение. Историки долго спорили, каковы были мотивы восстания, а исторический романс «Лейб-гвардеец, прекрасный Варикур» отвечает на этот вопрос просто и ясно:

Но в тот осенний холод,
В ужасный недород,
Невероятный голод
Вдруг поднял весь народ.
И с гневом и с печалью,
Питая в сердце месть,
Народ пришел к Версалью,
Взывая: «Дайте есть!»

В конце 1789 года революция казалась законченной. Народные массы потерпели поражение, и Национальное собрание, поднятое к власти волной народного движения, выступило как оплот буржуазной

аристократии. Революция была направлена теперь не только против господ старого порядка, но и против Парижской коммуны и Национального собрания—этих центров буржуазной власти. Новый этап революции вызван был расслоением в рядах мелкой буржуазии. Плебейская оппозиция постепенно отделялась от своих вчерашних союзников-либералов в рядах буржуазии и дворянства. Этот процесс политического расслоения получил свое отражение в стихотворении «Забавный диалог между мастером-сапожником и его сыном, прославленным среди аристократов аббатом». Аббат предал народ, и отец говорит ему:

Ах, подлец, твоя мечта —
Уничтожить tiers-état!
Мной рожден ты был когда-то,
И, когда бы дело знал,
Не плохим бы ты аббатом,
А башмачником бы стал.

Политическое расслоение в рядах третьего сословия было, как мы отмечали выше, тесно связано с голодом и дороговизной. Экономический вопрос доминировал над политическими дебатами парламентских собраний. Капиталисты богатели на основе декларации прав человека и гражданина и во имя конституции. В 1790 году бедняки Парижа с ненавистью наблюдали обогащение своих союзников:

Денежки грабь без всяких забот,
Чтоб посмотреть, как дело пойдет!

Дело пошло хорошо. С половины 1790 до весны 1792 года Франция переживала экономический подъем. Значительную роль здесь сыграли реформы первых лет революции, но этот экономический подъем был связан с усиленной эксплуатацией рабочих масс. Кре-

постные отношения в деревне не были ликвидированы. Вчерашний буржуа сегодня стал помещиком и охотно вместе с дворянином делил доходы «дорогого хлеба». Эту классовую особенность новых отношений подмечают народные песни. Они дают им яркую по своей сжатости характеристику:

Коль прокурор и адвокат
Законы утверждать хотят,
Дворян то огорчает.
Но если Шапелье в окно
Нам было выбросить дано,
Нас это утешает.

Шапелье был автором закона против рабочих коалиций, закона, введенного в силу в июне 1791 года, как ответ на рабочие стачки. Спустя месяц, 17 июля 1791 года, расстрел демонстрации на Марсовом поле знаменовал собою окончательный переход буржуазии на сторону контр-революции. Меньше чем когда бы то ни было плебейская масса могла надеяться теперь, что она сможет мирным путем осуществить то, о чем парижане пели в день праздника Федерации за год до расстрела на Марсовом поле:

Не нужно нам дворян с полами.
А, ça ira, ça ira, ça ira!
И равенства наступит рай.

Для осуществления равенства должно было пройти немало времени, прежде всего должна была быть свергнута власть буржуазной аристократии.

Революция продолжалась. Политика стала как бы всеобщей формой сознания. В стихотворении «Публичные женщины» проститутка жалуется:

Ходить напрасно день-деньской
От практики отучит.

*А если подойдет какой, —
Политикой замучит.*

Автор стихотворения в наивной форме изобразил таким образом характерную особенность революционных дней: те, кто вчера подчинялись без размышлений, теперь хотят все понять и все перестроить повсему, все они заняты политикой. Бедняков гнетут спекулянты. Они издеваются над энтузиазмом либералов, приходящих в восторг от синего мундира национальных гвардейцев.

Очнуться, господа,
Вас спекулянт принудит.
С мукой и порохом беда.
Вы пожалеете тогда,
Да только поздно будет.
Марат, он — поджигатель,
Но прав на этот раз.
Как ваш доброжелатель,
Предостерег он вас.

Вожди плебейской оппозиции переходили от слов к делу. Подполье Марата не могло не привлечь внимания трусливых буржуа. Один из них в песни, посвященной друзьям революции, «Исповедь версальского патриота», пишет о Марате:

Пусть темный плут листки свои
Печатает в подвале,
А я декреты и статьи
Люблю читать в журнале.

Подпольные листки, афиши и плакаты начинали играть все большую и большую роль в революционных событиях. 1792 год принес торжество идеям революционной демократии. Под нажимом городской и сельской бедноты либеральные буржуа вынуждены

были примириться с падением монархии и признать республику. Республика потеряла свое узко национальное значение. Она стала знаменем европейской демократии XVIII века. Пафос революции охватил миллионы. В победе революции был залог спасения новой Франции.

Вперед за нашу свободу,
За наши права — смелей!
В ответ на угрозы народу
Мы свергнем всех королей.
Свобода! свобода! Какое прекрасное слово!
Трепещите, тираны, расплата ждет!

Армия контр-революции росла. Политическая эмиграция дворян началась еще в июле 1789 года; белогвардейская эмиграция ширилась с каждым подъемом народного восстания; она охватила теперь не только дворян и попов, но и буржуа-финансистов. Эмиграция не порвала своих связей внутри страны. Монархисты пытались проникнуть в массы: они весьма ловко пользовались социальным недовольством бедняков. Контр-революционеры пытались мобилизовать городскую и деревенскую бедноту под свои знамена, но плебейская оппозиция была авангардом революции. Ни на один момент не переходила она на сторону врагов народа. В песни об эмигрантах мы читаем:

Ханжа-банкир, бездельник-поп,
Засидя римского холоп,
Вы все, кто знати нашей любы, —
Крутись, крутись, мой эмигрант!

В нашем сборнике дано немало контр-революционных стихотворений французской эмиграции. Все они характеризуются этой попыткой сыграть на споре в рядах третьего сословия между буржуазией и пле-

бейской оппозицией; монархисты выдвигают программу своеобразной «феодальной демократии», — попытка, заранее осужденная в разгаре революции на неудачу. Как ни остра была ненависть у крестьянина и рабочего к буржуа, феодала они ненавидели еще больше. Плебейская масса наряду со всем третьим сословием с восторгом повторяла рефрен «Марсельезы»:

К оружию, граждане, смыкайтесь в ряды вы.
Пусть кровью вражеской напьются наши нивы.

В 1792 году гражданская война внутри Франции была дополнена войной с европейской коалицией. Эта война стала могучим стимулом для углубления революции. Народ прекрасно понимал, говоря словами песни, — «как много принесут ему вреда высокие обещания». Он понял цену слов и с восторгом пел:

Больше дела, меньше слов,
Чтоб не стало, патриоты,
Ни тиранов, ни рабов.

Наступили годы Конвента. Санкюлот стал полно-властным хозяином революции. По всей стране разносилась «Карманьола»:

Я санкюлот, горжусь тем я
На зло любимцам короля!
.
Навек запомнит наш народ,
Каков в предместьях санкюлот.
.
Славьте гром, славьте гром.
Отпляшем карманьолу.
Славьте пушек гром.

В песнях революции получила свое отражение не только классовая борьба первого этапа революции,

когда плебейские массы шли на штурм твердынь старого порядка. Народные песни отчетливо отражают теперь и классовую борьбу эпохи якобинской диктатуры. Сильные и слабые стороны революционной деятельности Конвента получили свое выражение в песнях. Величие и бессилье революционных мелких буржуа дали себя знать в повседневной деятельности. Дебрэ в стихотворении «Совет санкюлотам» отразил этот новый этап в истории возвышения плебейской оппозиции:

Трудолюбивым, честным слыть
Не значит без штанов ходить, —
Надень штаны скорее снова.
Ужель удобней без штанов
Для мудрецов и для глупцов,
Или в штанах ходить уж ново?
Ведь разорят рантэе, купец
Парижских швейников вконец
Без одевания такого.

Бедняки надели штаны. Это было символом их фактического равенства с господами буржуа. Как новая «Декларация прав человека и гражданина», штаны свидетельствовали о торжестве вчерашнего бедняка-оборванца.

Пафос революции был не только пафосом борьбы за новую конституцию, но и за новый буржуазный общественный порядок, за новый капиталистический строй социальных отношений. Во имя этого идеала «стоило сбрить бороды тиранам острием пик». Санкюлоты гордо шли под знаменами, на которых было написано: «Феодальные законы уничтожим, разобьем. Только равенства знамена мы сквозь годы пронесем». «Песня о максимуме» на слова Ладрэ является лучшим историческим документом для понимания социально-эконо-

мических требований плебейской демократии II года. Поэт напоминает французам, что «богач всегда был рад за горло взять свою отчизну». Он напоминает им, что торговцы-скупцы и пузатые купцы, «чья злая воля бедных давит», всегда эксплуатировали народ, как пиявки. Максимум цен положил предел наживе купцов. Он положил конец обогащению фермеров. Санкюлот отныне владеет землей и свободой.

Землей владеем без помех.
Трудиться хочешь, так для всех,
А для себя трудиться грех.

Стихотворение кончается рефреном:

Прихлопнем без затей
Шутов и богачей!!

Наступило лето 1793 года. Диктатура революционных масс творила свое великое дело. «Для знатных потемнели дни при песне санкюлота»,—пели в предместьях Парижа. Но сопротивление врага не было сломлено. В Вандее роялисты смыкали свои полки. Шаретт грозился взять нацию в штывки, армия коалиции угрожала свободе Франции. Якобинец опасался потерять завоеванное, но и в военное время санкюлоты заняты были реформой общественного порядка. Повсюду, во всех областях жизни «на смену стареньким святым пришли талант и доблесть». В хозяйственных отношениях, в области народного образования—повсюду принципы феодального порядка уступали место буржуазно-демократическому строю. Революция защищала дело международной демократии. Она повторяла вслед за гражданином Курэ слова патриотической песни:

От Невы до Тибра — всюду
Голос вольности зовет.
Короли на плахе будут,
Лишь пробудится народ.

Террор чинил суд и расправу над врагами народа, будь то монархист или жирондист. Он чинил этот суд во имя бедняков, которых, говоря словами стихотворения о революционном трибунале, развращали богачи для того, чтобы бедняки «позабывали обет великих слов». Сила великих слов феодального порядка рассеялась. Пропала вера в бога и господина. Санкюлот пел: «Достаточно лишь сердца мне, священника совсем не надо». Революция в несколько месяцев очистила не только территорию Франции от Бастилии, но и сознание народных масс от предрассудков феодального прошлого. Куплеты патриотов Сент-Антуанского предместья подтверждали только исторический факт, заявляя:

Здесь, в предместье Сент-Антуана,
Нам свобода рождена.

Но герои Сент-Антуанского предместья не смогли в 1794 году преодолеть сопротивление внутреннего врага—буржуазии. Революционная диктатура пала. Устои, которыми она была скреплена, оказались недостаточно прочными. 9 термидора во Франции снова и надолго победила буржуазная контр-революция. Подлый буржуа пел в «Санкюлотине»:

Ага! попался наконец,
Палач неутомимый.
Ага! попался наконец
В цепь собственных колец.

Победители из рядов термидорианской коалиции изображали однако дело так, что, свергая Робеспьера,

они помогали рабочим. Политика Робеспьера, направленная против врагов справа, против буржуазии, дополнялась борьбой против рабочего класса во имя собственности, которую защищали демократы—мелкие буржуа. Вот почему 9 термидора рабочий класс не оказал активной поддержки Робеспьеру. Даже Г. Бабеф одно время сочувствовал свержению Робеспьера. Этим недовольством рабочих масс думали воспользоваться буржуа. Они пели:

Бедняк-рабочий перед ним
Весь трепетал и был гоним.

Но усилия их были бесполезны. Власть Директории укреплялась на костях рабочих. Ее политика была направлена против рабочего класса. Санкюлот быстро разобрался в создавшемся положении дел:

Толпа насильников трусливых
То, богатея с каждым днем,
Трубит повсюду в гимнах лживых
О пробуждении моем. . .
.
Господ, кричащих здесь о праве,
К границам двиньте — под обстрел.

В 1796 году санкюлот однако не был уже в силах выполнить эту угрозу. Он не смог положить конец произволу спекулянтов. В «Гимне братству» 20 нивоза IV года (10 января 1796 года) он напрасно зывал:

Но спекулянту смертный бой:
Он разорить весь край поклялся.
Его бессовестной рукой
Ужасный голод укреплялся.
Он в царстве горя, слез и бед
Торгует длительностью жизни:
Пощады спекулянту нет,
Он смерть несет отчизне.

Социальный протест плебейских масс в годы Директории был уже потому бессильным, что демократы-эпигоны мечтали о «золотой середине». Они выдвигали лозунг: «Против королей и против якобинцев». Трудящийся народ понимал, что «распухнувшие от монет, не зная ни забот, ни бед, обсасывают улей» и суют ему в рот железные пилюли. Он знал, что для того, чтобы вновь зажглось пламя вольности, необходимо восстание. Но после опыта 1793—1794 годов поднять массы на восстание значило поднять их во имя идеала нового общественного порядка, указать им пути для борьбы с капитализмом. В 1796 году мог родиться поэтому только заговор Бабефа, великий по своим замыслам и бессильный по своим возможностям. Так кончилась буржуазная французская революция. Патриот-санкюлот, «природы сын желанный», мог теперь с гордостью показывать раны Вальми и Жемаппа. Он вспоминал и передал грядущим поколениям свой девиз:

Будь *гражданин*, долой *господ* —
Приказ республики суровой.

III

Судьбы революции наилучшим образом иллюстрирует история трех песней: «Марсельезы», «Карманьолы» и «Ça ira». «Ça ira» возникла как песня масс не позже июля 1790 года. Ее пели на Марсовом поле, в день праздника Федерации. Рабочие под цеховыми знаменами готовили площадь для гостей из провинции. Бродячие оркестры помогали им трудиться. «Сравнивая землю, — говорит Жюльен Тьерсо, — они пели свою «уравнительскую» песенку: «Ah! Ça ira, ça ira! Celui qui s'éleve, on l'abaissera!» («Кто был возвышен, того принизят»).

«Çа іга» осталась в последующие годы революции припевом, сопровождавшим не только песни санкюлотов, но и эмигрантов. Знаменитые слова этой песни «аристократов на фонарь» сопровождало эхо рефрена роялистов: «на фонарь демократов». Спустя десятилетия, с ростом рабочего движения и его массовой песни, «Çа іга» получила новую трактовку. Пролетарии взывали:

«Ah! Çа іга, çа іга, буржуа на фонарь».

Гораздо более популярной была в годы революции «Карманьола». Как народный революционный гимн она стала весьма рано достоянием масс. «Карманьола» связана с историей революции 10 августа 1792 года — «Карманьола» была подлинной песней санкюлотов. Историки-буржуа противопоставляют «Марсельезу» «Карманьоле». Та и другая песнь пришла из Марселя, точнее, как писал Гретри, «Карманьола» пришла «из марсельской гавани». Она была гимном плебейской массы. «Марсельеза» возникла в рядах французской революционной буржуазии 1792 года. Она возникла в салоне страсбургского мэра Фредерика Дитриха и написана была капитаном Руже де Лилем случайно, Тьерсо показал, что в основу «Марсельезы» положены фразы из прокламаций Якобинского клуба весны 1792 года. Отсюда в «Марсельезу» проникли слова: «К оружию, граждане!», «Развернут военный стяг!», «Сигнал дан,—к оружию!», «Пусть трепещут коронованные деспоты! В поход!». «Марсельеза» была написана человеком, о котором французский историк с полным основанием пишет: «Он был гениален только один день. О нем не следует знать что-нибудь другое, кроме его гимна и имени... Он во всех отношениях недостойн был быть автором «Марсельезы». Молодой офицер в те же дни, в которые он создал «Мар-

сельезу», написал для зажиточной буржуазии Страсбурга ряд стихов в модном галантном жанре.

«Марсельеза» в XIX веке претерпела ряд преобразований. Ее пели по-своему революционеры, по-иному буржуа. «На Парижской выставке 1878 года,—рассказывает нам Ж. Тьерсо, ссылаясь на статью Эд. Ганслика,—французские буржуа распевали «Марсельезу», умиляясь ею, как реликвией; их лица дышали мирной радостью и спокойным благодушием». Спустя год, 14 февраля 1879 года, французский парламент Третьей республики объявил «Марсельезу» национальным гимном. Депутаты правой оппозиции протестовали против решения собрания громкими криками: «Нашим предкам рубили головы под звуки «Марсельезы!» «С этой песнью делали Коммуну! С этой песнью опять сделают Коммуну!». Впрочем, «Марсельезу» Руже де Лиля до сих пор распевают Пуанкаре, Тардье и Мильераны.

Песнь имеет свою историю. В ней великолепно отражается история классовой борьбы эпохи, ее создавшей и ее унаследовавшей.

Ц. Фридланд

Песни Первой французской революции (1789—1799)

I

Немногие эпохи в истории человечества оставили по себе такие яркие следы, отличались таким широким размахом, произвели такие потрясения, как последнее десятилетие XVIII века во Франции*. Рушилось старое аристократическо-феодальное общество под ударами развивающегося промышленного капитализма, класс привилегированного дворянства уступал с жестокой борьбой свое место буржуазии, борьба приняла крайне резкие формы, стоила огромного количества жертв и привела к победе и укреплению буржуазии.

Первая революция затронула все стороны обще-

* См. у Ленина: «Весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии, интересам которой они служили, хотя они этого и не сознавали, прикрываясь словами о свободе, равенстве и братстве» (изд. 2-е, т. XXIV, стр. 221).

ственно-политической жизни французского народа, прошла ураганом по старым верованиям и убеждениям, произвела коренную переоценку всех ценностей прошлого и каждый день выдвигала новые вопросы и по-новому разрешала их. Все было пересмотрено, перестроено, приспособлено к новым требованиям жизни, к новым задачам дня. Экономика и политика, наука и искусство, техника и военное дело—все должно было отвечать запросам текущего момента. Рушились старые кумиры, на их место воздвигались новые, но и их «помрачение» не заставляло себя долго ждать. События неслись со стремительной быстротой, и жизнь кипела, как в котле. Сегодня восторженно кричали: «Да здравствует наш добрый король!», а завтра его именовали «толстой свиньей» и еще несколько позднее отправляли на гильотину. Сегодня героями дня были жирондисты, и красноречие Верньо пленяло и увлекало неискушенные души, а завтра—Верньо погибал на эшафоте, а его друзья и сторонники не находили себе безопасного пристанища. Сегодня Друг Народа скрывался в подземельях, но проходило некоторое время, и его чествовали несметные толпы. Безжалостно вертелось колесо истории, вознося одних, опрокидывая других, низвергая в бездну небытия третьих.

Определенный класс по мере своего политического роста создавал свою идеологию, выдвигал своих «героев», славил свои достижения, давал социальный заказ своим художникам и писателям. Все эти течения находили самый живой отклик в литературе, чуткой спутнице политической жизни. Роль печати как орудия классовой борьбы была особенно велика и значительна в этот бурный период. И песни революции, этот своеобразный жанр литературы, были излюбленным и острым оружием классовой борьбы.

Политическая и сатирическая песнь, острая, беспощадная, метко поражающая тот объект, на который она направлена, имела во Франции с давних пор исключительную популярность и широкое распространение. Один из лучших исследователей французской песни Дюмерсан справедливо говорит: «Песня играла у нас во все эпохи значительную роль, и ее история есть некоторой степени история Франции. При всякого рода режимах,—и в этом ее слава,—песня не боялась преследований; ни тюрьма, ни эшафот не могли заставить ее молчать»*.

Развитие этой песни шло по двум линиям; для упрощения их можно назвать городской и деревенской. И если песни первой линии были больше всего заняты событиями политической и придворной жизни, то крестьянские песни, вышедшие из безвестных глубин народа, рисовали тяжелую, безнадежную долю вилэнов, их нужды, их борьбу сперва за свои права, а потом, по мере закрепощения и ухудшения положения крестьянства, их мольбы и жалобы на безвыходность страданий**.

Еще в XII веке мы встречаем песни крестьян, исполненные сознания человеческого достоинства и классовой солидарности:

Мы такие же люди, как и они,
И наши члены таковы же, как у них,
И такие же большие тела у нас,
И мы так же можем страдать, как они.

* Du Mersan. «Chansons nationales et populaires de France». Paris, 1846, Préface, pp. VI—VII.

** «Следует признать, что исторические темы не являются излюбленными темами простонародной музыки», — говорит Emile Soleville в своей книге «Chants populaires du Bas-Quercy». Paris, 1889, p. 347.

И нам теперь нужно только мужество.
 Объединимся же общою клятвою,
 Будем помогать и защищать друг друга
 И держаться друг за друга.
 И если они пожелают воевать с нами,
 То против одного рыцаря
 Мы легко выставим
 От тридцати до сорока крестьян,
 Сильных и отважных *.

Но уже в середине XIV века основной мотив их песней—отчаяние. Это отчаяние вылилось, наконец, в страшное восстание 1358 года, так называемую жакерию, когда Жак Простак попытался избавиться от гнета «благородных» рыцарей и со своими косами и вилами, дубинами и топорами вступил в неравную борьбу с неизмеримо лучше вооруженным и организованным противником. Он был раздавлен в этой борьбе и потоками крови расплатился за краткий момент возмущения.

С той поры до самой Первой революции крестьянам оставалось только плакать о своих нуждах и взывать к сильным мира о помощи и защите.

О, горе! горе! горе! горе!
 Князья, священники, дворяне,
 Торговцы, адвокаты, горожане,
 И мастера, и подмастерья,
 Военные и люди трех сословий
 Живущие на счет нас, земледельцев,
 Мы помощи от вас совсем не видим,
 А жить нам надо, вот задача **.

* Lenient. «La satire en France au moyen âge». Paris, 1859, p. 19..

** «La Complainte du pauvre commun et des pauvres laboureurs de France» («La Chronique d'Enguerrau de Monstrelet», t. VI, p. 176 и сл., Ed. 1862).

Или:

В поте лица моего
Землю возделывал я;
С голода мы умираем, —
Я и моя вся семья*.

А так как никакие просьбы о помощи, конечно, не помогали, то в песнях с безнадежностью отмечалось: «Такова, увы, наша трудная жизнь! Наша судьба печальна, наша звезда мрачна, наше положение тяжко. У нас нет отдыха ни днем, ни ночью. Но будем терпеливы, чтобы заслужить рай».

Таков был символ веры класса, задавленного нуждой, отчаявшегося достигнуть лучших условий жизни. Только наступление революции, давшей освобождение крестьянству от феодального гнета, изменило характер этих песен, влило в них новое содержание, бодрые мотивы, сознание собственного достоинства.

Крестьянское движение в первый период революции вылилось в открытое восстание против крупных землевладельцев. Тогда сотнями горели замки и усадьбы, изгонялись, а иногда и убивались их владельцы, уничтожались документы, в которых говорилось о каких-либо крестьянских повинностях. Захватывались помещичьи земли, истреблялась дичь, бывшая запретным плодом для крестьянства, не платились никакие обязательства в пользу помещиков. Вчерашний жалкий Жак Простак осознал себя полноправным гражданином. Но как только он увидел и почувствовал осуществление своих заветных надежд, как только он получил землю в собственность, он успокоился и не принимал дальнейшего участия в революции, а в Ван-

* «Le «Da pacem» du Laboureur». 1545 (A. de Montaignon. «Recueil de Poésie française de XV et XVI siècle»),

дее он даже примкнул к открытой контр-революции. И крестьянские песни революции немногочисленны и в большинстве случаев городского происхождения.

В отдельных местностях пели:

Наши оковы разбиты
И разорвана
Рабская цепь.
Братья, мы победили,
Паши оковы разбиты.

—
Вы должны уважать
И подчиняться только законам.
И никакие силы не смогут
Ничего с вами поделаться,
Лишь бы вы соблюдали законы.

Теперь крестьяне сознавали, что

Все французы равны,
И, чтобы стать порядочным человеком,
Не нужно никаких титулов,
А только талант и заслуги.
Все французы равны*.

По такие песни являются редкими исключениями. Большинство же их занесено из города**. Непрерывное общение города с деревней в эпоху революции, сотни и тысячи делегатов, агитаторов, волонтеров,

* См. журнал «La Révolution Française», t. 39, p. 509—512. 1900, «Chanson sur la Constitution, faite par un paysan du canton de Salignac, électeur au Département de la Dordogne. 1791». Написана на местном наречии.

** Это наблюдалось и в более ранние времена. Weckerlin говорит: «Сатирические водевили Фронды, Мазаринады и песни времен регентства были сложены только для горожан, особенно для парижан. Остальной народ получал только обрывки этих песен, которые он и не понимал, как следует» («La Chanson populaire», p. 16).

новобранцев, комиссаров, клубистов устанавливали живую смычку города с деревней, и, конечно, вполне естественно, что наряду с новыми идеями и понятиями, приносимыми ими в патриархальную деревню, заносились и новые песни, быстро вытеснявшие наивные произведения местного творчества. Немалую роль тут играла и печать и школа. Поэтому и песни революции, как детище города, должны рассматриваться в первую очередь в связи с развитием революции в промышленных центрах и прежде всего в Париже.

II

Сатирические и политические песни городского происхождения имеют свою длинную историю. Они развивались параллельно друг другу, и все мало-мальски значительные события, особенно из придворной и политической жизни, находили в них свое отражение. Эти песни распевались публично и становились достоянием городских масс, которые нередко переделывали их по своему вкусу и пониманию. Не говоря уже о более отдаленных временах, песни отмечают войны Карла V и Франциска I, разгром при Павии (1525 год), плен короля в Мадриде, смерть Генриха II, отъезд Марии Стюарт в Англию (1537 год), наглость «миньонов» Генриха III, убийство его, войны с Англией и бедствия, причиняемые военными действиями. Про страшного Людовика XI пели мало, так как слишком боялись его, но не стеснялись издеваться над его жертвами и приближенными. Во второй половине XVI века большое распространение имели песни гугенотов, вышучивавшие католиков и их религиозные обряды, на что католики отвечали не менее крепкими

куплетами по адресу сторонников реформации. «Начиная с гражданских и религиозных войн XVI века,—говорит Weckerlin,—разнузданная песня заполняет двор и город, рукописные сборники кишат ими, и большинство их настолько непристойно и цинично, что совершенно недоступно для печати»*. Эти сборники имеют название «Chansons anecdotes» или «Noëls de cours». Во время гражданских войн и волнений при Генрихе IV непристойные и нечестивые песни получили такое широкое распространение, что даже возникал вопрос о мерах борьбы с ними. Но средств борьбы не было, так как их пели все. И чем дальше, тем обычнее становилось это явление. При Людовике XIII ни одно событие не ускользало от песни, она не щадила никого, даже всесильного кардинала Ришелье. С этого времени сатирические песни буквально переполняют рукописные сборники. Тот же Weckerlin говорит по их поводу: «Это—действительно скандальная рифмованная хроника, бесстыдные куплеты на королей и королей, принцев и принцесс, на Ришелье, Мазарини, Кольбера и других. Все великие имена Франции воспеты там. Эти произведения иногда растягиваются на 150 стихов, стиль которых стоит на высоте их мысли. Эта грязная (d'égout) литература продолжается до революции. И совершенно не думали о розыске этих коллекций рукописей для уничтожения, так как каждый знатный человек владел подобным сборником, и, например, граф Морепа, министр при Людовиках XV и XVI, велел сделать для собственного пользования один из наиболее полных сборников, который теперь можно видеть в Национальной библиотеке»**.

* I. B. Weckerlin. «La chanson populaire». Paris, 1883, p. 35.

** Ibidem, pp. 42—43,

Мазарини, против которого было сочинено множество песней, так называемых «мазаринад», относился к ним достаточно хладнокровно, говоря: «Пусть поют, лишь бы платили налоги». При Людовике XIV песня нападала на самого Короля-Солнце и его возлюбленных; эпоха Регентства и распутный двор Людовика XV нашли также свое место в сатирических куплетах. В то же время целая плеяда анонимных авторов слагала песни об иезуитах и квиетистах, о булле Unigenitus, о мире и войне, о победах и поражениях и т. п. Восшествие на престол Людовика XVI вызвало множество песней, выражавших надежду на наступление лучших времен, но скоро их заменили другие песни.

Среди них видное место занимают произведения высокопоставленных бездельников, которые не находили лучшего применения своим «талантам». Граф Монгайяр пишет в своих воспоминаниях об этой эпохе буквально следующее: «В то время как придворные нравы были скандальны, дух правительства и политический дух следовали по тому же течению. Граф д'Артуа, принц Кондэ, герцог Шартрский (впоследствии герцог Орлеанский и гражданин Эгалитэ) и сама королева рукописали ноэлям, этому рою циничных песен, в которых одинаково высмеивались религия, королевская власть, юстиция и мораль. Monsieur (титул брата Людовика XVI) сочинял ноэли и песни против своего брата короля; герцог Лозен, граф Лорагэ, шевалье де Буфлерс, шевалье де Куаньи... изощрялись в песнях против трона, магистратуры и законов. При дворе стало хорошим тоном высмеивать Людовика XVI»*. Даже

* «Souvenirs du comte de Mongaillard etc...» Paris, 1895, p. 83...

в этой литературе помимо воли авторов находило выражение растущее оппозиционное движение в стране. Наступление революции заставило звучать иные песни, вложило в них другое содержание, дало простор творчеству совсем не титулованных песнелазгателей. Зазвучали песни революции, сперва мирные и благожелательные, а потом воинственно-бурные и грозные.

Первый период революции, от созыва Генеральных штатов до праздника Федерации, открывается серией песен, посвященных Генеральным штатам. Наказы, открытие Генеральных штатов, борьба сословий в них и победа третьего сословия—таково основное содержание песен. В них звучат призывы к добрым чувствам короля:

Государь, сжальтесь над нами,
Государь, выслушайте нас,
Государь, услышите нас *.

В них излагаются пожелания разных классов населения, главным образом буржуазии:

О, наш король, наш друг и наш отец,
Коль правда, что ты сердцем гражданина
Узнать причины наших бедствий хочешь,
То вот желанья всех *порядочных людей* **.

В них шлются приветствия Генеральным штатам:

Франция депутаты,
Высокий приходит час,
На Генеральные штаты
Король собирает вас.

* Chanoine d'Avranches. «Le clergé et la Révolution». Rouen, 19 3, pp. 125—126.

** L. Guillemaut. «Histoire de la Révolution dans le Louhannais», Louhans, 1899, pp. 91—93.

В лице трех сословий
В торжественный этот день
Мы, дети единой крови,
Сойдемся под общую сень*.

В песнях звучит великая радость и уверенность, что Генеральные штаты выведут государство из переживаемого им кризиса. Но в эти радостные песнопения скоро врываются новые ноты. Интриги придворной партии и подготовка контр-революционного переворота заставляют третье сословие—крепнущую революционную буржуазию—приступить к решительным действиям. 14 июля 1789 года—взятие Бастилии—кладет резкую грань между монархически-феодальным режимом и буржуазией, постепенно захватывающей власть. Это—момент великого торжества победителей, момент упоения их своей силой. Он нашел яркое отражение в «Песни парижских буржуа»:

Бастилию принудить к сдаче
Вам было шучоной задачей,
Хоть и окрасили бойцы
Кровью лавровых венцы.
Разбит рукой патриотизма
Оплог надменный деспотизма,
Стоит развалина мертва.
Ликуй, парижский буржуа! **

Далее, в песнях отражаются последствия взятия Бастилии, постепенное нарастание революционных настроений, вылившееся в знаменитом походе женщин

* Песня «L'Assemblée des États Généraux convoquée à Versailles le 27 avril 1789 et remise le 4 mai». Bibl. Nat. Эстампы, т. 77, «Histoire de France». Перев. Вс. Рождественского.

** «Chanson des Bourgeois de Paris». Листовка с нотами. Перев. М. Казмирова.

5—6 октября 1789 года на Версаль за королем и переезд его, а с ним и Национального собрания, в Париж. Отмечают песни и «военный закон» («кровавый закон»), направленный против народных движений, и крепко острят над доктором Гильотеном, проповедником «гуманной» казни при помощи гильотины.

Гильотен,
Враг измен,
И, пылая добротой,
День-деньской
Стал трудиться над машиной,
Что без боли смерть дает
И которую народ
Называет гильотиной*.

Ни одно мало-мальски важное событие не ускользает от внимания песней, и этот период заканчивается целым потоком песнопений, прославляющих праздник Федерации—14 июля 1790 года. Из этих последних, пожалуй, наиболее характерно:

А! Ça ira, ça ira, ça ira!
На фонари аристократов!
А! Ça ira, ça ira! ça ira!
Их резешать всех пора** и т. д.

Конечно, кроме песней, воспевавших события, было множество песен, посвященных отдельным лицам—Людовику XVI, герцогу Орлеанскому, Неккеру, Лафайету, Мирабо и др. Они не представляют особого интереса, так как чаще всего сводятся к обычному славословию. А в появившейся в начале 1790 года хлесткой и злобной контр-революционной газете «Апостольские дея-

* «Chanson nouvelle». Перев. Вс. Рождественского.

** «Chanson patriotique chantée à la Fédération du 14 juillet 1790». Перев. М. Зенкевича.

ния» («Les Actes des Apôtres») печаталось много всевозможных, часто весьма непристойных куплетов с насмешками и издевательствами над сторонниками революции.

Во втором периоде—от праздника Федерации до взятия Тюильри 10 августа 1792 года,—периоде пребывания крупной буржуазии у власти, песни продолжают насмехаться над побежденной аристократией:

Аристократы, вы свергнуты сейчас;
Демократы победили вас;
Аристократы, миновал ваш час! * и т. д.

Они бичуют эмигрантов и контр-революционеров:

Дворянин спесивый,
Перестань болтать,
А не то я живо
Мог бы в рожу дать.
Трусить не умею —
Чту свободный край.
Будь вперед умнее,
Нос не задирай **.

Представители же дворянства, утратившие возможность открытых выступлений, могли только изливать свою злость в песнях, направленных против деятелей революции,—острить над всеми достижениями революции и грозить будущим возмездием:

Когда поют в народе
Ça ira! Ça ira!
Все верят, что приходит
Желанная пора.
Лишь я, наоборот,
Твержу: «конец идет» ***.

* «L'aristocrate confondu». Перев. Вс. Рождественского

** «Le courage du père Duchêne». Перев. Вс. Рождественского.

*** «Ça ira». Перев. Вс. Рождественского.

Или:

Народ мой добрый, ты обманут!
 Оплакиваю жребий твой:
 Здесь варвары тебе протянут
 Клинок убийства роковой *.

Они в бессильной злобе острят над депутатами Учредительного собрания, сложившими свои полномочия и уступающими свое место депутатам Законодательного собрания:

Вы куда,
 Господа?
 Вы ушли с арены,
 Вы бежите, все разбив,
 Разломав и сокрушив,
 Полные измены? **

В песнях продолжается борьба, происходящая на политической арене. Они бичуют эмигрантов и контрреволюционеров, издеваются над духовенством, но приветствуют его гражданскую конституцию, рассказывают о бегстве короля, о заговоре роялистов, прославляют или издеваются над конституцией 1791 года и т. д. Начало войны с интервентами породило множество песней, из которых наибольшей известностью пользовались гимны «Спасение Франции» и Марсельеза, сохранившаяся до наших дней как гимн буржуазной Франции. Марсельеза характерна и интересна своим боевым патриотическим подъемом, ярко отражавшим настроения буржуазии, желавшей войны и не боявшейся ее. И она на долгое время сделалась боевым гимном революцион-

* «Chanson Nationale, dédiée au bon Peuple». Перев. Л. Остроумова.

** «Adieu aux ci-devant Députés». Перев. Вс. Рождественского.

ных войск Франции, боровшихся против тиранов Европы. Умело написанная, сопровождаемая бодрой, возбуждающей музыкой, она невольно заражала и увлекала тех, кто ее слушал, тем более, что войне старались придать космополитическую цель и говорили не только об отражении врагов, но и об освобождении народов от тиранов. «Мир хижинам—война дворцам» являлось популярным лозунгом. Слова Марсельезы

Трепещет каждый пусть тиран
С позорною своей толпою —

были не пустой угрозой. Молодая буржуазия, окрепнув и став на ноги, сумела на долгое время внести смятение во все монархические круги Европы.

Но, как известно, война не дала внутреннего мира Франции. Борьба со старым режимом привела к революции 10 августа 1792 года, к низвержению монархии. Этот момент воспет многими певцами, но наиболее яркое отражение он нашел в «Карманьоле», этой своеобразной марсельезе предместий, песни, порожденной пролетарскими низами Парижа. Злая, крепко острящая, беспощадная, не стесняющаяся в выражениях пеонь славила победу революционной демократии и прежде всего санкюлотов предместий:

Навек запомнит наш народ,
Каков в предместьях санкюлот.
Чтоб добрых молодцов почтить,
За их здоровье будем пить!
Отпляшем карманьолу!
Славьте гром! Славьте гром!
Отпляшем карманьолу!
Славьте пушек гром! *

* «La Carmagnole». Перев. А. Ольшевского.

Она так приплась по вкусу революционным низам, что породила множество подражаний и дожила до нашего времени, постоянно обновляя свое содержание. Новый период революции—от открытия Конвента до революционного переворота 31 мая—2 июня 1793 года, отмеченный резкой борьбой между торгово-промышленной и мелкой буржуазией, жирондистами и монтаньярами (якобинцами), дает богатую пищу песням. Король свергнут и заключен в башню Тампль. Его судят, приговаривают к смертной казни и гильотинируют. Естественно, что такое необычное событие порождает множество песней. Монархисты, прилагавшие все старания для спасения короля, пустили в ход песни, прославлявшие добродетели Людовика XVI, его наследника и королевы, сразу же забыв те недавние предреволюционные времена, когда их же представители ежедневно изощряли свое остроумие над тупостью Людовика и неверностью Марии-Антуанеты. Особенной популярностью пользовались: «Обращение Людовика XVI к французам» и «Бедствия короля и его семьи. Романс беарнского трубадура».

В последнем говорилось:

Огорченный трубадур
 Перед гордами Беарна
 Пел, от беспокойства хмур,
 На вершине лучезарной:
 «Венценосный сын Анри
 Взят в тюрьму из Тюильри» *.

В первом же романсе Людовика превозносили даже выше пресловутого Генриха IV и наделяли всеми добродетелями:

* «Malheurs du roi et de sa famille». Перев. Вс. Рождественского.

Что сделал тебе я, французский народ?
Был кроток я, полон боязни,
Я думал о счастья народном — и вот
Меня ты увозишь для казни*.

Этот романс получил очень широкое распространение и еще в июне 1793 года усиленно распевался в северной армии. А во время суда над королем в некоторых местах, например, в Руане, монархисты открыто кричали: «Да здравствует король! К чорту республику!» Там же даже часовые, стоявшие на постах, осмеливались петь монархический романс «О, Ричард, о, мой король! Весь мир тебя покидает» и пр.

Но на каждую песню монархистов революционная демократия отвечала десятками своих песней, в которых требовала беспощадного суда над бывшим королем, зывала к мести, говорила о преступлениях монархии.

Народу давался определенный совет:

Карай короля за его преступленье,
Велик, справедлив будь и строг;
Не слушайся тех, кто твердят: «снисхожденье».
Дай миру наглядный урок!**

Людовику песня советовала вспомнить недавнее прошлое:

На дело рук твоих взгляни! Твои чертоги,
И Ним, и Авиньон, и наши города,
И наши все поля, и все леса, дороги,
Своими жертвами покрыл ты без стыда!***

Песни описывали в сатирических тонах появление Людовика на суде, иронизировали над его попытками оправдать свое прошлое, требовали его казни. Разда-

* «Louis XVI aux Français». Перэв. Вс. Рождественского.

** «Romance aux Français». Перев. А. Ольшевского.

*** «Parodie de la complainte de L. Carpe». Перэв. А. Ольшевского.

вались, конечно, и голоса в пользу снисходительности, но они звучали слабо и неубедительно. Революционная демократия давала решительный бой монархической Европе, и голова Людовика XVI была тем вызовом, который республиканская Франция бросила всем сторонникам монархии, мечтавшим о восстановлении старого режима.

После этого начинается полоса воинственных песней, порожденных борьбой с коалиционной Европой. Воспеваются победы революционных войск, подвиги республиканской армии и ее отдельных героев; звучат песни против тиранов:

От Невы до Тибра — всюду
Голос вольности зовет:
Короли на плахе будут,
Лишь пробудится народ *.

Но наряду с боевыми военными песнями, наряду с призывами к защите отечества не смолкают и песни гражданской войны. Восстание в Вандее создает благодарную почву для проявления как монархических, так и республиканских чувств. Беспощадная борьба, завязавшаяся на этом внутреннем фронте, находит яркое отражение в песнях, посвященных отдельным моментам и отдельным деятелям восстания. И если вандейцы пели:

Вандея, для защиты
Смыкай свои полки
И Францию храни ты,
А нацию — в штыки!..
Шаррет здесь шпагу точит,
А в сердце — месть.
Так грянем что есть мочи:
«Хвала и честь!» **

* «Chanson patriotique». Перев. А. Кочеткова.

** «Chanson de Charette». Перев. Л. Осгроумова.

то республиканцы отвечали на это не менее энергично:

Ликуйте, паприоты!
Пришли из Майнца роты,
И будет от злодея
Очищена Вандея.
Разбойникам грозою
Пройдем мы над странюю.
Чтоб вновь не начинать,
Пощады не давать*.

Революция 31 мая—2 июня 1793 года, установившая диктатуру якобинцев, положила начало периоду, отличавшемуся исключительно драматическим содержанием. Этот героический период революции, ознаменованный огромным революционным подъемом в борьбе с внешними и внутренними врагами, богатый трагическими эпизодами, оставил множество песен. Основными мотивами были—защита отечества, подавление контр-революции, прославление побед над неприятелем, террористического режима, деятелей Горы, успехов революции. В этот период рождается знаменитая «Песнь отправления» Жозефа Шенье:

Победа нам с песней открыла заставы,
Свобода нас гордо ведет,
На севере, юге, час битвы и славы
Военная зоря поет... **

песнь, которая наравне с Марсельезой дожила до наших дней.

Гражданская война и эпоха террора порождает ряд песней, отличающихся беспощадным характером.

* «La carmagnole vendéenne». Перев. М. Травчетова

** «Le chant du départ». Перев. Вс. Рождественского

Чтоб вырвать с корнем род проклятый
 Изменников и палачей,
 Обрушим тяжкий меч расплаты
 На женщин их и на детей.
 Пусть не приводят нас в смущенье
 Их слезы, вопли, жалкий бред, —
 Сын за отца хранит отмщенье, —
 У мертвых сил для мести нет *.

Массовые казни врагов революции создают в некоторых кругах как бы особый культ гильотины. Появляется ряд песней, прославляющих гильотину, то в игривом стиле:

Краса-гильотина,
 Умея пленять,
 Влечет своей миной
 И мелочь и знать.
 Сеньерам и принцам
 Смеется она
 И машет гостинцем
 Потом буржуа... **

то в виде мрачного моления:

Святая гильотина, защитница патриотов, защити нас!
 Святая гильотина, ужас аристократов, защити нас!
 Машина любезная, сжался над нами!
 Машина изумительная, сжался над нами!
 Святая гильотина, от наших врагов избавь нас! ***

Песни славят поражение врагов революции:

Разбили мы львов в прах.
 Сдались нам франты в кружевах,
 И весь болотных жаб синклит
 Давно в сетях у нас сидит.

* «Couplets révolutionnaires». Перев. Вс. Рождественского.

** «Couplets chantés dans un repas fraternel». Перев. М. Травчетова.

*** «Litanie de la guillotine». Перев. А. Ольшевского,

Да здравствует республика
И тот урок,
Что получил Лион в свой срок! *

Они вспоминают своих героев; особенно много воспевалась смерть Марата, Шенье, Лепелетье, детей героев Бара и Виала и т. д.

Контр-революция также отвечала своими песнями, клеймя и проклиная революцию и ее деятелей:

Палачи из аббатства, уж скоро
Вашей радости кончится срок.
Зверь довел всю страну до позора,
Дева в зверя вонзила клинок.
Свобода! Свобода! Тебя почитаем мы свято.
Дрожите, тираны! Вы месть воскресили в сердцах!
Ненависть наша убила Марата;
Рядом с Брутом Кордэ мы поставим в веках **.

Так воспевал небезызвестный жирондист Лувэ де Куврэ террористический акт Шарлотты Кордэ, убийцы Марата.

Особым религиозно-мрачным колоритом отличались песни вандейцев, в стране которых гражданская война велась с большой жестокостью с обеих сторон.

Войско Христово,
Всех верных французов оплот,
С сердцем святого
На подвиг идет.
Скройся, Антихрист, из наших сердец!
Мы, за Христа принимая конец,
Снова и снова
Заслужим венец.

.

* «La reddition de la ville de Lyon». Перев. Вс. Рождественского.

** «Hymne de mort». Перев. Вс. Рождественского.

Дьявольской смрадною пастью рожден,
 Гнусный Конвент изрыгает закон;
 Пусть же гадюку раздавит Бурбон *.

Можно было бы думать, что в эпоху ожесточеннейшей борьбы класса против класса, республики против монархической Европы, вопросы быта и морали ступшевываются перед грандиозными политическими задачами дня.

Но в действительности мы видим богатый расцвет песней, прославляющих новый быт с его «тыканьем», древами свободы, красными колпаками, «братскими» обедами, женитьбами священников, максимумом, новым календарем, республиканскими добродетелями и т. п. Песни усердно занимаются вопросами республиканской морали, любви, брака, семейных чувств и т. д. При этом—черта, характерная для буржуазного и мелкобуржуазного революционизма—имеет место чрезмерное обилие исторической фразеологии. Пестрят слова: отечество, братство, равенство, свобода, добродетель, человечество. Они говорят об уничтожении рабства, о верховном существе, о бессмертии в веках, о славной доле павших на поле брани. Словом, революционная демократия создала своими песнями целую систему политического и морального просвещения народа. Особенно сильно это сказывалось в гимнах, исполнявшихся во время народных празднеств. Когда сотни тысяч людей, собравшихся на Марсовом поле вокруг «алтара отечества», грандиозным хором повторяли слова гимна:

Бог городов и сел, народа и царей,
 Кальвина, Лютера, Израиля! О, боже,
 Которого чтит Гебр и, как у алтарей,

* «Chanson nouvelle». Перев. Л. Остроумова.

Взывает к небесам, у горных став подножий.
Здесь Франция сыны, защитники страны,
Перед твоим везде присутствующим взором
Сошлись, в глазах своих, как и в твоих, равны,
И счастья своего начало славят хором... *

когда, говорим мы, они исполняли эти торжественные строфы, они получали, выражаясь современным языком, исключительную «зарядку», о чем имеется достаточно количество показаний участников этих церемоний.

Падение Робеспьера и наступление термидорианской реакции развязало языки всем контр-революционным элементам. Песни, прославлявшие гибель Робеспьера и его сторонников, песни против террористов, против якобинцев плодились, словно грибы.

Робеспьер был осужден,
Гильотине обречен.
Вел он нас своею речью
К нищете, к бесчеловечью.
Приговор наш — по всему —
Не поправился ему.

—
Робеспьер, как только мог,
Всю страну к лишению влек
И хотел свернуть нам шею.
Но, хотя всеильным слыл,
Укорочен нами был **.

В таком же «легком» стиле воспевались казни и других деятелей революции. Были отмечены песнями и дни крупных народных волнений и восстаний 12 жерминаля и 1 прериала III года и 13 вандемьера IV года, причем, конечно, все симпатии песнеслагателей были

* «Chant du 14 juillet». Перев. Д. С.

** «Complot tramé par Robespierre et ses complices». Перев. Вс. Рождественского,

не на стороне народных низов. По адресу последних теперь звучат уже не славословия, а только ругательства.

Вы, сеятели анархии,
Кем сила террора цвела,
Мечтали вы поля родные
Повергнуть вновь в пучину зла.
Но вам надежда изменила,
Во прахе монпансьяр лежат:
Сената молния сразила
Тебя, бессовестный бандит *.

Теперь уже можно было не стесняться именовать «бандитами» тех, кто на своих плечах вынес всю тяжесть революции, а ведь еще недавно все наперерыв старались превозносить добродетели, мужество, ум, таланты и прочие качества санкюлотов. Появляется пресловутый гимн «Пробуждение народа», одно время пытавшийся даже вытеснить Марсельезу. Его строфы неизменно встречались при исполнении в театрах бурными рукоплесканиями «золотой» молодежи и роулистов. Когда певец исполнял куплет:

Зачем же медлишь ты сегодня,
Самовластительный народ?
Низвергни в пекло преисподней
Всех тех, кто кровь людскую пьет.
Жрецам насилия — воздаянье!
Мы истребим их гнусный род;
Дели со мной негодование.
Злодей пощады не найдет! **

то обычно в театре подымались крики: «Смерть якобинцам! Смерть террористам!»—и дело заканчивалось свалкой.

* «La journée du 12 Germinal, an III». Перев. Л. Остроумова.

** «Le réveil du Peuple contre les Terroristes». Перев. Вс. Рождественского.

Иные времена—иные песни. Впрочем, чем дальше, тем меньше становится песней, заслуживающих внимания. Эпоха Директории высмеивается и вышучивается всеми, но только песнь бабувистов резко отличается от обычного творчества продажных писак. В ней говорится об отчаянии, охватившем трудящихся предместий после наступления реакции, о необходимости нового восстания во имя равенства, только в ней слышится голос искреннего революционера:

Нужду безмерную узнав,
Народ, лишенный всяких прав,
В смирении страдает;
И одновременно богач,
Кого забыл тогда палач,
Кошель свой набивает.

Я ожидаю лишь тюрьму
Оплатой пенью моему,
Вот что меня терзает;
Но услышавший песню пусть
Ее запомнит наизусть.

Мысль эта утешает *.

Еще некоторое время песни продолжают воспевать победы Бонапарта, а с 1798 года они почти совершенно перестают интересоваться политическими событиями; их мало, и они посвящены главным образом официальным торжествам. Брюмеровский переворот Бонапарта вызвал несколько песней:

Над родиною Бонапарте
Восстал как благородный друг.
Смирив разногласье партий,
Навел он на врагов испуг.

* «Chanson nouvelle à l'usage des faubourgs». Перев. М. Травчетовъ.

Французы влюблены без меры
 В того, кто их хранит, любя,
 И в восемнадцатом брюмере
 Узрели счастье для себя*.

Этими виршами ставился крест над революцией. Но не умер творческий подъем масс, побуждавший их изливать свои чувства радости или негодования, восторга или мести в куплетах. Творчество Беранже, возникшее на этой революционной песенной традиции, в лучшей своей части было ее достойным продолжением.

III

Уже из этого беглого очерка видно, каков характер песней революции и какое значение они имеют для изучения эпохи. Это—ценнейший исторический материал, в большинстве случаев очень несовершенный по форме. Последнее не должно удивлять. Крупных талантов вообще немного, а изложение гражданских чувств в рифмованных строках, особенно, если оно рассчитано на невзыскательную аудиторию, не требует большого таланта. Во Франции, как мы видели выше, политические песни имели свою историческую давность, их форма была достаточно однообразна, у них был свой канон, свои правила, и песни революции, за немногими исключениями, следовали этим правилам. Содержание их было новое, а форма оставалась старой. В этом отношении правильно замечание Олара, который говорит, что главным недостатком всей поэзии

* «Le 18 brumaire». Перев. М. Травчетова. Интересно отметить, что солдаты, помогавшие Бонапарту, настолько не понимали сущности совершившегося события, что, возвращаясь из Сен-Клу в Париж, пели революционные песни. См. Ва в д а л ь. «Возвышение Бонапарта», т. I, стр. 411—412

революционного периода было противоречие между формой и содержанием. «Революция,—говорит он,—завершившаяся в идеях, совершалась в делах, но еще не начиналась в литературных формах. Новые широкие идеи старались облачать в старый классический костюм, изношенный и узкий. Взятие Бастилии и культ богини Разума воспевали размерами и стилем автора «Береники» (Расина). Наши отцы не чувствовали этого контраста. Они не видели ни этих париков, ни этого маскарада и воспринимали только поэзию, скрывавшуюся за этими формами и жившую в их сердцах. А мы, увы! усматриваем в этой революционной поэзии только контраст между содержанием, и почти вся эта поэзия не существует для нас»*. Конечно, Олар имеет в виду главным образом творчество более крупных поэтов, вроде Шенье, Лебрэна и т. п., но в общем его замечание остается правильным и для всей массы песенного материала, оставленного революцией. По форме огромное большинство песней революции ничем не отличается от аналогичных произведений предшествующих эпох—те же однообразные размеры, те же излюбленные мотивы, на которые пелись песни и до революции. Счастливым исключением явились такие песни, как Карманьола, «Ça ira!» или Марсельеза, захватывавшие слушателя и своим содержанием и новой формой, в которую оно было облечено. Если в Марсельезе слышался мощный призыв к борьбе с внешними врагами и как бы звучало торжественное победоносное шествие революционных армий, то в Карманьоле гремела еще не смолкшая пальба по Тюильри, в ней великолепно отражалось боевое настроение ре-

* Santhonax. «La poésie historique pendant la Révolution». «La Justice», 12 avril 1886 («Lundis révolutionnaires»).

волюционной толпы, только что одержавшей верх над своим исконным врагом. А «Ça ira!» отлично передавала настроения веселящегося народа, дружно работающего над одним общим делом. Но, повторяем, эти песни были только счастливым исключением из общего правила. Однако тут же следует отметить, что большинство песней было понятно широким народным массам. Они были написаны просто, иногда даже слишком примитивно, но они доходили до сознания тех, кому предназначались; их идеи были общедоступны, их лозунги были лозунгами дня и поэтому особенно легко усваивались *. Они были своеобразной политграмотой, средством агитации и пропаганды. Это было отлично понято и оценено всеми борзшимися партиями, и каждая из них пользовалась песнями для пропаганды своих взглядов. На этой точке зрения стояли и сами песнеслагатели, и даже представители правительственной власти.

Один из самых плодовитых бардов эпохи революции Т. Руссо в послесловии к своему сборнику «Песни патриотизма» дает следующее объяснение значения своих песней: «Под легкой оболочкой песни я даю всем классам граждан просвещение, тем более ценное для них, что оно, не отвлекая их от обычных занятий,

* Lenient в своем двухтомном труде «La poésie patriotique en France dans les temps modernes» (1894) совершенно отрицает значение революционных песен: «Вопли убийц и завывания санкюлотов, обучившихся в школе Дядюшки Дюшена, не имеют ничего общего с национальной поэзией: это — крик хищного животного, а не гражданина». И далее, он считает заслуживающими внимания только сатирическую оду А. Шенье о швейцарцах, Колло д'Эрбуа строфы, посвященные Шарлотте Кордэ, и гимн Делиля «О бессмертии души», т. е. произведения, глубоко реакционные по содержанию (т. I, Введение, стр. 13—14).

лишь еще сильнее воодушевляет их песнями чистыми, доступными для понимания, повсюду повторяемыми, песнями Гражданственности и Патриотизма. Не все имеют возможность читать большие сочинения, не все достаточно просвещены, чтобы обдумать и оценить их; но нет ни одного человека, каково бы ни было положение его, который не имел бы времени выучить куплеты, не был бы достаточно умен, чтобы воспринять их идеи и путем повторения запечатлеть их у себя в памяти... Наши молодые граждане, которым я посвящаю мой труд, почерпнут в географических, мифологических, исторических и критических примечаниях, сопровождающих каждую песнь, эти первоначальные сведения, так что впредь будет стыдно простому ремесленнику или рабочему не знать их»*.

В этих словах вполне определенно выясняется просветительная роль песней, их политическое значение для распространения гражданских и патриотических идей и даже их педагогическая роль в деле насаждения географических, мифологических и исторических знаний.

Руссо встретил горячую поддержку у такого авторитетного по тем временам учреждения, как Якобинский клуб. В протоколах заседаний клуба сохранилась следующая запись: «Мы рекомендуем вам периодическое издание, стоящее недорого для подписчиков, которое может быть очень полезно для дела патриотизма. Оно озаглавлено: «Песни патриотизма, с примечаниями; посвящается гражданской молодежи». Т. Руссо, французский гражданин. Подписка на этот труд—7 ливров 10 су—принимается у автора (следует адрес). Этот

* Th. Rousseau. «Les chants du patriotisme», 1792, р. 181 и сл.

автор, уже имевший успех своими гражданскими и патриотическими Noë'l'ями, заслуживает поощрения благодаря полезному роду искусства, которому он себя посвящает»*.

В этих же протоколах сохранилось письмо, адресованное тому же Руссо Комитетом корреспонденции друзей конституции. Оно тоже очень характерно:

«Друг и брат,

Мы получили вашу первую песню, озаглавленную «Народные представители образуют Национальное собрание».

Мы просим вас сделать это произведение возможно более доступным и распространить его по департаментам, которым мы не перестанем его рекомендовать. Ваши стихи, напоминаящие всем гражданам наиболее счастливые эпохи французской революции, должны быть встречены с восторгом; они воспламят старцев, они удвоят мужество молодежи; они приятно просветят детей. Мы ждем вашей второй песни с нетерпением, равным чувству братства, с которым мы пребываем.

Члены Комитета корреспонденции

(Следуют подписи.)

Париж, 14 марта 1792 г., год Свободы IV**.

Понятно, Руссо использовал в своих интересах это послание и напечатал его в послесловии к своему сборнику песен.

Еще более важное значение пропаганде песен придавали другие певцы. Так, например, в газете «Парижская хроника» от 29 октября 1792 года была

* A. Aulard. «La Société des Jacobins», t. III, p. 356 (Séance du mardi 24 janvier 1792). Следует отметить, что Руссо был архивариусом Клуба якобинцев.

** Ibidem, p. 434.

напечатана за подписью «Руссель» статья «Chansons, chansons» («Песни, песни»), где говорилось следующее:

«Простые пружины часто приводят в движение большие машины, а поражающие мир события почти всегда имеют причины, на которых едва благоволит остановиться внимание.

Все народы любят пение; не все поют одинаково хорошо, но поют все, и на всех пение производит впечатление. У каннибала имеются песни, которые возбуждают его разрывать трепещущие члены побежденного врага; а у последнего есть песни, помогающие ему стойко переносить мучения и издеваться над палачами.

У всех дикарей имеются боевые песни и песни, выражающие удовольствие. Пение принадлежит всем эпохам, всем местам, всем временам года.

Если Италия—страна пения, то Франция—страна песен, а во Франции их поют лучше, чем в Италии; я обращусь с просьбой к генералу Ансельму написать мне несколько слов по этому поводу из Неаполя или Рима или из другого места*.

Итак, я предлагаю присоединить наши песни к нашим пушкам; первые будут направлены против хижинок, тогда как вторые—против замков.

Каждый знает, что знатным надо воздавать почет; поэтому на канониров будет возложен первый визит; а так как он никогда не будет очень долгов, то до близости от них будут следовать певцы. Они станут прославлять наши законы, нашу свободу; они внушат к ней любовь народам, пораженным тем, что держат произносить ее имя.

* Генерал Ансельм в конце сентября 1792 г. занял Ниццу и мечтал поднять революцию в Италии.

Песни окажут более быстрое воздействие, чем писания, будут их предтечами и рассыпят искры просвещения.

Песня марсельцев* одновременно просвещает, вдохновляет и радует; ее одной было бы достаточно для покорения всей брабантской молодежи.

Из этого я делаю вывод, что к каждой из наших армий надо присоединить по четыре певца. Совершить нашу революцию с песнями—это почти верное средство помешать ей закончиться песнями**.

Здесь вполне определенно ставился вопрос о значении песней как средства пропаганды новых идей. Само революционное правительство отлично понимало политико-просветительное значение песней. Комитет общественного спасения, несмотря на свою колоссальную загруженность работой по обороне страны, находил время обратить внимание и на этот вопрос.

Так, например, мы имеем от 7 флореаля II года (16 мая 1794 г.) следующий интересный документ:

«Комитет общественного спасения обращается к поэтам с призывом прославлять важнейшие события Революции, сочинять патриотические гимны и стихотворения, республиканские драмы, оглашать исторические деяния воинов свободы, случаи особой храбрости и преданности республиканцев и победы, одержанные республиканскими армиями.

Подписано: Барер, Приер, Карно, Бильо, Кутон»***.

* Марсельеза.

** «Chronique de Paris», 29 octobre 1792, № 309. Интересно отметить, что уже в декабре этого года в Бельгию были отправлены некоторые оперные певцы, которые, разъезжая по разным местам, исполняли гимны победы и Марсельезу.

*** Цит. по Р. Роллану — «Народный театр», Собр. соч., т. XII, 1932, стр. 110.

Еще в 1799 году, незадолго до переворота 18 брюмера, комиссар Директории в Пьерепфитте, высказывая свое мнение по поводу празднования декад, писал в министерство внутренних дел следующее:

«Католические праздники были действительно народными в том смысле, что народ в них был актером. Неужели будет так трудно заменить *Credo* («Верую») гимнами со знакомыми или легкими мотивами, которые можно повторять хором?

У католицизма были свои покровители, всевозможные святые. Почему нам не прославлять социальные добродетели? Дружба, любовь к труду, сыновняя почтительность вполне стоят св. Криспина или Панкратия. У нас имеются почетнейшие мученики свободы, герои, мужественно умершие на поле битвы, защищая ее.

Многие из наших декад посвящены национальным празднествам. Другие декады могут быть посвящены республиканским добродетелям или людям, которые особенно проявили их для общего блага. Председатель декадного торжества должен был бы в простой и краткой речи напомнить народу о специальном объекте декадного собрания.

Гимн Вечному, повторенный народом, стоящим с обнаженными головами, в виде благодарности за благодеяния свободы, говорил бы о нашей вере врагам республики, которые воздают нам печальную честь, считая нас атеистами.

Парочка гимнов нарушат монотонность чтения законов и декадного бюллетеня; два скрипача Коммуны дадут вместе с тоном возможность певцам оправиться. Ода свободе, в которую я желал бы вставить вышпенную строфу Марсельезы, давшую республике

десяток выигранных сражений, закончила бы торжественную и трогательную церемонию»*.

Правительство не только поддерживало отдельных авторов и издания их песней, но и устраивало конкурсы поэтов и музыкантов. Комитет народного просвещения настаивал в январе 1794 года перед Комитетом общественного спасения о необходимости отпуска специальных средств на издание песней с тем, чтобы «распространять общественный дух и подогревать патриотизм». И Комитет общественного спасения отпустил артистам-музыкантам (композиторам) национальной гвардии 33 тысячи ливров на ежемесячное издание в течение года 550 экземпляров нот для музыкального исполнения на национальных праздниках. Комитет рассматривал это предприятие как «важную меру с революционной точки зрения», так как она клонила к «поднятию общественного духа», к возбуждению смелости защитников отечества, к тому, чтобы придать гражданским праздникам «одно из средств, весьма сильно влияющих на их моральное воздействие». И в дальнейшем правительство всячески поощряло личную инициативу патриотических авторов, подписывалось само на их произведения, рекомендовало их своим подведомственным учреждениям, отпускало средства на издание различных песней, предназначенных для гражданских праздников, и т. д.**.

Даже Бонапарт еще вечером 18 брюмера говорил писателям: «Мы хотим завоевать мир,—это надо объявлять во всех театрах, публиковать во всех

* A. Schmidt. «Tableaux de la Révolution Française», t. III, p. 370.

** См. об этом подробное изложение у С. Pierre. «Les hymnes et les chansons de la Révolution», p. 31 и сл.

газетах, повторять в прозе, в стихах, даже в песнях» *.

Значение песней как средства пропаганды было оценено, конечно, не одними сторонниками нового строя. Контр-революция имела в песнях такое же острое оружие, как и революция. Почти с первых дней революции сторонники старого режима повели яростную кампанию против завоеваний революции, подвергая осмеянию все, что укладывалось в рифмованные строки: идеи, люди, их дела и поступки, самая их наружность—все подвергалось выпучиванию и осмеянию. Газеты вроде «Actes des Apôtres» не стеснялись печатать настолько грубые и циничные водевили и песни, что они ничем не уступали произведениям самых несдержанных уличных певцов, а часто даже превосходили их своим откровенным цинизмом**. Мы уже упоминали выше, что, когда судили Людовика XVI, монархисты усилили агитацию в его защиту и деятельно распространяли романс «Людовик XVI к французам». Олар отмечает, что «этот романс был роздан в тысячах экземплярах и публично пелся в Париже в тот самый день, когда была произнесена защитительная речь короля. Он сделался очень популярным среди роялистских повстанцев, вандейцев и эмигрантов»***. Распространение контр-революционных песен в северной армии было так велико, что

* А. Вандаль. «Возвышение Бонапарта», т. I, стр. 291

** Н. Avenel в своей «Histoire de la presse Française» (1900) отмечает, что Ривароль и его сотрудники, «эти благородные защитники трона и алтаря, собирали всю грязь из сточных канав, чтобы запачкать своих противников» (стр. 62).

*** См. его статью «Le royalisme à l'armée du Nord en juin 1793» в журнале «La Révolution Française», t. 22, 1892.

правительству пришлось прибегнуть к экстренным мерам воздействия. «Быть может,—говорит Олар,—то обстоятельство, что этот романс («Людовик XVI к французам») распевался в армии, стоящей лицом к лицу с австрийцами, пришедшими водворять Бурбонов, выясняет ту фанатическую суровость, с которой Конвент во времена террора очищал армию от офицеров»*.

Среди вандейских повстанцев были в ходу песни, восхвалявшие подвиги «католической армии», т. е. армии повстанцев, отдельных ее руководителей, особенно Шаретта, и песни, направленные против революции и ее деятелей. Идеология их была крайне проста и несложна: нужно восстановить монарха на его прадедовском престоле, восстановить попорченную веру, истребить республиканцев, так как республика—дело дьявола и его приспешников, и тогда все наладится. Наряду с этими песнями усиленно распространялись духовенством и католические песнопения, в которых в той или иной форме высказывалось осуждение республики и республиканцев.

Словом, песнь как средство агитации и пропаганды была использована всеми партиями, так как все признавали ее значение и влияние на народные массы.

IV

Где же и при каких условиях исполнялись эти песни и каким путем они распространялись?

Уже из вышесказанного ясно, что в распространении песней значительную роль играла личная инициатива авторов или издателей наравне с инициативой общественной и правительственной. Самыми усерд-

* Ibidem.

ными распространителями и исполнителями своих же песней были уличные певцы, которые зарабатывали деньги, собирая мзду со слушателей и тут же на месте продавая им свои песни. Обычно это были листовки в две или четыре странички, отпечатанные на плохой серой бумаге, чаще всего без нот, но с указанием мотива, на который должна исполняться песнь.

Очень часто песни печатались и под лубочными картинками, изображавшими наиболее яркие моменты революции, под портретами деятелей революции, на веерах, даже на посуде. Лубки охотно раскупались малограмотным населением, особенно крестьянами, и песни таким образом удавалось проникать в самые глухие провинциальные углы. Мы уже не говорим о всевозможных альманахах и сборниках песней, которых за время революции было выпущено очень большое количество и которые издавались как сторонниками, так и противниками революции с соответствующим подбором материала.

Песни исполнялись везде, где могли собираться люди,—на улицах и площадях, в школах и мастерских, в клубах и салонах, в театрах и церквях, в тюрьмах и на празднествах, в самом Конвенте и у подножия эшафота. Пели за работой и во время отдыха, за братскими трапезами и во время манифестаций, погребальных процессий, торжественных заседаний. Пели, кажется, при каждом радостном или печальном событии жизни. И глубоко ошибается Лагарп, утверждая, что в эпоху террора не пели песней: как раз на этот период падает не менее одной трети всех дошедших до нас песней. «Веселость,—говорит К. Пьер,—редко покидает француза даже в самых трагических обстоятельствах», и в данном случае это не является преувеличением.

Чаще всего, конечно, эти песни исполнялись на улице бродячими певцами. Так велось с давних времен. Большой популярностью пользовался Новый мост (Pont-Neuf), заново построенный в начале XVII столетия и ставший излюбленным местом прогулок и развлечений парижан. Там были лавки и театры вроде театра «знаменитого шарлатана», как он сам себя именовал, Табарена; там всегда было огромное стечение народа, и уличные певцы, располагаясь у подножия конного памятника Генриха IV, поставленного в 1635 году, собирали вокруг себя публику и продавали свои произведения. Эта традиция не нарушалась со времен певца Филиппа Савояра (Philippe le Savoyard), сборник песней которого сохранился от 1665 года, вплоть до революционной эпохи, когда певец Ладрэ исполнял Карманьолу, а Анж Питу свои контр-революционные песни, за которые и поплатился в конце концов.

Насколько уличная толпа любила слушать этих певцов, показывают многочисленные исторические свидетельства. Так, в газете «Парижская хроника» под датой 18 мая 1790 года, мы читаем:

«На улицах поются песни, понятные народу и составленные в духе Революции. Случай привел нас услышать некоторые из них с удачно составленными куплетами.

Все эти куплеты выслушивались народом с большим удовольствием так же, как и восхваление короля, благоразумного Лафайета, доброго Байи и Национального собрания; и мы с удовольствием видели, что этот род увеселения, столь часто применявшийся старой полицией для развлечения или ослепления народа, получил похвальное назначение и служит полезной цели—просвещению народа и

предохранению его от воздействия суеверия и фанатизма»*.

В той же газете от 19 марта 1791 года воспроизводится песнь, которая исполнялась на Новом мосту «к великому удовольствию всех присутствующих и певцов, имевших значительную выручку». Там же, под датой 17 февраля 1792 года, говорится: «Я проходил вчера вечером по Меняльному мосту (Pont-aux-changes) и увидел человека на подмостках, окруженного большой толпой зрителей всякого возраста и пола; это был Бельроз (Bellerose), который каждый вечер даром развлекает публику игрою на скрипке и недурно поет известные песенки и патриотические куплеты»**.

Печатаемая «Патриотическую песню» Аристида Валькура, исполнявшуюся 7 июля 1793 года на заседании Якобинского клуба, «Парижская хроника» считает нужным сделать к ней следующее примечание: «Вот песни, которые вновь появляются с какой-то яростью. Данная песня в настоящий момент в большом ходу. Надо иметь большой запас веселости, чтобы петь в такое время. Но так как поют все, то надо действовать в унисон»***.

Повидимому, уличные певцы собирали порядочные деньги за исполнение своих произведений, ибо не все были столь бескорытны, как Бельроз. Мерсье в своей книге о новом Париже считает нужным протестовать против эксплуатации народного патриотизма уличными певцами:

«Певцы на набережных,—пишет он,—продолжают взимать дань с кошельков парижан. Народ, который

* «Chronique de Paris», 18 mai 1790, № 138.

** «Chronique de Paris», 17 février 1792, № 48.

*** Цитирую по С. Pierre, p. 3.

всегда до глупости полон идолопоклонства и энтузиазма, слушает, как ревут сильным или пронзительным голосом песню о Фавре, о дорогих ему Байн и Лафайете, и он не может не порыться у себя в кармане и не пожертвовать двух су, чтобы приобрести плоскую рапсодию, содержащую самые пошлые и смешные восхваления двух наиболее значительных личностей столицы»*.

Полиция обычно не мешала уличным певцам исполнять их произведения и вмешивалась только тогда, когда песни носили антиправительственный характер. Впрочем, подобных случаев было немало, особенно во времена Директории, когда некоторые певцы не церемонились в выражениях по адресу власти, задавшей целью ликвидировать завоевания революции. Придираясь к тому, что исполнители песен вызывали большое скопление публики, чем затрудняли движение пешеходов и экипажей, правительство Директории в 1796 году издало полицейское распоряжение, запрещающее певцам останавливаться в особо людных местах, на мостах и набережных. Певцы должны были запасаться особыми разрешениями и петь только в специально указанных местах. Но это постановление было уже одним из симптомов наступления реакции.

В течение же всего революционного периода свободное исполнение песней происходило повсеместно. И даже в январе 1796 года один полицейский, арестовавший уличного певца, получил внушение от своего комиссара с предложением «уважать личную свободу граждан». Впрочем, это «уважение» к личной свободе касалось только тех певцов, которые исполняли произведения, удобные Директории. В других случаях

* L. Mercier. «Lenouveau tableau de Paris», 1790, p. 139.

они не стеснялись арестовывать певцов и разгонять публику*.

Иногда они бывали вынуждены преследовать и контр-революционных певцов. Так было с известным Анжем Питу. О нем упомянутый выше Мерсье рассказывает следующее: «Что касается уличных певцов, то трудно себе представить, до какой степени они злоупотребляли своей привилегией. Один из них, по имени Питу, создал себе такую многочисленную аудиторию, что полиция не осмеливалась мешать ему при исполнении им песен. Всякий раз, как он упоминал о Республике, он подносил руку к своему заду. Он был арестован. Препровожденный в уголовный трибунал, он заявил общественному обвинителю, что инкриминируемым ему жестом он только искал свою табакерку. После того как он двадцать два раза побывал в тюрьме за свои куплеты, он был, наконец, приговорен к ссылке на поселение»**.

Резолюция суда по его делу настолько характерна для всей обстановки, что мы позволяем себе привести ее почти полностью:

«Обвиняемый Питу в течение нескольких лет поет и раздает в общественных местах песни, большинство коих сочинено им самим и содержит нападки на республику и существующее правительство. Влияние на народные умы этого певца, который приобрел в Париже большую известность, так велико, что на всех

* См. С. Pierre, p. 3 и сл.

** «Le Nouveau Paris», par citoyen Mercier, vol. 2, ch. XL, pp. 71—72. Paris, 10 frimaire, an VII. Анж Питу был арестован 3 фруктидора V года (30 августа 1797 г.) и приговорен судом 9 брюмера VI года (31 октября 1798 г.) к смертной казни, замененной ссылкой в Кайенну, где он и пробыл 6 лет.

площадах и во всех местах, где он выступает, вокруг него немедленно собирается многочисленный круг слушателей, которые не расходятся и, поддаваясь энтузиазму и намекам, внушаемым этим певцом его жестами, то приветствуют его рукоплесканиями, то высмеивают отдельных прохожих, на которых им указывает Питу. В центральное бюро полиции много раз поступали на него жалобы; от министра полиции поступали многочисленные заявления, имевшие результатом 16 арестов Питу, что признает и он сам и чем он, повидимому, гордится. Он был даже привлечен к суду, но присяжные вынесли оправдательный вердикт 24 жерминаля IV года. В начале V года центральное бюро полиции отняло у него разрешение выступать с песнями... Питу старался ежедневно петь куплеты и выступать с речами, направленными против законодательного корпуса, против Республики, республиканцев, Директории и против всех конституционных властей. Он сопровождал свои песни и комментарии непристойными жестами, не переставая прикладывать руку к своему заду, когда он говорил о Республике и республиканцах*.

Документ этот не нуждается в комментариях. Вообще после 9 термидора уличные певцы позволяли себе исполнять произведения с резкими выпадами против правительства и встречали живое одобрение у окружающих. Очень часто это были роялстские песни, пользовавшиеся популярностью у определенных слоев населения, особенно у торговцев центрального рынка. В донесениях полицейских агентов неоднократно отмечалось, что в произведениях уличных певцов встре-

* Цитирую по А. Savine — «Les Déportés de Fructidor», «Journal d'Ange Pitou». Paris, 1909, p. 21.

чаются резкие нападки на республику и правительство, причем эти нападки шли и справа и слева. И, например, в апреле 1796 года конные патрули разгоняли на Меньальном мосту группы рабочих, слушавших противоправительственные песни. В 1797 и 1798 годах был арестован ряд певцов за исполнение антиправительственных песней, и министр полиции дал специальный приказ, предписывающий полиции следить, как певцы исполняют свои куплеты. То же самое подтверждалось и в 1799 году*.

Великолепным путем для внедрения патриотических песней и гимнов в самую народную гущу служили всевозможные народные празднества и зрелища. Революционные празднества обычно отличались большим подъемом, собирали десятки и сотни тысяч зрителей, имели тысячи исполнителей, певцов и музыкантов. В них вовлекались самые широкие народные массы; учителя Консерватории заранее ходили по секциям и разучивали со всеми желающими гимны, которые должны были исполняться всенародным хором. Это были грандиозные торжества, интересно задуманные и красиво оформленные, сильно действовавшие на чувства и воображение участников и зрителей. Тут невольно запоминались гимны и песни, исполнявшиеся нередко всеми присутствовавшими. Не менее сильно должны были влиять и торжественные погребения героев революции, когда в похоронных процессиях сотни тысяч людей, идя за прахом Мирабо или Марата, исполняли под аккомпанемент оркестров погребальные гимны и боевые песни революции. Талантливые художники вроде Давида и музыканты, как Госсек, Мегюль, Гретри, Керубини, Лесюэр, Да-

* См. у С. Pierre, pp. 3—5.

лейрак и другие, принимая самое активное участие в художественном и музыкальном оформлении этих торжеств, подымали их на высоту, достойную великой эпохи. Праздник Федерации, похороны Мирабо, перенесение в Пантеон праха Вольтера, праздник Свободы, празднество в честь Разума, погребение Лепелетье-Сен-Фаржо и Марата, праздник триумфов Республики, праздник в честь Верховного существа, праздник в память 10 августа, погребение Гоша, праздник мучеников Свободы, праздники Юности, Старости, Супругов, Времен года, Земледелия и т. д.— все эти торжества сопровождались гимнами и песнями, проникавшими в самую гущу народных масс*.

В момент объявления «отечества в опасности», в дни 22 и 23 июля 1792 года, «молодых граждан приглашали записываться в солдаты, чтобы принять участие в защите французской территории. Были воздвигнуты амфитеатры на главных площадях и особенно на Новом мосту. Там, под открытым небом и при рукоплесканиях огромной толпы, каждый волонтер вписывал свое имя... Во время записи имен играла музыка, и толпа в унисон пела наиболее распространенные песни; таким образом, на восьмой и последний день этого торжества, народ, опьяненный самым горячим патриотизмом, следовал за молодыми новобранцами за парижские заставы, распевая эти воинственные песни, вплоть до таких песен, которые раньше ему были почти неизвестны»**.

* См. об этом у J. Tiersot — «Les fêtes et les chants de la Révolution Française», 1908. Есть русский перевод — «Песни и празднества Великой французской революции». Изд. 1918 и 1933 гг.

** А. Chalamel. «La musique officielle depuis 1789». «France Musicale», 27 juin 1841.

Исполнялись песни и во время всевозможных собраний, заседаний клубов, секций и т. п. В мемуарах аббата Мореллэ рассказывается, как он в эпоху террора в поисках свидетельства о благонадежности (*certificat de civisme*) попал на заседание Парижской коммуны и присутствовал там при приеме секций, представлявших своих новобранцев. «Каждая группа,— говорит он,— входила в зал заседаний с барабанным боем, а одна даже с военным оркестром. Оратор каждой секции клялся от имени своих товарищей очистить почву свободы от приспешников деспотов, низвергнуть всех тиранов с их тронов, скрепить их кровью здание свободы и т. п. На это председатель отвечал в том же тоне, затем он начинал петь резким голосом гимн марсельцев, который с жаром подхватывало все собрание. Таким образом пришлось выслушать гимн пять раз и столько же раз в виде интермедии «*Ça ira!*», сопровождаемое рукоплесканиями и топотом ног патриотов». Не дождавшись решения своей участи, Мореллэ пришел в другой раз и опять застал аналогичную картину. «Были речи секций, после них гимн марсельцев, а затем песни в несколько куплетов на мотивы комической оперы, которые исполнял председатель Любен, опоясанный трехцветным шарфом... Мне кажется, что председатель пел *solo* приблизительно три четверти часа в несколько приемов, а собрание дружно повторяло последний стих куплета. И вот, одна женщина, ожидавшая, как и я, сказала: «Занятно, что они все свое заседание проводят за пением; разве они собираются для этого!»*.

Рассказ, конечно, шаржирован, но значительная

* «Memoires de l'abbé Morellet sur le dix-huitième siècle et sur la Révolution», 1821, t. II, pp. 66, 90—91.

доля истины в нем есть. Мы ведь знаем, что даже сам Конвент не избег общей участи и не раз должен был выслушивать во время заседаний певцов, приходивших с разными депутациями, причем песни, исполнявшиеся ими, заносились в протоколы заседаний Конвента. В издании «*Muses Sancullotides*» («Санкюлотские музы») многие из этих песней перепечатаны с гордым упоминанием, что данная песнь «пропета перед лицом Конвента» такого-то числа. В конце концов Дантон поднял голос против заполнения официального издания литературой подобного рода и несколько позднее он же настоял на том, чтобы Конвент запретил исполнение этих песней во время своих заседаний*. А два месяца спустя, 16 марта 1794 года, при приеме Конвентом депутации секции Монблана, один из секционеров начал петь патриотическую песнь своего сочинения. Дантон прервал его и заявил: «Заседания и трибуна Конвента предназначены для торжественного и серьезного выражения пожеланий граждан; никто не может позволить себе превратить их в театральные подмостки. Во мне самом имеется большая доза французской жизнерадостности, и я надеюсь сохранить ее. Я полагаю, например, что мы должны заставить плясать наших врагов, но здесь мы должны с холодным спокойствием и достоинством

* Депутат Дюбушэ во время прений по этому вопросу говорил: «Ничто лучше гимнов и песен не может наэлектризовать республиканские души. Во время моей миссии в департаментах я был свидетелем того поразительного впечатления, которое они производят. Мы всегда заканчивали заседания административных собраний и народных обществ пением гимнов, и неизбежным результатом их был энтузиазм членов и зрителей». «*Gazette Nationale, ou Le Moniteur Universel*», № 117, septidi 27 nivôse, l'an II (16 janvier 1794 vieux style).

обсуждать великие нужды отечества, рассматривать их, призывать к бою со всеми тиранами, указывать и поражать предателей, идти в решительную атаку против всех клеветников. Я воздаю должное гражданским чувствам петиционеров, но я предлагаю, чтобы впредь перед лицом Конвента выслушивались только рассуждения в прозе»*.

Это предложение было принято, но, кажется, уже через неделю, 20 марта 1794 года, Конвенту снова пришлось выслушивать песни, когда ученики «школы для изготовления пушек, пороха и селитры» подносили Конвенту первые предметы своего изделия и исполняли песни в честь селитры. Таков был дух времени.

Одним из самых популярных мест для исполнения песней были театры, причем публика не только заставляла артистов исполнять те или иные куплеты, но и сама принимала горячее участие в пении их. К. Пьер указывает, что подобное нововведение началось по-видимому, с Марсельезы, которую исполнял сперва сам батальон марсельцев, а затем уже Комитет общественного спасения предписал в ноябре 1793 года исполнять ее на всех спектаклях, во время всех декад и всякий раз, как того потребует публика. Вслед за Марсельезой стали исполняться и другие песни. «Эти песни,—говорит К. Пьер,—были вначале исключительно патриотические или гражданские; одни касались войны с внешними врагами или волонтеров первого набора, они возбуждали умы против коалиции королей или изменников, или прославляли Гору и восхваляли французов; другие нападали на фанатизм или атеизм, провозглашали уничтожение рабства, славили память отдельных граждан, Ж.-Ж. Рус-

* *Ibidem*, № 177, 27 ventôse, Pan II (17 mars 1794).

со» и т. д. В течение 1794 года театральной публике часто сообщалось в куплетах какое-нибудь радостное событие, например, о победе при Флерюсе и Остенде, о взятии Брюсселя и т. п. Эти куплеты обычно исполнялись между двумя пьесами или в конце представления. Неизменными спутниками театральных представлений были Марсельеза и «Песнь отправления» Ж. Шенье. Когда в эпоху реакции появился пресловутый гимн «Пробуждение народа», полный нападок против террористов, то в театрах не раз происходили шумные манифестации и даже схватки с кровопролитием между патриотами и антитеррористами. А после запрещения исполнять «человеконенавистнический» гимн «Пробуждение народа», сторонники его всячески мешали исполнению Марсельезы, причем дело нередко заканчивалось драками. Было также предписано «задерживать всех, кто во время представления возбуждал народ к возмущению, нарушая порядок и общественное спокойствие». Но это, конечно, не мешало реакционным элементам покидать свои места во время исполнения патриотических песней или встречать эти песни свистом и воем. Постепенно же, с умиранием революций, пропадал и интерес к патриотическим песням. Полицейские наблюдатели в своих донесениях отмечают, что «в большинстве спектаклей гражданские песни встречаются холодно», или: «патриотическим песням всегда устраивается равнодушный прием». Марсельезе все же аплодируют*. Но чаще всего публика даже не замечает, если во время спектакля совершенно не исполняются патриотиче-

* См. об этом: С. Pierre, «Les Hymnes» etc. p. 9 и сл. А. Aulard, «La querelle de la «Marseillaise» et du «Réveil du peuple» («Etudes et Leçons», 3-e série), и книгу К. Державина. «Театр Французской революции», 1932.

ские песни*. Их пора прошла. Наступило правление Бонапарта, который желал заставить общество забыть о пережитом прошлом. При нем оставались только официальные гимны да льстивые куплеты, восхвалявшие «восстановителя спокойствия и порядка». Буржуазия в упоении от побед над внешними врагами, наживаясь на поставках на армию, выжимая пот и кровь из обессиленного пролетариата, стремилась укрепить свое положение и с распростертыми объятиями встретила империю, сулившую широкие возможности развитию капитала. Зачем же было тревожить себя воспоминаниями прошлого, зачем вызывать в памяти те дни, когда многие из сотрудников и помощников генерала Бонапарта, позднее императора Наполеона I, были еще ярыми республиканцами и даже террористами? Песнь ушла с официальной арены; ее изгнали и с улиц специальным указом, запрещающим уличным певцам возбуждать публику напоминанием о прошлых «несчастиях»**. Она скрылась в подполье и там она пережила и наполеоновскую империю, и реставрацию Бурбонов, и царствование Людовика-Филиппа, и Наполеона III. И всякий раз, когда вновь подымалась революционная волна, когда начинались боевые выступления пролетариата, будь то в революцию 1830 года, 1848 года или 1871 года, революционная песнь вновь звучала на улице и на собраниях. Но, за исключением Марсельезы и «Ça ira!», это были уже новые песни, на смену которым ныне пришел «Интернационал», тоже созданный во Франции.

* A. Schmidt. «Tableaux de la Révolution Française», т. III. Ряд мест под рубрикой «Spectacles».

** Инструкция полиции от 4 сентября 1800 г.

V

Кто же были авторы этих песней? Из каких классов или сословий вышли они? Как смотрели они на свою литературную деятельность?

В былые времена, когда сатирические песни метили главным образом во власть имущих, у творцов их было естественное желание скрыть свое авторство. Это происходило, конечно, вовсе не из ложной скромности. Когда сочинитель куплетов заявлял, что «автор этого водевиля никогда не скажет своего имени», то он имел достаточно оснований для своей осторожности. Гнев раздраженного короля или его приближенных грозил слишком тяжелыми последствиями, поэтому гораздо спокойнее было не подписывать свое творение или укрыться за псевдонимом. «Тот, кто сочинил эту песню, не рискнет назвать себя»,—говорится в одной песенке, а в другой еще более выразительно повторяется: «Автор этого водевиля не скажет, кто он такой, потому что ему нравится смотреть на Бастилию издалека». И это были не пустые слова. Когда подобный автор, распротраивая свое произведение в тесном кругу приятелей, снабжал его примечаниями: «Не показывайте этих песен, иначе вы мне причините крупную неприятность», он знал из личного опыта или из случаев с другими незадачливыми авторами, как рискованно раздражать сильных мира. Сент-Аман, Руссо и молодой Вольтер были избиты палками за свои слишком смелые остроты над сановными особами. Кардинал Флери отправлял творцов сатирических песен в ссылку и на галеры. Нередко они попадали и в Бастилию, притом на долгие сроки. Правда, в некоторых случаях сиденье в Бастилии служило для малоизвестного

автора своего рода рекламой, делало его «известностью», но все же любителей таких сильных средств для достижения славы было немного.

Еще более суровому возмездию подвергались типографы, книготорговцы и просто продавцы запретных песней. Им грозила пытка и смертная казнь в случае, если будет установлено, что они действительно печатали и распространяли подобные произведения. Еще при Людовике XV в 1757 году был издан приказ, гласивший следующее: «Если кто-либо напечатает произведение, нападающее на религию или стремящееся подорвать нашу власть, или нарушить порядок и спокойствие в нашем государстве, то книжники, продавцы и иные лица, распространяющие их в обществе, подлежат смертной казни». Канцлер Мопу грозил тюремным заключением даже читателям, хранящим у себя антиправительственные песни*.

Все это показывает, насколько правы были лица, принимавшие меры предосторожности при составлении и распространении запретных песен. С наступлением революции положение изменилось коренным образом. Революция, давшая вначале почти неограниченную свободу печати, позволила проявить свои «поэтические» таланты огромному количеству лиц. К. Пьер в своем капитальном труде**, посвященном обзору источников и классификации песен революции, насчитывает около 580 авторов, составлявших песни на революционные темы. Один из них (Т. Руссо) написал до 100 песней, двое других (Ладрэ

* См. об этом «Chansonnier historique», t. I, Préface pp. LVI—LXXII.

** С. Pierre. «Les hymnes et les chansons de la Révolution». Paris, 1904.

и Пийс)—до 50 песней, четверо—от 30 до 42, столько же—от 20 до 25, человек 12—от 10 до 20 и человек 60 дали по 2 песни. Половина авторов неизвестна. К. Пьер предполагает, что они не подписывались под своими произведениями уже не из страха, как это было во времена старого режима, а из скромности.

По годам песни распределяются следующим образом:

1789 г. . . 116 песней	1795 г. . . 137 песней
1790 » . . 261 »	1796 » . . 126 »
1791 » . . 308 »	1797 » . . 147 »
1792 » . . 325 »	1798 » . . 77 »
1793 » . . 590 »	1799 » . . 90 »
1794 » . . 701 »	

Всего 2878 песней, но следует сказать, что в действительности песней было гораздо больше. Многие из них затерялись естественным путем, так как значительное количество их печаталось на отдельных листках, которые сохраняются только с большим трудом и чаще всего коллекционерами. Рукописные же произведения нередко уничтожались самими авторами, когда миновали бури революции и наступили дни реакции. Ведь в эпоху Империи напоминание о «святой гильотине, укорачивающей королей», или о «коронованных тиграх» было, конечно, не особенно приятно человеку, делающему карьеру при совсем иных условиях. Надо было отказываться от прошлых «увлечений», поэтому-то и уничтожались материалы, столь ценные для современного историка*.

* Ch. Nutter в предисловии к сборнику «Histoire chantée de la première République» (192) указывает, что большое количество рукописных песней было уничтожено в более поздние времена самими авторами.

Творцов этих песней выдвинули все классы общества, все сословия, чуть ли не все профессии. Если судить по подписям, сохранившимся под песнями, мы найдем среди бардов революции аристократов, буржуа, рабочих и крестьян. Мы встретим профессионалов—уличных певцов и артистов, писателей и поэтов, музыкантов, адвокатов, торговцев, конторщиков, маляров, печатников. Есть военные—от простого жандарма до дивизионного генерала. Встречаются чиновники различных ведомств. Имеются доктора, священники, учителя, депутаты Конвента, члены Комитета общественного спасения и пр. и пр. Было среди них несколько женщин, были дети 7, 8 и 14 лет, была семидесятивосьмилетняя старуха, был слепой, словом, все—и стар и млад,—каждый по-своему, воспевали революцию или предавали ее анафеме. Уже только один этот перечень показывает, как широко и глубоко захватила и взбудоражила революционная волна все классы населения.

Большая часть этой продукции родилась в Париже, но и провинция, особенно восточные и юго-восточные департаменты, тоже воспела революцию, а Вандея дала значительное количество контр-революционных песней.

Интересны некоторые подписи под песнями: «Дюгазон, пенсионер короля», «Де Савиньи, патриот», «Аббат, возвращающийся с Марсова поля», «Лево, республиканский певец», «Монахиня 78 лет», «Санкюлот на жизнь и смерть», «Жена и мать защитников отечества» и т. д. Их было много, этих известных и безызвестных, талантливых и бесталанных певцов, и все они горели одним желанием—излить свои чувства, свой восторг или негодование, радость или презрение, но так или иначе отозваться на переживаемые события.

Подводя итоги, мы имеем право сказать, что певцы революции по мере своих сил выполнили социальный заказ, который выдвинула перед ними эта бурная и красочная эпоха. Они оставили в наследство грядущим поколениям богатейший материал—документы эпохи,—материал, полностью не использованный и до настоящего времени. По песням революции мы теперь можем почти день за днем нащупать биение революционного пульса эпохи, выявить наиболее яркие моменты революционной борьбы, узнать радости и горести, надежды и упования не только отдельных лиц, но и партий и классов. Мы, переживающие величайшую в мире революцию, можем правильнее кого бы то ни было оценить и понять всех этих «санкюлотов на жизнь и смерть», которые изливали свои чувства восторга перед «святой свободой», грозили «кровавым тиранам», шли с песнями в бой против «приспешников королей» или водили хороводы вокруг «древа свободы». Мы не станем смеяться над их красными колпаками, над их чрезмерной любовью к именам римских и греческих героев, над их часто наивным энтузиазмом. Мы понимаем их чувства, мы умеем разобраться в том, какие побуждения заставляли голодных, оборванных и босых санкюлотов сражаться с войсками чуть ли не всей монархической Европы и обращать их в бегство под звуки Марсельезы. То было героическое время, и песни этой эпохи как нельзя лучше характеризуют ее пафос, ее непреклонную веру в победу, ее жертвенный энтузиазм и ее классовые противоречия.

«Искусство принадлежит народу,—писал Ленин.— Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно

объединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их»*.

Выполнила ли французская революционная песнь это задание? Была ли она понятна широким трудящимся массам? Будила ли она в них мысль и волю? Подымала ли их? Вот вопросы, на которые мы после всего вышеизложенного имеем полное право дать утвердительный ответ.

А. Ольшевский

* См. стр. 40 у Клары Цэткин—«О Ленине, воспоминания и встречи». Перевод с рукописи Шуль, под ред. С. Шервядина. Изд. «Московский рабочий», 1925.

Библиография

Более подробно с литературой вопроса можно познакомиться по следующим работам:

Albert, M. La littérature française sous la Révolution, l'Empire et Restauration. Paris. 1891.

Aulard, A. La querelle de la «Marseillaise» et du «Réveil du peuple» («Études et leçons», 3-e série, Paris. 1914).

Baudon, A. Encore les éventails révolutionnaires. «La Révolution Française». 1901.

De-Botherel, Ern. Je crois au peuple. Histoire de la nation française par les chants et les chansons. Paris. 1858.

Bujeaud, J. Chants et chansons populaires de l'Ouest, t. II: Niort. 1895.

Castile-Blaze. Molière musicien, t. II. Paris. 1852.

Challamel, A. Histoire-musée de la République Française, t. I—II. Paris. 1842.

Challamel, A. La Musique officielle depuis 1789. «La France musicale». 1841, 27/VI.

Chardon, Ed. Révolution, Directoire. Dix ans de Fêtes nationales et de Cérémonies publiques à Rouen. 1790—1799. Rouen.

Chouquet G. Les Chants de la Révolution française. «L'art musical». 1864—1865.

Chouquet, G. Les Chants nationaux de la France. «L'art musical». 1867.

Combes, A. Chants populaires du pays Castrais. Castres. 1862.

Combet, J. Les Fêtes révolutionnaires à Nice. Nice. 1907.

Damade, L. Histoire de la première République. 1789

à 1799. Chants patriotiques, révolutionnaires et populaires. Paris. 1892.

Daynard, L. Les vieux chants populaires de la France. Paris. 1910.

Droux, G. La Chanson Lyonnaise. Lyon. 1907.

Dumersan Chansons nationales et populaires de France. 17-e édition. Paris. 1866.

Dumersan et Noël-Séguir. Chansons nationales et populaires de la France. 2 vol. Paris. 1852.

Duval, G. Histoire de la littérature révolutionnaire française pendant la Révolution. 1789—1800. Paris. 884.

Fray-Fournier, A. Les Fêtes nationales et les cérémonies civiques dans la Haute Vienne pendant la Révolution. Limoges. 1902.

Géruez, E. Histoire de la littérature française pendant la Révolution. 1789—1800. Paris. 4-e édition. 834.

Guiffrey, J. Une parodie de «la Marseillaise». «La Révolution Française». 1896.

Guillaume, J. Court remerciement à m. A. Liéby. «La Révolution Française». 1914.

Guillaume, J. L'Hymne à l'Être Suprême. «La Révolution Française». 1903.

Guillaume, J. Un dernier mot à propos du «Chant du départ». «La Révolution Française». 1907.

Guillemaut, L. Un petit coin de la Bourgogne à travers les âges. Histoire de la Révolution dans le Louhannais. Louhans. 1899.

Hersart de la Willemerque, Th. Barzaz-Breiz. Chants populaires de la Bretagne, t. II. Paris. 1845.

Isambert, G. Girey Dupré chansonnier. «La Révolution Française». 1911, № 2.

Isambert, G. Histoire du «Ça ira!». «La Révolution Française». 1899.

Isambert, G. La vie à Paris pendant une année de la Révolution. Paris. 1896.

Jeanroy-Félix, V. Nouvelle histoire de la littérature française pendant la Révolution. Paris. 1857.

Laurent, G. Les fêtes révolutionnaires dans le département de la Marne et principalement à Reims et à Chalon-sur-Marne. 1789—1800. Reims. 1899.

Lecocque, G. La prise de la Bastille et ses anniversaires. Paris. 1881.

Leroy, G. Eventails, relatifs aux Etats Généraux de 1789. «La Révolution Française». 1900.

Lespy. Notes pour l'histoire de la chanson. Paris. 1861.

Levalley, G. Études historiques et littéraires. Le grand Carnot chansonnier. Paris. 1905.

Lhomme. Les chants nationaux de la France. Paris. 1883.

Liéby, A. La date de la composition du «Chant du départ». La Révolution Française». 1907.

Liéby, A. L'Hymne à la Raison adapté au culte de l'Être Suprême. «La Révolution Française». 1903.

Liéby, A. L'origine du «Chant du départ» et la date de sa composition. «La Révolution Française». 1904.

Lodz, A. Deux chansons sur Rabaut de Saint-Etienne. «La Révolution Française». 1903.

Maron, A. Histoire littéraire de la Révolution. 2 vol Paris. 1856—1860.

Mathiez, Al. Les origines des cultes révolutionnaires 1789—1792. Paris. 1904.

Mège, Fr. Chansons politiques et satiriques en Auvergne pendant la période révolutionnaire. Clermont, Mont-Louis. 1888.

Monin, H. La Chanson et l'Eglise sous la Révolution. «La Révolution Française». 1892.

Monin, H. Chansons historiques de 1792. «La Révolution Française». 1892.

Monin, H. La chanson révolutionnaire en Franche-Comté «Les Gaudes». 1904.

Monin, H. L'original de la musique du «Ça ira!». «La Révolution Française». 1898.

Pierre, Constant. Hymne à l'Être Suprême enseigné au peuple par l'Institut national de Musique. «La Révolution Française». 1899.

Pierre, Constant. Les Hymnes et les Chansons de la Révolution. Paris. 1904.

Pierre, Constant. Musique de fêtes et cérémonies de la Révolution Française. Paris. 1899.

Poésie au temps de la Terreur. «Revue de la Révolution». 1886, № 12.

Poésies Nationales de la Révolution, ou Recueil complet des Hymnes etc. Paris. 1836.

Poésies révolutionnaires et contre-révolutionnaires. Paris. 1821.

Raunier, E. Chansonnier historique, t. IX—X. Paris. 1883—1884.

Les Républicaines. Chansons populaires de 1789, 1792 et 1830, t. I. Paris. 1834.

Révolution Française. Poésies. Chansons. Paris. 1839.

Santhonax (Aulard). La poésie historique pendant la Révolution. «La Justice». 1886, 12/IV.

Schmidt, J. Histoire de la littérature française sous la Révolution de 1789, 2 vol. Leipzig. 1858, ou 6 vol. Bruxelles. 1862.

Tarbé, P. Romancéro de Champagne. Reims. 1863.

Tiersot, J. Les Chansons de la Révolution. «Nouvelle Revue». 1884, VI, VII.

Tiersot, J. Le couplet des enfants de la «Marseillaise». «La Révolution Française». 1901.

Tiersot, J. Les fêtes de la Révolution Française. «Ménéstrel». 1893—1894.

Tiersot, J. Les fêtes et les chants de la Révolution Française. Paris. 1908.

Tiersot, J. L'Hymne à l'Être Suprême. «La Révolution Française». 1903.

Tiersot, J. La Musique dans les fêtes nationales. «La Réforme». 1880, 15/VII et 1/VIII.

Tiersot, J. La Musique de l'Époque révolutionnaire. «Bulletin du cercle St. Simon». 1886, № 11—12.

Tiersot, J. Rouget-de-Lisle. Son oeuvre, sa vie. Paris. 1893.

Tiersot, J. Trois chants du 14 juillet sous la Révolution. Paris. 899.

Tiersot, L. Cérémonies et fêtes populaires à Beauvais pendant la Révolution. Beauvais. 1908.

Tréhuac, S. La chanson populaire en Vendée. Paris. 1896.

Weckerlin, J. La chanson populaire. Paris. 1886.

Welchinger, H. Les almanachs de la Révolution. Paris. 1884.

Welchinger, H. Le Théâtre de la Révolution. 1789—1799. Paris. 1880.

Этим списком, конечно, далеко не исчерпывается богатейший песенный материал Первой французской революции. Мы не перечисляем здесь альманахов и песенников этой эпохи и отдельных сборников песен Т. Руссо, Пюиса, Маршана, С. Марешала и др., так как количество их чрезвычайно велико. В примечаниях к отдельным песням нами указаны

альманахи и сборники, из которых они взяты. На русском языке укажем свою работу: «Великая Французская революция в песнях современников. 1789 год», П. 1922, 2-е изд., и «Последние дни Людовика XVI по песням Великой революции», П. 1921. Обе они сильно устарели по своим установкам, и переводы песней не стоят на уровне современных требований. Ценный материал имеется в книге *К. Державина* — «Театр Французской революции», Гихл, 1932.

А. Ольшевский

I

**НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ.
БОРЬБА БУРЖУАЗИИ ЗА ВЛАСТЬ**

1

Народные моления

Государь, сжальтесь над нами;
Государь, выслушайте нас;
Государь, услышьте нас.
Король, исполненный доброты,
Король, полный милости,
Король, полный справедливости,
Король, полный человечности,
Король, друг мира, законов, порядка, правды,
Сжальтесь над нами.

Во имя вашей августейшей супруги,
Во имя ваших детей,
Во имя нашей любви к вам
Сжальтесь над нами.

Вы, ненавидящий тиранню,
Вы, ненавидящий лесть,
Вы, устоявший перед соблазном,
Вы, оставшийся твердым в своем решении,
Сжальтесь над нами.

От нищеты оберегите нас, государь,
От отчаяния оберегите нас, государь,
От несчастья не понравиться вам, государь,
От власти дворянчиков,
От неправильной политики оберегите нас,
государь.

Благоволите, государь, воспротивиться прогрессу
роскоши—

Мы умоляем вас о том, государь.

Благоволите запретить совместительство многих
должностей,

Благоволите даровать нам свободу печати.

Благоволите уничтожить «lettres de cachet»,
государь.

Да будет так!

Моления третьего сословия

Государь, сжаьтесь над нами,
Король-благодетель, выслушайте нас,
Отец народа, услышьте нас,
Мария-Антуанета, молитесь за нас...

От всякого зла избавьте нас, государь:
от деспотизма и спеси судебных чинов,
от продолжительности процедуры,
от невежества судей,
от лени докладчиков,
от лихоимства секретарей,
от дороговизны подарков судьям,
от всяческого грабежа в суде,
от допросов с пристрастием,
от безнаказанности верховных судей,
от хищничества мелких судебных чинов
Избавьте нас, государь!

От аристократии, лишающей нас покоя с давних
пор,
от интриганов, желающих столкнуть хороших
министров,

от негодьяев, мешающих Генеральным штатам,
от голосования по сословиям, а не по лицам,
от устава об охоте,
от монополий на хлебопекарни и виноградные
давилъни,

от монополий на мельницы,
от барщины и оброков,
от адской выдумки соляного налога,
от единовременных налогов и питейного сбора,
от дорожных пошлин и препятствий торговле,
от неравномерного распределения налогов,
от эгоизма и честолюбия духовенства,
от недостаточности законов против знатных,
от злоупотребления «lettres de cachet»,
от расточительности министров,
от государственных тюрем

Избавьте нас, государь!

Вашей любовью к вашему народу помогите нам,
государь,

Вашей бережливостью,
Вашей справедливостью,
Обязанностями, налагаемыми на вас
суверенитетом,

Помогите нам, государь!

Мы, основа нации, умоляем вас:
пусть третье сословие будет восстановлено
в своих вечных правах,
пусть Генеральные штаты соответствуют
желаниям Франции,
пусть дворянство впредь не жиреет от нашей
крови,

пусть его дичь не опустошает больше наших
полей,
и пусть убивающий ее не попадает на галеры,
пусть земледельцы мирно собирают плоды
своих трудов.

Неккер, Неккер, надежда Франции, помогите нам!
Неккер, Неккер, опора кредита Франции, будьте
к нам благосклонны.
Неккер, Неккер, исцелитель несчастий Франции,
не теряйте мужества.
Государь, выслушайте нас, и пусть наши вопли
дойдут до вас!

**Куплеты окружным депутатам Меца,
избранным 15 апреля 1789 г., в день
их отъезда**

Сочинение Л. Д

Вы будете изображать
Перед монархом благосклонным
Народ, умевший обожать
Все, разрешенное законом.
Избранники приятны нам.
Для всех почетно их избранье,
И говорят они умам,
Что выбрали их по делам,
Чтоб лучше передать желанья.

Заслуги, искренность, полет
Ума—не ваше ль достоянье?
Повсюду скоро к вам придет
Привязанность и почитанье.
Шепнут, чтобы забыли вы,
Чего вы символом явились,
Но не забудете нас вы
Средь этой льстящей вам молвы,
Чтоб речи в дело воплотились.

Вы уезжаете сейчас,
Надолго покидая нас,
 Вот, что нам сердце огорчает.
Но вы идете, чтобы нам
Служить поддержкой вашей там,—
 Вот, что в разлуке утешает.

Депутаты наши будут
С нами навсегда.
Сердце их не позабудет
Долгие года.
Будем думать издалека,
 Как любезны нам они.
К ним привязанность глубоко
Освещает наши дни.

 Это хорошо,
 Очень хорошо.
 Верю горячо:
 Это очень хорошо.

**Заседание Генеральных штатов, собранное
в Версале 27 апреля 1789 г. и отложенное
на 4 мая**

Франции депутаты,
Высокий приходит час,
На Генеральные штаты
Король собирает вас.

В лице трех сословий
В торжественный этот день
Мы, дети единой крови,
Сойдемся под общую сень.

Да здравствует Людовик!
Преданности полны,
Мы собрались здесь внове
Для блага нашей страны.

Бурбоны полны участия
К парижским беднякам,
И в том прямое счастье
Судьба посылает нам.

А герцог Орлеанский—
Народу отец родной,
Души его христианской
Всем ведом высокий-строй.

Да здравствует Собранье
В торжественный этот час,
Оно отвечает желанью
Широких народных масс.

Дворянство и духовенство
Французских областей
Сошлись сюда для равенства—
На помощь стране своей.

Да будут благосклонны
Отныне к нам небеса,
Да Франции пробужденной
Услышат они голоса!

Прославим день величавый,
Да будет счастлив народ,
«Те Деум»*, исполненный славы,
Пускай он всюду поет.

Поет его с дивною силой,
Напевом сердца веселя,
Во славу Франции милой
И в честь ее короля.

* Тебя, бога, хвалим.

Не зная блязни черной,
Пусть в этот час святой
Народ уже непритворно
Доволен будет судьбой.

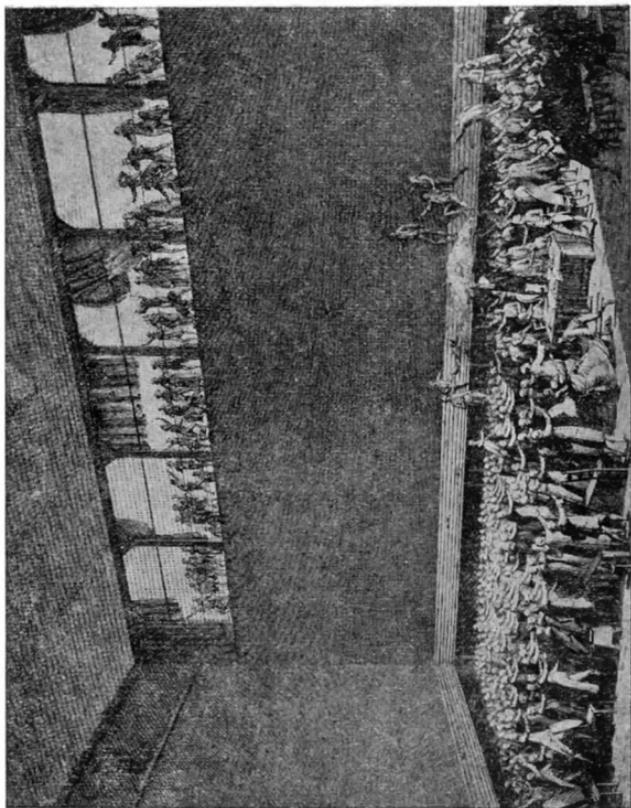
Посылая благословенья
На тех, кто страну ведет,
К небу свои моленья
Третье сословие шлет.

Неккера благоразумье—
Опора родной земли,
И в нем мы видим раздумье
Великого Сюлли.

Король наш, как Генрих Четвертый,
Достоин любви во всем.
Французы, пойте гордо
Перед своим королем.

Отныне восторг свободный
Подыдем огнем сердец.
Да здравствует благородный
Людовик, наш отец!

Все ветви этого рода
Достоинo хранят свой трон,
И доблесть и свободу
Наш тоже хранит Бурбон!

Клятва в зале для игры в мяч. Версаль, 20 июня 1789 г.
С рисунка Д.-Г. Берто по рис. Пирера

4 мая 1789 г.

День этот—лучшая пора
Для королевского двора.
И выход короля хвалю я.
Аллилуйя!

Французы, вам Неккер оплот.
Сюлли великим он встает,
Спасенье Франции даруя.
Аллилуйя!

Никто уже не говорит,
Что нам банкротство предстоит,
Неккер явился к нам, врачуя.
Аллилуйя!

Исчезнет скоро дефицит.
Казна сокровищ не вместит,
Польется серебро, ликуя.
Аллилуйя!

Когда вельможи с королем
Шли с величавым торжеством,
Как эту радость опишу я?
Аллилуйя!

С ним августейшая жена.
Принцессами окружена,
Она проходит, всех чаруя.
Аллилуйя!

Они явились всем очам,
Вся нация сплотилась там,
И брани бог летел, ликуя.
Аллилуйя!

Такую радость испытал
Король, какой еще не знал!
Народ в свидетели зову я.
Аллилуйя!

От радости пьянеют тут,
Кругом и плачут, и поют.
Дню светлому пою хвалу я.
Аллилуйя!

Великий день, гори ясней
Предвестием счастливых дней;
Не вижу возвращенья злу я.
Аллилуйя!

Да здравствует король! И с ним
Неккер, он королем любим.
Собрание в помощь им зову я.
Аллилуйя!

И королеве слава, слава!
Ее преследуют неправо.
В Собрании помощь ей ищут я.
Аллилуйя!

И принцам крови слава, слава!
Они наследственное право
Докажут, доблесть доказуя.
Аллилуйя!

День 4 мая 1789 г.

Пусть духовенство и дворянство,
 Друзья, на нас,
 Полны презрения и чванства
 Глядят сейчас,
 Оставим их водить нас за нос,
 Брать все места—
 Наш срок придет—полней стаканы
 За Tiers-Etat*. (bis)

В том, что мы правы, нет сомненья,
 К чему тут спор?
 Напрасны все их ухищренья
 И гневный взор.
 И как они забыли, право,
 Что роскошь та,
 Что все богатство их и слава
 От Tiers-Etat?

Приносит нам происхожденье
 Почет, покой.
 Но кем дается нам рожденье?
 Судьбой слепой.
 Кто господином стал повсюду
 И не спроста?

* Третье сословие.

Завоеватель, вождь откуда?
Из Tiers-Etat.

Мы зрим нередко Человека
Среди дворян,
Но чтобы стать кумиром века—
Один нам дан.
Он строг, и злом не верховодит,
Душа чиста,
И по отцу он род выводит
От Tiers-Etat.

Хоть наш удел повиновенье—
Но будет час,
Когда все наше раздраженье
Падет на вас.
Ведь голова у нас, дворяне,
Не так пуста,
Так берегитесь же заране
Вы Tiers-Etat.

Пусть вы и вежливы и строги,
С улыбкой вам
Приходится платить налоги
По всем статьям.
«Неккер! Спасение народа!»—
Кричат уста.
Неккер выводит корень рода
От Tiers-Etat.

Как Генрих--наш монарх любимый
Велик душой,
Его заботой мы хранимы
В стране родной.

Народ с ним счастья не избудет,
С ним жизнь слита,
Пусть королю слугою будет
Все Tiers-Etat.

**Новая песнь
на собрание Генеральных штатов**

*Сочинение господина В ****

Тайны нет, исчезла боль:
С Третьим дружен наш король!
Чувства эти воспою я,
Аллилуйя!

Герцог, крови с ним одной,
С Третьим сан сливает свой,—
И народ гремит, ликуя:
Аллилуйя!

О, Бурбон, Кондэ, Конти,
Вашим планам не пройти,—
Штаты крепнут, нас врачуя,—
Аллилуйя!

И дворяне сражены
Депутатами страны,
Блеск их меркнет, гибель чужа,—
Аллилуйя!

Штаты дружны и крепки
Черным рясам вопреки,—
Так без клира возглашу я:
Аллилуйя!

Нас парламенты гнетут,—
Пусть скорей они падут:
Грянем все тогда, танцуя:
Аллилуйя!

Наш Неккер, отец земли,
Нас хранит, как встарь Сюлли,
Счастье Франции даруя,—
Аллилуйя!

Славься, славься добрый Трон,
Вместе с ним крепи закон!
Песнь победную, ликуя,
Пропую я.
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!

Удачный версальский трюк
23 июня 1789 г.

(Игривая песенка)

Король Людовик, с ним весь клир
Сегодня собрались на пир.
Неккер великий—наш кумир,
Он пылок без сравненья
И нас заставил на весь мир
Греметь себе хваленья.

Неккер наш—муж великих сил,
Весь ад, должно быть, разгромил:
Он Люцифера сокрушил
И зависть, и раздоры,—
Рукой железною сломил
Наветов вражьих хоры.

Солдат, и клир, и буржуа --
Сословья третьего волна:
Неккера подкрепит она,
Нам нечего страшиться.
Мы исчерпали спор до дна,
И Правда в мир родится.

Страдали все мы; хмур и дик,
Народ к отчаянью привык.—
Вдруг солнце показало лик;
Неккера во избавленья
Явился к нам, и в тот же миг
Пришло стране спасенье.

Давно уже ни стар, ни мал
Себе спасенья не искал,
Лишь памятника каждый ждал
В пылу кровавой сечи:
Но стража спрятала кинжал
И жаждет братской встречи.

Соединение трех сословий

(Куплеты, посвященные Нацци 1-ном Дедюи)

О день, в истории счастливый,
Сословья собрались все три.
Мы радостью вольнолюбивой
Ликуюм ныне до зари.
Теперь, когда нас опьяняет
Восторг, проникнувший в сердца,
Король, тебя благословляет
Народ за это без конца.

Г-ну Неккеру

Неккер, чувствительный и умный,
Себя ты славой увенчал
И мерою благоразумной
Себе почет, нам счастье дал.
Венок тебе дают французы,
Которых ты освободил.
За то, что их разбились узы,
Тебя здесь каждый полюбил.

Герцогу Орлеанскому

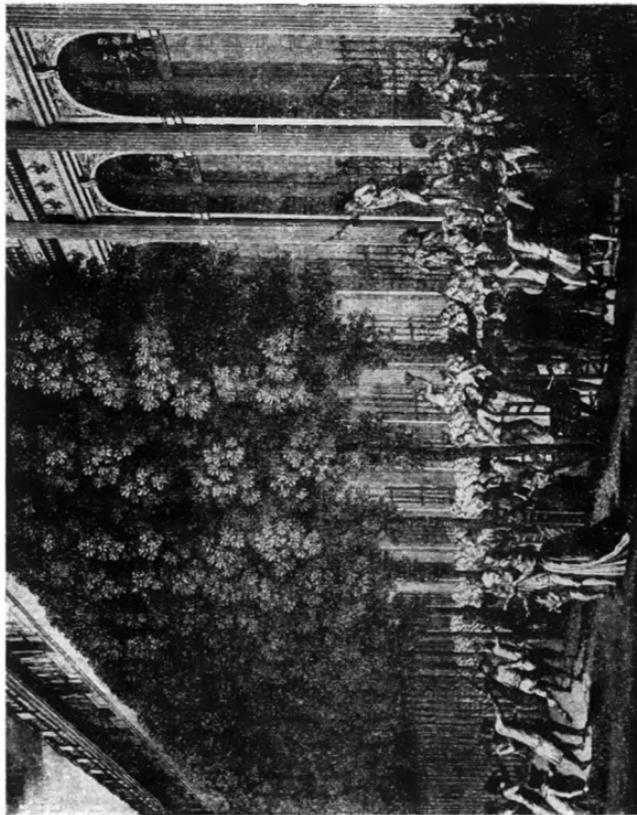
Ты будешь наше восхищенье,
 Принц, обожаемый за то,
 Что сыплешь вокруг благотворенья,
 С кем не сравняется никто.
 Пусть от тебя монарх узнает
 О нашей жажде и любви,
 Людовик правду знать желает
 Через смелые уста твои.

Г - дам депутатам

Вслед за сенаторами Рима
 Продлите благородный труд.
 Величье ваше несравнимо.
 Через вас все бедствия умрут.
 Пускай любовь отчизны вашей
 Вам подарит навек почет.
 Ткань золотая воли краше,
 Когда король ее дает.

Солдатам

Теперь воинственной отваге
 Несем приветствия свои;
 За нас взовьются ваши шпаги,
 И с нами вместе—наш Луи.
 Пусть прославляет дух прекрасный
 Рукоплесканий наших гром;
 Народными единогласно
 Солдатами вас назовем.
 Да здравствует король! Принц Орлеанский!
 Неккер и Собрание!

Речь Камилля Демуллена в Пале-Рояле 12 июля . 1789 г.
С гравюры П.-Г. Берто по рис. Пруьера

Объединение трех сословий

Прославим нынче короля!
Неккера воспоем, друзья,
Великий дух его хваля,
Сольемся в вихре танца.
Да славит вечно вся земля
Француза-чужестранца!
Версаль, Париж от всех забот
Очистит ныне наш народ.
Солдат и буржуа поет:
«Друг другу будем братья.
Счастливо день для нас встает.
Придите все в объятья!»

Пускай хвалы из града в град
Всей нашей Нации гремят
За то, что доблестный Сенат
Нам утолил страданья.
Пусть парижан несметный ряд
Охватит ликование!

О, герцог Орлеанский, вас
Зовет отцом всеобщий глас,
Народов сонмы уж не раз
Вам быть детьми хотели.
Хвала вам завтра и сейчас,
Почет во всяком деле!

Памфлет сей дивный спев, потом
«Те Деум» дружно пропоем;
Вина и водки вслед за сим
Хлебнем мы полной чашей!
Парижа много хуже Рим,
И без него нам краше!

**Песнь на взятие Дома инвалидов
и Бастилии 13 и 14 июля 1789 г.**

Сочинение кавалера де Калльер

1

Дорогая свобода,
Ты мне жизни милей;
Дам тебе я в угоду
Счастье всех своих дней.

Восхищенная муза
Строит храм, где в ночи
Ты для счастья француза
Изливаешь лучи.

Пусть орел, горд и злобен,
Ввысь стремится свой полет—
Муравью он подобен
Иль пылинке высот.

О, Неккёр, ты был первый,—
Ты Юпитером был,
Ты рукою Минервы
Злобный жезл отклонил.

Взят Неккер у отчизны,
Мечь его стережет.
Ты лишаешься жизни,
О, французский народ!

Был Неккер величавой,
Вознесенной звездой;
В полноте своей славы
Он сокрыт темнотою.

Но в ответ его бедам
Полны скорби сердца,
И летят за ним следом,
Как на голос отца.

Это улей, лишенный
Королевы своей,
Это рой возмущенный,
Что сплотился тесней.

И высокие боги,
И герои ему
Воздвигают чертоги,
Как слуге своему.

2

Париж во след героя,
Под Марсовой рукой
Сам овладел без боя
Твердыней вековой.

Должна теперь корона
Признать его закон,

И Разум выше трона
Отныне вознесен.

Так довершай же дело,
Катона чтя, народ,
В тот век вступаая смело,
Куда Платон зовет.

Герой! Ты видишь муки?
Идет нам голод вслед,
Ружье роняют руки,
В живых уж милых нет.

И если, благородный,
Не сможешь нам помочь,
То бедности народной
Окутает нас ночь.

И слезы грудь стеснили
Затем, что вся страна
В соседстве гордых былей
Страдать обречена...

Но уважают войны
Домашний наш очаг.
Француз, живи спокойно,
Когда повержен враг.

Прекрасная Аврора
Вещает счастье нам,
Полки вернуться скоро
К отеческим полям.

И Генрих величавый
У всех во взорах вновь.
Людовику вся слава,
А герцогу—любовь.

Подыдем выше чашу
К тому, чей светел дух,
Он спас отчизну нашу
От ужаса разрух.

Провидел не напрасно
Он этот славный час,
Честь Франции прекрасной
В его руках сейчас.

Душа моя в испуге,
Лишь думаю о том,
В каком мы были круге—
Овечки с пастухом.

Но видим мы яснее
Коварные дела.
Вы гибнете, злодеи,
Вас тайна не спасла.

О, граждане, прошу я,
Молю я вас в слезах
Презреть в годину злую
Безлюбие и страх.

Гоните без пощады
Врагов через поля.
Нам больше войн не надо:
Мы все теперь друзья.

**Взятие Бастилии буржуазией
и французской гвардией
14 июля 1789 г.**

О полдень незабвенный,
Когда грозил нам рок!
Лишь подвиг дерзновенный
Снасти тогда нас мог!

В истории кровавой
Тот день—как солнца лик.
Француз, покройся славой
В счастливый этот миг.

Тебе, о полный пыла
Эли, молодой боец,
Победа подарила
Бессмертия венец.

На грани верной шпаги
Сей стих ты отчекань—
Хвалу твоей отваге
И юной славе дань.

Предайте тех забвенью,
Кто мыслил нас предать,
И в сердце сожаленью
Не дайте зазвучать:

Из вечной книги жизни
Сотрем их имена,
Измена та отчизне
Теперь уж не страшна.

Ужасная Бастилья,
Навеки пал твой плен.
Нас в бой помчали крылья,
И нет угрюмых стен!

Железный век растает.
Исчезни, рабства боль!
Днесь Франция мужает:
Неккер с ней и король.

Песнь на осаду и взятие Бастилии

Сословье третье сквозь лихолетье
Восславим мы,
Как быстро сила его сразила
Оплот тюрьмы.

Париж в напасти; тоску несчастий
Он узнает,
И буржуазия однообразие
Нужды несет.

Предатель вedom; маня к победам,
Редет мгла,
Чтобы Бастилья ценой усилья
Взята была.

Уже французы свергают узы,
Горя огнем
Таким, который выносят взоры
Врага с трудом.

Подобно граду, ломя ограду,
Звучит пальба;
Земля вздыхает и замирает
На ней борьба.

Подлец-правитель, вы удивите ль
Приемом нас?
Отряды входят и там находят
Обман для глаз.

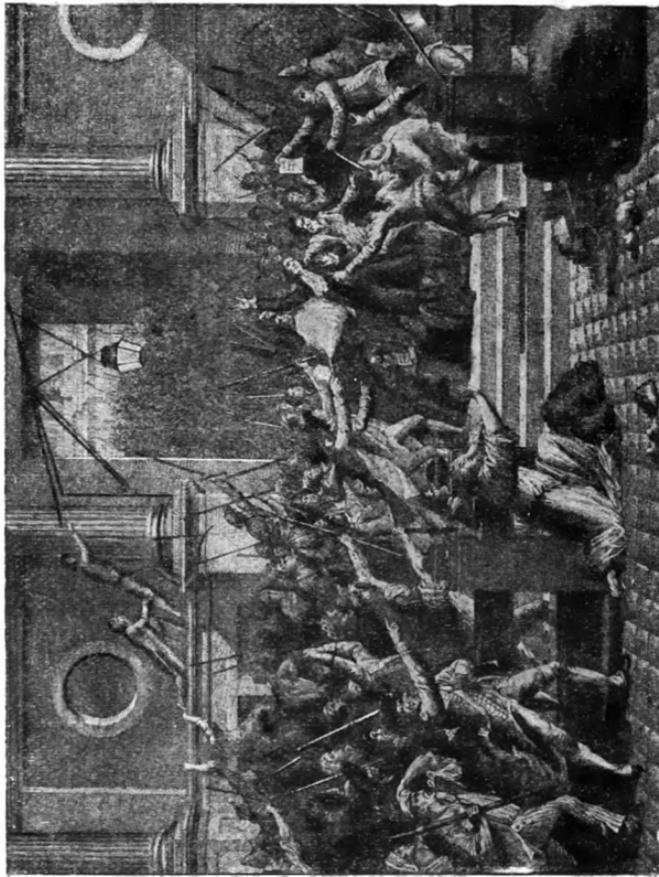
Враги притворно глядят покорно
На пришлецов,
Уж по записке предатель низкий
Убить готов.

Отряды яро огню пожара
Все предают,
К твердыне белой на приступ смело
Они бегут.

Устав сражаться, готова сдаться
Уж цитадель;
Сквозь брешь пролома блестит знакомо
Пред нами цель.

Душа солдата желаньем сжата,
Чтоб первым быть
В разгуле мести на этом месте
И лавр добыть.

Мы победили и водрузили,
Врага тесня,
Знамена славы, знак величавый
Победы дня.

Смерть купеческого старшины Флесселя 17 июля 1789 г.
С. Фраансюрн П.-Г. Берто по рис. Приера

Новая песнь на взятие Бастилии

Споем про победу и славу,
Обретенные в этот день.
Франция для судьбы величавой
Вступает под мирную сень.

Трепещите, темные силы,
Мы духом крепки и сильны.
Минерва щитом оградила
Свободу нашей страны.

Могила, где столько томится
Людей, погребенных в стенах,
Бастилия, эта темница
Повержена нами во прах.

Обязаны этим счастьем
Гражданской милиции мы,
И французских гвардейцев власти,
Разрушившей стены тюрьмы.

Лишь по высшей милости бога
Мы в тот день победить могли,
Здесь опасности было много,—
Виял он бедам родной земли

И, чтоб дать нам помощь в отмщеньи,
С детских лет он вложил в сердца
Храбрость тем, кто идет в сраженье,
Верный цели своей до конца.

С королем француз всей душою,
Он отдать ему жизнь готов,
Но к живущим изменой злою
Неизменно он строг и суров.

Делоннэ и Флессель, до ада
Вам дорога теперь одна,
А Парижу вас больше не надо—
С вами в заговоре сатана.

Отречемся от преступлений,—
О, сограждане, смело вперед!
Пусть тяжчайшее из преступлений
Не свершит французский народ.

Для сапожника, для дворянина
Честь одна—быть всегда собой,
Всех любить и чтить господина—
Вот французов девиз родной!

Вы узнаете лик Медузы,
Что когда-то сразил Тезей;
Для чего вам гневить, французы,
Сердце лучшего из королей?

Уж секира близка, и дружно
Вековой мы свергнем гнет.
Если сотню голов вам нужно,
Эта сотня голов падет.

**Письмо башмачника
к другому башмачнику
16 июля 1789 г.**

Где сегодня наш обед,
Братец мой?
В нищете погрязли люди,
Нет одежды, денег нет, хлеба нет,
Ты скажи, как дальше будет,
Братец мой!

Носит рясу и мундир,
Братец мой,
Слишком гнусная порода.
К чорту их, копивших жир,
Угнетателей народа,
Братец мой!

Без Неккёра, видишь сам,
Братец мой,
Наша Франция трикраты
Полетела бы к чертям.
Он же опытный вожатый,
Братец мой!

Но и он в родном краю,
Братец мой,
Не укрылся от нападков.
Выбран был барон Данкю,
Чтоб привести бюджет в порядок,
Братец мой!

Но вопрос не так уж прост,
Братец мой!
И дворянство с духовенством
У министра ценят рост,
А совсем не совершенства,
Братец мой!

Этот немец не речист,
Братец мой,
Лезть не хочет в нашу драку,
Но надменно носит хлыст,
Чтобы бить нас, как собаку,
Братец мой!

Нам Неккэра бы вернуть,
Братец мой,
Да, вернуть бы непременно,
А не то направят путь
Наши деньги прямо в Вену,
Братец мой!

Сбросим к чорту поскорей,
Братец мой,
Тех, что пышно так одеты,
Презирающих людей,
У которых нет кареты,
Братец мой!

**Прибытие короля в городскую ратушу
в Париже в пятницу 17 июля 1789 г.**

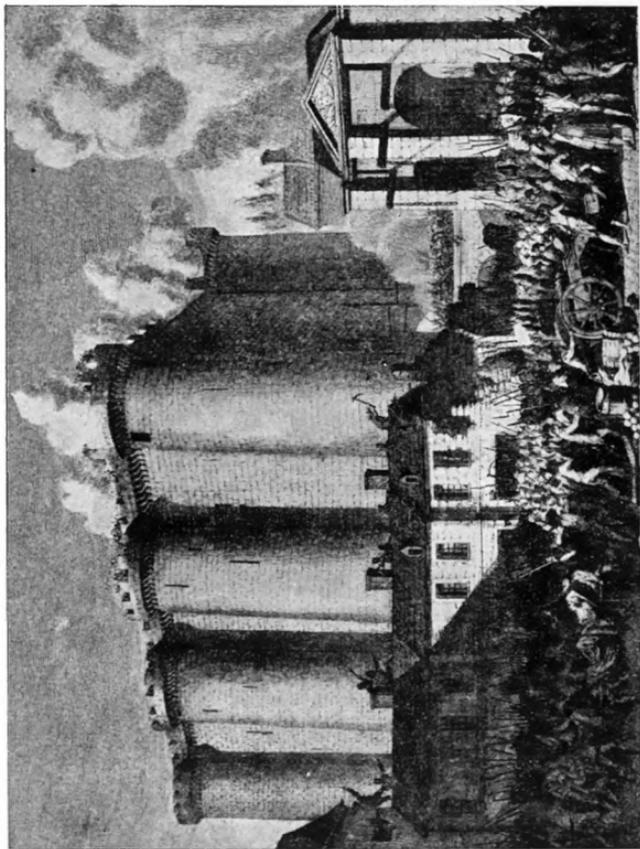
Диковинная перемена
В Париже властвует сейчас,
Совсем невиданная сцена
О, граждане, пленяет нас:
Смятенных толп волна живая,
Квиритов бурных череда,
Бежит сюда, бежит туда,
Клокочет, пиками сверкая,—
Земля, ярьась, из недр своих
Рождает днесь героев сих.

А там, среди толпы огромной
Нетерпеливых удальцов,
Король со свитой едет скромно,
Неспешной поступью, без слов.
То не владык триумф блестящий
Среди льстецов, златых затей,—
То песнь победная детей
Свободы, в торжестве летящей.
Король проходит,—смокнул крик:
Людовик головой поник.

Народ наш, гибнущий в печали,
Его приветствовать не мог.
Король Земли, вы гласу вняли?
Спе молчанье—вам урок.
О, если б, долгу днесь послушный,
Желанья наши ты свершил,—
Какой бы в нас проснулся пыл,
И как француз великодушный
Вскричал бы ныне здесь со мной:
«Да здравствует король родной!»

Парад сей новый созерцая,
Он тихо едет пред толпой.
Увы, сомнения не зная,
Картиной тронут он живой.
Прибыв к обители той вечной,
Где заседает магистрат,
Внесенный полчищем солдат,
Король правдивый, но беспечный,
Вдруг слово лести обронил,—
И крик восторга пробудил.

«Пусть радость нам удвоит силы,—
Сказал Людовик,—здесь—я свой,
Вы все мне—дети, все мне милы,
Я посреди семьи родной».
В пылу пленительных признаний,
Когда сказалась доброта
(Весьма счастливая черта),
Людовик не сдержал рыданий,
И я узнал, клянусь главою,
Как плачут короли порой.

**Взятие Бастилии 14 июля 1789 г.
С гравюры П.-Г. Берто по рис. Приера**

Наш старый мэр (велеречивым
Себя оратором он мнит)
Докладом важным и учтивым
Его порадовать спешит.
Раз тысячу здесь прозвонило
«Величество» и «государь»:
Тех титулов тщеславных хмарь
Меня немало рассмешила:
Мог Ленуар их расточать,
Баи же—щедрость не под стать.

Затем наш мэр эмблему важно
Святой Свободы в руки взял,
И глядь,—монарху преотважно
Ее на шляпу привязал.
И страх Людовика пронзает,—
Все ж улыбнулся кое-как:
Трехцветный сей лобзает знак,
Девиз Свободы повторяет
И прочь идет под шум и звон,
Которым день сей завершен.

Король, во глубине сознания
Запомни день великий сей,
И наши жаркие желанья
Запечатлей в груди своей:
Тебя народ наш добрый любит
И не трепещет он нисколько,—
«Людовик,—мыслит он,—король,—
Плуты его да не погубят:
Они, желая управлять,
Мечтают короля сковать».

Весьма ревнивые к короне,
Сии предатели, в сердцах,
Скорбят не о твоей персоне,
Но о своих былых правах.
Их гордость вышла за пределы:
Лелея тайно злую страсть,
Они хотят похитить власть,
Против нее направить стрелы
И ныне сделать из тебя
Лишь мерзкий призрак короля.

Песнь парижских буржуа .

Ваш меч благословили боги,
Остались в прошлом дни тревоги,
Предтечи мрачные тех смут,
Что кровь и ужасы несут.
Так упивайтесь вашей славой
И знайте, в книге величавой
Уже отведена глава
Парижским смелым буржуа.

В спасении какая ясность!
Как велика была опасность!
Злодеев тысяч двадцать тут,
Да извне полчища идут,
Да тайная измена, в город
Зовущая на помощь голод,—
Все встало с воплем торжества
Против парижских буржуа.

Но в этой буре беспокойства
Как много зоркости, геройства
Вы показали в тот же час,
Взглянув на дело в первый раз!

Какой порядок! В этом аде
Погибли б в Риме и Элладе
Скорей народные права,
Чем у парижских буржуа.

Согласье общее успело
За день (неслыханное дело!)
Врагов затею победить,
Ее в зародыше убить.
О, как злодеи просчитались!
Они наказаны остались
И могут вымолвить едва:
Кто ж знал парижских буржуа!

Бастилию принудить к сдаче
Вам было шуточной задачей,
Хоть и окрасили бойцы
Кровью лавровые венцы.
Разбит рукой патриотизма
Оплот надменный деспотизма,
Стоит развалина мертва,
Ликуй, парижский буржуа!

Монарха друг нелицемерный
И верноподданный примерный,
Готовый кровь свою отдать
За короля и не роптать,
Заклятый враг тех низких тварей,
Что лучшему из государей
Подсказывают лжи слова,—
Таков парижский буржуа!

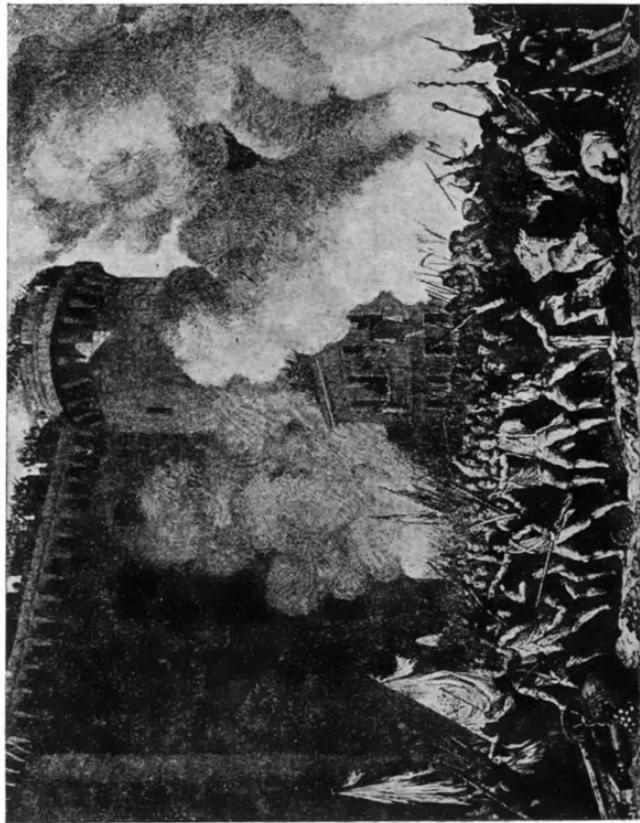
День беспримерный, ты прекрасней
Всего, о чем и былль и басни
Нам свой оставили рассказ,
День, вечно памятный для нас,
Когда, в охране не нуждаясь,
Любви народной доверяясь,
Людовик, в кликах торжества,
Предстал парижским буржуа.

Пусть он кокарду вашу примет
И никогда ее не снимет,
Пусть, чувства разобрав свои,
Он вашей вверится любви.
Вся Франция тогда поникнет
Пред ним в восторге и воскликнет:
Отцу-Людовику ура,
Ура парижским буржуа!

Волшебный фонарь

Как изменил Париж свой вид!
 Свободны мы от мракобесья,
 И Третье мщением горит,
 Давно утратив равновесье.
 Бастилью рушит пушек гром,
 Тараримбимбом;
 Тараримбимбом,
 Ее стена лежит в грязи,
 Тирири,
 Точь-в-точь как друг мой Барбари,—
 Посмотри!

Из комендантской головы
 Какое пугало слепили!
 Изменник завопит «увы!»
 При виде этой страшной гнили.
 И де Флессель идет на слом,
 Тараримбимбом,
 Тараримбимбом!
 За все предательства свои,
 Тирири,
 Точь-в-точь как друг мой Барбари,—
 Посмотри!

Арест коменданта Бастилии Делонне 14 июля 1789 г.
С гравюры П.-Г. Берто по рис. Приера

Вы, торгаши, нам не страшны,—
Прощай, бывшие вождельня!
Все ваше золото, все чины
Легли добычею отмщенья.
Фуллон, сей грубый скопидом,
Тараримбимбом,
Тараримбимбом!
Не кормит сеном нас, ни-ни,
Тирири,
Точь-в-точь как друг мой Барбари,—
Посмотри!

А тесть его, наш интендант,
Жил долго на десятом небе,
Но, несмотря на свой талант,
Такой же грустный вынул жребий:
Он не в тюрьме нашел свой дом,
Тараримбимбом,
Тараримбимбом!
Он был изгрызен Сан-Суси,
Тирири,
Точь-в-точь как друг мой Барбари,—
Посмотри!

Мораль

Иуды, сеявшие зло,
Услышьте приговор суровый!
Само нам небо помогло,
Рассеяв гибельные ковы.
Мы на фонарь вас вознесем
Тараримбимбом,
Тараримбимбом!

Болтайте, бог благослови,
Тирири,
Точь-в-точь как друг мой Барбари,—
До зари!

Миролюбивый собутыльник

(Застольная песнь)

Дворяне, род спасаея старый,
От гнева нашего бегут.
Без барабана, без фанфары
Кидают принцы свой приют.
Друзья, а нам какое дело!
Душой вкушая мирный сон,
Бокал с вином подыдем смело—
Нам весь их заговор смешон.

Пускай в отменном исполненьи
Актеры чванною толпой
Времен Мольера представленья
Ведут пред залую пустой.
Друзья, а нам какое дело!
Нам только б пить—вопрос решен!—
Бокал с вином подыдем смело—
Нам весь их заговор смешон!

Пускай о новом злодеяньи
С соседом речь ведет сосед,
Пусть буржуа уже заране
Приготовляет свой мушкет.

Друзья, а нам какое дело!
Коль к небу взор наш вознесен,
Бокал с вином подыдем смело—
Нам этот заговор смешон.

Они оружие схватили,
И пушки яростью своей
В упор Бастилию разбили
Под самым носом у властей.
Друзья, а нам какое дело!
Иль век всех тюрем не сочтен?
Бокал с вином подыдем смело—
Нам весь их заговор смешон.

Пускай сегодня, в день расплаты,
Вконец разгневанный народ
Казнит своих аристократов,
На шест их головы берет.
Друзья, а нам какое дело!
Таков восстания закон.
Бокал с вином подыдем смело—
Нам весь их заговор смешон.

**Куплеты в честь г-на Неккера,
возвратившегося в Версаль**

Сочинены 4-мю де Савиньи, патриотом

Неккер—наш ангел-хранитель!
Внял он горячим мольбам.
За возвращение к нам
Честь вы ему воздадите ль?
Славься, греми на весь мир,
Франции добрый кумир.

Ах, без него нам на лица
Траур угрюмый упал,
День перед нами лежал,
Словно пустая гробница.
Славься, греми на весь мир,
Франции добрый кумир.

Франции солнце святое
Не омрачила гроза:
Снова струится в глаза
Счастье его золотое.
Славься, греми на весь мир,
Франции добрый кумир.

Ныне ты зришь поражение
Гадов, позоривших честь:
Небо послало им мечь,
Бегство—одно им спасенье.
Славься, греми на весь мир,
Франции добрый кумир.

Вновь мы приветствовать рады
Сердце героя, твой дух.
Счастья не выразить вслух!
Лучше не надо ограды.
Славься, греми на весь мир,
Франции добрый кумир.

Славы алтарь вековечен,
Пышен Свободы престол:
Неккёр к нему подошел,
Знаком победы отмечен.
Славься, греми на весь мир,
Франции добрый кумир.

В мир, где живут полубоги,
Наши возносят сердца
Милого нам мудреца
По триумфальной дороге.
Славься, греми на весь мир,
Франции добрый кумир.

Песенка дам с площади Мобер

Все обошлось без кутерьмы:
Он с нами—буржуа версальский.
Попали, видно, в точку мы,
Возненавидев сброд канальский,
На чью подляческую честь
Всех покупателей не счесть.

Он нас считал за дураков,
В своей берлоге сидя гордо,
И за нули считал бойцов
С рукой мозолистой и твердой.
Но сказка есть: под сапогом
С улиткой вместе гибнет дом.

А вот подлец совсем иной,—
Он чем хитрее, тем уютней:
Бедняга тешится мечтой,
Что мы не видим ловких плутней.
Дворцовый хлыщ, аристократ,
Целуя, нас пинает в зад.

И да Флессель и Делоннэ
Крутенюкo приняли за дело.
Эх, тут бы пушку погромчей,—
Чтобы у них в ушах звенело!
Да не было у мужика
Ни чорта, кроме кулака.

Но все они,—хваленье нам!—
Скрививши рожи, здесь боролись
И, довершая горький срам,
На виселицу напоролись:
Уж там-то чванились они,
Аристократам став сродни!

Эх, чорт! Взглянуть на парижан,—
Ну, что за храбрые воляки!
Они нам наплодят граждан,
Охочих, как отцы, до драки:
Гусары станут не страшней
Шпиков, собачьих сыновей.

А те не будут досаждать,
Как этот барский сброд проклятый.
На вас мы сможем наплевать,
Спесивые аристократы:
Невинных это защитит,
А бедняков развеселит.

И ты, приказная строка,
Ты, висельник, разбойник пьяный,
Смотреть не будешь свысока,
Обшаривая нам карманы:
Нет, Генеральных штатов бой
Сравниет замок твой с землей.

А фермеров пузатых хор,
Холопов в золоте,—с разбегу
Из древней завали контор
Скакнул прямехонько в телегу:
Не брось они нам барахло,
Хватило б практики Шарло.

Король наш добрый обещал
Вернуть нам милого министра:
Бедняга, верно, отощал,
Но мы его накормим быстро.
А тот, кто правом не таков,
Узнает зубы бедняков.

Олибриус великий наш,
Увы, ушел в луга и травы.
Его нет с нами,—что за блажь!—
В Испании он ищет славы:
Узнают скоро мал и стар,
Как победил он Гибралтар.

С парламентами нам всегда
Была большая незадача:
Но это просто ерунда,—
Теперь закрутится удача,
Хоть запоздалый их привет—
Как после ужина обед.

Башмачник, добрый патриот*Сочинение Ладрэ*

Французы пред лицом закона
Теперь в правах уравнены
И заноситься не должны
Дельцы, дворяне, люди трона.
Пускай башмачник я простой—
Мне по плечу министр любой!

Монарх достоин уваженья,
Когда он сам законы чтит.
Мне в знатных сердце веселит
Лишь к добродетели стремленье.
Будь богача, вельможи сын,
Но будь при этом—гражданин.

Когда Париж кипел в тревоге,
Исчерпан хлебный был запас,
Оружья не было у нас
И враг стоял уж на пороге,
Я прикрепил, чтоб воевать,
Сапожный нож на рукоять.

Я в церковь ринулся былую,
Где граждане уж собрались.
«Смерть иль победа»—мой девиз.
Удвоим зоркость боевую
И будем строго с этих пор
И день и ночь вести дозор.

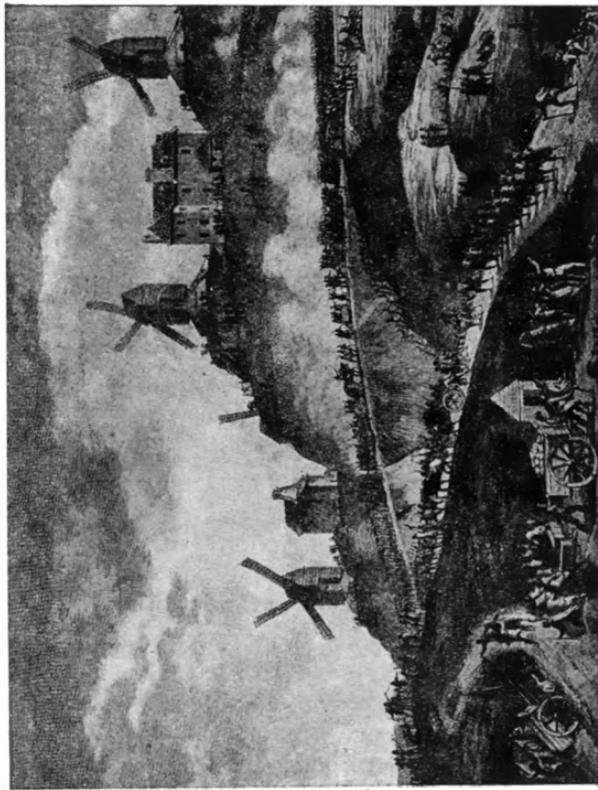
Над каждой бодрствуя мансардой,
Стеречь мы будем вражий шаг
И все украсим свой колпак
Трехцветной братскою кокардой;
Пускай воинственный наш вид
Врагов свободы устрашит.

У всех нас общее есть чувство—
Равны все люди меж собой:
Я человек был небольшой—
Никто не чтит мое искусство,—
Теперь я тоже знатным стал,
Как принц любой иль генерал.

Я всем внушаю уваженье,
Я революции оплот.
Пусть я башмачник—мне идет
Солдатское вооруженье.
Порядок мною охранен,
И защищаю я закон.

Легко в солдатской я науке
Нашел призвание свое,
Во всем покорно мне ружье,
К нему мои привыкли руки,
Я с острой саблей и штыком,
Как старый гренадер, знаком.

Ружье и штык—моя отрада,—
Милей сапожничья ножа.
Пойду я, ими дорожа,
В дыму войны, в рядах парада,
До преисподней воевать,—
Коль в плен нам надо чорта взять!

Перевоз пушек парижского гарнизона на Монмартр 15 июля 1789 г.
С гравюры П.-Г. Берто по рис. Прьера

**Счастливый месяц, или Подлинный
праздник порядочных людей**

(13 августа 1789 г.)

Нам веселье и согласие
Подороже глухих слов,
Пусть бежит несогласье
От веселых голосов.

Братя, одного отца ведь
Тут мы видим сыновей,
Так давайте ж праздник править
Добродетельных людей!

Не пора ль права рожденья
И дворянство всем забыть?
Пусть одно опьяненье
Будет всех веселить.

Вольность всем напоминает
О неволе прошлых дней,
Вольность праздник украшает
Добродетельных людей.

Отмена налогов и разрешение полевой охоты

Сочинение гражданки Ферран

Вы, жители полей укромных,
Идет свобода к вам в дома!
Здесь больше нет—ни подъяремных,
Ни феодального ярма.
И тот, кто властвовал над вами,
И тот, кто поедал ваш труд,—
Теперь, как вы, равны правами
И долг гражданства так же чтут.

Здоровым радостям охоты
Все отдавайтесь, как один.
Пускай ни страха, ни заботы
Не знает сельский гражданин.
Ты, молодежь, вслед за отцами
Силки и ружья приготовь.
Приятно странствовать лесами,
Коль дома ждет тебя любовь.

Мы чтим укромные селенья,
Труды, забытые в полях.
Мы ждем от их благоволенья
Все новых радостей и благ.
Их незаметными трудами
Победы нашей крепнет шаг.
Работники земли! Мы с вами
И в развлечениях и в трудах!

Обращение аристократов

Сословье третье, может стать,
Вы благородно бы простили
Епископов, кюрэ и знать
За блеск их вековых насилий.
Узнаем пусть иную стать:
Вам удалось права забрать!

Что будет утешеньем нам
В утрате горькой деспотизма?
Досель не верится глазам,
Не ожидавшим катаклизма.
Придется поле очищать,
Сословье третье сменит знать.

Демократический декрет
Унизил каждого обидно,
Но мы не можем дать ответ,
Когда Бастилии не видно.
О, как припомнит этот миг
Через десятки лет старик!

Прекраснейшую между роз
Беспечность наша погубила.
В чудесной из метаморфоз
Сословье третье победило.
Епископы, кюрэ и знать,
Нам все придется потерять.

Чтобы над пропастью скользнуть,
Пускай зовут аристократы,
Как ни сжимается их грудь,
Сословье третье для расплаты.
В покорности народу там
Потребуется клясться нам.

Признав заслуженный укор,
Получим, может быть, прощенье;
Зловещее «confiteor»*
Произнесем без искаженья,
Чтоб молвить: «Каюсь, грешен я!»
Et caeterá, et caeterá**.

* Исповедую.

** И прочее и прочее.

Песнь на злобу дня

Духовенство

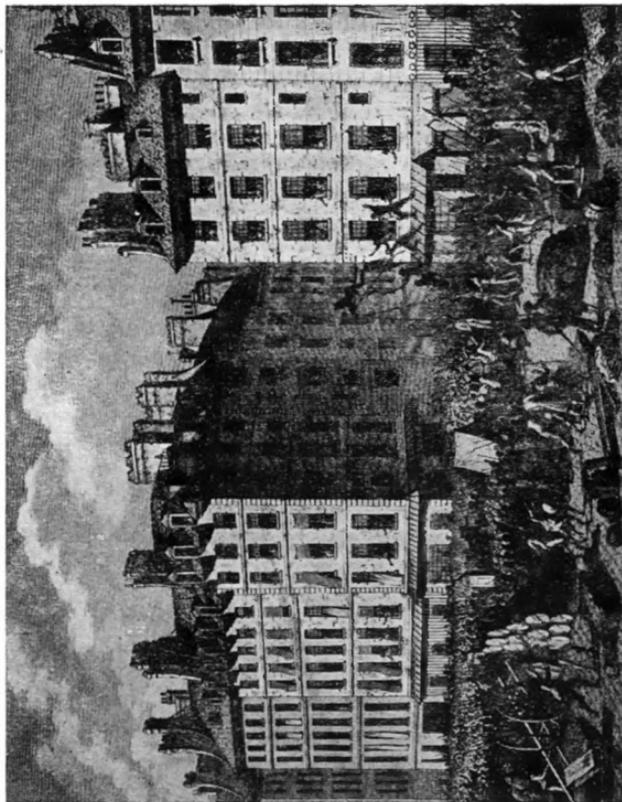
Коль денег нет,—давать хитро:
 Подачки высосут добро;
 Нам это в огорченье!
 Народу с добрым королем
 Молитвой пользу принесем.
 Какое утешенье!

Дворяне

Хоть кровь мы льем и там и тут,—
 Из нас гроши еще трясут;
 Нам это в огорченье!
 Но зря нас ловят на крючок:
 С лихвой заплатит мужичок.
 Какое утешенье!

Третье сословие

Без пользы тополя шумят,
 Фруктовый презирая сад,—
 Нам это в огорченье!
 Но у вельможи во дворе
 Стоят по чину, в серебре.
 Какое утешенье!

Казнь Фулона 23 июля 1789 г.
С рисунком П.-Г. Берто по рис. Приера

Мельник

В ветрянку сядет свинопас,—
Так хлеб добудет и без нас;
 Нам это в огорченье.
Но знатный смотрит свысока,
Не стоя ни четверика.
 Какое утешенье!

Башмачники

В своих речах привыкла знать
Всех нас холопами считать;
 Нам это в огорченье.
Клянемся именем своим,
Что башмаков ей не дадим!
 Какое утешенье!

Портные

Сеньер спесивый мнит порой,
Что он полезней, чем портной;
 Нам это в огорченье.
А ты ему штанов не шей,—
Свой зад покажет дуралей!
 Какое утешенье!

Ричард Львиное Сердце*Сочинение Седена*

О, король! О, мой Ричард!
Позабытый всей вселенной.
На земле один лишь бард
Думает о муке плена.
Я один бы был готов
Сбросить гнет твоих оков.

Ты покинут всей вселенной,
О, король! О, мой Ричард!
На земле один лишь бард
Думает о муке плена.
Да еще его подруга
Мучится тоскою друга.

Не ищите, государь,
Счастья под лавром славы,
И наверное, как встарь,
Мирт полюбите тогда вы.
Трубадур
От муки хмур,
И для груди, горем сжатой,
Он не ждет отплаты.

О, король! О, мой Ричард!
Позабывтый всей вселенной.
На земле один лишь бард
Думает о муке плена.
О, король! О, мой Ричард!
Позабывтый всей вселенной.
На земле один лишь бард,—
То Блондель,—один лишь бард—
Думает о муке плена,
Только бард
Думает о муке плена!

Славные дни 5 и 6 октября 1789 г.*Сочинение Т. Руссо*

Зачем в смятении все, и барабан гремит?
Какое бедствие сегодня нам грозит?

Солдаты смелые, от гнева став бледней,
Направили стопы к твердыне королей.

О, преступление безмерное! Оно
Средь королевского двора совершено.

Там издевались все безумною толпой
Над нашей вольности эмблемою святой.

В единодушии преступном смельчаки
Топтали бешено трехцветные значки

И пели, от вина и злобы охмелев,
Там возмутительный и пламенный припев.

Вы королю помочь хотите своему?
Служа законности, вы служите ему!

Исчадью жалкому, поймите, господа,
Народных жребиев не вверят никогда.

Лакеи во дворце, буйны вне дворца,
Напрасно ждете вы победного конца.

На стенах юмнаты, где буйствовал позор,
Рука незримая вам пишет приговор.

Слепые ратники безумной старины,
Дрожите! Будем мы за все отомщены!

И если молнии решились вы разжечь,
Под их ударами вам первым надо лечь!

Пусть роковой урок, пример грядущих дней,
Заставит вас дрожать, клеветы королей,

Пусть он приучит вас, принудит, наконец,
Самодержавного народа чтить венец!

Он создал королей для блага своего,
Они ж похитили потом права его.

И вот, сочтя себя за божьих сыновей,
Глядят с презрением на остальных людей.

Все Дионисии и Авгии—сродни:
Враги заклятые народных прав они.

В их темном множестве на Тита одного
Неронов тысячу мы видим оттого.

Рабы своих рабов, во глубине палат,
Бесславно жизнь они безвольную влачат,

И в ярость подлую впадают иногда,—
Театром ужаса бывает мир тогда.

Меж тем их визири, увенчаны венцом
Всех наглых радостей, пируют день за днем,

И потом бедняка давно упившись, льют
От скуки кровь его в свой золотой сосуд.

Людовик! истина в конце концов пришла
Освободить тебя от заблуждений зла.

Узнай, что, следуя законности во всем,
Народа вольного быть сладко королем.

Ты это сам сказал—и доказал возмись,
До полной высоты сегодня вознесись.

О притеснениях былых заставь забыть,
Заставь за вольности тебя благословить.

Подумай, посуди. И не того потом
Могущественным ты признаешь королем,

Кто царствует двору в угоду, а того,
Кто заслужил любовь народа своего.

**Парижские героини,
или Предательство королевских
гвардейцев**

Вот—рассказ из жизни взятый.
Место: лип версальских тень.
Год: восемьдесят девятый,
Октября шестое—день.
Стал тот день кровавой датой...
Вымыслу нет места здесь.
Нации великой—честь!
Нации великой—честь!

Героических гражданок
Многотысячный народ
Из предместий спозаранок
Собирается в поход.
Путь отважных парижанок
Прямо ко дворцу лежал:
Чтоб король им хлеба дал!
Чтоб король им хлеба дал!

Но, вдали завидев знамя,
Королевский лейб-юнквой
Ощетинился штыками
Перед женскою толпой.
С обнаженными руками
Те идут навстречу им:
Видеть короля хотим!
Видеть короля хотим!

Тут злодеев штык проворный,
Чтоб огонь вражды раздуть.
С торопливостью позорной
Вожакам пронзает грудь.
Не избыть вам славы черной,
Труссы, вышедшие в бой
С незащитною толпой!
С незащитною толпой!

Вы призвали на подмогу
Фландрский полк, что там стоял.
Но фальшивую тревогу
Чужестранец распознал,
Только вышел на дорогу...
И солдаты-чужаки
Повернули вспять штыки.
Повернули вспять штыки.

Засверкали ваши пятки:
Шкуру поскорей унести!
Скачут трусы без оглядки...
Но убийство кличет месть—
И с толпой опасны прятки.
Семеро за подвиг свой
Поплатилось головой.
Поплатилось головой.

Те, кто Францию спасали,
Хоть сильна была рука,
Еле-еле отстояли
Жизнь версальского полка.
Без защиты их едва ли
Уцелел бы, говорят,
Хоть один из тех солдат.
Хоть один из тех солдат.

Всенародным пристыженьем
Заблужденье искупив,
Возрожден своим спасеньем,
Пусть виновный будет жив.
Нация сильна—прощеньем...
Верь, француз, звезде своей:
Понапрасну кровь не лей!
Понапрасну кровь не лей!

Лейб-гвардеец, прекрасный Ворикур

(Романс исторический, относящийся к событиям
5 и 6 октября 1789 г.)

Сочинение Сильвена Маршаль

Из тихих обиталищ
Не падо выходить.
Дни ужаса настали,
В Париже страшно жить.

Когда-то полный счастья
И мирной тишины,
Париж сейчас во власти
Насилья и войны.

Всем сердцем паж Нинетты,
Бродя у амбразур,
Любовные обеты
Припомнил Ворикур.

«На королевской службе
Три месяца мне быть —
И стану в нежной дружбе
Я дома с милой жить».

Но в тот осенний холод,
В ужасный недород,
Невероятный голод
Вдруг поднял весь народ.

И с гневом, и с печалью,
Питая в сердце месть,
Народ пришел к Версалю,
Взывая: «Дайте есть!»

Туда проник он даже,
Где сам король живет,
Но дерзостная стража
Переградила вход.

Убили в этом месте
Старуху. Видя кровь,
Народ возжаждал мести,
И кровь пролилась вновь.

За это преступленье
Был Варикур убит.
Народа возвращенье
Имело страшный вид:

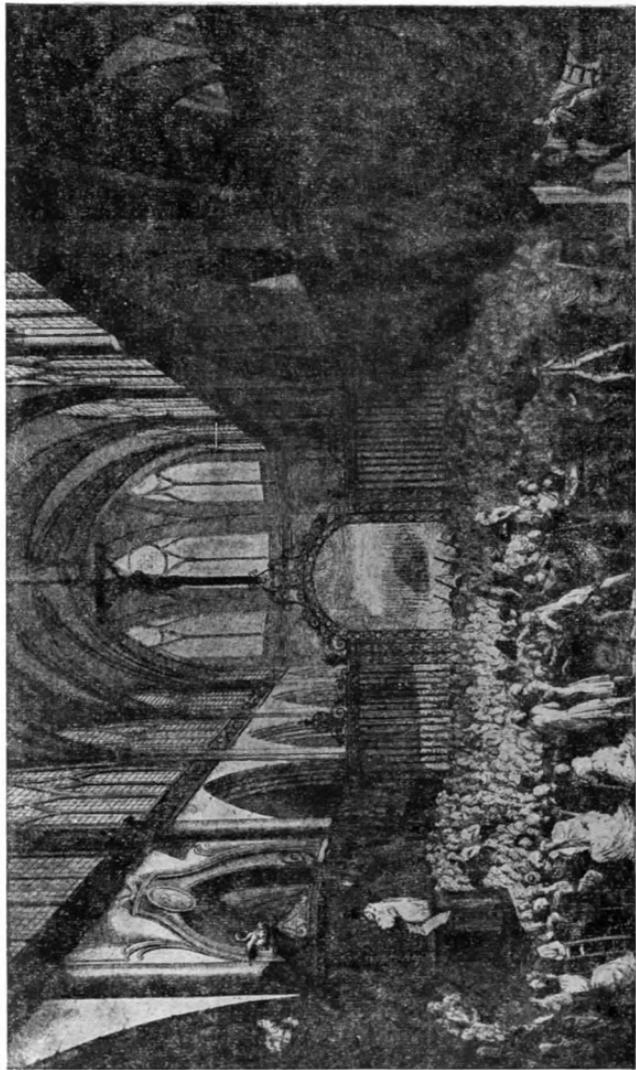
Под яростные крики,
Смотрел он, как живой,
Приподнятой на пике
Кровавой головой.

А нежная Нинетта
Там, в домике своем,
Мечтой была согрета
И думала о нем.

Вдруг шум. Она направо,
К окошку. Боже, он,
Здесь, головой кровавой
На пике вознесен!

От горечи, от гнева
Она лишилась сил,
И ужас сердце девы
В безумье погрузил.

Народных возмущений
Вот он—печальный плод;
Пусть каждый в мирной лени
Вдали от них живет.

Поминки по гражданам, погибшим при взятии Бастилии, 5 августа 1789 г.
С гравюры П.-Г. Верто по рис. Приера

**Поход в Версаль
и прибытие короля в Париж**

«Возьметесь-ка за пики,—
Мы все сказали раз.—
С нас хватит этой клики!
Версаль морочит нас!
Так щелкнем же по носу
Тот жульнический сброд,
Иначе он без спросу
Кокарду нам пришьет!»

Услышав пушек пенье
И наших сабель звон,
В ужасное смятенье
Приходит Туанон.
Дражайшей половине
Она лепечет: «Слышь!
Мы сами жаждем ныне
Отправиться в Париж».

Маневр довольно трудный
Двору внушает страх,
Поток наш многолюдный
Тоску родит в сердцах.

Но, видя их терзанья,
Мы кротко говорим,
Что их из состраданья
В Париж переселим.

Опасная столица
Раскрыла ворота,
И нехотя вселится
К нам гордая чета.
Но взоры наши строги, —
Известен каждый плут.
Заботливые боги
Нам Францию спасут.

Бедствия короля и его семьи

(Романс бейарнского трубадура)

Огорченный трубадур
Перед горцами Бейарна:
Пел, от беспокойства хмур,
На вершине лучезарной:
«Венценосный сын Анри
Ныне пленник в Тюильри.

«Перед ним пролилась кровь
Преданнейшего гвардейца,
Чтобы можно было вновь
Смертью верной засмотреться;
Но венчаный сын Анри
Ныне пленник в Тюильри.

«Он тревожился за дни
Им возлюбленной супруги.
Но не встретили они
Помощи в надежном друге;
Королева вслед Луи
В плен попала в Тюильри.

«В чем, однако, их вина,
Чтоб отнять у них свободу?
Не любила ль их страна?
И хвала ли то народу,
Что несчастный сын Анри
Ныне пленник в Тюильри?»

«Наш возлюбленный дофин
В детстве ведает уж узы,
Страждет королевский сын;
В колыбель дают французы
Детям нашего Анри
Плен тюремный Тюильри.

«Эти униженья их
Не угасят в нас почтение.
Струи нитей золотых
В облаках зажгут горенье;
Сын попрежнему Анри
Заключенный в Тюильри.

«Вы гордитесь, что права
Человека получили;
Но, свободные едва,
Короля вы осудили;
Все свободны, а Луи
Ныне пленник в Тюильри.

«У подножья, где Анри
Монументом отдыхает,
Что за грохот до зари?
Неужели чернь желает,
Чтоб причастен был Анри
Планам против Тюильри?»

«О французы, королю
Возвратите же свободу!
Как беарнец вас молю
Короля вернуть народу:
Счастье старого Анри
Обеспечим мы Луи!»

Романе парижского трубадура

Сочинение Габриэль-Жозефа д'Обонн

Король во Франции жил
И добрая королева.
Со всеми он ласков был,
Она улыбалась без гнева.
Ах! Сколько сделано зла!
Свидетелем ночь была.

Она украшала трон;
Король был защитником веры.
Слыл Марком-Аврелием он—
Она же слыла Венерой.

Раз осенью в прошлом году,
Лишь солнце спустилось ниже,
Пробил барабан беду,
Пришли амазонки Парижа.

О, Муза, ни слова о том,
Как этой ночью ужасной
Дворяне перед дворцом
Нашли свой конец несчастный.

Я верил, что после невзгод—
От них содрогаюсь душою—
Опять человечность придет
С воскреснувшею зарею,
Но столько сделано зла!—
Свидетелем ночь была...

В то время, когда Доброта
Тревог в душе не питала,
В то время, когда Красота
Спокойно в дворце засыпала,

Вся шайка бандитов ночных,
Не виданных в парке доселе,
Прорвалась чрез часовых.
У королевской постели,
Вся в ужасе и в слезах,
Королева прятала страх.

В Париже от черни злой,
При помощи Лафайета,
Людовик с сыном, с женой
Должны были скрыться от света.
Не будем мы видеть зла,
Лишь добрые помня дела.

Как граждане просто—они
Средь братьев вкушают счастье,
Приводят к нам добрые дни
И утешают несчастья.

Француз! Коль свободы заря
Попрала неволю пятою,
Пусть король и его семья
Разделят свободу с тобою.

Быть свободным—вот твой закон;
Должен быть свободным и он.

Пусть он—лишь весна придет—
Посетит все свои поместья,
Пусть Францию в лучший год
Объедет с семьею вместе.

Но чем еще ты смущен,
Гражданин горячий и смелый?
Уважая свободный закон,
Заверши это доброе дело.
Дворянин бесстрашно умрет,
Твердя: «Пусть король живет!»

Новая песенка

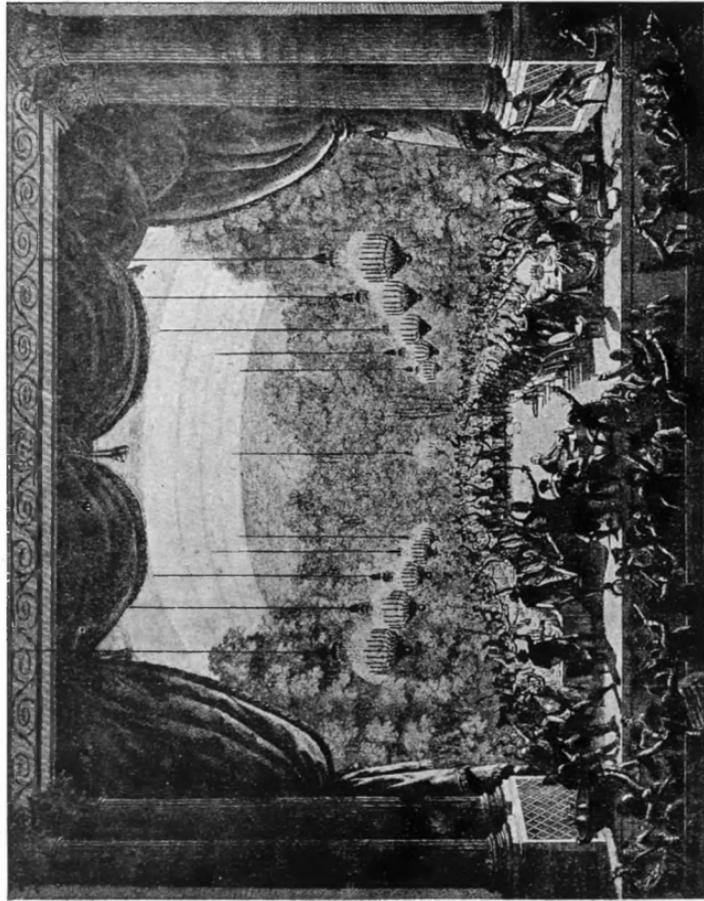
Гильотен,
Враг измен,
Врач весьма приличный,
Рассуждал, что род людской
Площадной душить петлей
Не патриотично.

Для него
Ничего
Казни нет милее,
Коль ему не сгоряча,
Без петли, без палача,
Дать ножом по шее.

Говорят совсем напрасно,
Что из зависти несчастной
Тот хитрец,
Ловкий жрец
Гиппократа,
Дал когда-то
Остроумнейший совет,
Как на тот отправить свет
Безболезненно собрата.

Враг измен
Гильотен
Полон сил и чужд сомненья,
Шапелле, Барнаву сам—
Самым важным знатокам—
Показал изобретенье.

И, пылая добротой,
День-деньской
Стал трудиться над машиной,
Что без боли смерть дает
И которую народ
Называет гильотиной.

Оргия королевской гвардии в оперном зале, в Версале 1 октября 1789 г.
С эстампов П.-Г. Берто по рис. Пирера

Закон крови, или Военный закон,

декретированный 21 октября 1789 г.,
в I год свободы

Сочинение Т. Руссо

Какая фурия к террору
Законодателей ведет?
Какой ужасный гений взору.
Их неуклонно предстает?
Предписывая обожанье
Законов равных и благих,
Они унизили названье
Народа до животных злых.

Отряды двинув на расстрелы
Ты тем заставишь ли, Солон,
Нас полюбить закон твой смелый,
Когда наш разум возмущен?
И пули могут ли,—о воля,
Ты, обольщающая всех,—
Заставить нас итти без боли
Путем окровавленных вех?

Народ, доверчивый чрезмерно
И поступающий без дум,
Способен возмутить, наверно,
Своими действиями ум.
Но если на высоком месте
Себя ты видишь пред толпой,
То не спеши с вопросом местн
И чувству выход дай иной.

Пусть будут боле виноваты
Они, чем это узнаешь,
Ужель во имя злой расплаты,
Ты по закону их убьешь?
Живущим в просвещенном веке
Как не почувствовать испуг,
Когда не видят в человеке
Других отличий, кроме рук?

Судья; твой суд не будет ясен:
К тебе толпу людей ввели, —
Виновных от невинных в массе
Ты прозорливо отдели.
Да не звучит вердикт тяжелый,
Одних лишь робких погубя,
Когда злодей быстрее Эола
Сумеет скрыться от тебя.

Взгляни на жертвы безграничной
Досель жестокости твоей:
Их поведение обычно,
Для них не надо палачей.
Верни же матери поддержку
Ее бессилия и лет.
Палач! Не обращай в насмешку
Того, чем каждый был согрет.

Их крики, слышные отсюда,
Ужели сердца не смягчат?
Разоблачать тебя я буду,
Пока гнетомые молчат.
Ты заблуждения народа
Всечасно должен просвещать,
Вот что велит творить Свобода,
А не нещадно убивать.

Секире строгого закона
Отдай противников его,
Чтоб справедливость неуклонно
Над злым свершала торжество.
Но невинных прекрати же
По дикой прихоти губить
И в успокоенном Париже
Дай каждому спокойно жить.

Новые апостолы — аристократы

(Куплеты по поводу декрета Национального собрания, объявляющего имущество духовенства принадлежащим всей нации)

Богатые прелаты,
Приспешники двора,
Надменные аббаты,
Прошла для вас пора:
В карман к вам не течет,
Как некогда, доход;
Не получать вам платы.
Вас разгадал народ,
Богатые прелаты!

В Евангелии когда-то
Совет был ясный дан,
Чем могут быть прелаты
Нужны для христиан.
Хотите лучше стать?
Не надо пировать—
Бегите от разврата.
Так все могли читать
В Евангелии когда-то.

Достоинство священства—
Ваш мирный идеал.
Господь—пример равенства—
В карете не ездил.
Один лишь ослик с ним
Входил в Иерусалим.
Не то у духовенства!
И плохо мы храним
Достоинство священства.

В Париже средь народа
Священству, наконец,
Дана теперь свобода
Пасти своих овец;
И добродетель там
Теперь открыта нам.
А гражданству в угоду
Король отныне сам
В Париже, средь народа.

Прелестные дриады,
Танцовщицы двора,
Где вам искать улады?
Прошла для вас пора:
В Версале нет утех—
Монахов взяли всех.
Так плачьте от досады,
Забыв свой прежний смех,
Прелестные дриады!

Нам фонарей довольно,
Пусть мир средь нас живет.
Здесь утро жизни вольной
Встречает весь народ.

Король теперь у нас—
Прославим этот час!
Мы счастья все достойны,
Огонь вражды угас,
Нам фонарей довольно!

**Жалоба духовенства, обобранного
Национальным собранием**

Сочинение Ладрэ

Обобран я! Лишен я состоянья,
Где в государстве прежний мне почет?
То униженье, то опять признание—
Тяжка с тобой борьба, солдат-народ.

Обобран я! Власть у меня отъята,
Лишенный благ, теперь я слаб и нем.
Я многим был во Франции когда-то,
Но в наши дни я стал почти ничем.

Обобран я! Зачем же, Карл Великий,
Былую власть ты мне не дашь опять?
Жить без тебя в стране я должен дикой.
О, если б лик твой вновь здесь увидать!

О Медичи! Король Людовик Первый!
О, Карл Девятый, помощь мне и щит!
За вас меня вела на битву вера;
Мой меч в крови еретиков обмыт.

Смирение, покорность, добродетель
Я проповедывал, но был тщеславен сам.
Народ, теперь ты зорок, — бог свидетель!
И доблесть лишь нужна твоим сердцам!

Я говорил про бедность, воздержанье,
А сам о звонком золоте мечтал.
Теперь и я лишился состоянья,
И без него ничтожен стал и мал.

Но как бы мог я отразить удары,
Своей судьбы сменить закон прямой?
По справедливости, я стал достоин кары,
Вся Франция сейчас в вражде со мной.

Аристократо-клерикально-вакхическая

Пусть пьет, кто хочет, за народ,
 За честность патриота,—
 Нам, духовенству, гимн не тот
 Пропеть пришла охота.
 С тех пор, как слили в должный час
 Со всею нациею нас,
 Мы все богаты, чорт возьми,—
 Как водится между людьми!

С народом жить одной семьей
 Велело нам Собрание,
 К нему пошли мы всей душой,
 Но без гроша в кармане.
 Жить без имений—это вздор,
 Пустой, конечно, разговор.
 Нас обобрали, чорт возьми,—
 Как водится между людьми.

О депутаты, запретить
Нельзя своим декретом
Обычай плотно есть и пить,
И хохотать при этом.
Такой естественный порок
И ваш указ пресечь не мог.
Мы в нем погрязли, чорт возьми,—
Как водится между людьми.

Вам понимать давно пора—
Пусть ваши речи бойки!—
Что даже росчерком пера
Не зачеркнуть попойки.
Хоть уважения полны
Мы к депутатам всей страны,
На них плевать нам—чорт возьми,—
Как водится между людьми.

Песнь 1789 г.

Святой отец наш—дуралей,
А поп—не сыщите наглей!
Архиепископ наш—злодей!
Аллилуйя!

Монаршей милостью всегда
Кормились эти господа.
Теперь и к ним пришла беда,
Аллилуйя!

Где исповедываться нам?
Кто отпущенье даст грехам?
Его нам даст всевышний сам!
Аллилуйя!

Какой назойливый народ!
Пускай на хлеб цена растет,
Неккер от голода спасет!
Аллилуйя!

Как быть нам со святым отцом?
С набитым плотно сундуком.
Мы скоро все перетрясем.
Аллилуйя!

Великий бог, избави нас
От воронья, от черных ряс—
И мы затынем в добрый час
Аллилуйя!

**Национальное собрание,
или Обольщенная Франция**

Немного путного у нас
От Генеральных штатов видно:
Дурного больше во сто раз.
Ах, что за гордая ехидна!
Их депутатов нужно нам
Скорей послать ко всем чертям.

Они сожрали нашу знать
И духовенство искушали:
Их надо бить и убивать,
Как псов, что вдруг беситься стали.
Прочь этих удалых ребят!
Гоните их пинками в зад!

Нас голодухой в свой завет
Они приводят неослабно,
Но без кредитов, без монет
Их рожки выглядят похабно:
Воришек этих подлый сброд
Святошей сделал весь народ.

Ах, смерть крольчатам суждена!
Ужель они—аристократы?
Они не кушают зерна—
Того, что прячут демократы:
Они калустный лист грызут,
А демократы—все сожрут.

Он—пленник, добрый наш король,
Под кровом тюльрийской сени.
Бойцы отважные, доколь
Терпеть потоки оскорблений?
Ужель пред шайкой босяков
Король унизиться готов?

Их своевольный приговор
Теперь и судьи испытали,—
Так быть должно: злодей и вор
Закон недаром низвергали.
Фемида медленно идет,
Но все же к цели приведет.

Лишь только кучка процелыг
Сошлась в каком-нибудь селеньи—
Кому-нибудь дан в тот же миг
Мандат в Париж, на словопренье.
Однако нет страшнее зла,
Чем их избранников дела.

Святую свечку дал Аррас,
Прованса яркий факел с нами:
Они не освещают нас,
Но Францию кидают в пламя.
Нельзя их трогать и тушить,
Но есть надежда приглушить.

В согласи с добрым королем
Закон и счастье мы велели
Вам созидать в краю родном:
Но вы в наказ не поглядели,
Желая не Советом быть,
А над ограбленным шутить.

Ах, господа, терпеть невмочь,
Про совесть вспомните впервые.
Довольно штук! Катитесь прочь!
У нас избранники другие,
Ошибками научены,
Созидут счастье страны.

Забавный диалог

между мастером сапожником и его сыном,
прославленным среди аристократов аббатом

О т е ц

Ты приходишь без стыда,
Недостойный сын, сюда?
Ты, чья низость мне знакома,
Ты, предавший всех друзей,
Из родительского дома
Убирайся поскорей!

А б б а т

К духовенству я причтен
И почти что разорен.
Потрудитесь состоянье
Мне скорее возвратить.
Разве наши притязанья
Мы не можем совместить?

О т е ц

Ах, подлец, твоя мечта—
Уничтожить Tiers-Etat!
Мной рожден ты был когда-то,
И, когда бы дело знал,
Не плохим бы ты аббатом,
А башмачником бы стал.

А б б а т

Вам по крови равен я,
Но знатней судьба моя.
Знаю я, при власти новой
Опустеет мой карман—
Так не будьте же суровы,
Коли я люблю обман.

О т е ц

Прочь, аристократ надменный,
Нет, не сын ты мне, презренный.
Лишь свое добро жалея,
Ты не чтишь страны родной.
Пить с актрисами скорее
Уходи в притон ночной.

А б б а т

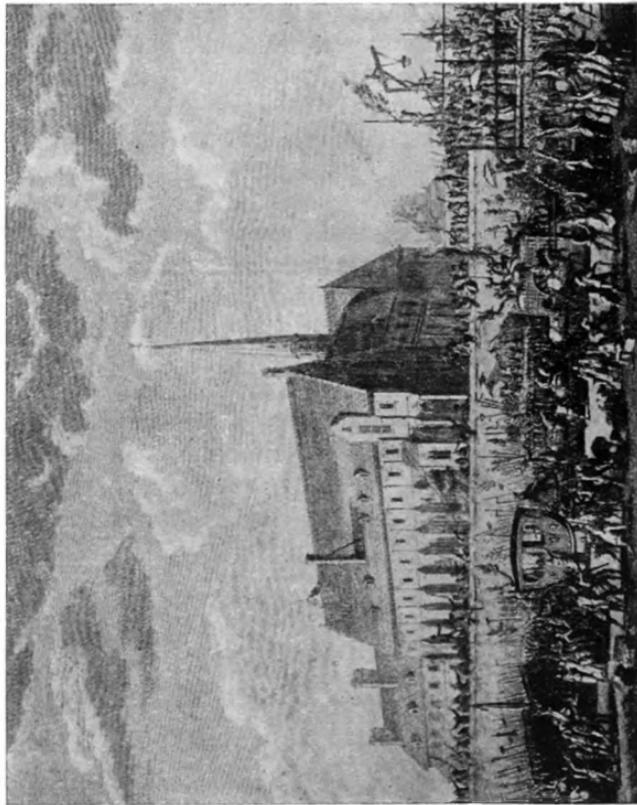
О, отец, не будь так строг,
У твоих припал я ног.
Будь, отец, ко мне добрее,
Сжался над судьбой моей.
Я давно уж стал скромнее—
Эта жизнь меня сильней.

Недостаток в звонкой монете

Тысяча семьсот девяностый год,—
 Будет ли он для Франции сладок?
 Да, господа, скажу наперед—
 Если в финансах прибрать беспорядок;
 Не прерывайте этих хлопот,
 Чтоб посмотреть (bis), как дело пойдет! (bis).

Прочь, за границу, везут и везут
 Наши враги золотую монету,
 Мщеньем пылая, дружно поют
 Скареды злобную песенку эту:
 «Денежки грабь без всяких забот,
 Чтоб посмотреть, как дело пойдет!»

Жизнь нам не в жизнь, коль нет ни гроша,
 В этом никто сомневаться не станет.
 Как же прожить, пока не спеша
 Нам их комиссия не отчеканит?
 Пусть народ на нее поднажмет,
 Чтоб посмотреть, как дело пойдет.

Прибытие короли и его семьи в Париж 6 октября 1789 г.
С гравюры П.-Г. Верто по рис. Приера

Сказки про ад и чертей не страшны,
И, повинуюсь доброму зову,
Мы для начала скорее должны
Дружно приняться за церковь Христову:
Пусть ее блага нищий возьмет,
Чтоб посмотреть, как дело пойдет.

Но, несмотря на строгий приказ
И вопреки дарам патриота,
Денежек все же не видно у нас.
Всякому тут посудачить охота!
Пусть поразмыслят! Узнает народ,
Узнает народ, как дело пойдет.

Козни плетут богатеи хитро:
Чтобы надежда у нас увяла,
Золото Франции и серебро
Прячут они в дальний угол подвала.
Этих плутов повесь наперед,
Чтоб посмотреть, как дело пойдет!

**Декрет Национального собрания
об уничтожении дворянских титулов**

(Исторический романс)

Альмон, сиятельного рода,
Наперекор своим родным,
Любил Сюзетту, дочь народа
С примерным нравом и простым.
Но, жертвы светского презренья,
Они, не доверяя дню,
Скрывали, будто преступленье,
Любовь невинную свою.

«Смогу ль когда, моя Сюзетта,—
Шептал не раз Альмон младой,—
Свой пламень не таить от света,
Открыто звать тебя женой?
Происхожденье—не провинность.
Пусть колыбель твоя проста,—
Дороже знатности невинность,
Твой нежный титул—красота».

Три года вопреки препонам
Друг другу милые верны.
Но, чу!—торжественным законом
Права дворян отменены.

«Мой друг, к нам счастье слетело!—
Вскричал Альмон.—Конец тоске!
Теперь к отцу пойду я смело
С декретом радостным в руке».

Отец Альмона был придворный,
Кичливым хвастался гербом:
Аристократ тупой и вздорный,
Он оказал крутой прием:
«Вы мне не сын, Альмон презренный.
Не появляйтесь здесь вперед.
Покиньте тотчас эти стены:
Вы опозорили мой род!»

Альмона мать давно скончалась,
Но у него сестра была:
Она с мегерою сравнялась—
Лицом угрюма, сердцем зла.
Альмон спешит с душой открытой:
«О, поддержи меня, сестра!
Моей Сюзетте будь защитой:
Мне мужем стать давно пора».

И прошептал, потупив взгляды:
«Сестра! Ей суждено носить
Залог любви, который надо
Скорее браком освятить».
Сестрица, вид принявши скромный,
Вздыхает с трепетом в груди:
«Ну, что ж! Сюзетту ночью темной
В строжайшей тайне приводи».

Душа спесивая лукавит:
Она трепещет оттого,

Что кровь дворянскую разбавит
Простонародное родство.
Бежит к отцу просить совета.
Напиток злой они таят:
Не будет матерью Сюзетта,
Сей гибельный вкусивши яд.

Сюзетта ночью в дверь стучится
И с нею верный друг Альмон.
Простосердечная страшится,
Но подозренья гонит он.
Сестра приветливо встречает,
За стол сажает их скорей,
Сюзетту нежно угощает,
Желает доброй ночи ей.

Но выпила Сюзетта зелья,
И ночь ей ужасом грозит:
Залог любви, залог веселья
В его зародыше убит.
Увы, ошибку понял поздно
Альмон, проснувшись на заре!
Он в ярости слепой и грозной
К жестокой кинулся сестре:

«Твой лютый нрав, исчадь ада,
Мне все святое в грязь втоптал!
Тебя из жизни вырвать надо...
Но пламя чище, чем кинжал!
Подай дворянских грамот ворох,
Источник горя и обид.
Смотри с отчаяньем во взорах,
Как пламя их испепелит!»

Спешит отец. Но огонь сжигает
Все родословные дотла.
«Я отомстил, — Альмон взывает, —
За ваши низкие дела!
Останьтесь с дочерью, горюя.
Чины и злато чужды мне:
Семейство новое найду я
В Сюзетте и ее родне!»

И прочь пошли, полны укора,
Супруги юные мои.
Они покрыли очень скоро
Убытки горестной любви.
Сестру же после преступленья
Через два года ждал конец, —
И, снискивая уваженье,
Вернулся к детям их отец.

Солдат-патриот

Солдат я, родину люблю
И для своей отчизны,
Закону предан, королю,
Не пожалею жизни.

И если Францию мою
Дадут на растерзанье,
Погибнуть за нее в бою—
Вот все мое желанье.

Солдат я, родину люблю
И для своей отчизны,
Закону предан, королю,
Не пожалею жизни.

Я не боюсь коварных дел
Лжеца-аристократа—
Всегда я тверд душой и смел
По долгу демократа.

Солдат я, родину люблю
и т. д.

Аристократы-гордецы—
Придворные манеры,
Все ваши титулы, дворцы—
Лишь жалкие химеры.

Солдат я, родину люблю
и т. д.

Мы все в равенстве ищем жить,
Страхнуть ярем позорный,
Свободу будем мы любить
На зависть злобе черной.

Солдат я, родину люблю
и т. д.

Ты царствуешь в земле родной,
Любезная свобода,
Несешь ты счастье и покой
Для вольного народа.

Солдат я, родину люблю
и т. д.

Людовик Францию живит,
Он ей роднее сына,
И в нем народ французский чтит
Отца и гражданина.

Солдат я, родину люблю
И для своей отчизны,
Закону предан, королю,
Не пожалею жизни.

Песнь

Француз твердит: «Плохи дела
И умирать пора пришла»—
Вот, что его огорчает.
У нас и впрямь карман с дырой,
Но век к нам близок золотой—
Вот, что нас утешает.

Невинных часто там и тут
На казнь по улицам ведут—
И это их огорчает.
Но все мы знаем, час придет,
Когда и сам палач падет,—
И это нас утешает.

Коль прокурор и адвокат
Законы утверждать хотят,—
Дворян то огорчает.
Но если Шапелле в окно
Нам было выбросить дано,—
Нас это утешает.

Когда изменник из попов
Продать сутану их готов,
Дворян то огорчает,
Но если президент притом
Бессмертным странствует жидом,—
Нас это утешает.

Пусть Гильотина для Барнава
Мягкосердечна и лукава—
Нас это огорчает.
Узнать приятно будет нам,
Что с ней имел он дело сам,—
Нас это утешает.

Вассалам в руки меч дают,
Богатства грабят, замки жгут—
Нас это огорчает.
Но если голоден сеньёр,
Вассал берет его на двор—
Нас это утешает.

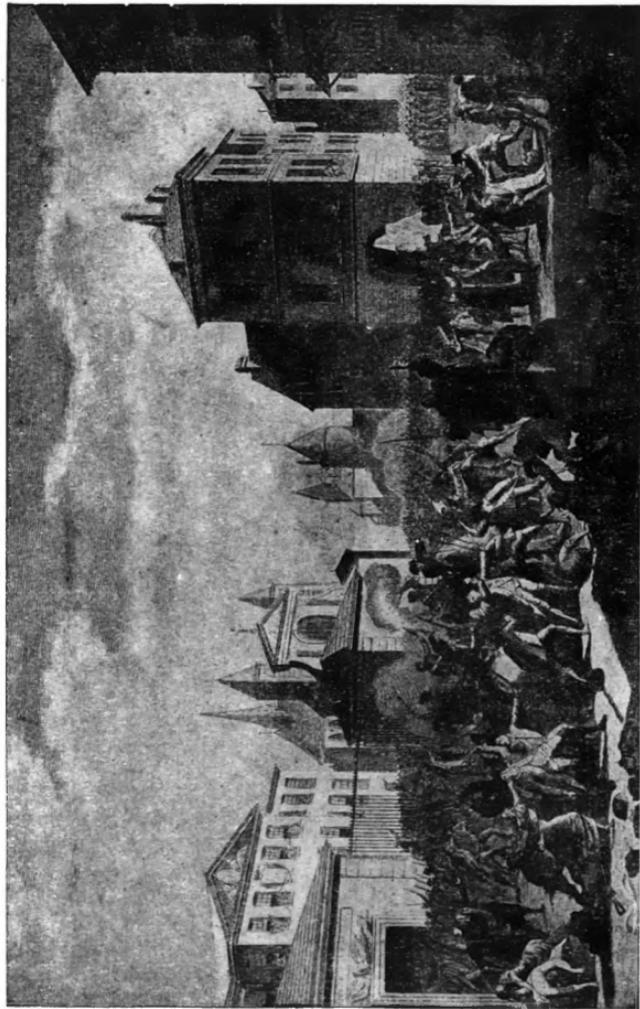
Однажды, дружно страх деля,
Дрожали мы за короля—
Вот что нас огорчает.
Но только стал он уступать—
На троне усидел опять—
И это нас утешает.

Все ходят в страхе, и Париж—
Уныл, куда ни поглядишь,—
Это нас огорчает.
Мы все запутаны вконец,—
Зато пасут нас, как овец,—
И это нас утешает.

Ah! Ça ira!

(Куплеты, сочиненные утром 14 июля 1790 г.
на Марсовом поле во время ливня)

А, ça ira, ça ira, ça ira!
 Наплевать на аристократов и лужи!
 А, ça ira, ça ira, ça ira!
 Обсохнем мы скоро,—придет пора!
 Пусть погода сыра, сыра, сыра!
 Узел легче рубить, коль затянут ту же.
 Пусть погода сыра, сыра, сыра.
 И через тысячу лет вспомнят о том,
 Как шли сюда с утра, с утра, с утра,
 Поклясться, что каждый отчизне служит.
 Как шли сюда с утра, с утра, с утра.
 Всех, кто мешает нам, к чорту сметем!
 А, ça ira, ça ira, ça ira!
 Наплевать на аристократов и лужи!
 А, ça ira, ça ira, ça ira!
 Обсохнем мы скоро,—придет пора!

Избиение патриотов в Монтобоне 10 мая 1790 г.
С ваяния П.-Г. Берто по рис. Приера

Патриотическая песнь

певшаяся на празднике Федерации
14 июля 1790 г.

А, са іга, са іга, са іга!
На фонари аристократов!
А, са іга, са іга, са іга!
Их перевешать всех пора.
Мир деспотизма, умирай.
А, са іга, са іга, са іга!
Не нужно нам дворян с попами.
А, са іга, са іга, са іга!
И равенства наступит рай.
Разбойник прусский и тиран
Падет! И с ним австрийский раб.
И вся их дьявольская шайка
Провалится в таргарары.
А, са іга, са іга, са іга!
На фонари аристократов!
А, са іга, са іга, са іга!
Их перевешать всех пора.

**К добрым гражданам, работающим
на Марсовом поле**

(1790 г.)

Слова г-на Дедюэ

С лопатой и киркою
Веселою толпою
На Марсовом поле
Мы трудимся до поту,
Чтоб кончить в срок работу
На Марсовом поле.

Идем без принужденья,
Нас движет увлечение
На Марсовом поле.
Для праздника большого
Должно быть все готово
На Марсовом поле.

Работаем все вместе,
И труд наш—дело чести
На Марсовом поле.
Нет более Бастилий,
Мы труд объединили
На Марсовом поле.

Вы, милые созданья,
Полны очарованья
 На Марсовом поле.
Вы трудитесь без меры,
Вам веселей Цитеры
 На Марсовом поле.

Дивится иностранец
На труд наш и на танец
 На Марсовом поле.
И Франции свобода—
Прямая цель народа
 На Марсовом поле.

Пускай аристократы
К нам завистью объаты
 На Марсовом поле.
Нам короля правленья
Внушает восхищенье
 На Марсовом поле.

Пою куплет веселый
За тачкою тяжелой
 На Марсовом поле.
И щедро песню эту
Дарю я Лафайету
 На Марсовом поле.

**Куплеты, сочиненные и распеваемые
рабочими Марсова поля**

Аристократы,
Трудненько стало вам,
Марсово поле
Вас гонит по шеям.
Вашу Бастилию—
Столь чтимый вами оплот—
Почти без усилия
Разрушил вконец народ.
Вашу Бастилию!
Отец народу
Король—гражданства щит—
Чтит нашу свободу
И нам лишь добро сулит.
Отец народу!
Король благосклонный,
Любовь ты внушаешь нам,
Твои законы
Ведут к счастливым дням.

**Клятва Конфедерации,
или Гимн французской свободе**

О, граждане, свободы дети,
С готовой к подвигам душой,
В высокие минуты эти
К вам обратил я голос свой.
Во всем умеренность питаю
И доблесть пестую свою,
Я, верный сын родного края,
Одну свободу вам пою.

Пусть теперь аристократы
Готовы Францию сгубить,
Отечеству их род проклятый
Ничем не может повредить.
О, братья, граждане, свобода
Мила защитникам своим.
Да сгинут все враги народа,
Мы никого не пощадим.

Королю

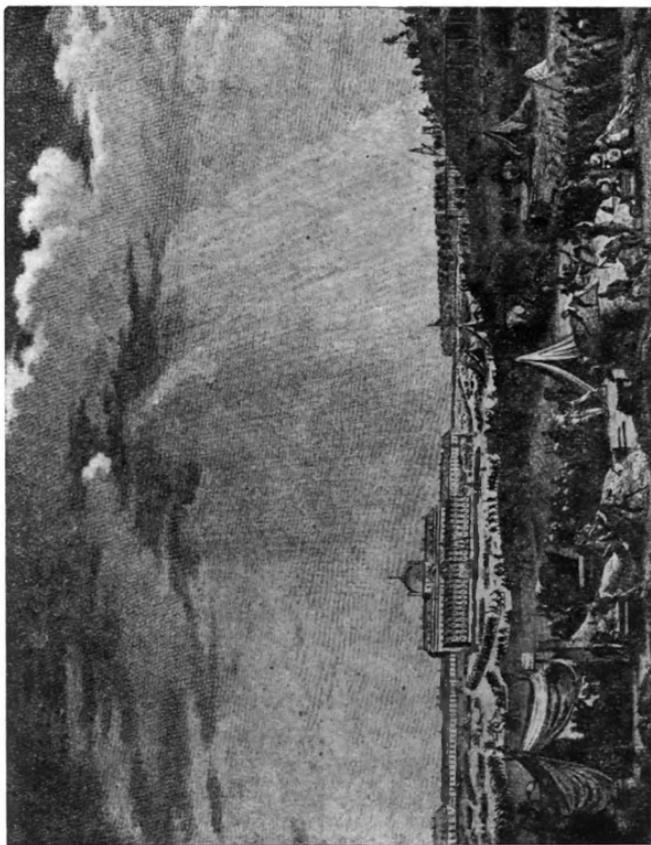
Король с душою благородной,
Кого готов я почитать,
Даруй нам всем язык свободный
И научись ему внимать.
Страну такое единенье
К блаженству равенства ведет,
И вот свободе восхваленье
С восторгом каждый воздает.

Нашим депутатам

Законодатели отчизны,
Благотворящие сыны,
Не вы ль закон, лишенный жизни,
Вернуть к цветению должны?
Не вы ль в неустрашимом рвении
Нам дали новые права.
Вам добродетель—украшенье
И честь французов в вас жива.

Гражданская присяга

Клянемся в верности народу
И королю (он с этих дней
Дал обещанье чтить свободу)
И конституции своей.
Растут надежды наши шире,
Свобода наша, что ни год—
Пример народам в целом мире,
И к нашим детям перейдет.

Подготовка празднования Федерации 14 июля 1790 г.
С. Крайер по рис. *Прьера*

Свергнутая аристократия

*Сочинено аббатом, возвращающимся
с Марсова поля*

Аристократы, вы свергнуты сейчас,
Демократы победили вас,
Аристократы, миновал ваш час!

Аристократам больше не блистать,
Демократам время ликовать,
Аристократам это надо знать!

Аристократы! нечего ворчать.
Демократы будут управлять,
Аристократам время тише стать.

Аристократы! перестать пора
Верить в силу знатных, в росчерки пера,
Аристократы! ни к чему игра!

Аристократы—все сейчас равны!
Демократы любят честь страны,
Аристократы будут сметены.

Аристократам нет теперь житья,
Демократы все же вам друзья,
Аристократы, будьте нам друзья.

Песнь

Повсюду слышно пенье:
Çа іга! Çа іга!
Вся Франція в смятеньи—
Пришла ее пора,
А я, наоборот,
Твержу: конец придет.
Король наш, как известно,
Нам росчерком пера
Дал счастье повсеместно:
Çа іга! Çа іга!
А я, наоборот,
Твержу: конец придет.
Французская палата
В тиски ущемлена,
Отчаяньем объята,
Не вырвется она.
Принявшие заране
Декреты и слова,
Вы, чья от обещаний
Кружилась голова,
Я вам, наоборот,
Твержу: конец придет.

Без ружей город вольный
На улицах поет,
Своей судьбой довольный,
Сбегается народ.
Пускай его поет—
Скорей конец придет.
Вот рвением объаты,
В работе видя цель,
И дамы для лопаты
Покинули постель.
Но пусть кричит народ—
Скорей конец придет.
На площади обширной
Алтарь был возведен,
Торжественно всемирный
Обет произнесен.
Но ложен клятвы плод—
Скорей конец придет.
По-вашему, французы,
Крепя военный стан,
Не кажутся обузой
Для всех кичливых стран?
Совсем наоборот—
Всему конец придет.
Безумие исчезнет—
Стране вздохнуть пора,—
Врагов и все болезни
Погонят со двора,
И будет утвержден
Попрежнему закон.
Совсем наоборот
Народ наш запоем:
Ça ira! Ça ira!

**Патриотические куплеты ко дню
Конфедерации**

Аристократ всегда готов
Плевать на слезы бедняков, —
Нам это в огорченье!
Но дождались и мы денька,
Низвергся ястреб свысока, —
Нам это в утешенье.

Клянемся клятвою святой,
Весь мир внимает клятве той, —
Уж вот им огорченье.
Ясна аристократов роль,
От них отрекся сам король, —
Нам это в утешенье.

Сенатом нашим упразднен
Маркиз, и герцог, и барон, —
Уж вот им огорченье!
Отныне слава и почет
Не только к сильным потечет, —
Нам это в утешенье.

Так громче, страшной клятвы гром!
«Мы за свободу все умрем!»—
Уж вот им огорченье!
Союз наш будет нерушим,
Перевернем все планы им,—
Нам это в утешенье.

И Марс, Фемидой подкрепен,
Поддержит гордость сих знамен,—
Уж вот им огорченье!
Греми же, радостный привет:
«Ура, Байи и Лафайет!»
Их мощь нам в утешенье.

Желанья все свершились вдруг:
Солдат и граждан, тесен круг,—
Уж вот им огорченье!
Союз наш ныне славить рад
И Нацию и свой Сенат—
Французов утешенье!

Куплеты

пропеты г-ном Пиис в Национальном клубе в Пале-Рояле
по поводу праздника Федерации 14 июля

Всем, кто месть таит в сердцах,
Праздник наш внушает страх—
Вот что их огорчает.
Миновал давно уж год,
А свобода все живет—
Вот что нас утешает.

Час наступит—близок он—
Будет весь их план сметен—
Вот что их огорчает.
Но свободой человек
Увенчает этот век—
Вот что нас утешает.

В лес ушедшие вдвоем
Возвращаются втроем—
Песенка так напевает.
Три сословия здесь в ряд
Умный посадил аббат,
С ними сам заседает.

Те жалеют о крестах,
Титулах и орденах—
 Вот что их огорчает.
Мы же блещем—что нам в том?—
Честным сердцем и умом—
 Вот что нас утешает.

Нам ценить уж не с руки
Их награды и плевки—
 Вот что их огорчает.
Дуб и колос—честь страны—
Для награды нам нужны—
 Вот что нас утешает.

Все мы видели таких,
Что клялись для слов пустых—
 Вот что их огорчает.
Но устами и душой
Мы обет сказали свой—
 Вот что нас утешает.

Ложя чести и свобод
Во весь рост сейчас встает—
 И тирана то огорчает.
Счастье взяв из наших рук,
Все войдут в масонский круг—
 Вот что нас утешает.

Могилы аристократов

Аристократик! Что, не по вкусу, брат?
С Марсова поля—лопатой под зад.
Аристократик? Что, съел, аристократ?

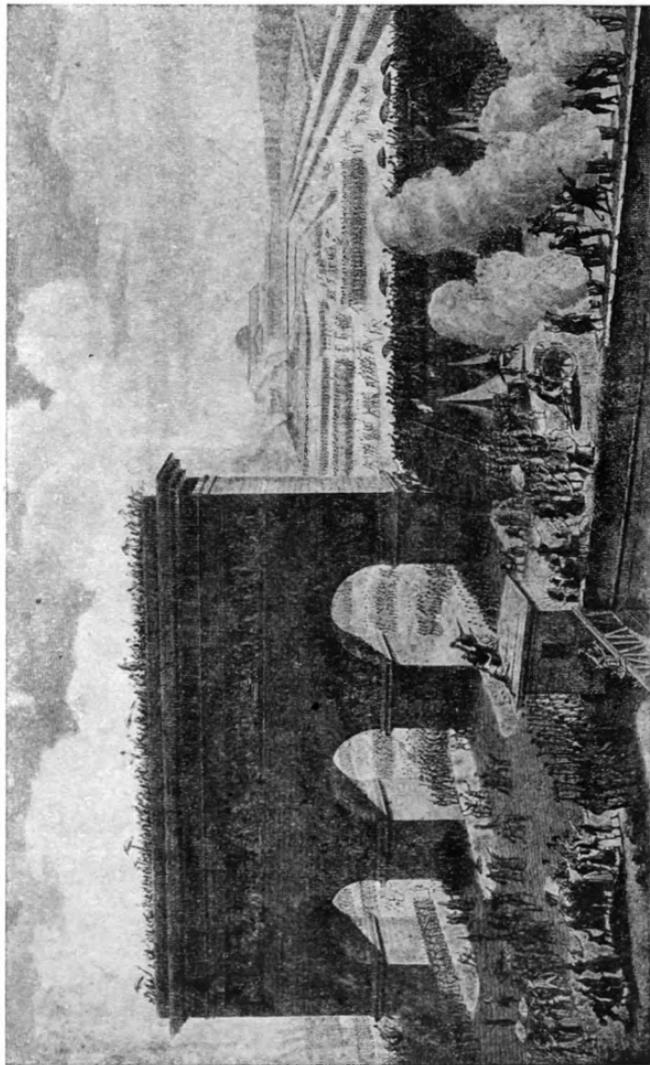
Аристократы! Катитесь-ка назад!
А ваши бабы—с нами пусть поспят!
Аристократы! Всякий из вас рогат!

Выьем-ка, братья, за Федерацию!
Мы победили—готов поклясться я!
Выьем-ка, братья, за нашу Нацию!

Сошлись мы братски-веселою семьей.
Пусть только пикнут—голову долой!
Покажет пятки аристократ любой.

Бонавентура нас всех сюда собрал.
Перед штыками Анри не сплеховал,
А Лафайет—ученый генерал.

Припомним все мы—и пошлем Луи
С его сынком—приветствия свои.
Припомним все—и будем чтить Луи.

Заключение общей федерации в Париже 14 июля 1790 г.
С гравюры П.-Г. Верто по рис. Приера

II

БУРЖУАЗИЯ У ВЛАСТИ

56

Песнь

Аристократы! Мечь!
Отомстите кровью—
Тем, кто вас хотят низвести
К третьему сословию.
Медлить вам нельзя никак.
Быстрый меч—вот мести знак,
Вот ее условие—
Вот ее условие!

Вам на помощь—добрый меч,
Войско—для охраны.
Церковь можете привлечь
И чужие страны.
Хватит этого с лихвой,
Чтоб рассеять злобный рой
Черни окаянной—
Черни окаянной!

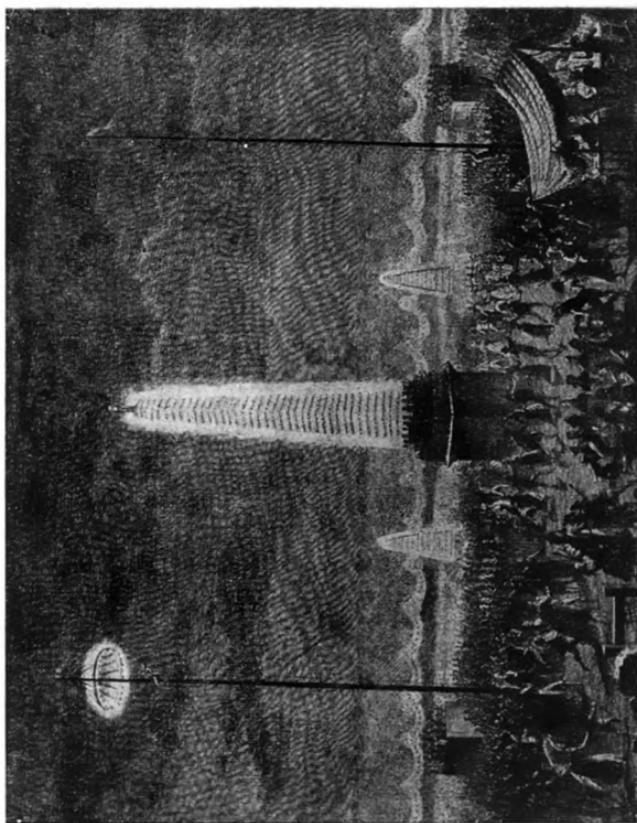
Негодяи—у руля:
Тысяча их счетом.

Мы лишились короля,
Вверясь их заботам.
Коли стерпишь их, француз,
Значит, ты—презренный трус,
Проклятый народом—
Проклятый народом!

Как? не видите, что вас
Тащат всех на плаху,
Что стянуть готовы с вас
Последнюю рубаху?
Разорит вас эта тварь,
Коль ее вы на фонарь
Не вздернете с размаху—
Не вздернете с размаху!

Ненавистны мне слова
Нового закона.
Вера старая жива
В сердце—без урона.
Ты спаси, всевышний бог,
Обиженную знать!
О, когда б ты нам помог
Правителей прогнать!

Тебе не изменю я,
Добрый старый строй,
Горько негодуя
На порядок злой.
Пускай все демократы
Отправятся к чертям.
Одни аристократы
Помочь сумеют нам!

Празднество и иллюминация в Елсейских полях 18 июля 1790 г.
С гравюры П.-Г. Берто по рис. Приера

Патриотические куплеты

1

Когда французы с ликованием
Свободы празднуют приход,—
Вся знать полна негодованьем,
С досады плачет в свой черед.
Ни хитростями, ни восстаньем
Она себя не сбережет:
Нас всех слепил своим блистаньем
И отгорел навек сей род.

2

Да, это милое коварство
Не позабудем мы вперед,
Не раз помянем наше барство,
Во тьме державшее народ.
Но, говорят, орда их катит
И хочет нас атаковать.
Пускай! Ведь здесь отваги хватит,
Чтоб их навеки растоптать.

3

Коль этот танец—их любимый,
Ну, что ж, заставим их плясать,
Заставят ядра их скакать,—

И наш восторг невыразимый
Беспечно им передадим мы,
А дальше—крикнем позвончей,
Звончей, звончей, звончей, звончей:
Эй-эй, друзья, (bis) пляшите же ловчей!

4

О, сердца любви и силы,
Други верные свобод,
Да исполнитесь вы пыла—
Рабство древнее падет.
Ваши деспоты бескрылы:
Коль на вас поднимут рать,
Им живыми не бывать.

5

Да, братья-демократы,
Увидите вы тут,
Как вновь аристократы
Во Францию придут.
Уставши пить микстуру
Да рыскать здесь и там,
Они сменяют шкуру
И возвратятся к вам.

6

Конца не будет их мольбам
В сей день великий покаянья:
«Мы к вашим падаем стопам!
Имейте каплю состраданья!
Ошиблись мы, ошиблись мы,
Велик позор,—
Но мы поем: Confiteor,
Но мы поем: Confiteor!»

**Национальное попури,
или Зеркало истины**

Король

Приветствия надоедают.
Как депутаты мне мешают!
Я сто эю бы заплатил,
Чтоб кто-нибудь их удавил!
А, впрочем, человек я мирный,
Смеются все: «Какой он жирный!»—
Меня увидев у окна:—
«Да он глупее кабана!»

Постойте ж! Вот мое вам мнение:
В одно прекрасное мгновенье
Я убегу, освобожусь.
О, боже! как я посмеюсь!
А вы с разинутыми ртами
Останетесь за воротами.
И в комитетах шум у вас:
Как же король ушел от нас?
Никто из вас да не забудет—
Монарх всегда монархом будет.
Нет короля—закона нет.
Вам презирать его не след.
Обманут я, не отрицаю,
Но все я пашни замечаю,
Что за спиной моей творят:

Я знаю, знаю, я рога!
Моя любовница—бутылка,
Я с ней одной целуюсь пылко,
А если станет неверна,
Так в угол полетит она!
Вот за столом я восседаю
И женщин к чорту посылаю.
Мне только бы кусок вкусней,
Мне мяса дайте, не костей.

Королева

О, безумцы, раздраженью
Волю я давно дала.
Вашему ли разуменью
Ведать Франции дела?
Брату вы меня назвали
Уличною девкой, да!
Это наглость, господа!
Это наглость, господа!
Знаю я, французский гений
Элегантным быть привык:
Очень мало откровений,
Но чарующий язык.
Вам себя узнать нетрудно
В том, что говорю я вслух:
Это ль не французский дух?
Это ль не французский дух?

Национальное собрание

Нам шлют воззванья,
И надо все смекнуть,
Все пожеланья
Принять и не сморгнуть,—
Наше призванье

В уменьи всех надуть...
После декрета
О землях попов
Сам Шарль Ламет
Признал в конце концов,
Что бредни это.
Как много тут глушцов!

Граф Мирабо

Я все спустил
Ко дню, когда открылись Штаты,
Я все спустил,
Вот только фрак я сохранил.
Займодавцы-супостаты
Толпились, требуя уплаты,
Я все спустил.
Исчез кредит,
Трактирщик стал суров со мною,
Исчез кредит.
Что, Мирабо, тебе грозит?
Как справиться с бедой такую?
Я говорил себе с тоскою...
Исчез кредит.
Прошла лишь ночь,
Предался я патриотизму,
Прошла лишь ночь,
Я рвусь отечеству помочь.
Оставшись другом паганизму,
Впился я в глотку фанатизму,
Прошла лишь ночь.

Публичные женщины

Наш промысел совсем не тот,
И заработок тает,

Когда нам кто эюю дает—
Озолотил, считает.
Ходить напрасно день-деньской—
От практики отучит,
А если подойдет какой,
Политикой замучит!

А в т о р

Да, Франция прекрасна,
Но блеск ее пропал,
Ее народ несчастный
С ней в нищету упал.
Вы тирании злой
Оковы сохранили,
Но не расстаться вам с бедой,
Пока на жалкий жребий свой
Глаза вы не открыли.

Себя предавши сами,
В беспечности слепой,
Вы с вашими штыками
Идете на убой.
Но пред лицом войны
Притихнут забияки.
Вот то-то будут польщены
Аристократы-драчуны,
Что вас побили в драке!

Силки вам расставляют,
А вас, слепых задир,
Декреты забавляют
И синий ваш мундир.
Очнуться, господа,
Вас спекулянт принудит,—

С мукой и порохом беда!
Вы пожалеете тогда,
Да только поздно будет!

Марат—он поджигатель,
Но прав на этот раз.
Как ваш доброжелатель
Предостерег он вас.
А если глух народ,
Пора перо оставить.
Он, знайте, истый патриот,
Он ваше благо бережет.
Мне нечего прибавить.

Якобинцы и капуцины

(Патриотическая песнь)

Две партии у нас ведут раздоры.
Одна приют себе сыскала скорый—
У якобинцев.

По городу то тут, то там блуждая,
Едва нашла убежище другая—
У капуцинов.

Одна из них желанием томима
Привить нам строй республиканский Рима—
У якобинцев.

Другая, мня себя мудрей и старше,
Считает Францию страной монаршей—
У капуцинов.

Все равные—хозяева, лакеи,
Девицы, герцоги, попы и брадобреи—
У якобинцев.

И только по невежеству порою
Мнят, что они различны меж собою—
У капуцинов.

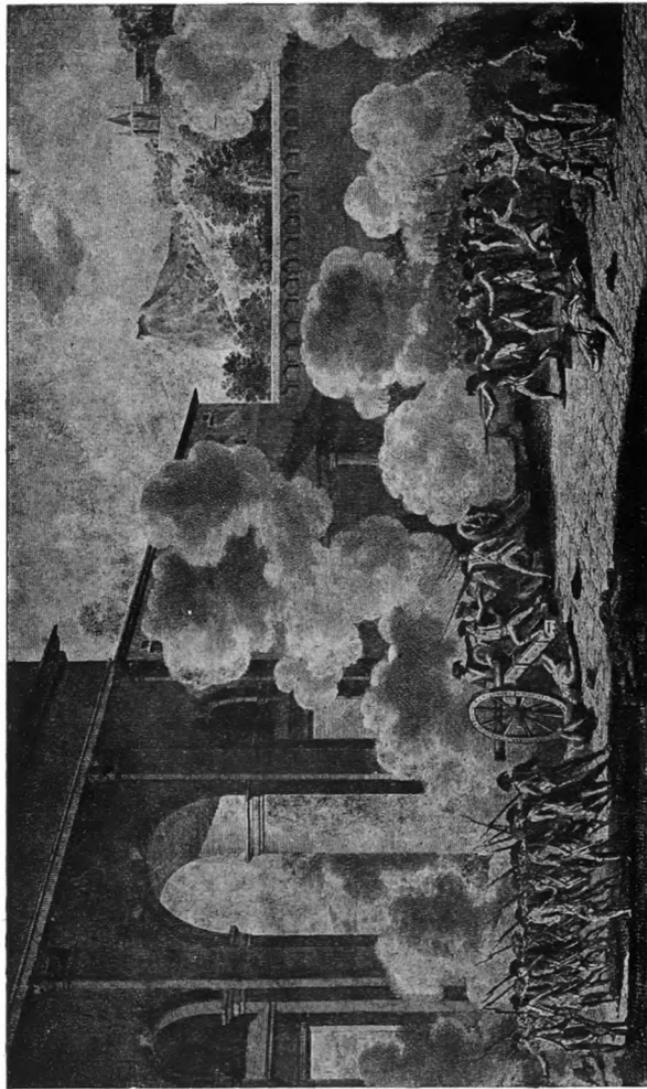
Ломают, путают, творят поспешно,
Меняют имена и облик внешний—
 У якобинцев,
И лишь, обычной лени не тревожа,
День изо дня не делают того же—
 У капуцинов.

Себя считают выше подозренья,
Народное встречая уваженье—
 Все якобинцы,
И может быть, по мягкости природной
Порою вызывают гнев народный—
 Все капуцины.

Желают, чтобы были мы заране
Хотя бы по поступкам англичане—
 У якобинцев.
Но то, что в нас прямым безумьем бродит,
Себе всегда убежище находит—
 У капуцинов.

Нам всем давно обещано равенство,
Когда признать мы сможем совершенство
 У якобинцев,
Но если их мы будем чтить, как прежде,
То скоро всех увидят нас в одежде
 Тех капуцинов.

Не трудно нам, скажу я по секрету,
Из сундука заветную монету
 Дать якобинцам,
Когда они кредитными листами
Нас сделают такими ж богачами,
 Как капуцины.

Восстание в Нанси. Смерть Девила 31 августа 1790 г.
С гравюры П.-Г. Берто по рис. Приера

Мужество дядюшки Дюшена

Дворянин спесивый,
Перестань болтать,
А не то я живо
Мог бы в рожу дать.
Трусить не умею—
Чту свободный край.
Будь вперед умнее,
Нос не задирай.

Если тиранию
Правой ты зовешь,
Чтишь законы злые,
Прославляешь ложь,—
Чорт! Найду повсюду,
Будь ты граф или князь.
Сам собой не буду,
Коль не сброшу в грязь!

Дядюшки Дюшена
Уважай кулак,
Он поймет измену,
Разберет; где враг.

Счастью ли народа
Станешь поперек,
Постоит свобода
За себя, дай срок!

Зреет в вашей Лиге
Черный заговор,
Все плетут интриги
Прячутся, как вор.
Брось свои затеи,
Негодяй, злодей,
Удирай скорее
С девкою своей.

Здесь, перед народом,
Тот, кто строг и прям,
С вашим гнусным сбродом
Разберется сам.
Выйдя против Лиги,
Честные сердца
Не дадут интриге
Вызреть до конца.

Принял я присягу
Среди торжества,
И костями я лягу
За свои права.
Я душой отчизны
Берегу завет,
Мне не жалко жизни,
Коль в ней чести нет.

Исповедь версальского патриота

(Песнь, посвященная друзьям Революции)

Сочинение Морана-старшего

Я гражданин, я здесь рожден,
 Я верный сын отчизне,
 За край родной, за свой закон
 Я не жалею жизни!

Пусть Революция введет
 Кого-то в раздраженье.
 Не все ль равно, когда народ
 Свое в ней зрит спасенье?

Я гражданин, я здесь рожден,
 Я верный сын отчизне,
 За край родной, за свой закон
 Я не жалею жизни!

Пусть протестант или еврей
 Во Франции селятся;
 Я вере следую своей,
 Мне с ними не ругаться.

Я гражданин и т. д.

Как я люблю свободу—так
Пустой разврат клянусь я,
Нечестие—мой первый враг,
Терпимости хочу я.

Я гражданин и т. д.

Пусть непоседы здесь и там
Раздор заводят ловко—
Нужна всем этим молсдцам
Хорошая веревка.

Я гражданин и т. д.

Пусть темный плут листки свои
Печатает в подвале,
А я декреты и статьи
Люблю читать в журнале.

Я гражданин и т. д.

Бессмысленные болтуны,
Молчите, уступая,
Все ваши замыслы ясны,
А речь—вода простая.

Я гражданин и т. д.

Враги народного добра,
Клянусь вам чем угодно,
Придет желанная пора,
Француз вздохнет свободно.

Я гражданин и т. д.

Пусть черный заговор везде
Разводит ваша свора,
Увидим мы конец беде,
Порвем все цепи скоро.

Я гражданин и т. д.

Француз, ступить врагам страны
Не позволяй ни шагу,
Мы конституции верны—
Дадим же в том присягу.

Я гражданин и т. д.

Разбили мы—пора пришла—
Оковы деспотизма,
Увидим все паденье зла,
Зарю Патриотизма.

Я гражданин и т. д.

Да здравствует свободный строй,
Священное собрание!
Дан Франции закон святой,
Конец ее терзаньям.

Я гражданин и т. д.

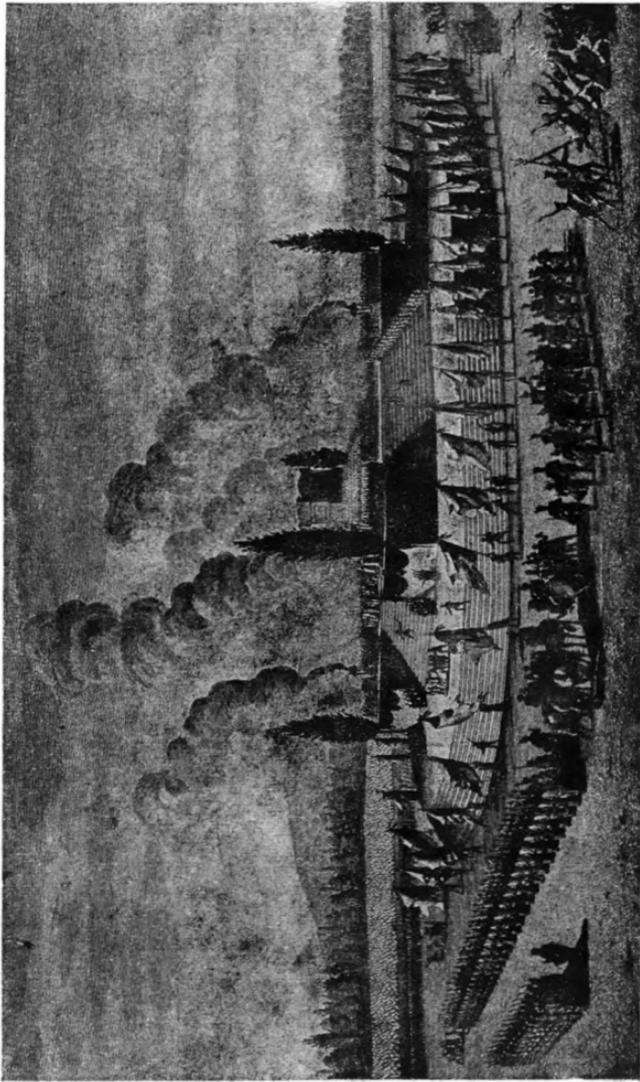
Так пойте хором вслед за мной
Хвалу своей отчизне!
Люби, француз, закон святой
И чти дороже жизни.

**Патриотическая песнь, сочиненная
нарочно без рифмы**

Сочинение Ладрэ

Смотрите, французы, как
Высокое собранье
Все трудится ради вас,
К вашему благу стремясь,
Борется повсюду
С тем, что несправедливо:
Искоренять пороки—вот его долг.
И вот, французский народ
Стал, наконец, свободным,
Цепи разбил закон,
Все люди теперь равны.

Без денег духовенство,
Без титулов дворянство,
Возвращены человеку
Естественные права.
Отцы духовные, вы
Корчитесь, словно угри,
Когда их режут ножом.

Празднество в честь солдат, погибших в Нанси в сентябре 1790 г.
С рисунка П.-Г. Берто по рис. Приера

Вам ничего не достичь,
Вы хотите волнений,
Но неусыпный розыск
Вскроет все ваши козни,
И вас накажет закон.

Как башня Вавилона,
Охвачены безумьем,
Народы прошлых времен
Хотели подняться ввысь,
Духовенство бесстыдно
Наперекор Евангелию
Искало богатств.
Все блага здесь на земле
Из земли происходят,
Доблесть же и талант
Свыше дается, как дар.

Так почему ж для жизни
Люди всегда стремятся
Заполучить побольше
Разных излишних благ?
Шушукуются тайком,
Как и попы, дворяне.
Но конституция всем
Их козням конец кладет.
Закон клеймит повсюду
Всяческое рабство,
Французы поумнели,
Хотят хорошо жить.

Песнь

сочиненная в Дижоне по поводу назначения
нового епископа

(1791 г.)

Скучно нам
Ночью здесь и там
Слышать звон церковный.
В честь кого?
Ренегата одного,
Плута.
Почему
Не дали еще ему
Веревки?
Он подлец,
Как собака будет, наконец,
Вздернут.
Пусть вверху
Мы его увидим на суку,
На качелях.
«Ça ira!»
Будьте смелыми, друзья,—пора!
За дело!

**Куплеты,
распеваемые эмигрантами**

Над Франциею правит
Пусть сызнова король,—
От сволочи избавит,
От всех ее неволь,
На эшафот отправит
Разнузданную голь.

Да здравствуют потомки
Четвертого Анри!
Проводит меч неломкий
Их снова в Тюильри.
Но Орлеану громкий
Наш приговор: умри!

Вся чернь, все санкюлоты
Окончат век в тюрьме,
Наступит час расчета,—
Об этом дне Ламэ
Всегдашнюю заботу
Пусть держат на уме.

Недаром Робеспьера
Родил на свет Дамьен.
Одна и та ж холера
В сынке без перемен,
Но близок срок: галера
Его зажмет средь стен.

Базарная торговка,
По прозвищу Игла,
Хотя танцует ловко,
Заметить бы могла,
Что плачут над чертовкой
Уж прутья помела.

Рукой неослабелой
Канальям зададим,
Под лилиею белой
Наш запевая гимн,
И, действуя умело,
Отродье победим.

Мы все готовы к бою,
Наш царственный Луи,
И всюду за тобою
Пойдут друзья твои,
Чтоб с сыном и женою
Ввести вновь в Тюильри.

Восемнадцать франков

(Конституционная песнь)

За восемнадцать франков депутаты
 Помесячно безумием объаты
 И все несут ужасный бред.
 Что ж делать в этом им «Сенате»,
 Как не заботиться о плате—
 Все ж восемнадцать им дают монет.

За восемнадцать франков, без сомненья,
 Во Франции почет и уваженье.
 Считают, что умней вас нет.
 Болтай что хочешь, из коварства
 Свергай с трибуны государство
 За восемнадцать маленьких монет.

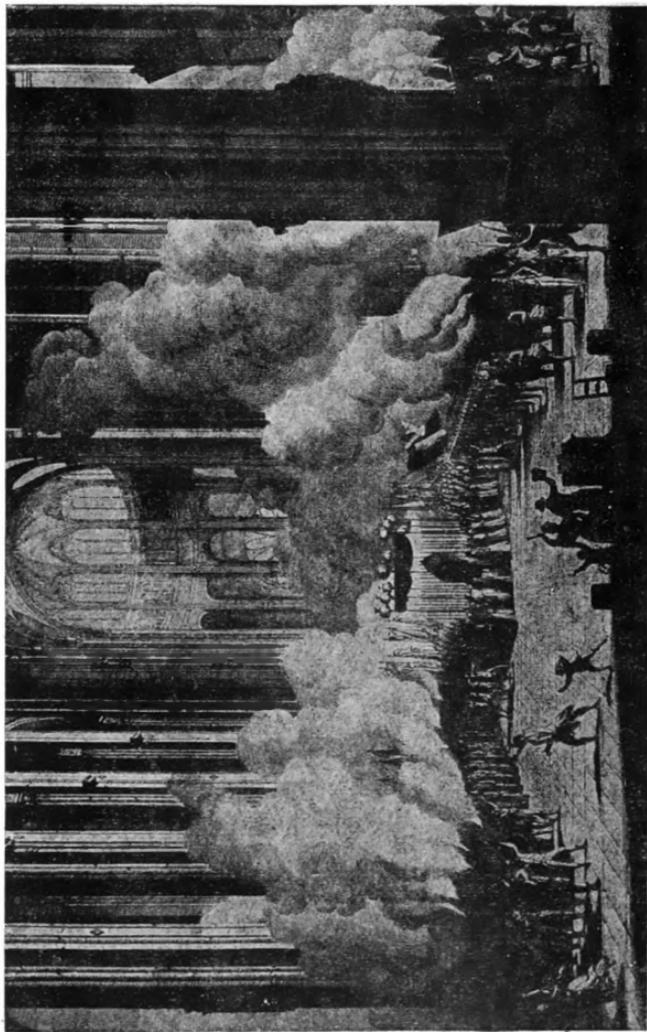
За восемнадцать франков Робеспьеры
 Готовы всех хулить без меры—
 Здесь к королю почтенья нет,
 Над ним глумятся беспрестанно,
 Чтоб из его казны в карманы
 Класть восемнадцать маленьких монет.

Кошон, Лабэт высказывают мнения
Едва ль не местом, нужным для сиденья,
Молчанья дав обет.
Ведь надобно им проявить старанье,
Чтоб получать недаром содержанье,
Все восемнадцать маленьких монет.

Порой, коль преступленья совершали
По воле черни—чуть ли не в Версале,—
Дела, каким названья нет,
Мосье Шабру все обелял бесспорно
И сам же брал за этот труд проворно
Все восемнадцать маленьких монет.

Сей депутат, язвительный и гневный,
Который гроша не имел в деревне
И ел плохой обед,
С тех пор, как возится с судьбой народной,
Раз двадцать в день швыряет, как угодно,
Те ж. восемнадцать маленьких монет.

Коль надобно, чтоб здесь, в Ареопаге,
Произнесли—не только на бумаге—
Торжественный обет,
Коль надобно кричать до иступленья,
Все выполняют—и в этом нет сомненья—
За восемнадцать маленьких монет!

Торжественные похороны Мирабо 4 апреля 1791 г.
С рисунком П. Г. Берто по рис. Приера

Песнь

Куда, Людовик, скрылись вы?
Париж покинули—увы!—
И стали дезертиром.
 Что ж, хорошо!—
И перед целым миром!
Вы слышите ли, хорошо!

Забыв о клятвах всех своих.
На ветер бросили вы их.
И ваше вероломство,
 Что ж, хорошо!—
Оценит и потомство,
Вы слышите ли, хорошо!

И кто вас только убедил
Предать народ, что вас любил?
И вот все это вместе
Не делает вам чести.

Теперь обманутый народ
Уж клятвам веры не дает.
И заклеил вас кстати
Названием: предатель!

Вы нас покинули, и вновь
Вам не вернуть к себе любовь.
Вдобавок по закону
Утратите корону.

И вы, красотка Туанон,
С дороги не послав поклон,
В карете в Монс сбегая,
Вы скрылись, дорогая!

Ваш проводник, красавец-швед,
Провел вас за собою вслед
Тайком вдоль акведука—
Для стражей впредь наука!

Мы разрешим вам тешить нрав.
Для ваших прихотей, забав,
Париж мог пригодиться,—
Зачем вам за границу?

Вам будет Безанваль прощен,
Граф д'Артуа, Роган, Дийон,
И много лиц бесчестных,
Всей Франции известных.

И ваш секрет не выдал муж—
Он очень сдержан, и к тому ж
Он держит перед вами
Язык свой за зубами.

Ах, оставайтесь с нами жить,
Мы вам сумеем угодить,
Хоть это трудно очень,
Но все ж мы похлопочем!

Но если как-нибудь опять
Вы захотите убежать,
Тогда мы вас за двери,—
 Что ж, хорошо!—
Запрем в Сальпетриере.
Вы слышите ли, хорошо!

Французская конституция

подписанная в Национальном собрании 14 сентября 1791 г.
Людовиком Бурбоном XVI, королем французов

Желанья наши свершены
Державной милостью Собранья,
И наши дни озарены
Монархом, полным состраданья.
И Конституция,
Сей праздник долгожданный,
Сияет радостью желанной,
И наша сплочена семья:
Прославься, Конституция!

Лойялен королевский двор
И, отпуская прегрешенья,
Луи вещает приговор,
Исполненный благоволенья.
Забвенью предадим
Все горькие проклятья,
Воскликнем, вас прощая, братья,
И единение хваля:
Прославься, Конституция!

В согласьи искреннем с Луи
Шлет поздравленья королева,
Зане обеты все свои
Свершил он радостно, без гнева.
Коль недоволен кто,—
Она ль тому причиной?
Нет в целом мире ни единой
Столь мощной силы бытия,
Как наша Конституция.

И принцы к нам вернуться вновь,
И вновь торговля возродится:
Их встретит теплая любовь,
А злая память испарится.
Где людям жить милей,
Как не в кругу семейном?
Согласием благоговейным
Здесь крепко спаяны друзья:
Прославься, Конституция!

Доволен каждый депутат,
Свершив почетные работы.
Он с барабанным гулом рад
Уйти в домашние заботы,
'А в детях и жене,
Исполненных участья,
Так много радости и счастья,
Так дружно говорит семья:
Прославься, Конституция!

Царит согласие сейчас,
И все мы тверды, как и прежде.
Пусть только смерть разлучит нас,
И да живем всегда в надежде.

Да будет слышно впредь,
Как гордая столица
Кругом поет и веселится:
Прославься, Нация моя
И наша Конституция!

У каждого здесь свой язык:
Тот рукоплещет, тот бормочет.
Француз к цензуре не привык
И выражается, как хочет.
Но есть один закон,
Для всех неодолимый,
Чтоб слиться навсегда смогли мы
В одну великую семью:
Возлюбим Конституцию!

Будущий законодатель

Два года вы у нас гостили,
 Но мотовством уж ослепили:
 Вся целина у вас в руках.

Увы и ах,

Увы и ах,

Вы разоритесь в пух и прах,

Увы и ах!

Одна заслуга есть—богатство:
 В уме без денег нет приятства,
 Вы доказали так в делах.

Увы и ах,

Увы и ах,

Вы разоритесь в пух и прах,

Увы и ах!

Хоть вы мозгами нездоровы,
 Но все ж закон дадите новый:
 Цена вам—марка, нам на страх

Увы и ах,

Увы и ах,

Вы разоритесь в пух и прах,

Увы и ах!

Прощанье с бывшими депутатами

Вы куда,
Господа?
Вы ушли с арены,
Вы бежите, все разбив,
Разломав и сокрушив,
Полные измены?

Вы по-своему правы,
Изменить боитесь вы
Клятве феодальной.
Так спешите удирать...
Я готов вам пожелать
Путь-дороги дальней,

Но проклятье по пути
Вам придется унести.
Мы считали,
Полагали,
Верили—да что там!
Что, верны своим словам,
Все обязаны вы нам
Денежным отчетом.

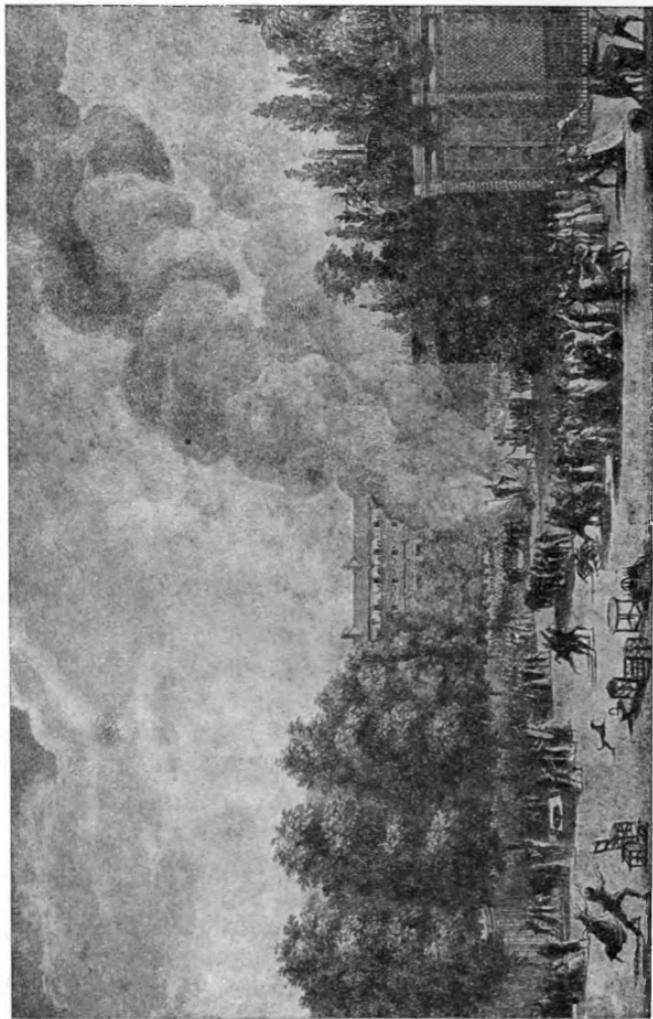
Или, взявши из тюрьмы,
Всех повесим скоро мы.
Здесь перед толпою
Стал бы ветер вас качать,—
Но случилось вам удрать.
И теперь мы шлем вам вслед
Пожеланье всяких бед—
Бей вас бог чумою!

Ça ira!

Когда поют в народе
Ça ira! Ça ira!
Все верят, что приходит
Желанная пора.
Лишь я—наоборот—
Твержу: конец идет.

Да, да, от заблуждений
Очистится народ,
Туманных рассуждений
Излишество стряхнет,
И кончится игра—
Ça ira! Ça ira!

Унылые декреты
Недолго будут жить,
Нескромные обеты
Совсем легко забыть.
Уже близка пора.
Ça ira! Ça ira!

**Сожжение изображенна палы в Пале-Рояле 6 апреля 1791 г.
С гравюры П.-Г. Берто по рис. Приера**

Спасение Франции

*Сочинение гражданина
А.-С. Буа*

Вперед, за нашу свободу!
За наши права—смелей.
В ответ на угрозы народу
Мы свергнем всех королей.
Свобода! Свобода! Какое прекрасное слово!
Трепещите, тираны! Расплата ждет.
Лучше смерть, чем ваши оковы,
Так хочет французский народ!

Отчизны нашей спасенье
Спасенью всех стран—залог,
Кто даст ей порабощенье—
Весь мир закует в свой срок.
Свобода! Свобода! Какое прекрасное слово!
Трепещите, тираны! Расплата ждет.
Лучше смерть, чем ваши оковы,
Так хочет французский народ!

Противники тирании,
Собирайтесь в единый строй,
На Европу, на козни злые
Вместе с нами идите в бой.
Свобода! Свобода! Под знаменем чести
Накажем тиранов. Вперед! Вперед!
Общей родине служим мы вместе,
Как единый французский народ!

Народный гимн

*Сочинение граждан
Буке и Малии*

О, Конституция,
С тобою счастье наше,
Пусть нация моя
Всех наций будет краше!
Весь мир избавь от королей,
От злых тиранов и цепей!

Напрасен ваш союз,
Невольники, бандиты!
К оружию, француз!
Сей заговор сломи ты,
Не ведай больше никогда
Ни слез, ни рабства, ни стыда.

Свобода трубит в рог,
Зовет на поле чести,—
И если близок срок,
Погибнем с нею вместе.
Друзья! Смеясь над смертной тьмой,
Француз вершит своей судьбой.

Нас кличет бог войны:
Вперед, в полет за славой!
Победы тем даны,
Кто гибель мнит забавой.
Летим, отважные полки!
Сорвем лавровые венки!

Дерево Свободы

(Куплеты, певшиеся в Мо, в 1792 г.)

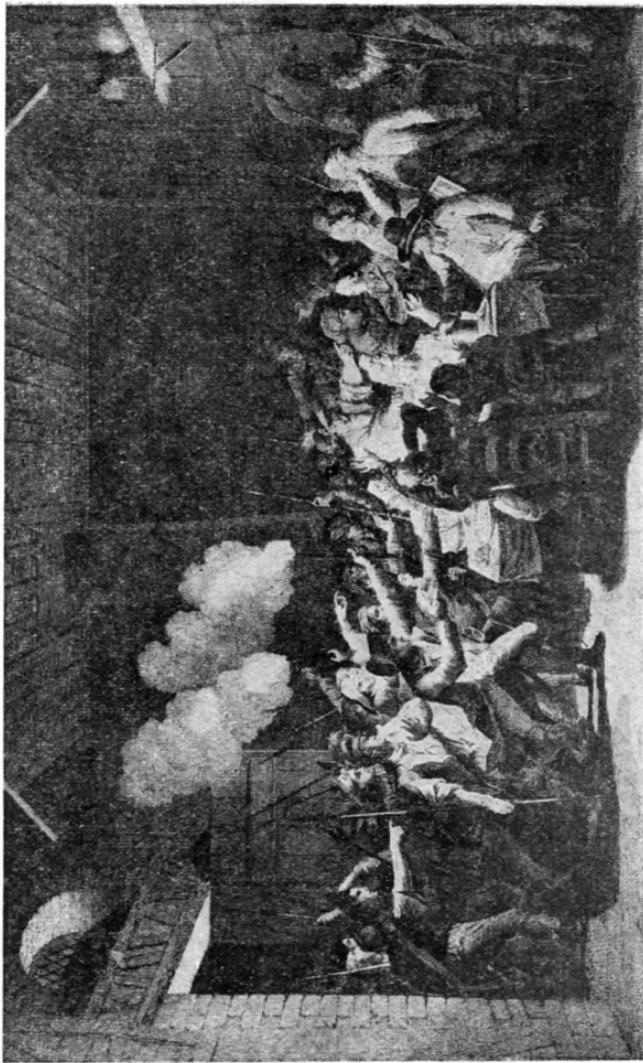
К нам, обитатель безмянний
Окрестных мирных деревень!
Идите все на праздник званый,
Под мягколиственную сень!
Дыханье бурной непогоды
Здесь игр веселых не смутит.
Друзья! под деревом Свободы
Всем—верный кров, надежный щит.

Оно всей Франции желанно,
Нам должно цвет его беречь,
Стоять на страже неустанно,
Чтоб враг не смог его подсесть.
Все лучшие дары природы:
Любовь, довольство, братский труд—
Друзья!—под деревом Свободы
Свободно дышат и живут!

Мы в жертву родине готовы
Отдать свой жребий каждый час.
Но цепи долга не суровы,
Коль цепь любви связала нас.

Не разомкнутся неба своды
Пред жертвой, что любви чужда.
Друзья! под деревом Свободы
Да сгинут злоба и вражда!

Пусть наши пика и секира
Ваш не смущают робкий взор.
У нас в руках—оружье мира,
Закона бдительный дозор.
Военной доблестью народы
Хранят земли своей покой.
Друзья! под деревом Свободы
Сойдемся братски—всей семьей!

Арест Людовика Калета в Варенне 22 июня 1791 г.
С граверов П.-Г. Верто по рис. Приера

Куплеты

напечатанные в нашем «Утешителе» и уже
затверженные многими подписчиками

Прости, о счастье! Прости, о нежность!
Прости, Жюли и моя весна...
Отчизне скорбью грозит неизбежность,
И только злодеям воля дана!

В огромном мире найдется ль средство
От бед, заливших все рубежи?
Нам тяжкая скорбь досталась в наследство!
Тиранов наших, господь, свяжи!

Увы, я вижу монарха паденье!
Конец надеждам, конец тишине!
Я жертва анархии, жертва смятенья,—
Зачем же живо сердце во мне?

Песнь об эмигрантах

У малышей на всех дворах
Игрушка новая в руках,
Со всех сторон несется звонко:
«Крутись, крутись, мой эмигрант!»
Игрушечка не так проста.
Что в ней? Причуда иль мечта?
Но каждый вторить рад ребенку:
Скачи, скачи, мой эмигрант!

Машинка двигаться должна,
Крутиться будет век она:
Так жизнь играет с эмигрантом.
Крутись, крутись, мой эмигрант!
То должен он в Турин бежать,
То он в империи опять,
То очутился за Брабантом.
Скачи, скачи, мой эмигрант!

Былым величием ослеплен,
Затеял он подрывать закон—
И под землей стучат лопаты...
Крутись, крутись, мой эмигрант!

Но даром иступил клинок:
Скалу не обратишь в песок—
Да и не спят у нас солдаты.
Скачи, скачи, мой эмигрант!

Доверясь вновь своей звезде,
Идет из Кобленца Кондэ
С победоносными полками...
Крутись, крутись, мой эмигрант!
Ну, что ж! Мы ждем его, как встарь,
И ждет, как встарь, его фонарь.
Пускай споет, коль хочет, с нами.
Скачи, скачи, мой эмигрант!

И не один его собрат
Покажет нам вельможный зад,
Спеша укрыться в Ватикане.
Крутись, крутись, мой эмигрант!
Не мудрено: в игре такой
Проститься можно с головой,
Не говоря уж о кармане.
Скачи, скачи, мой эмигрант!

Ханжа, банкир, бездельник, поп,
Засилья римского холоп,
Вы все, кто знати нашей любви,—
Крутись, крутись, мой эмигрант!—
Поберегитесь: первых вас
Заставим мы пуститься в пляс,
Едва покажете нам зубы!
Скачи, скачи, мой эмигрант!

Все, кому Франция мила,
А им, поверьте, нет числа,

Хоть их зовут бунтовщиками,—
Крутись, крутись, мой эмигрант!—
Они сумеют, дайте срок,
Аристократам дать урок,
Сумеют расплатиться с вами!
Скачи, скачи, мой эмигрант!

**Национальная песнь, посвященная
доброму народу**

Сочинение Маршана

О, ты, кого хитро морочат
И поднимают на грабеж!
Знай, якобинцы так пророчат,
Когда в Сенат их попадешь:
«Страдай,
Взывай
И уповай,
Надейся в сладком ожиданьи,
Ходи гуртом
Под якобинским башмаком,—
И вот увидишь—ликованье
Поставит весь Париж вверх дном.

«Запомни—совесть нам в убыток,
Она годна для дураков:
Без лишних слов составим свиток
Твоих насущнейших трудов:

Валяй,
Гуляй
Да поджигай,
Да грабь без всякого зазора!
Не трусь потом:
Покроем мы тебя во всем,—
Наш клуб докажет очень споро.
Что нам злодейство нипочем.

«Простись с пороком всенародным—
Чтить королей, любить их трон:
Лишь нам ты должен быть угодным,
Лишь мы диктуем свой закон.

Луи,
Луи,
Друзья твои
И с ними сын твой ненаглядный
На этих днях
Пред нами ниц падут во прах:
Все силы власти беспощадной
Соединим в своих руках!»

Народ мой добрый, ты обманут!
Оплакиваю жребий твой:
Здесь варвары тебе протянут
Клинок убийства роковой.

Все злей
Злодей
И враг людей:
Замыслил он тебя в кровавый
Вовлечь союз.
Беги, беги от лживых уз,
Да будешь вновь, как в годы славы,
Живой и радостный француз!

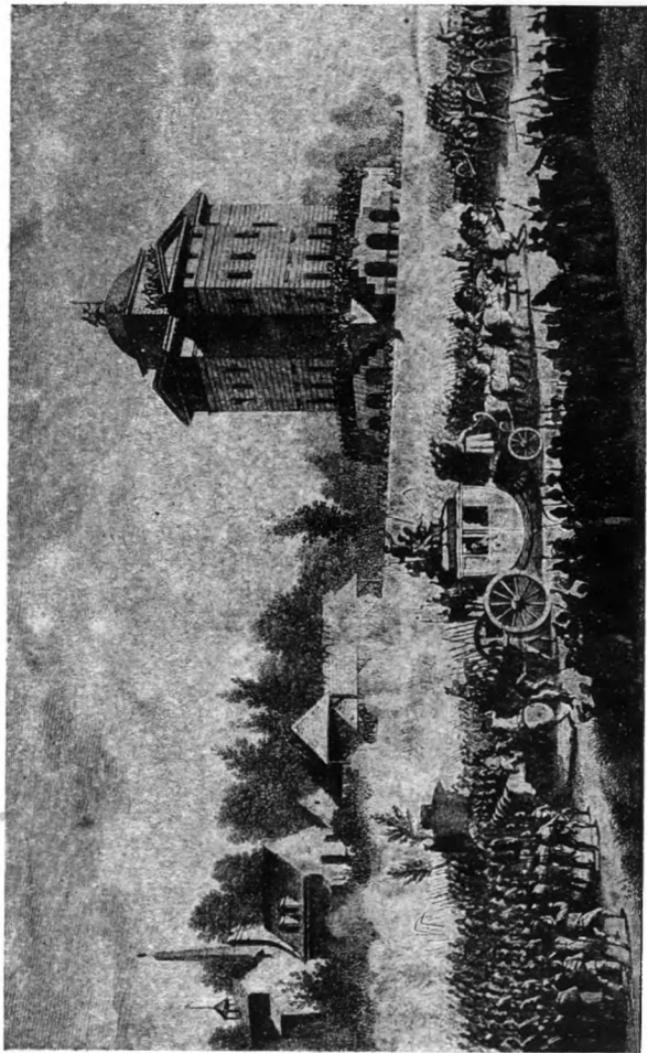
Воззвание к победе

(1792 г.)

Сочинение Т. Руссо

Уходящий
В высь над чашей
Для бойца француза
Сладостней, чем муза,
Клич победы.
Он отгонит беды,
Посреди огня,
Пылом грудь тесня.
Мы все защитники отчизны,
Разрушившие гнет оков,
Вслед за победной этой тризной
Хотим, чтоб не было врагов.
Пусть за дело
Встанешь смело,
Мать героев,
Верой нас настроив.

Зовы к бою
Над землею
Никогда еще
Не неслись так горячо.
Когда за Францию ты встанешь
И поведешь к победе нас,
Мы верим, что в кровавый час
Ты зов противника обманешь.
Туда, где прячутся тираны,
Идя отвоевать права,
Мы ловим все твои слова,
И нам шаги твои желанны,
Чтоб был поверженным тиран
Меж отдаленных даже стран.

Прибытие Людовика Капета из Варенна в Париж 25 июня 1791 г.
С гравюры П.-Г. Берто по рис. Приера

Отправление парижских волонтеров

Испуганно когда-то
Шли из-под палки в бой
Французские солдаты
И часто на убой.
Шли, как рабы, готовы
И кровь и жизнь отдать
За рабство и оковы,
За короля и знать!

Да здравствует свобода!—
Воскликнем все дружной,
Ведь равенство народа
Теперь по всей стране.
И юность без опаски
Сбирается в поход,
Забыв любовь и ласки,
За лаврами идет.

И, чтоб спасти отчизну,
Солдатом каждый стал,
И, не жалея жизни,
С оружием зашагал.

Прощаясь, обнимает
Родных в последний раз.
Где доблесть процветает
Такая, как у нас!

И ты непобедима,
О, наша молодежь,—
Проходишь с песней мимо,
И с песней в бой пойдешь!
И ликованье это
Порукою того,
Что впереди победа
И славы торжество!

**Гражданам второй роты волонтеров
секции французского Пантеона**

Когда наступит время сборам
В военный доблестный поход,
Пускайтесь в путь, горлая хором—
Плечо к плечу, за взводом взвод!
Друзья! есть верная примета:
Ушедший с песней *Ça ira!*
Домой вернется—знайте это!—
Крича ура, крича ура!
Крича ура! Крича ура!

Пошел бы я и сам в сраженье,
Не будь предательских седин!
Вот вам мое благословенье!
Вот вам в товарищи мой сын!
Делюсь последним без упрека.
Ведите к славе молодца!
А дочь оставьте мне до срока—
Чтоб было кем сменить отца!
Чтоб было кем сменить отца!

Республиканские героини

(Песнь, посвященная храброму полу)

Сочинение гражданина Ботан

У каждой брат или жених—
В солдатах,—так за ними следом
Пойдем на фронт подбодрить их
И воодушевить к победам.
Нас пушками не запугать,
Как гражданки-республиканки,
Страну мы будем защищать!

Пусть нас посмотрит австрияк,
Запишемся мы в волонтеры,
И будет землю грызть пруссак
И вся разбойничья их свора.
Нас пушками не запугать,
Как гражданки-республиканки,
Страну мы будем защищать!

Победу лавры наградят.
И армию мы сформируем.
Ведь все мы—дочери солдат.
И пробил час! Бой неминуем!
Нас пушками не запугать,
Как гражданки-республиканки,
Страну мы будем защищать!

Мы сменим юбки на штаны
И вас поддержим, санкюлоты!
Ведь вместе с вами мы должны
Разрушить деспотов оплоты.
Нас пушками не запугать,
Как гражданки-республиканки,
Страну мы будем защищать!

Мы сформируем полк стрелков,
Пойдем в гусары и драгуны.
Как канониры, пушек зев
Зарядим бомбою чугунной.
Нас пушками не запугать,
Как гражданки-республиканки,
Страну мы будем защищать!

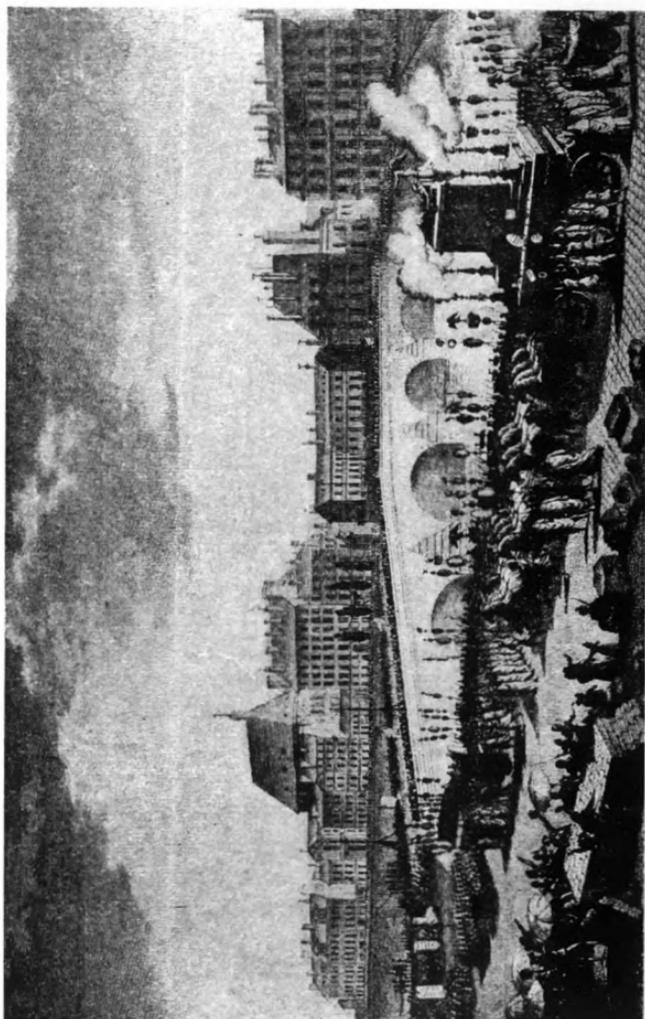
Люиза, Генриэт, Манон,
Эмилия и Анжелика,
Виктория и ты, Сюзон,
Все за отчизну в бой великий!
Нас пушками не запугать,
Как гражданки-республиканки,
Страну мы будем защищать!

Франсиль, Бабэт, Софи, Жюли,
Розалля, Аделаида,
Вы в канониры б подошли
По росту вашему и виду.
Нас пушками не запугать,
Как гражданки-республиканки,
Страну мы будем защищать!

Александрине подойдет
Жезл—командирская дубинка;
Она нас поведет вперед,
Как ревностная якобинка.
Нас пушками не запугать,
Как гражданки-республиканки,
Страну мы будем защищать!

Нам Марс поможет, бог войны,
Богиня мужества Беллона,
Мы, женщины, нести должны
Твои победные знамена.
Нас пушками не запугать,
Как гражданки-республиканки,
Страну мы будем защищать!

Врагов прогоним мы долой,
Вооружась одною пикой.
Смелее, парижанки, в бой,
За честь республики великой!
Нас пушками не запугать,
Как гражданки-республиканки,
Страну мы будем защищать!

Трамвай Вольгера, 11 июля 1791 г.
С гравюры П.-Г. Берто по рис. Приера

Марсельеза*Сочинение Жозефа Руже де Лиль*

О, дети родины, вперед!
 Настал день нашей славы;
 На нас тиранов рать идет,
 Поднявши стяг кровавый! (bis)
 Вам слышны ли среди полей
 Солдат свирепых эти крики?
 Они сулят, зловеще дики,
 Убийства женщин и детей.

К оружию, граждане! Смыкайтесь в ряды вы!
 Пусть крови вражеской напьются наши нивы!

Что нужно ей, орде рабов,
 И этих королей союзу?
 Готовят стыд своих оков
 Они давно уже французу!
 Да, то для нас! Какой позор! (bis)
 Великий гнев в сердцах пылает:
 Кто это заводит разговор?
 О нашем рабстве разговор?

К оружию, граждане! Смыкайтесь в ряды вы!
 Пусть крови вражеской напьются наши нивы!

Как! Нам предписывать закон
 Хотят когорты иностранцев,
 И из домов погнать нас вон
 Толпы наемных оборванцев! (bis)
 Великий бог! Нас заковать!
 Ярмо нам наложить на выи,
 Чтоб деспоты, тираны злые,
 Нам впредь могли повелевать!
 К оружию, граждане! Смыкайтесь в ряды вы!
 Пусть крови вражеской напьются наши нивы!

Тренещет каждый пусть тиран
 С позорною своей толпою!
 Пусть замыслы коварных страп
 Оплатятся своей ценою! (bis)
 Солдатом каждый стал у нас:
 Погибнут юные герои,
 Земля родит их новых вдвое,
 Дабы разбить оружием вас!
 К оружию, граждане! Смыкайтесь в ряды вы!
 Пусть крови вражеской напьются наши нивы!

Французы! Ваш высокий дух
 У вас потребует пощады
 Для тех, о ком есть верный слух,
 Что воевать они не рады! (bis)
 Не то—кровавый деспот сей,
 Буйе сообщники прямые,
 Они не люди—тигры злые,
 Что рвут грудь матери своей...
 К оружию, граждане! Смыкайтесь в ряды вы!
 Пусть крови вражеской напьются наши нивы!

Святая к родине любовь,
Веди нас по дороге мщенья.
Свобода! Пусть за нашу кровь
И за тебя им нет прощенья! (bis)
И пусть на твой могучий зов
К знаменам прилетит Победа,
И взор надменного соседа
Увидит Славы к нам любовь.
К оружию, граждане! Смыкайтесь в ряды вы!
Пусть крови вражеской напьются наши нивы!

На тот же путь и мы пойдем,
Как старших уж в живых не будет.
Их прах мы на пути найдем:
Никто их доблесть не забудет. (bis)
Нам лучше, чем их пережить,
За ними вслед сойти в могилы.
Все напряжем мы наши силы—
Хоть умереть, да отомстить!
К оружию, граждане! Смыкайтесь в ряды вы!
Пусть крови вражеской напьются наши нивы!

Брак священников

(Куплеты, петье на свадьбе священника,
бывшего бенедиктинца)

Сочинение гражданина Бенуа Ламот

Скорей женитесь, господа,
Учитесь на благом примере:
Женитьба сладостна всегда,
А Гименей раскрыл нам двери.
Хвала, наш пастырь-гражданин,
Нам за тобою путь один!

По сей примете узнаем,
Кто будет пастырем примерным:
Коль станешь мужем и отцом,
Так и попом пребудешь верным.
Хвала, наш пастырь-гражданин,
Нам за тобою путь один!

Христос изволил нам сказать
В сентенции довольно ясной:
«Кто может домом управлять,
Управит церковью прекрасно».

Хвала, наш пастырь-гражданин,
Нам за тобою путь один!

Твой, избиратель, строгий суд
Попов-отцов одобрит скоро:
Их дети впредь не принесут
Несчастным маменькам позора.

Хвала, наш пастырь-гражданин,
Нам за тобою путь один!

Живей, дружище, покрывай
Убытки сей войны тяжелой:
Пусть Марс опустошил весь край,—
Венера вновь населит села.

Хвала, наш пастырь-гражданин,
Нам за тобою путь один!

Песнь на поцелуй Ламурета

(Заседание в субботу 7 июля 1792 г.)

Беды кончились совсем,
Только слышно стало всем
Депутата Ламурета.

Тюрлюретта,
Тюрлюретта, тюрлюретта!

«Господа,—сказал прелат,—
Чтоб настроиться на лад,
Выслушайте Ламурета».

Тюрлюретта,
Тюрлюретта, тюрлюретта!

«Братне,—пора давно.
Слить две партии в одно!—
Вот совет вам Ламурета».

Тюрлюретта,
Тюрлюретта, тюрлюретта!

Тотчас сладостный восторг
Изо всех умов исторг
Звучный голос Ламурета.
Тюрлюретта,
Тюрлюретта, тюрлюретта!

Пререканья смолкли вдруг,
Потянулись сотни рук,
Обнимая Ламурета.
Тюрлюретта,
Тюрлюретта, тюрлюретта!

Чтоб прославить этот день,
Прочь, любовь! Заботы—в тень!
Все сердца—для Ламурета!
Тюрлюретта,
Тюрлюретта, тюрлюретта!

Но согласие едва
Длилось миг,—гласит молва,—
Как объятье Ламурета!
Тюрлюретта,
Тюрлюретта, тюрлюретта!

Лагерные работы

(Патриотическая песнь)

Друзья, друзья! страна родная
Взывает к нам, сынам своим.
Ужели зовам тем внимая,
Француз останется глухим?
Эй-эй! к нам скорей,
К нам скорей, всех ждут работы!
Эй-эй! живей!
Больше дела, меньше слов!
Чтоб не стало, патриоты,
Ни тиранов, ни рабов!

Вовек усталости не знает,
Кто за свободу биться рад—
И братски землю обнимает
Работа дружная лопат.
Эй-эй! к нам скорей,
К нам скорей, всех ждут работы!
Эй-эй! живей!
Больше дела, меньше слов!
Чтоб не стало, патриоты,
Ни тиранов, ни рабов!

Аристократы! нам не диво,
Что вас одолевает страх
При виде женщины красивой
С рабочим молотом в руках!
Эй-эй! к нам скорей,
К нам скорей, всех ждут работы!
Эй-эй! живей!
Больше дела, меньше слов!—
Чтоб не стало, патриоты,
Ни тиранов, ни рабов!

Есть дело малым, как и старым,
Они спешат за нами вслед—
И возмещают юным жаром
Неполносилые юных лет.
Эй-эй! к нам скорей,
К нам скорей, всех ждут работы!
Эй-эй! живей!
Больше дела, меньше слов!—
Чтоб не стало, патриоты,
Ни тиранов, ни рабов!

Да, миру подарить мы можем
Свободы светоч и закон.
Клянемся: меч в ножны не вложим.
Пока не пал последний трон!
Эй-эй! к нам скорей,
К нам скорей, всех ждут работы!
Эй-эй! живей!
Больше дела, меньше слов!
Чтоб не стало, патриоты,
Ни тиранов, ни рабов!

Тогда, под славы голос медный,
Живым венкам утратив счет,
Мы воспоем исход победный,—
Всемирно радостный исход!

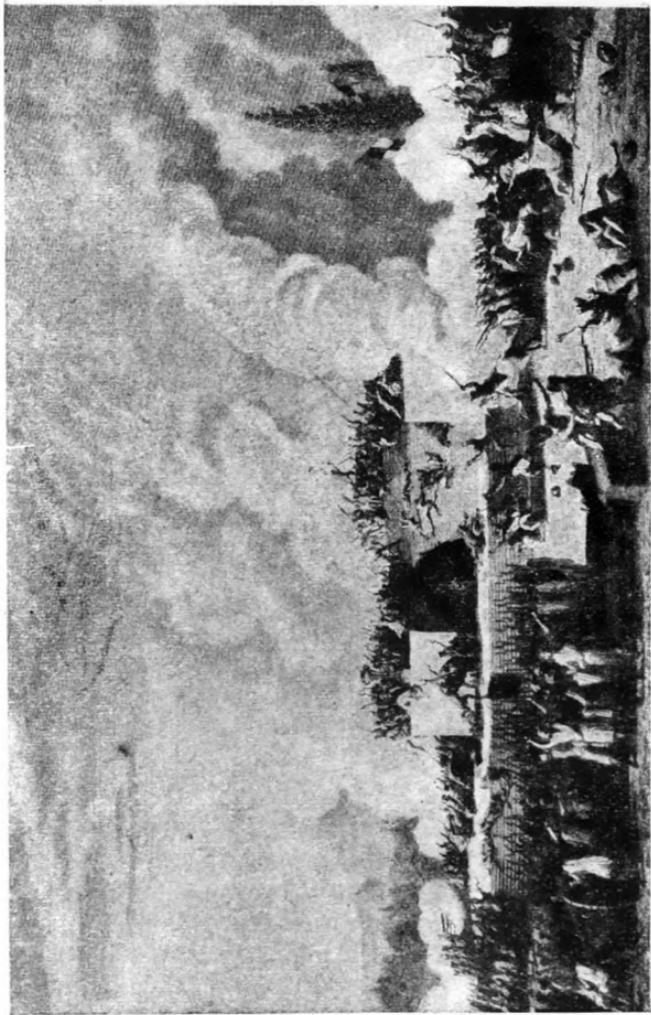
Эй-эй! к нам скорей,
К нам скорей, всех ждут работы!

Эй-эй! живей!

Больше дела, меньше слов!

Чтоб не стало, патриоты.

Ни тиранов, ни рабов!

Расстрел на Марсовом поле петиционеров, требовавших низложения Людовика XVI,
17 июля 1791 г.
С гравюры П.-Г. Берто по рис. Приера

Отечество в опасности

(1792 г.)

Сочинение Ладрэ

Мосье Артуа, что вас влечет
Без крова жить, везде блуждая?
Ужель страна, где глуп народ,
Милей, чем Франция родная?
А вы—Кондэ, вы генерал,
Который грубость прославлял,
Пусть мы в несчастьи и в заботе—
Целей нам больше не скуете.

Ну, что, предатель Мирабо,
Любитель вин и наслаждений—
Спасет вас veto от того,
Что конфискуют часть имений?
Коль сам король вас предает,
Его ругает весь народ.
Смотри, толстяк, чтоб пики в пузо
Не получил ты от француза.

И так как бочкой ты слывешь,
То мы дадим тебе затычку,
Всю жизнь баюкала нас ложь,
И спать вошло у нас в привычку.
В опасности страна и честь,
И больше нечего нам есть.
Нас подымает гнев великий.
Остерегайся нашей пики!

Ты, Брунsvик, храбрый генерал,
В наш край войдя стопою твердой,
Решил, что всех нас испугал,—
Но распростись с осанкой гордой.
Французов страх не охватил,
Они тебе посбавят пыл.
И русские и австрияки,
Как блохи, выпрыгнут из драки.

Взрастила Франция солдат,
И ты узнаешь ярость мести,
Они нас в битве защитят—
Здесь весь народ собрался вместе.
Свобода выигрывает бой!
Спасай хоть жизнь свою, герой.
Изменникам ты подал руку,
Француз возьмет тебя в науку.

Упразднение монастырей

1

Как у разных пап и мам
Жизнь кончалась без потомства,
Как у них рождались там
Только вздохи по углам,
Как у них сестра и брат,—
О, какое вероломство!
С самой милой из услад
Не могли иметь знакомства,—
Этих пап и этих мам
Мы зовем без вероломства
Волю нежным дать страстям,
Сладким ввериться цепям.

2

Не пойдут замкнуться вновь
В келью жертвы угнетенья.
Им уже волнует кровь
К вольности святой любовь.

Чтоб не думать никогда
О притонах преступленья,
Пусть разрушат навсегда
Эти мрачные строенья.
Нечего бояться вновь
Кельи жертвам угнетенья!
Хор веселый, славословь
К вольности святой любовь!

3

Снова можно вам дышать
Волей, юные черницы,
Надо все у жизни взять,
Ведь любовь не любит ждать.
Никаких духовников
Долгополых вереницы
Наложить не могут ков
На покинувших темницы.
Так спешите же собирать
Вы в полях цветов кошницы,
Узы милые сплетать,
Чтоб любовников вязать.

Революция 10 августа 1792 г.

Десятого августа. Лаврентьев день.
Отдан Париж смятенью.
Провидя, что солнце охватит тень,
Готовится он к сраженью.
Ты крови хочешь, дворянин,
Хочешь спасти свой высокий чин,
Как будто не знаешь, что ты один—
Причина этих волнений.

Народу вовсе не нужно зло,
Он ищет жизни свободной.
Он видит: обманывают его
И вертят им, как угодно,
Людовик Шестнадцатый фальши полн—
Все это издавна знает он
И сам установит свой закон
Свободы благородной.

Всегда предаваем, обманут всегда,
Народ живет в страданьи,
И много приносят ему вреда
Высокие обещанья.
Когда же устанет народ страдать,
Он подымается, чтоб кончать
Былое мученье и начинать
Свободное существованье.

Людовик, Людовик! Что сделал ты нам,
Предателем став на троне!
Ты принял любовь народов, а сам
Живешь лишь для беззаконий.
Бороться с тиранами—вот твой указ,
А сам ты богатых от гибели спас.
Едва ль не ворами считаешь нас.
Твоей отомстим мы короне!

Нельзя было прежде никому
Проверить твои порядки.
Теперь мы не верим уже ничему,
Двуличные зная повадки,
Любовь, о которой твердил ты,—бред,
Ты этим обманывать хочешь весь свет,
Чему ж удивляться, коль веры нет
В короля, что бежит без оглядки!

Швейцарец проклятый! что делаешь ты,
Штыки наводя на свободу?
Дурные советы, конечно, просты,
Но бойся перечить народу.
Мерзавцы солдаты, поддержка двора,
Вас всех в одиночку добьют до утра
И станете жертвами гнева—пора!—
Вы, лившие кровь, словно воду.

Оплачем марсельцев! Погибли они
От руки швейцарцев презренных.
Мы против царей восстаем в эти дни,
Караем их за измены.
Мы свергнем гнет ненасытный и злой,
Мы станем свободной, счастливой страной.
И тронется нашей Европа судьбой,
Наш отдых храня драгоценный.

Песнь о 10 августа

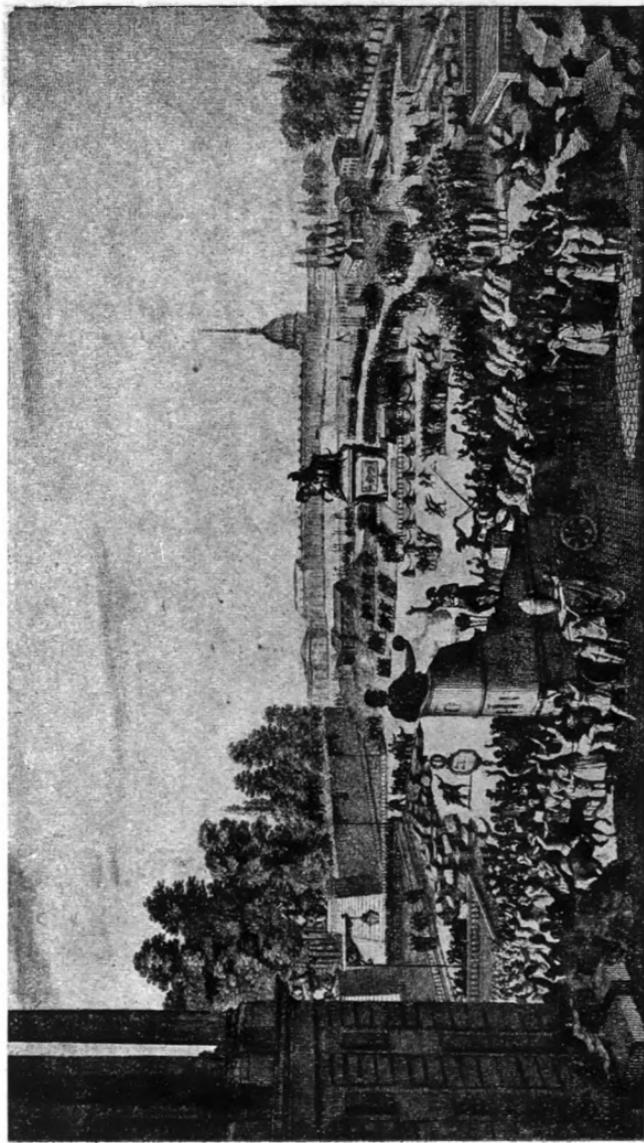
*Сочинение гражданина Клеман,
секретаря центрального комиссара*

Один из деспотов Европы
Собрал приспешников своих,
Чтоб кровью нового потопа
Смыть патриотов молодых.
Народ восстал в одно мгновенье—
И шум, и блеск, и гром войны—
Пал деспотизм в огне отмщенья,
И все враги побеждены.

Как был прекрасен он, великий
Внезапный, яростный наш бой,
Где честь боролась с злобой дикой
И доблесть с низостью людской.
Запомнив этот день единый,
Историки признать должны,
Что даже Рим или Афины
Не столь высоко взнесены.

О, день величия и славы!
О, нашей вольности оплот!
Тебя бежит тиран кровавый,
И человечество поет.
В тебе Республики начало,
Ее побед прямой залог,
Не будь тебя—тиран немало
Французов погубить бы мог.

Для укрепления тирании,
Уничтоженья наших прав
Питт замышляет козни злые,
Тиранов вокруг себя собрав.
Он опоздал. Крепя колонны,
Мы разобьем врага в боях
И все властительные троны
Без трепета повергнем в прах:

Первый праздник Свободы 15 апреля 1792 г.
С вставкой П.-Г. Берто по рис. Пьерра

III
БОРЬБА
МЕЖДУ КРУПНОЙ И МЕЛКОЙ
БУРЖУАЗИЕЙ

89

Карманьола

1

Мадам «Вето» могла грозить (bis)
Нас всех в Париже перебить, (bis)
Но дело сорвалось у ней—
Все из-за наших пушкарей.
Отпляшем карманьолу!
Славьте гром! Славьте гром!
Отпляшем карманьолу!
Славьте пушек гром!

2

Мосье «Вето» мог обещать (bis)
Отчизне верность соблюдать, (bis)
Нарушено то слово им,
И мы пощады не дадим!
Отпляшем карманьолу и т. д.

3

Мадам «Вето» могла решить (bis)
На з...цу нас уронить, (bis)

Но случай вышел тут иной—
Ей нос расквасили самой.
Отпляшем карманьолу и т. д.

4

Ее супруг победы ждал, (bis)
Он нашу доблесть плохо знал. (bis)
Ступай же, толстый дуралей,
Ты в башню Тампля поскорей!
Отпляшем карманьолу и т. д.

5

Могли швейцарцы обещать (bis)
По нашим родичам стрелять, (bis)
Но поскакать пришлось-то им!
Пустьится в пляс пришлось самим!
Отпляшем карманьолу и т. д.

6

Антуанета у ворот (bis)
Хотела сделать поворот; (bis)
Пред башней дурно стало ей;
Почета не хватало ей.
Отпляшем карманьолу и т. д.

7

Когда Людовик увидал, (bis)
Что рвы копают, он сказал (bis)
Тем, кто работал: «Господа,
Я чуть не полетел туда».
Отпляшем карманьолу и т. д.

8

Друзей имеет патриот; (bis)
То всей страны честной народ; (bis)
 Под грохот пушечной пальбы
 Все дружно выйдут для борьбы.
Отпляшем карманьолу и т. д.

9

Средь парижан аристократ (bis)
Всем роялистам друг и брат; (bis)
 Они его не подведут,—
 Как трусы разом удерут.
Отпляшем карманьолу и т. д.

10

Могли жандармы обещать (bis)
Отчизне помощь оказать. (bis)
 И что ж? При грохоте пальбы
 Они не скрылись от борьбы.
Отпляшем карманьолу и т. д.

11

Друзья, в согласьи мы сильны; (bis)
Врагов бояться не должны. (bis)
 Пусть вздумают напасть на нас—
 Скакать заставим их тотчас.
Отпляшем карманьолу и т. д.

12

Я—санкюлот! Горжусь тем я (bis)
На зло любимцам короля. (bis)
 Марсельский славлю батальон,
 Бретонцев наших, наш закон.
Отпляшем карманьолу и т. д.

Навек запомнит наш народ, (bis)
Каков в предместьях санкюлот. (bis)
 Чтоб наших молодцов почтить,
 За их здоровье будем пить!
Отпляшем карманьолу!
 Славьте гром! Славьте гром!
Отпляшем карманьолу!
 Славьте пушек гром!

Радость республиканского народа

Во Франции нет короля!
Уж то-то лягнули мы штучку!
Всем важным герцогам, шая,
Какую дали нахлобучку!
И вот свободны мы сейчас,
И все теперь равны у нас.

Пляши, Париж! Смелей, война!
Любому зададим мы трепку,
Давно завяла белена,
Что раньше портила похлебку.
Свобода впрямь начнет цвести,
Коль будем равенство блюсти.

Теперь гуляй к папá Петъон—
Презентовать ему почтенье:
Не нужно с ним держать фасон,
Но он достоин уваженья:
Верша калустой и козой,
Наш друг стоит за нас горой.

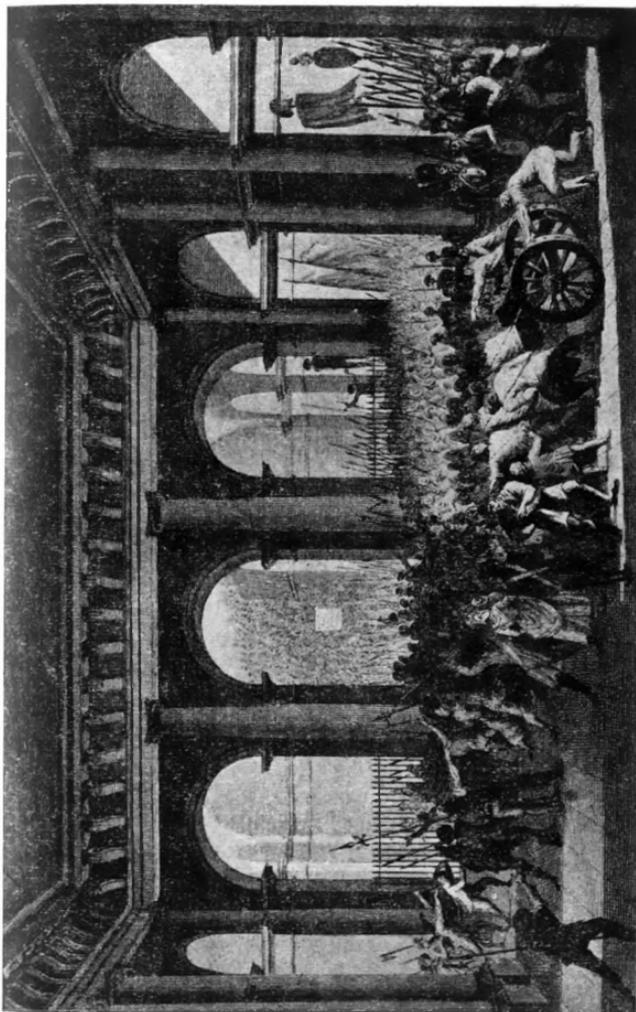
Людовик XVI в башне*Сочинение Дедюи*

Людовик, властью пышной окружен,
Царил тираном беспощадным.
Теперь же, в башню заключенный, он
Стал человеком заурядным.

Он клятвы нарушал по сотне раз.
Антуанета—вот причина.
Он был последним королем у нас,
И ждет обоих гильотина.

Так ложное величье в тьму течет:
Исчез и скипетр и корона.
Король жестокий! Ты губил народ—
И в гибель сам ипсходишь с трона!

Свобода, ты одна теперь цари!
Французы чтят тебя и славят,
Святое равенство, нас озари!
Предателей да обезглавят!

Народ входит в Тюильри 20 июня 1792 г.
С травюры П.-Г. Берто по рис. Приера

Новая песнь

Войско Христово,
Всех верных французов оплот,
С сердцем святого
На подвиг идет.
Скройся, Антихрист, из наших сердец!
Мы, за Христа принимая конец,
Снова и снова
Заслужим венец.

Нации мерзкой
Сверкает разбойничий нож,
С подлостью зверской
Мешая грабеж.
Их генералы—шайка убийц,
Их трибуналы—сброд кровопийц,
Все их священники—
Стая лисиц.

Их санкюлоты
Не выдержат пламенных встреч:
Жалкие роты
Их надобно сжечь.
Дьявольской смрадною пастью рожден,
Гнусный Конвент изрыгает закон:
Пусть же гадюку
Раздавит Бурбон.

Армия чести
Своею отвагой сильна,
Ныне для мести
Она рождена.
Нашей молитвы разносится звон:
Да укрепится господень закон,
Злобный мятежник
Да будет сражен.

Горе разбою!
Исус наше войско хранит,—
Искрой одною
Он вас истребит.
Поп лицемерный,
Скликающий смерть и беду,—
Все твои скверны
Да сгинут в аду!

Кознями злыми,
Пожаром и кровью одет,
Носишь ты имя—
«Народ-людоед».
Жаждем сразиться
За бога и за короля,
С дьяволом биться,
Свой дух веселя.

Нам на подтирку
Ваши знамена пойдут,
Славную дырку
В них шпаги проткнут.
Нужник устроим
Из ваших смешных фонарей,
В пламени скроем
Казармы псарей.

Маленькая патриотическая радость

Что мечтал король уланский,
 По указке эмигрантской,
 В промежутке двух недель,
 Без труда приблизить цель,
 Франциею овладев,—
 Это очень нас забавит
 И ни капельки не давит:
 Что же взять ему дано?
 Ровно ничего.
 Ровно ничего.

Что вedomое Брунсвиком,
 Посланное Фредериком,
 Войско гордое рвалось
 В дверь, открытую насквозь,
 И бежит, пилюлю съев,—
 Это очень нас забавит
 И ни капельки не давит:
 Им историей дано
 Быть ничем давно.
 Быть ничем давно.

*Академик, внук Благонаравия
 и племянник Радости, некогда
 песенник с Нового моста*

Романс

посвященный толстому Луи, бывшему королю

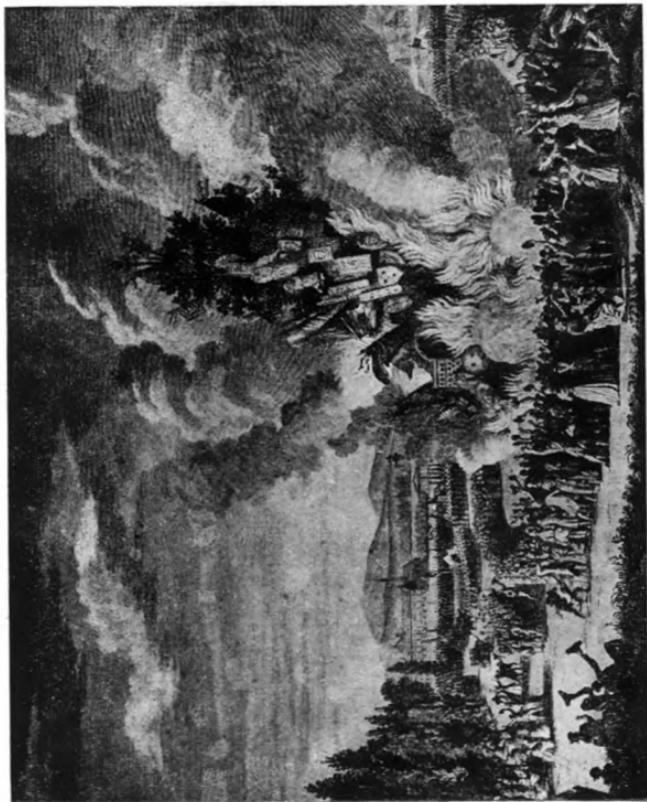
Сочинение Ладра

Бедняк король, утративший вето,
Король—обманщик верного народа!
Толстяк-Людовик, нынче ты—ничто,
Твой титул у тебя взяла Свобода.

Слепой монарх, моли своих льстецов,
Да греют вновь тебя лучами славы:
Народ взял верх над кознями дворцов,
И замысел рассеялся лукавый.

Ты требовал спокойствия от нас,
Сплетая сеть за нашу спиною.
Предатель, плут, расхлебывай сейчас
Все зло, твоей рожденное женою.

И двадцать пять миллионов уж позволю
Тебе не дать, не внемля больше стону:
Зови себя «ограбленный король»,—
Все ж Надия возьмет твою корону.

Празднование взятия Бастилии 14 июля 1792 г.
С гравюры П.-Г. Берто по рис. Приера

**Первый вызов Людовика Капета в
Конвент**

Сочинение Ладрэ

На месте короля,
Как дед мой, был я тоже.
Других таких, как я,
Не дай тиранов, боже.
Как солнце, затемнен,
Стою я поражен,
Я—лю-лю-лю,
Я—до-до-до,
Я—лю-, я—до-,
Шестнадцатый Людовик
Себе на зло по крови.

И был готов любить
Народ меня, тирана,
А я поработить
Его все строил планы.

И кровь лил, кровью пьян,
Чтоб мой возвысить сан,
Но сан-сан-сан,
Но кю-кю-кю,
Но сан-, но кю-,
Но санкюлоты
Посбили мне охоту.

Сковал и сам несу
Теперь свои оковы,
И под конвоем в суд
Вести меня готовы.
В Сенат ведут скорей,
Как будто я злодей,
На про-про-про,
На це-це-це,
На про-, на це-,
На процедуру—
Послушать чтенье сдуру!

Явившись пред судом
И у барьера стоя,
Я бросил взгляд кругом—
Несчастье какое!
Знамена наши все,—
У них во всей красе!
Я побле-бле,
Я тут-тут-тут,
Я побле-, тут,
Я побледнел тут сразу,
И помутился разум.

Прочли злодейств мне тьму
От малых до великих.

Упорствовать к чему?
Ведь так ясны улики.
Мне разрешили сесть.
Смотрю, где кресло есть.
Злой Лю-лю-лю,
Злой до-до-до,
Злой лю-, злой до-,
Людовику для зада
Скамьи и той не надо.

Хоть у меня друзья
В Париже остаются,
Открыться им нельзя,
Как все они ни бьются.
И тоже вслух кляня,
Кричат против меня:
На гиль-гиль-гиль,
На от-от-от,
На гиль-, на от-,
На гильотину!
Сострой получше мину!

Путешествие красного колпака

(Революционная песнь 1792 г.)

Сочинение Салля

Свободы огненный колпак
Повсюду держит гордый шаг
На горе вражьем ротам.
Объемля мир, его полет
Свергает цепи, свет несет
Отважным санкюлотам.

Спасенья нашего залог,
Тиранов бледных валит с ног.
Грозит их черным ротам.
Напрасно те в штыки идут:
Сегодня скипетры падут
Пред гордым санкюлотом.

И Рим, и Лондон, и Берлин,
Мадрид, и Вена, и Турин
Всем этим пышным ротам
На колпаке, потупя взор,
Читают смертный приговор,
Пришитый санкюлотом.

Сын Магомета, нищий раб,
В том колпаке уже не слаб,—
Он бьет по вражьим ротам,
И видит с трепетом султан,
Как новый славится тюрбан,
Надетый санкюлотом.

Гремит от Сены до Бирмы,
От Конго до лапландской тьмы
Клич равенства священный.
Тираны, рок вещает так:
Свободы огненный колпак
Пройдет по всей вселенной!

Колпак свободы

Колпак, колпак!
Ты для француза украшеньё!
И наш колпак
Мы носим как свободы знак.
Аристократов поколение
Всегда приводит в раздраженье
Колпак.

Колпак, колпак!
Нет лучше женщинам наряда.
Ведь наш колпак
Ребенка видит первый шаг,
И уверять мне вас не надо,
Что для мужчины он отрада,
Колпак.

Колпак, колпак!
Для обитателя вселенной
Колпак—
Как бы свободы алый стяг;
На плешь особы столь священной
Красотка взденет непременно
Колпак.

Пусть наш колпак
На шумных празднествах гуляет,
Пусть наш колпак,
Что чист и ярок, носит всяк.
Бурбоны! Глупость и какая!—
Упорствовать, не надевая
Колпак.

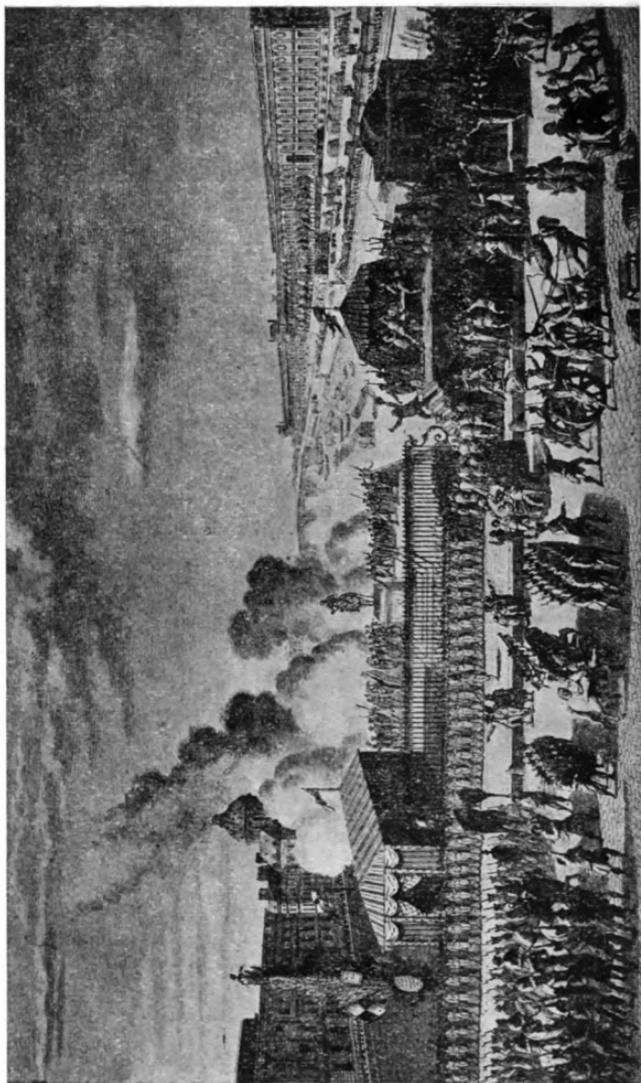
Колпак, колпак!
Залог победы для народа—
Колпак.
Тебя всегда боялся враг,
С тобой, водителем похода,
Прогонит всех врагов свобода,
Колпак!

Совет санкюлотам*Сочинение Дегрео*

Француз, оденься, будь собой,
Довольно корчить день-денской
Роль патриота показного.
Кто с добродетелью знаком,
Неужто ходит голышом?
Надень штаны скорее снова!

О, будь отличен как-никак
От оборванцев и бродяг,
От самохвальщика пустого.
Трудолюбивым, честным слыть,
Не значит без штанов ходить—
Надень штаны скорее снова!

Ужель удобней без штанов
Для мудрецов и для глупцов,
Или в штанах ходить так ново?
Ведь разорят рантье, купец
Парижских швейников вконец
Без одеяния такого!

Объявление отечества в опасности 27 июля 1792 г.
С урасюры П.-Г. Берто по рис. Приера

А ты теперь введен в обман,
Которым ловкий шарлатан
Морочит простака любого.
Станки и руки создал бог,
Чтобы носить здесь каждый мог
Штаны сукна недорогого.

В свободе каждый здесь рожден,
Но пусть он сердцем чтит закон
И патриота держит слово,
Пусть каждый при себе хранит
То, что нам прятать надлежит:
Штаны свои наденьте снова.

Республиканская песнь

Пушкой прославит медь
Победу величаво;
Ликуя, будем петь
Блеск нашей славы.

Страшно королям
От небывалого вида;
Наш гимн звучит ушам
Их смертной обидой.

Клонит Ватикан
В горе очи долу;
Каждый тиран
Пляшет карманьолу.

Это уже идет
По Франции отмищенной,
И это пройдет
По земле оскорбленной.

Романс французам

Народ! Когда ты с королем был дружен
И называл его отцом,
Беспомощен, бесправен, безоружен,
Ты был поработчен дворцом.
Сегодня ты обогащен правами.
Луч разума сверкнул во мгле:
Навеки расквитавшись с королями,
Ты будешь счастлив на земле.

Пусть угнетатели твои были
От злобы корчатся вокруг,—
Тебе смешны врага ужимки злые,
Врага, что поневоле друг.
Народ! Оберегай святое право
И помни о минувшем зле!
Знай: племя угнетателей лукаво—
Нет криводушной на земле!

А если, пир кровавый замышляя,
На мирный кров твой нападут—
Ты ринься в бой, победный лавр стяжая,
Сверши над ними правый суд!

Народ! Сумей преодолеть невзгду—
Без складок скорби на челе!
Француз, утративший свою свободу,
Не будет счастлив на земле!

Казни лжеца, несущего порфиру,
Будь горд, свободен и велик.
Всем лицемерным призываньям к миру
Рви с корнем подкупной язык!
Народ! Когда ты с разумом не в ссоре,
Его завет храни во мгле:
Смерть королям! Они приносят горе
И разрушенье всей земле!..

Людовик XVI к французам

(Романс)

Что сделал тебе я, французский народ?
Был кроток я, полон боязни,
Я думал о счастье народном—и вот
Меня ты увозишь для казни.

Французы, французы!—не я ли средь вас
Родился, не мне ли в наследство
Дано было небо, что блещет сейчас,—
Не тут ли прошло мое детство?

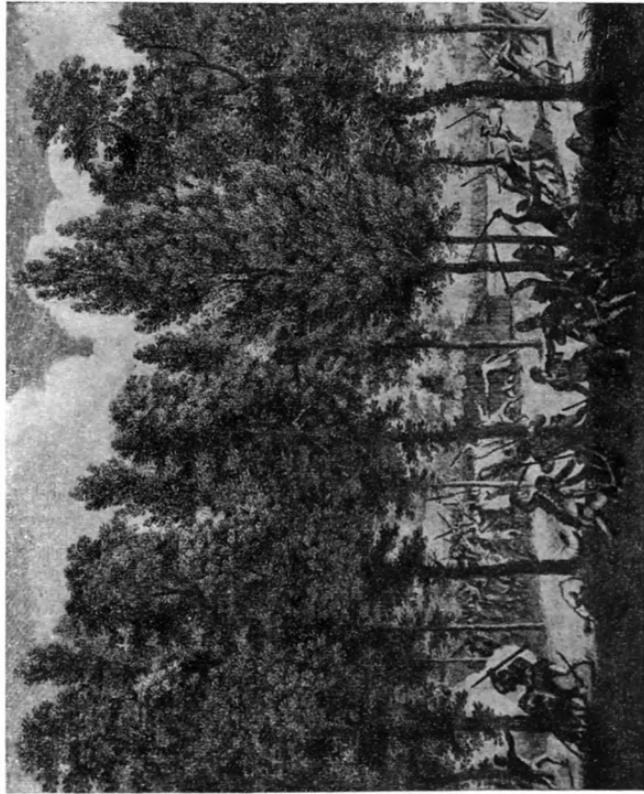
Народ мой, ужель от тебя заслужил
Я муки одни и невзгоды?
Когда я свободу тебе подарил—
Меня ты лишаешь свободы.

Мы Генриха лучшим французом зовем,
Но грешное было в нем скрыто,
Людовик Шестнадцатый, честный во всем,
Не знал никогда фаворита.

Найдите француза, кому бы пришлось
Принять приговор мой кровавый.
И больше за сутки здесь крови лилось,
Чем за двадцать лет моей славы.

Коль смерть моя счастье вам даст и покой,
Возьмите ее в искупленье.
Невинный король ваш, скорбя всей душой,
Вам шлет, умирая, прощенье.

Прощай же навеки, мой добрый народ,—
К тебе обращаю я взоры;
А кровь моя—верю—навек зальет
Упорное пламя раздора.

Избиение марсельцев в Елисейских полях 30 июля 1792 г.
С гравюры П. Г. Верто по рис. Приера

**Песнь о героической смерти Мишеля
Лепеллетье-де-Сен-Фаржо**

бывшего парламентского президента, защитника народа,
депутата Конвента, убитого Парисом, гвардейцем послед-
него из тиранов, 20 января 1793 г., во II год Французской
республики

Сочинение Лаво, республиканского певца

Парижу надобны не розы,
А траур горестных одежд.
Лишившись лучшей из надежд,
Сограждане, прольемте слезы.
Несчастье нам суждено:
Мы потеряли Сен-Фаржо.

Он отдал жизнь свою народу,
Геройской смертью славных пав
За нерушимость новых прав,
За равенство и за свободу.
Гвардейцем короля сражен,
Республиканцем умер он.

С жестокостью аристократа
Убил ты нашего бойца
За то, что шел он до конца
За родину с рукой поднятой,
И было палачу дано
Похитить нашего Фаржо.

Какой удар невыносимый!
Земля раскрылась для того,
Кто звался Лепельтье Фаржо.
Защитник трона нетерпимый
Могилу вырыл под землей,
Его пронзив своей рукой.

Слуга последнего тирана,
Всесильной яростью объят,
Когда ты будешь нами взят,
Закон тебе покажет рьяно,
Что эшафот узнать дано
Тому, кто умертвил Фаржо.

Он был Республике опорой—
И вот навеки унесен.
Но во французский Пантеон
Войдет он радостью для взора,
Фаржо, прославленный герой,
Являющий пример собой.

Мы памятник ему построим,
Чтоб был о нем не унеслась.
Он сохранится вечно в нас,
Войдя в историю героем.
Мы над могилою его
Оплакиваем Сен-Фаржо.

Его гробницу украшая
Венками из живых цветов,
Не каждый ли из нас готов
Над нею изойти слезами?
Пусть над могилою его
Оплачут дети Сен-Фаржо.

Смерть Людовика Капета

Сочинение Ладрэ, народного певца

Двадцать первое января,
Год девяносто третий,
Капет тиран не зря
Своею смертью встретил.
Подарок за измену—
Ему на новый год,
И вот беглец Варенна
Взошел на эшафот!

Он гибелью грозил
Французскому народу,
Тщась из последних сил
Закабалить свободу;
Теряя разум в гнев
И унижая сан,
Внимая королеве,
Свирепствовал тиран!

Всегда он был готов,
До подлости унизясь,
Поддерживать попов
Кровавый катехизис.

Народ своей присягой
Обманывал тиран,
Якшался со всякой
Скуфьей, с гербом дворян!

Родня и братья, знать,
Советников так много!
И любят нос совать
Попы во имя бога.
Всегда их рук орудье,
Послушно правил он.
Свершилось правосудье,
Казнил его закон!

Тираны-короли,
Повсюду трепещите,
Ведь козни не смогли
Вам верной стать защитой.
И вы взойдете тоже,
Как он, на эшафот!
От ужаса святоши
Воды набрали в рот!

А римские ханжи
Уже открыть готовы
Потоком грязной лжи
На нас поход крестовый.
Нас папа римский рьяно
От церкви отлучит,
Казненного ж тирана
Святым провозгласит!

Жилось и здесь ему,
Он был бы всем доволен.
К несчастью своему
Он слишком был безволен.

Ведь голова с мозгами
Нужна и для корон—
Он глупо правил нами,
За глупость и казнен!

Пусть имя короля
Изгладится бесследно.
Законы восхваля,
Прославим их победно.
Колпак фригийский, пику,
Французы, сохраним,
«Vive la République!» *
Навек провозгласим.

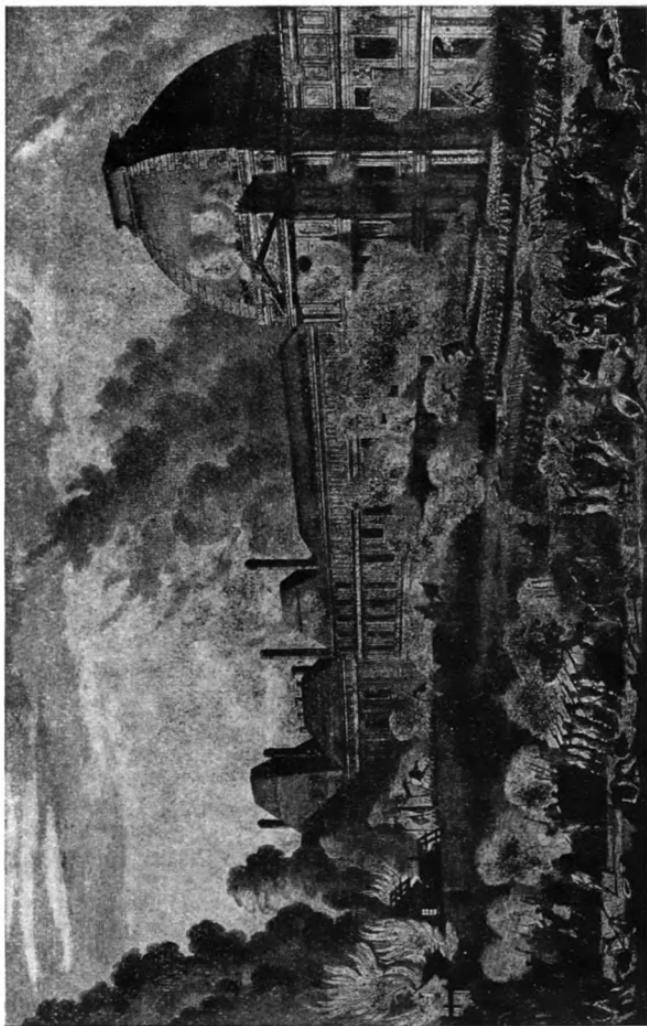
* Да здравствует республика!

Смерть королям!*Сочинение Т. Руссо*

Опять властители Парижу
Всей злобной сворою грозят.
Страна моя! ужель увижу
Твое паденье и распад!
Ужели смогут эти гунны,
О, боги!—храбрых победить
И колыбель свободы юной
Навек в могилу превратить?

Об этом только помышляя,
Внезапным ужасом дыша,
Друзья, скажите мне—какая
Не вспыхнет доблестью душа!
Я весь исполнен нетерпенья,
Жалеть я жизни не могу
И бросил ненависть отмщенья
В лицо надменному врагу.

Покрытый славою походов,
Защитник вольности француз
Уже десятка два народов
Освободил от рабских уз...

Осада и взятие Тульоны 10 августа 1792 г.
С рисунков П.-Г. Берто по рис. Шриера

И полон мысли величавой,
Чужих не хочет рубежей,
Довольствуясь прекрасной славой
Ниспровергателя царей.

Нам бой сулит восток багряный,
Зовем насилие на суд.
Дрожите в ужасе, тираны:
Солдаты Франции идут.
Их мужество непобедимо:
Здесь что ни город—ратный стан.
От рейнских вод до склонов Рима
Народ кричит: «Умри, тиран!»

Батавия, свергая узы,
Разбей насильственный закон!
Да будут в вольности французы
Тебе примером, Альбион!
Зачем потворствовать злодею,
Который дерзок и жесток?
Ужели сам ты склонил шею
Пред тем, кого казнить ты мог?

Вставляйте, новые Алкиды,
На всех Неронов мировых,
Припомня вечные обиды,
До корня истребите их!
Топчите царства и короны,
Да будет род царей сметен.
Нам не нужны отныне троны—
Над нами царствует закон!

Бешенство и безумье королей

(Песнь на мотив Марсельезы)

Сочинение гражданина Демел

От гнева или ослепленья,
Короли, вы берете власть?
Вы не терпите возраженья:
«Все должны перед нами пасть.
Мы, как боги, владеем землею,
Покоряйтесь без ропота нам,
А не то всем придется вам
Трепетать под нашей грозой:
Так хотим мы и правим сейчас,
Чорт возьми! покоряйтесь, (bis) или сломим вас!»

Ах так? Без согласия народа
Хотите вы им управлять?
Все безумнее вы год от года,
Если можете так рассуждать.
Как нелепы ваши затеи!
О, глупцы, разве счастье в том,
Чтоб кичиться своим венцом?
Дикари, даже те вас умнее.
Короли—это мы. И свободны сейчас.
Что бы, смертные, (bis) сделать могли вы без
нас?

Рабы, полюбившие узы,
Что вам могут дать короли?
Отвагой полны французы,
Защищая законы свои.
Вы получите в воздаянье
Только раны иль смерть в бою—
Так кляните ж судьбу свою,
Жертвы собственного незнанья.
А вы, короли, словно тигры, любившие кровь,
Как воздаст вам потомство (bis) за вашу любовь:

С ворами, с людьми измены
Вы будете сведены—
Вот судьба королей презренных,
Живущих лишь для войны.
Позорит мир их орава—
Их выплюнул в гнев ад—
Для неволи они хотят
Стубить нас в бойне кровавой.
Былым тиранам во всем сродни,
Всех наших несчастий (bis) причина они!

Ценою лишений народных
Они нанимают солдат:
«Поддержите наш трон благородный!»—
Властители им говорят.
Привычные к преступленью
Тираны, враги людей,
В жертву ненависти своей
Приносят все поколение.
На наши же деньги законы писали для нас.
Народы, живите свободно, (bis) вам власть короля
не указ!

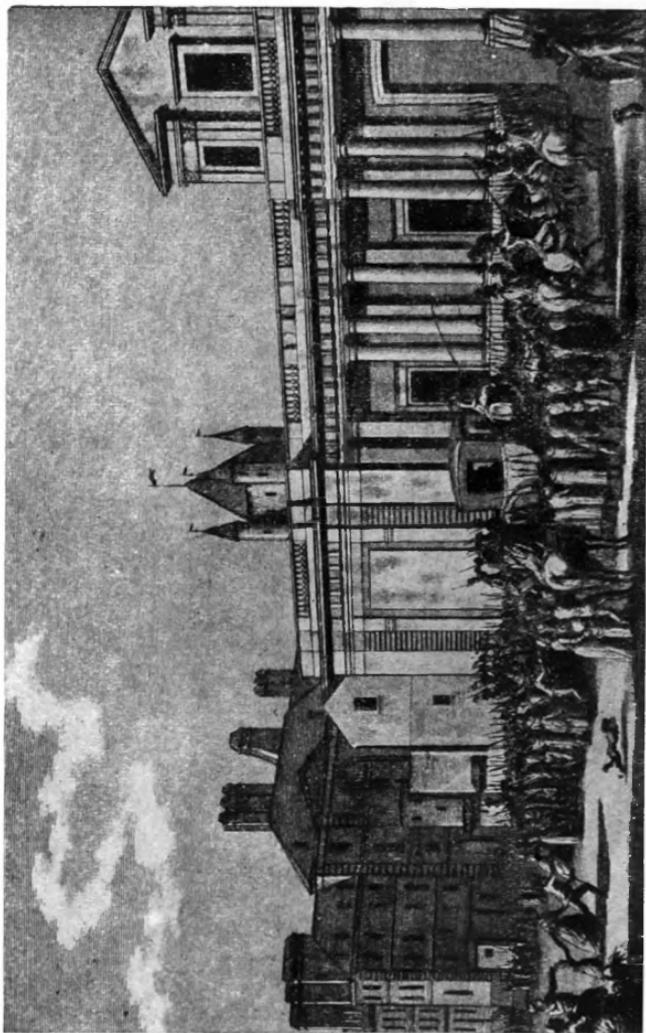
Горячим порывом воли
Разбойников мы низведем,
Разобьем все оковы неволи,
На тиранов обрушим гром.
Для свободы, для светлой жизни,
О, французы, для блага страны
Будем мы вместе—мы этим сильны,
Поможем нашей отчизне.
Вперед, о французы, всем пылом высоких сердец,
На врага мы ударим, (bis) и бедствиям нашим
конец!

Пробуждение дядюшки Дюшена

(Дьявольски патриотическая песнь)

Подымайтесь, грянем громом!
Не боится пуль солдат!
Патриоту смерть знакома,
У него не дрогнет взгляд.
Плюнем на обычай бранный!
Всех святош я разнесу—
Тех, которые смиренно
Умирают за пять су.
Барам волю мы, признаться,
Лишь на плахе возвратим—
Им, грязнящим знамя братства
Черным именем своим.
Мы проткнем их всех штыками,
Тысяча проклятий им!
Заскорюзлыми руками
Лик вселенной обновим!
Радугой кокард трехцветных
Ослепим тиранов мы,
Топот наших ног несметных
Громом потрясет холмы.

Мы разрушим все границы—
К чорту грани рубежей!
Мы должны соединиться
На большой земле друзей.
Поспешим в усердьи рьяном—
Наступил расплаты миг.
Сбреем бороды тиранам
Остриями наших пик.
Мы врагов своих пораним,
Победим их, а потом—
Роковое поле брани
Полею братства назовем.
И свободу мы прославим
Ветром яростным знамен,
В чаши дружбы переплавим
Злое золото корон.
Феодальные законы
Уничтожим, разобьем!
Только равенства знамена
Мы сквозь годы пронесем.
Царствовать уже нельзя им—
Этим скипетрам владык.
На земле теперь хозяин—
Патриота гордый штык.
Но отведает селитры,
Будет предан смерти тот,
Кто теперь с улыбкой хитрой
Дело братства предадет!

Превоз Людовика Капета и его семьи в Томль 13 августа 1792 г.
С эстампы П.-Г. Верто по рис. Себастьяна-Деронте

Триумф Марата

*Сочинение его друга Дедюи,
посетника Французской республики*

Да, Друг Народа победил!
Напрасно завывает дико,
Стремясь собрать остатки сил,
Роллана бешеная клика.
Марата власти не страшат,
 А он, с его талантом;
 Им кажется гигантом,
Победу празднует Марат.

Толпой несметной окружен,
Суд покидает он суровый,
У судей смело мог бы он
Венок просить себе лавровый.
Его увидеть каждый рад,
 Марата превозносят
 И на руках уносят,
Победу празднует Марат.

Песнь о максимуме

Сочинение Ладрэ

Француз почтенный, будь здоров!
 Ты станешь пить по твердым ценам.
 На тигров злых и на волков
 Победа днесь дана везде нам.
 О, правый суд, ты—nobiscum *,
 Попы, воспойте Te deum **,
 А я—я славлю максимум:
 Вот Франции утеха!
 Я прыгаю от смеха:
 Патент на право и на ум—
 Сей благодарный максимум.

Предатель сотни лет подряд
 По Франции свершает тризну.
 Богач всегда был очень рад
 За горло взять свою отчизну.
 Да процветает максимум,
 Per saecula saeculorum ***.
 Патент на право и на ум,
 Всей Франции утеха!

* С нами.

** Тебя, господи.

*** Во веки веков.

Я прыгаю от смеха:
Нас прижимали там и здесь,
Но, правый суд, ты с нами днесь!

О, наконец-то! Герб слетел,
На рукаве трясутся брыжжи,
Теолог в лужу грузно сел,
Законом день воскресный выжжен.
Их фанатичный опиум,
Весь этот dominus vobiscum*
Тебя не стóят, максимум,
Всей Франции утеха.

Я прыгаю от смеха:
Теперь декады процветут,
Теперь попы от нас сбегут.

А вы, торговые скупцы,
Чья злая воля бедных давит,
И вы, пузатые кушцы,—
Закон вас снизиться заставит.
У вас добра—хоть завались,
Вы цены вечно гнали ввысь,
Но нынче вам сказали: «брысь!»—

И вот пошла потеха,
Теперь вам не до смеха:
Блюсти придется максимум,
Патент на право и на ум.

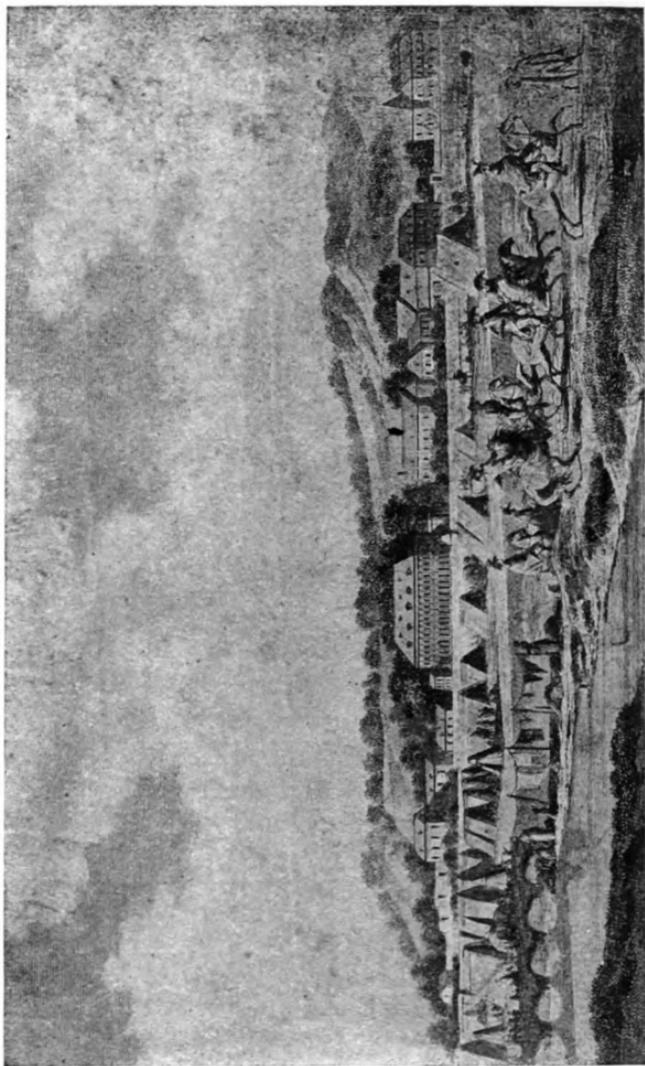
И фермер, жирный нелюдим,
Ворчит, не радуясь ни мало:
Мы с пользою употребим,
Его набитые подвалы.

* Господь с вами

Землей владеем—без помех.
Трудиться хочешь,—так для всех,
А для себя трудиться грех.
 Взгляни на спекулянта,
 Талантливого франта:
Себе богатства ищет он,
Но нам защитой—закон.

На перекрестке всех путей
Стяг армий революционных:
Они смиряют бунтарей
И выправляют усмиранных.
И гильотину видно там;
Все магазины их—к чертям!
Тому, кто смел перечить нам,
 Устроим славный праздник:
 Долой башку, проказник!
Полезнее послушным быть,
Чем дать свой рост укоротить.

Так что ж, француз, сказать не грех
О наших верных монтаньярах?
Они работают за всех
И справедливость—в их ударах.
Стяг равенства они хранят,
За братство все горой стоят,
Дороговизну упразднят,
 Прихлопнув без затей
 Плутов и богачей:
Что краше может сделать ум,
Чем благодарный максимум?

Лафайет покидает армию под Седаном и отправляется в эмиграцию 19 августа 1792 г.
С гравюры П.-Г. Берто по рис. Себастьян-Дерфонтена

IV

ДИКТАТУРА МЕЛКОЙ БУРЖУАЗИИ

109

**Куплеты на триумф Горы, породившей
Республиканскую конституцию**

Сочинение гражданина Персон

1

В отважных битвах за свободу
Одним горели мы огнем;
Прочь королей! Вся власть—народу,
Иль вечно быть ему рабом.
В те дни святое возмущенье
Несло кровавые пиры
И Конституции рожденье
На лоне пламенном Горы.

2

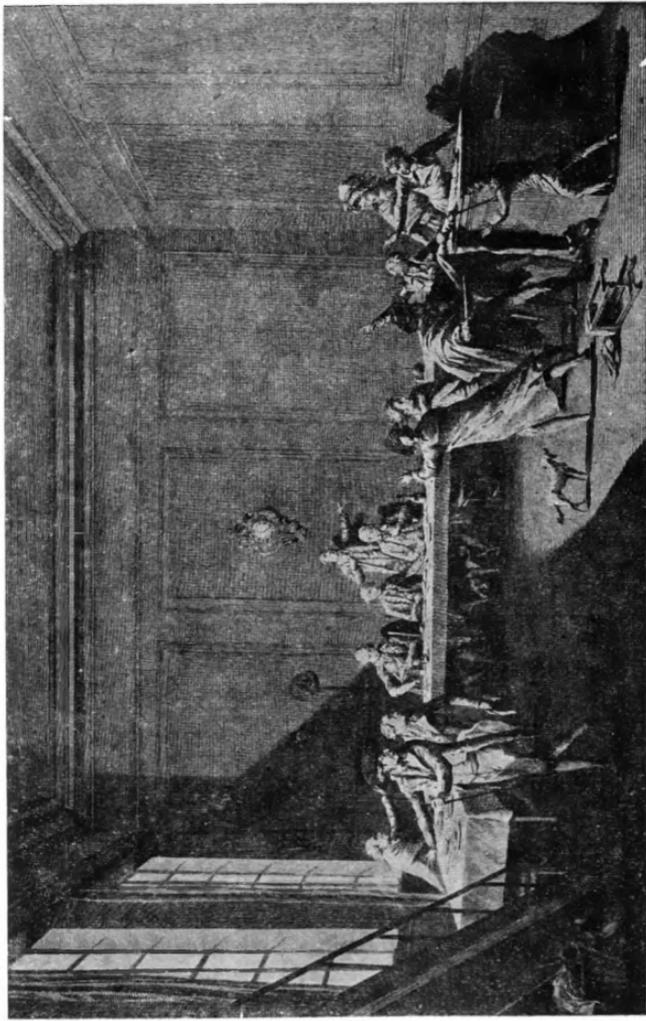
Мы все боролись без изъятья
С угрюмым деспотом страны.
Казалось, мы друг другу братья,
Свободы верные сыны.
Но нет, враги совсем не слабы
И не на Рейне жгут костры:
В Болоте мерзостные жабы
Грозят спокойствию Горы.

3

Обманчивой пленя маской,
Хамелеон и зубоскал
Ораторством и лживой сказкой
Себе сторонников искал.
Но вот республика младая
Взяла их дружно в топоры,—
И скоро свора эта злая
Загрохотала вниз с Горы.

4

Теперь для счастья на фронте
Дадут нам порох погреба,
И вы, бандиты, нас не троньте,
Иль разотрет вас в пыль борьба.
Нас ждут победные литавры
В конце воинственной игры,
И возрастим мы наши лавры.
Вокруг родной Горы.

Убийство Лепелетье в доме трактирщика Феврие 20 января 1793 г.
С эстампов П.-Г. Берто по рис. Свобаса-Дерфонтена

Патриотическая песнь

(7 июля 1793 г.)

Сочинение Аристида Валькур

Пока тираны нас гнели,
Чтоб песни лестью им цвели,
Певцам была забота.
В дни братства, вольности и прав
Едва ли будет кто неправ,
Запев про санкюлота.

Ведь если в бездну унеслись
Надменный герцог и маркиз,
И патеры без счета,
И, распростиившийся с ярмом,
Сравнялся бедный с богачом,—
То дело санкюлота.

Пред деспотом склоняя лбы,
Они лежали, как рабы,
Давимые заботой;
Однажды поднялись они:
Для знатных потемнели дни
При песне санкюлота.

Четырнадцатого числа
Взята Бастилия была
На радость патриота,
Но лишь тогда, как Сен-Лоран
Пришел, низвергнут был тиран
Усильем санкюлота.

Тогда отброшен был Брунsvик,
И стыд изведал Фредерик,
Терзаемый заботой;
Победной грезы нет как нет;
Им надо бы спросить совет
Сперва у санкюлота.

Капет простился с головой,
Склоня покорно скипетр свой
Под ноги патриота;
Когда был опрокинут трон,
Стал нами царствовать закон
По воле санкюлота.

Надменный Дюмурье хотел,
Чтобы отряд его поспел
Напасть на патриота;
Но Дюмурье совсем забыл,
Что каждый из солдат был
Подобьем санкюлота.

Изменническим был Сенат,
Где зажигался каждый взгляд
О деспоте заботой.
Париж восставший, наконец,
Низбросил золотой венец
По воле санкюлота.

Не монтаньярами ль дана
Нам драгоценная казна,
Надежда патриота?
Кому обязаны теперь
Мы конституцией? Поверь:
Уму лишь санкюлота.

Та, первая, что для господ
Была надежнейший оплот,
Жила о них заботой;
Но эта, равенство нам дав
И нашу вольность поддержав,
Сполна для санкюлота.

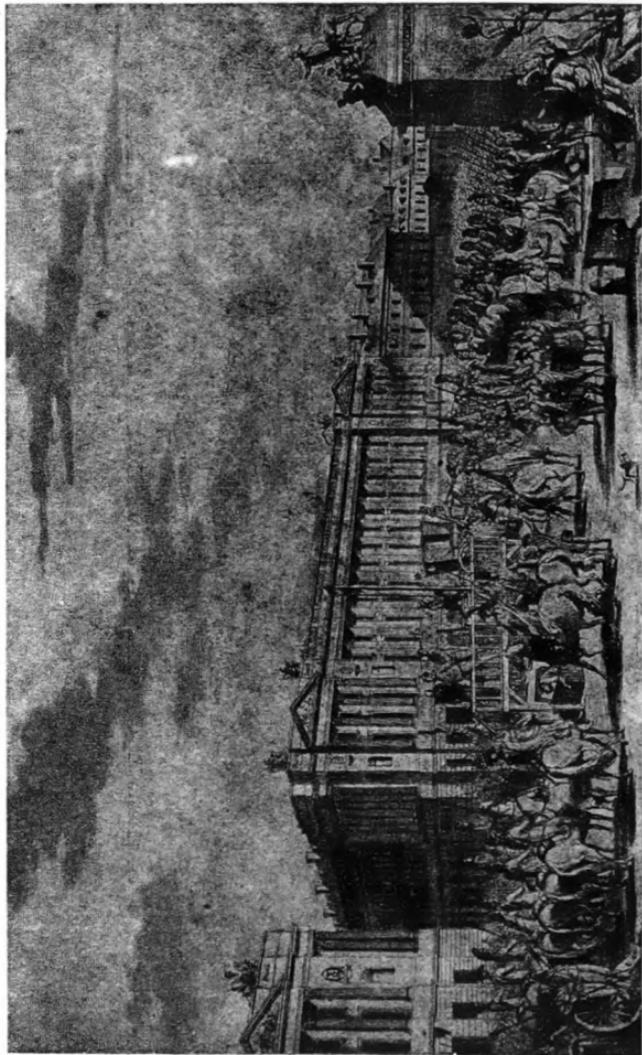
На зов явились мы сюда,
И защищать ее всегда—
Одна для нас забота.
Тираны сброшены навек,
И жизнь устроит человек
По воле санкюлота.

**Гимн в честь Марата, Друга Народа,
мученика свободы**

Сочинение Т. Руссо

Что значит тревога ночная?
 Что значит смятенье вокруг?
 Чьи крики, мой слух поражая,
 Вселяют и в сердце испуг?
 Бессмертные боги! ужели
 Убит многочтимый Марат,
 Наш славный правитель и брат?..
 Марата враги одолели!..
 Кем, Францию любя,
 Он был одушевлен,—
 Любовь!
 Любовь!
 Сойди в сердца,
 Чтоб в них не умер он!

Народ непреклонно отважный,
 Свершилось—ты друга лишен.
 Чудовищем злобы продажной
 Похищен с груди твоей он.
 За то, что он с федералистов
 Проклятую маску срывал,
 Марат обескровленный пал
 От черной руки роялистов.
 Кем, Францию любя, и т. д.

Казнь Людовика XVI на площади Революции 21 января 1793 г.
С гравюры П.-Г. Берто по рис. Свбаха-Дефонтеа

Он встал, пламенея, на страже
Народных незыблемых прав,
Мятежные происки вражды
Оружьем закона поправ.
Рука его знамя держала
И светоч, съедающий тьму.
И вот—благодарность ему:
Кинжала коварное жало!
Кем, Францию любя, и т. д.

Иль вам изменила отвага?
Гоните морщины с чела!
Друзья! за всеобщее благо
Страдавшим и павшим—хвала!
Из чаши смертельного яда
Бессмертие выпил Сократ,
Его обретет и Марат:
Оно—страстотерпцам награда!
Кем, Францию любя, и т. д.

Кто хочет почтить величаво
Останки вождя своего—
Пусть станет преемником славы
И доблести мощной его!
Предательства и деспотизма
Пора нам сломить острия!—
Во имя Марата, друзья,
И славного патриотизма!
Кем, Францию любя,
Он был одушевлен,—
Любовь!
Любовь!
Сойди в сердца,
Чтоб в них не умер он!

Гимн смерти

Сочинение Ж.-Б. Лувэ-де-Куврэ

Тиранов Франции, низких
 Победителей не признаю;
 Отродье их смертью близкой
 Грозит мне в родном краю.
 Свобода! Свобода! Какое прекрасное слово!
 Грозите, тираны! Я счастлив своею судьбой!
 Лучше смерть, чем ваши божьвы,—
 Я Республике предан душой!

Для них не жалел бы я жизни,
 Они б наградили меня,
 Но лучше мне милой отчизне
 Служить до последнего дня!
 Свобода! Свобода! В тебе вдохновенье!
 Грозите, тираны! Я счастлив своею судьбой.
 Лучше смерть, чем преступленье,—
 Я Республике предан душой!

Как и я, поступайте сами,
 О друзья, для общины своей!
 Колло стал дружить с королями;
 Бей Колло и его королей!

Робеспьер и все те, кто готовит удары,
Трепещите: вас скоро возмездье ждет.

Лучше смерть, чем монтаньяры,—
Так в Лионе решает народ!

Ты, что долго была моей милой,
С кем разлука мне так тяжка,
Укрепи свои слабые силы,

Пусть не дрогнет, прощаясь, рука.
Свобода! Свобода! Пусть твердой она остается
Для тебя, для меня—пусть живет свой оставшийся
срок;

Ведь под сердцем возлюбленной бьется
Нашей страсти прекрасный залог!

О жена моя! Сына качая,
Черпай силы в думах о нем,
Пой ему, как отец, умирая,
Сам был счастлив прекрасным концом.
Свобода! Свобода! Какое высокое слово!
Тираны! Мой сын вам в отмщенье рожден.
«Лучше смерть, чем ваши оковы»,—
Когда-нибудь скажет и он.

Если вновь Робеспьер униженьям
Обречет наш родимый край,
Сын, не мсти за отца, но отмщенье
На защиту свободы отдай!
Свобода! Свобода! Он—сын и защитник твой
ярый.

Тираны, бегите! Вам страшен отмщенья час.
«Лучше смерть, чем монтаньяры!»—
Так потомок воскликнет за нас.

Палачи из Аббатства! Уж скоро
Вашей радости кончится срок.
Зверь довел всю страну до позора,
Дева в зверя вонзила клинок.
Свобода! Свобода! Тебя почитаем мы свято.
Дрожите, тираны! Вы месть воскресили в сердцах!
Ненависть наша убила Марата.
Рядом с Брутом Кордэ мы поставим в веках.

Но толпа уж кричит за решеткой,
Слышу гул твой, несчастный народ.
Я прощаюсь с супругою кроткой
И с друзьями, что юность дает.
Свобода! Свобода! Народу прости—он обманут;
Но с вами, тираны, еще рассчитается юг,
А я ухожу в Елисейские страны,
Где встречу с Сиднеем, как друг.

Песнь о Шаретте

Вандея, для защиты
 Смыкай свои полки
 И Францию храни ты,
 А Нацию—в штыки!
 Вперед же, бомбардир,—
 К мортирам нашим,
 Балет мы на весь мир
 С тобой пропляшем!

Канкло, сей генерал
 Республиканских стран,
 По-скотски возмечтал
 Осилить христиан.
 Но был он бит не раз
 И здесь, и там,
 Насилу ноги спас,—
 Поплыл к чертям.

В провинциях недавно
 Везде прошла молва:
 За принцев мститель славный
 У нас теперь глава:

Шаретт здесь шпагу точит,
А в сердце—мечь.
Так грянем что есть мочи:
«Хвала и честь!»

Монарха друг сердечный
Известностью гремит:
Один, всегда и вечно
Он Нацию теснит.
Ты, Франции граница,
О нем кричишь,
И Англии столица,
И весь Париж.

Он трусости не знает
И, как солдат простой,
Снаряды презирает,
Когда несется в бой.
Пусть батальоны тоже
Со мной кричат:
«Шаретт—подарок божий!
Король, виват!»

Осада Монтегю

Наш город Монтегю воистину прекрасен!
Он так красив, хорош среди холмов,
Что господин Шаретт им завладеть готов.
Шлет барабанщика Шаретт на площадь.
«Мой господин меня отправил к вам
Сказать, чтоб пали вы к его ногам!»

— «Нет, барабанщик, нет,—иди скажи Шаретту,
Что Монтегю над ним хохочет во всю мочь,
Хохочет целый день и напролет всю ночь!»
Шаретт на город шлет тяжелые мортиры,
Чтоб бомбами швырять с ближайшей высоты
На замки, на дома, на стены, на мосты.

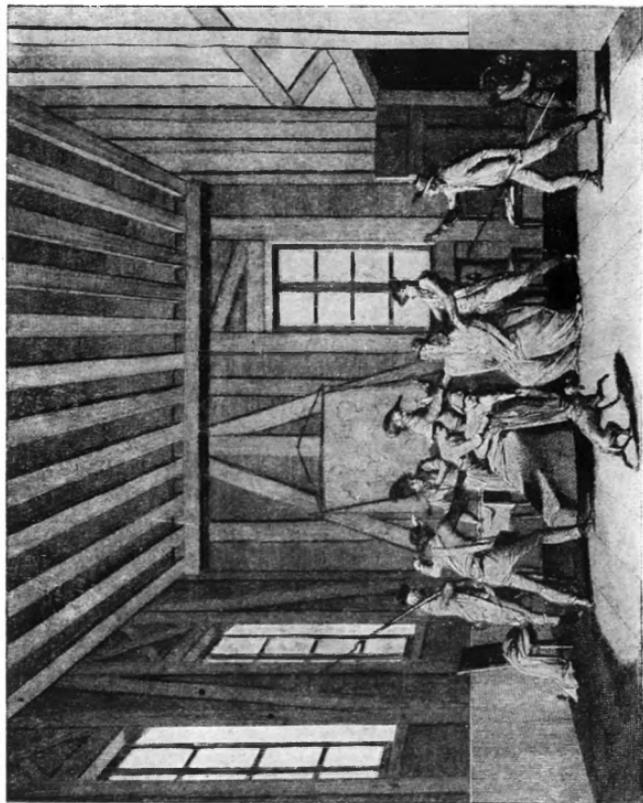
А в замке собрались все дамы у окошка:
«Мосье Шаретт, нельзя ль оставить гром и дым?
Мы десять миллионов вам дадим!»
— «Не нужно десяти мне миллионов—
Мы всех здесь перебьем, разграбим все добро,
Все ваше золото возьмем и серебро!»

Вандейская карманьола

(Сентябрь 1793 г.)

Ликуйте, патриоты!
Пришли из Майнца роты,
И будет от злодея
Очищена Вандея!
Станцуем карманьолу,
Оставивши гульбу.
Станцуем карманьолу
Под громкую пальбу!

Разбойникам грозою
Пройдем мы над страною.
Чтоб вновь не начинать,
Пощады не давать.
Станцуем карманьолу!
Товарищи, на мщенье
Злодеям без сомненья
Не потерявши миг,
Обрушимся на них!

Убийство Марата 13 июля 1793 г.
С гравюры П.-Г. Берто по рис. Свеваса-Дефонтена

Да! будем мы свободны:
Для жатвы плодородной
Предательская кровь
Пусть орошает новь!
Проклятие бегущим
И в стороне живущим!
Не будем отступать,
Нам надобно кончать!

Не ведая пощады,
Пусть посылают взгляды
На север и на юг
В сердца врагов испуг.
Республике клянемся,
Что за нее мы бьемся.
На страх федералистам
И всяким роялистам,
Станцует карманьолу!

Куплеты о республиканском календаре*Сочинение гражданина Дюкруизи*

Надменный март и ты, январь,
Над февралем смеялись встарь;
Как пленник, был я стиснут вами
Почти что трижды шесть веков,—
Но вот почтенными мужами
Я ныне вырван из оков.

Имел я двадцать восемь дней:
Вы были на три дня длинней.
Апрель, делясь со мной луною,
Злым козням вашим помогал,—
Но под свободой золотою
Свое я счастье отыскал.

В четырехлетний круг времен
Был лишний день мой заключен:
Дарил сей странный беспорядок
Мне двадцать девять дней не раз,—
Но больше нет таких загадок,
И новый век царит у нас.

Поток времен течет ровней:
Стал каждый месяц—тридцать дней.
Календарем седого Рима
Был обездолен я в веках:
Но Роммом честь моя хранима,
И равенство подьемлет стяг.

Теперь уж новый календарь
Не назовет меня, как встарь,—
Февраль! Сей звук—пустая проза,
Как все бывшие имена.
Нет! Ныне именем Венгоза
Земля и твердь обновлена.

Нас Фабр живит реформой той,
Мы б. ещем юной красотой.
Примерный ученик Мольера
Соткал из нас золотой узор:
В нем блещет радость Вандемьера,
Сверкает гордый Фруктидор.

Как ласков нежный Жерминаль!
Как пышен ясный Флореаль!
Чудесная метаморфоза
Нам ловко прозвища дала:
И Плювиоз и дни Нивоза
Она удачно нарекла.

Вот первый день и день второй,
Четвертый, пятый и шестой.
Седьмой бежит, восьмой проходит,
И сердце радостно находит
В декаду отдых жданный свой.

И трижды сто плюс тридцать дней
Теперь работают дружной.
Мудрец к труду нас звал когда-то,
Потом обманщики-жрецы
Сказали нам: безделье свято!—
И ждали праздников глупцы.

На смену стареньким святым
Идет талант и доблесть с ним:
В них ищем бога и оплота!
Долой обрядов римских блажь!
Пять дней великих санкюлота—
Республиканский праздник наш.

Через три года к нам придет
Секстиль, торжественнейший год:
Как в Греции Олимпиады
Сзывали встарь народ на пир,
Так грянут наши Франсиады,
Пленяя пышностью весь мир.

Декада*Сочинение гражданина Дюси*

Вот он, славный день декады!
Через край вино плеснет.
Все сегодня выпить рады
За тебя, наш вождь—народ!
 Всех дней декада веселей:
 Душа свободы в ней! (bis)

Бедняку чинов не надо.
Я с рожденья—санкюлот.
Кто умеет пить в декаду,
Тот и пушку наведет.
 Всех дней декада веселей:
 Душа свободы в ней! (bis)

Вас, красотки, в честь декады,
Приглашает барабан.
Пьем за огненные взгляды!
Пьем за шашку и султан!
 Всех дней декада веселей:
 Душа свободы в ней! (bis)

Что, гражданки, нам декада!
Что вино—без милых глаз!
Так смелей садитесь рядом,
Веселей любите нас!
 Всех дней декада веселей:
 Душа свободы в пей! (bis)

Сдача города Лиона*Сочинение гражданина Сериейс*

Разбили мы лионцев в прах,
Сдались нам фронты в кружевах,
И весь болотных жаб синклит
Давно в сетях у нас сидит.
 Да здравствует Республика
 И тот урок,
 Что получил Лион в свой срок!

Они вели дела свои
Так, чтоб восстановить Луи,
А мы на то дадим ответ,
Какой уж получил Калет.
 Да здравствует Республика и т. д.

Пусть все епископы, князья
И эмиграции друзья
Проходят в ад на самый низ,
Безглавы, как святой Денис!
 Да здравствует Республика и т. д.

Так сгинет тот, кто нам мешал,
Кто на Республику восстал,
Все угнетатели земли,
Епископы и короли!

Да здравствует Республика и т. д.

Георг в Тулоне вдруг посмел
Замыслить горький нам удел,
Но негодю суждено
С Капетом вылететь в окно.

Да здравствует Республика и т. д.

Разбойник Питт и Кобург-брат
Вослед Капету полетят.
Всех королей былых времен
Укоротит ножом закон.

Да здравствует Республика и т. д.

Для санкюлотов вся земля!
Не надо больше короля.
Мы в бой выходим для побед,
И подлецам пощады нет.

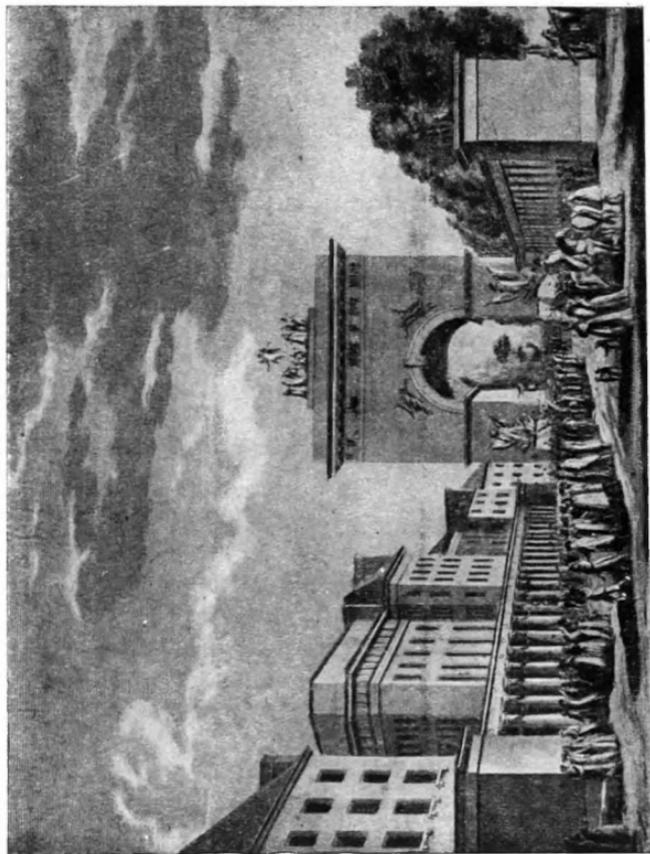
Да здравствует Республика и т. д.

Когда поднялся весь народ,
Он до конца уже дойдет;
На коронованную дичь
Он высоко заносит бич.

Да здравствует Республика

И тот урок,

Что получил Лион в свой срок!

Принятие Республиканской конституции 10 августа 1793 г.
С правящими Д.-Г. Берто по рис. Себастьяна-Дефонтема

**Диалог тигрицы Антуанеты
с гильотиной в день ее казни**

Гильотина

Гнусная Антуанета,
Ведь ты сейчас падешь
И голову за это
Положишь мне под нож.
То будет для тебя
Хорошая награда,—
Ведь Францию губя,
Ее предать ты рада.

Антуанета

О, злая гильотина,
Меня бросает в дрожь,
Представлю лишь картину,
Как я ложусь под нож.
Ведь королевой я
Была еще недавно,
Ужели жизнь моя
Окончится бесславно?

Гильотина

Проклятое создание,
Французов страшный бич,
Клянусь, твое страданье
Я не могу постичь.
То будет краткий миг
Возмездья—где ж тут жалость?—
За тьму твоих интриг,
Что Франции досталась!

Антуанета

Ужасная машина,
Страшилище людей,
Так разъясни причину
Хотя б вины моей.
Меня не упрекай
В честолюбивой страсти.
Была я так близка
К могуществу и власти.

Гильотина

Бездельница, сказала
Ты правду—семя зла
Ты с самого начала
В груди своей несла.
Спаستись притворством лжи
Напрасно не надейся.
А сколько жертв—скажи—
У твоего злодейства?

А н т у а н е т а

Признаюсь я и в этом:
Пред тем как отправлять,
Меня дурным советом
Напутствовала мать.
И вот, желая быть
Послушной, ей в угоду,
Старалась я вредить
Французскому народу.

Г и л ь о т и н а

Послушалась совета
Мерзавки и потом
Старалась ты Калета
Держать под каблуком.
Доверчив, глуповат,
Без верности и чести,
Он преступлений ряд
Свершил с тобою вместе.

А н т у а н е т а

Признаюсь я к тому же—
Десятого числа
С моим покойным мужем
Я заодно была.
Швейцарцев при дворе
Нарочно мы держали,
Чтоб действовать хитрей,
И вместе мы бежали.

Гильотина

Вам в предприятии этом
Помог и Петион,
И за тобою следом
Отправится и он.
И, как ты ни таи,
Окончат очень скверно
Сообщники твои—
И это достоверно.

Антуанета

Довольно... Я немею.
Окончим лучше спор.
Над головой моею
Возносится топор.
Последнее прости—
Республике прекрасной.
Я плачу... не спасись...
Вот мой конец ужасный.

Патриотическая песнь*Сочинение гражданина Курэ*

Неусыпные патрули
У Свободы на часах,
Вы бессмертье почерпнули
В единеньи и трудах!
От Невы до Тибра—всюду
Голос вольности зовет:
Короли на плахе будут,
Лишь пробудится народ!

Ты, разбойная Вандея,
Предводимая попом,
Знай: погибель ждет злодея,
Франция грозит перстом!
По стопам твоим, как пламя,
Рыщет месть во все края.
Хлещет кровь твоя волнами,
Воет пушкой смерть твоя!

Бей святош! Вперед, солдаты!
Погулять пора пттыкам!
Пробил, пробил час расплаты
Прирожденным палачам!

Пусть их крест, чьему заклатью
Темный веровал народ,
Станет шпаги рукоятъем
Иль за банник нам сойдет!

Соблазненные лжецамп,
Вы, на ком проклятья нет,
Кто, вины не зная сами,
За других несут ответ,—
Лицемерные обряды,
Обещающие мир,—
Превратите их в заряды
Наших гаубиц и мортир!

Под трезвон ваш богомольный
Нам молиться, может быть?
Бабий лепет колокольный
Надо в пушки перелить.
Древний голос фанатизма,
Измени навеки роль:
Стань слугой патриотизма,
Чтоб последний пал король!

Санкюлоты

(Куплеты, исполнявшиеся в театре Водевиль
26 октября 1793 г.)

Сочинение таждан Баррэ, Лежэ и Буазьера

Чтоб побеждать своих врагов,
Француз всегда на бой готов—
Мы рьяные патриоты!
Но чтоб врагов топить в крови,
Как на войне, так и в любви—
Да здравствуют санкюлоты!
Нет, утверждать нам не с руки,
Что англичане, пруссаки
И австрияки—не патриоты,
Но мне не трудно уверить вас,
Что удирали они подчас,
Все оставляя, как санкюлоты.
Манон сказала: «Могу любить
Того я только, кто сможет быть
Весельчаком и патриотом,—
Как он наряжен—не важно мне,
Пусть лишь со мной наедине
Прямым он станет санкюлотом!»

**Депутаты-заговорщики перед лицом
Революционного трибунала**

Почтеннейшая клика
Петюна и Бриссо,
Республике великой
Отныне ясно все.
Ваш заговор не удался бесчестный:
Народ пытались вы продать,
Обманом нас хотели взять,
Но ваши козни нам известны

Президент трибунала

Напрасно в тишине
Вы растирали яды.
Раскрылась всей стране
Измена ваша, гады!
Кто был подкуплен кошельком
И ложью обещанья,
С опущенным челом
Приносит покаянье.

Вы гнусно развращали
Деньгами бедняков,
Чтоб те позабывали
Обет великих слов.
Ах, опасайтесь ныне мести:
Они на вас глядят,
А если идол не на месте—
Ему уж не кадят.
Лакеи королей,
Рожденные их тенью,
Сознайтесь же скорей
В своем злоумышленьи.

Обвиняемые

«Чем грешен?—говорит Бюзо.—
За короля бы билась шпага,
Но это было б все
Для общего же блага».
Усевшийся на мель
Бриссо твердит, взволнован:
«Мой лондонский отель
Все не омеблирован.
«Как! мне изгнание готово?
Свергал я короля,
Но если вправду, для
Того, чтоб взять другого».
Бывало, разольется
О доблести Петион,
Теперь же сознается,
Что заговорщик он.
«Для всех нас извиненье то же:
Свобода нам близка,
Но все же не дорожке;
Конечно, кошелька».

Иснар велеречивый,
 Великий жрец Фошэ,
 Горса, всегда учтивый,
 И честный Гюадэ—

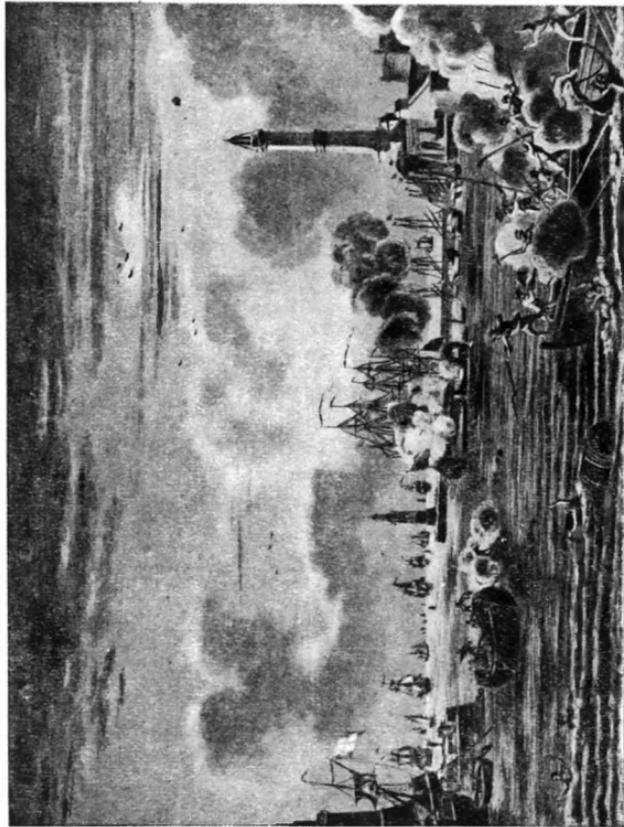
Твердят все разом: «Виноваты:

Когда б не сорвалось,
 Под выстрелов раскаты
 Все б к чорту унеслось».
 Внимая грозный крик,
 Являются бандиты.
 Как жалок в этот миг
 Рабо, их вождь сердитый.

«Я нанялся,—лепечет он,—
 И должен был работать,
 Нуждою понужден
 И жаждой заработать».

Н а р о д

Благодаренье вам,
 Отважным монтаньярам,
 Разоблачившим нам
 Тех, кто грозил пожаром.
 На вас устремлено
 Отныне упованье,
 Чтоб было свершено
 Злодеям воздаянье.

Расстрел англичанами экипажа французского судна «Модест»
в Генуэзском порту 5 октября 1793 г.
С гравюры П.-Г. Берто по рис. Озана

Дворянство патриота

Наш патриот, природы сын желанный,
 Стал ныне горд, и герб заводит он:
 Как щит златой, показывает раны,—
 Их дал ему Жеммал, их дал Тулон.
 Достаток свой и силы необъятность
 Он в честный труд, в любовь к нему кладет.
 Лишь доблести—здесь грамоты на знатность.
 Везде—он сам, и предки здесь не в счет.

В былые дни—напрасный труд природе,
 Коль гением рожден простолюдин:
 Он рос в глуши, в забвеньи и невзгоде,—
 Беда ему,—ведь он не дворянин!
 Лишь тем, кого шелками пеленали,
 Вся эта чушь понравиться могла.
 Но нынче мы их всех к чертям послали
 И говорим: лишь гению хвала!

Санкюлот

Наш санкюлот неумоимо
Поет в честь родины любимой,
Наш санкюлот, лихой солдат,
Всегда идти на приступ рад.
Наш санкюлот без промедленья
Исполнит долг в пылу сраженья,
И радостно в нем сердце бьет,
Когда свободу он поет.

Умеренный вопит—и страстно,—
О том, что быть в бою опасно,
Что он всегда солдат плохой,
Что нет в нем пользы никакой,
Что амуниция стесняет,
Что он команд не понимает,
Что не умеет он стрелять
И что глухим боится стать.

Закон гласит—без возражений
Ийти ты должен в дым сражений.
А он: «Сражаться? Честь страны?
Мешают мне мои штаны.

Пускай бегут—они смелее—
Мои крестьяне и лакеи,
А мне в такую свалку лезть
Дворянская мешает честь».

О, эгоист, достойный плети,
Ты только тем и жил на свете,
Что слово «честь»,—лишь им гордясь,—
Затаптывал беспечно в грязь.
Иди загладить преступленье
Со всеми нами в дым сраженья,
А если все же не пойдешь,
То шейей угодишь под нож.

Вином Республику мы славим
И пить умеренных заставим,
Весельем уши им заткнем.
Живет свобода. Мы живем!
Свободной родины цветенье—
Вот санкюлота вдохновенье.
И за столом и в битве злой
Свобода!—клич наш боевой.

Гимн Разуму

(Декабрь 1793 г.)

Сочинение гражданина Гретри

О ты, кого мы, не краснея,
Отныне можем обожать,
Верховный Разум, от злодея
Не раз тебе пришлось стонать.
Стань повелителем над нами,
Несправедливости рассей;
Владея женскими сердцами,
Любовь к порядку в них пролей.

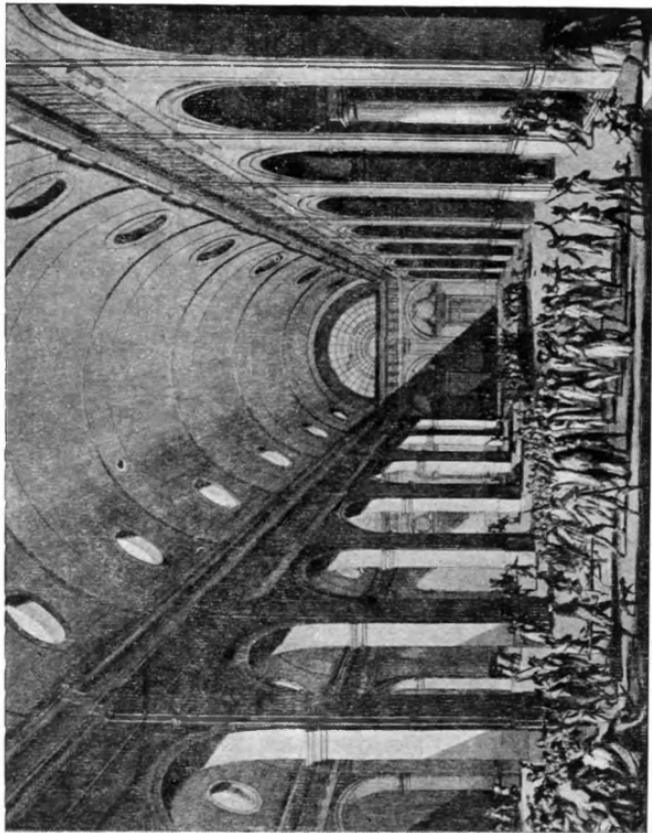
Пусть пред тобою исчезают
Все суеверия с земли.
Везде характер твой узнают,
Где отблески луча легли.
Бич короля и суевера,
С свободою соединишь,
Будь нашей пламенной верой,
Что гордостью твоей зажглась.

Дары прекрасные природы
Ты справедливо подели.
Рутина, правившая годы,
Пусть рассеется в пыли.
Чтоб алтари твои горели,
Республиканцами детей
Воспитывай ты с колыбели,
И будет житься им светлей.

**Куплеты вюра,
женившегося на молодой
монашенке**

Благой отец, надежный друг
И кормчий деревушки,
Я был примернейший пастух,—
Ах!—только без пастушки.

Но кодекс новый под конец
Меня безумству предал,—
И я из всех своих овец
Вкуснейшую отведал.

Казнь 21 депутата Жиронды 31 октября 1793 г
С эрвюры Ж. Дюлесси-Берто и П.-Г. Берто по рис.
Ж. Дюлесси-Берто

Поповское отродье

Уж не будет исповедник
 Отвращать от нас детей,
 Не служить попам обедни,
 Не обманывать людей!
 Свобода, ты пришла,
 Веселье принесла.
 Страна,
 Довольством ты полна.
 Мы без лишних слов
 Выпьем за попов,
 Выпьем за здоровье всех попов!

Обольщать в исповедальне
 Девочек они могли, —
 Нет, не для поповской спальни
 Наши девочки росли!
 Ударим же дружной
 Сегодня на ханжей!
 Страна,
 Ты отомстить должна!
 Мы без лишних слов
 Выпьем за попов,
 Выпьем за здоровье всех попов!

Ненужность духовенства*Сочинение Писса*

Святой отец, мы в наши годы
Лишились культа твоего,
Но в чувствах матери Природы
Не изменилось ничего.
Чтоб бога петь, души отраду,
И благодарным быть вполне,
Достаточно лишь сердца мне,—
Священника ж совсем не надо!

Религиозных заблуждений
Ты жертва слабая, о мать!
Зачем твой взор печалят тени
И слезы хочешь ты ронять?
Об исповеднице ль досада,
К нему ль взываешь ты во сне?
Не лучше ль пасть на грудь ко мне?
Тебе священника не надо!

Моя жена! Моя подруга,
Я не учу тебя, прости!
Домашнего заботы круга
Сама умеешь ты вести.
Но в темной церкви, за оградой
О чем ты шепчешь в тишине?
Нет, исповедуйся лишь мне,—
Тебе священника не надо!

О сын, о дочь моя, в науке
Аббат-наставник—это яд.
Я не отдам вас в эти руки,
Я сам воспитывать вас рад.
Чтоб в знаньи вас ждала награда,
Чтоб честь вам преподать вполне,
Достаточно лишь сердца мне,—
Священника ж совсем не надо!

Вас, обитателей деревни,
Работников моей страны,
Обманывал обычай древний,
Но подождите до весны,
Придет цветенье винограда,
Злак всколосится по весне,
И запюют по всей стране:
«Для жатв священника не надо!»

Я—человек, и человечье
Не чуждо мне. А если здесь
Голодные я слышу речи
И кто-то просит пить и есть,
Не отведу смущенно взгляда,
Все дам, чтоб был он сыт вполне.
Советчик только сердце мне—
Ему священника не надо!

Взгляни на тонкого аббата,
На доктора судейских прав,
Они, смутясь, бегут куда-то,
Израненного увидав.
Один пастух, оставив стадо,
Спешит на помощь в тишине.
Судье с попом в моей стране,
Как видно, жалости не надо!

Отродье церкви, чья свобода
Лишь в том, чтоб жирно есть и пить,
Хотите нынче от народа
Грехов прощенье получить?
С оружием в рядах отряда,
Служа Республике вполне,
Сражайтесь с нами на войне.
Священства вашего не надо!

К чему псалмы нам и молитвы?
Мы все с солдатами поем.
Но вам докучен грохот битвы,
Церковники, в быту своем.
Чтоб гнать тиранов без пощады,
Свободой жить в родной стране,
Душа у нас встает в огне,—
И нам священников не надо!

Свобода! Клич свой вдохновенный—
Равенство,—вывела ты в свет.
А за Равенством неизменно
И Братство шествует вослед.
Всю троицу, так мил для взгляда,
Трехцветный флаг заменит мне;
Его ль не чтят по всей стране,—
А с ним священников не надо!

Так вот, когда в тени могилы
Забудусь я последним сном,
Друзья, заройте труп остывший
У светлой липы под холмом.
Пусть буе шумит вверху прохладой
И людям шепчет обо мне:
«Здесь тот схоронен в тишине,
Кому священника не надо!»

Литейщики Республики

(1793 г.)

Литейщикам в земле французской
Житье отменное, друзья!
В финансовой системе узкой
Они не меньше, чем судья.
Одни умеют без изъяна
Лить пушки из колоколов,
Другим из нашего кармана
Приятно выудить улов.

Бросая в печь посуду бога
И серебро дворян былых,
Они кружков блестящих много
Родили—с цифрой «пять» на них.
Кружки звенят у всех в кармане,
Не видит их один народ;
Литейщик за его старанья
Ему, лишь медный грош дает.

Но вместе с ядрами для пушек
Из бронзы льются и сердца.
Народ льет слезы—только слушай!
Он разорен—и до конца.

Литейщики бесчеловечны;
Стенаний наших не любя,
В игре, в вине, в делах сердечных
Они расплавили себя.

Для блага родины бы надо
Законодателям сейчас
Закреть литейни и от яда
Спассти, пока не поздно, нас.
Пророком быть не надо мне,
Чтоб предсказать тот вред, который
Несут литейщики стране.

Коль нам они затянут узы,
Соседи наши там и тут,
Подобно Польше, вас, французы,
На части скоро раздерут.
Пусть богачи, насколько могут,
Клянут народный произвол—
Нам только короли помогут
Швырнуть литейщиков в котел!

Сдача Тулона

Вчера, отечеству на срам,
Весь город отдан был врагам.
Сидели англичане там,
С высоких стен грозились нам.

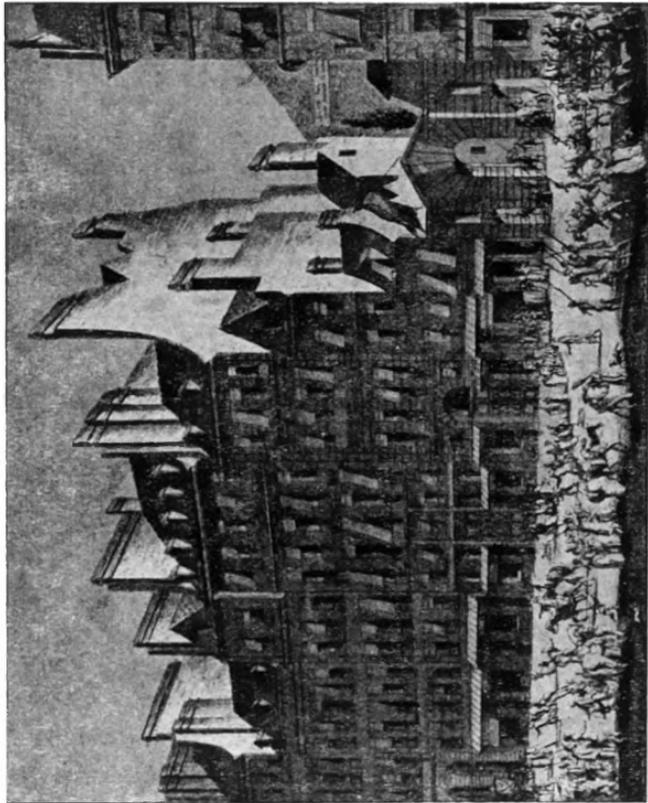
А нынче—кто бы ждал,—
В Тулоне, стар и мал,
Все пляшут карманьолу
Под гул и гром,
Под гул и гром!
Все пляшут карманьолу
Под пушек гул и гром!

Чтоб этих башен гордый ряд
Французам не отдать назад,
Испанцы ждали, говорят,
От папы римского солдат.

Назойливых гостей
Мы встретим без затей—
Веселой карманьолой
Под гул и гром,
Под гул и гром!
Веселой карманьолой
Под пушек гул и гром!

У англичан отважный вид,
Когда их полк от нас бежит!
Бедняги потеряли стыд:
Что делать! так сам бог велит.
Придется, знать, и нам
За ними по пятам
Погнаться с карманьолой—
Под гул и гром,
Под гул и гром!
Погнаться с карманьолой
Под пушек гул и гром!

Конец насилью—тут и там!
Настало время всем рабам
Притти с оружием к королям—
Чтоб им воздать по их делам!
Пока их корабли
В пучину не ушли—
Плясать там карманьолу!
Под гул и гром,
Под гул и гром!
Плясать там карманьолу
Под пушек гул и гром!

Казнь парижского епископа Гобеля, Эбера, Винсента, Шометта
и др. 14 марта 1794 г.

С гравюры Ж. Дюлесси-Берто и П.-Г. Берто по рис.

Ж. Дюлесси-Берто

Народные куплеты

*Сочинены гражданином Писс
во II год Республики*

С тех пор, как занят был Тулон,
Реляции со всех сторон
Идут, вы знаете, какие;
Вы их читали, день за днем:
Ландау, Виссембург потом,—
Я расскажу вам про другие.

От Шпейера отбитый враг
Нам, убегая второпях,
Готовил мины, да какие!
Солдаты вольности смогли
Задуть и эти фитили,
Как задували все другие.

Разя штыками на бегу,
Они спешат вослед врагу,
И вот сердца у них какие:
Кто раненый упал в снега,
Бранится тот, что он врага
Настичь не может, как другие.

Полки испанцев, англичан
И немцев, вас послал тиран, —
Что сделают полки такие?
Мы вам покажем, что союз
С победой заключил француз,
За этой вслед слетят другие!

Гора

Сочинение гражданина Гарликура

У каждого есть выбор свой:
Гонись за счастьем на просторе.
Кто любит жить в полях весной,
Кто смело плавать в бурном море,
Кто дружен с шумом городов,
Кто с деревенской тишиною,
Кто враг долин, кто друг лесов,
А я довольствуюсь Горюю.

Вот благодетельный ручей,
Не задержать его полета—
И что ему всего вредней?
Одно коварное Болото.
Оно в ручье разводит грязь—
Меж тем как без него весной
Ручей бежит себе, смеясь,
Рожденный снежною Горюю.

Возносит добродетель нас,
Порок несет нам униженье—
И с ним мы ползаем подчас,
Тогда как ввысь уводит гений.
Восходит на Парнас поэт,
Чтоб славой обладать земною.
Бог вкуса и ума свой свет
Дает лишь тем, кто шел Горюю.

Когда господь хотел вещать
Закон свой благостный еврею
И правила для жизни дать,
Чтоб мудростью он жил своею,
Ему явился в блеске он,
Окутан тучей грозовою,
И свой божественный закон
Сказал, сверкая над Горюю.

Романс Н. Монжурдена

бывшего командира батальона секции Пуассоньер

Уж близок миг, несущий гибель мне,
Уж бьют часы, и слышен голос ночи,
Спокоен я, и в грозной тишине
Пред гибелью не опускаю очи.
Я гибну, полон веры, тверд и прям,
Я расстаюсь с подругою моею.
В своем вдовстве юна верна слезам—
Ах, я теперь о жизни сожалею.

Зажжется день—для взора моего
Уйдет навек краса твоя живая,
Твои глаза,—которым все мертво,—
Меня проводят, слезы проливая.
Коснулась смерть меня рукой своей,
И я в твоих объятьях леденею.
К тебе уж не прижаться мне нежней.
Ах! Я теперь о жизни сожалею:

Все девять лет я счастлив был вполне,
Судьба меня так щедро одарила.
Не плачь, подруга, долго обо мне—
Ты молода, другим ты будешь милой.
Другой супруг, счастливый в свой черед,
Тебя назвав подругою своею,
Тебе и мир и счастье принесет—
И я уже о жизни не жалею.

Я облечу влюбленною мечтой
Места, где счастливы с тобой мы были,
И, словно сон, промчится предо мной
Все то, что нежно мы с тобой любили.
Ах! Пусть еще счастливая любовь
Встречается с подругою моею,
Ее цветами осыпая вновь,—
О жизни я теперь уж не жалею.

Пусть тот удар, что завтра ждет меня,
Переживет достойно мать родная,
Пускай отец, судьбины не кляня,
Пребудет твердым, сына провожая,
Не оставляй их в горести такой
Отзывчивою помощью своею,
Ты им во всем напомнишь облик мой—
И я уже о жизни не жалею.

Я скоро навсегда покину вас.
Прощайте, песни с вольными пирами,
И пыл речей и наслаждений час,
С какой печалью расстанусь я с вами!
Едва блеснет заря навстречу дню,
Меня свезут они в телеге длинной
На площадь, где я голову склоню
Под лезвие холодной гильотины.

Друзья, которых вижу я кругом,
Не плачьте, на смерть друга провожая:
В тот грозный век, в котором мы живем,
Нас всех, быть может, ждет судьба такая.
В своем весельи, в дружеских пирах
Припомните, как ликовал я с вами.
Хранили мы огонь в своих речах
И долгу не склонялись головами.

Когда меня чрез город повезут,
По приказанию Фукье-Тенвиля,
Глазеть мне вслед парижский будет люд
На улицах средь грохота и пыли,
Как будто бы вот эта смерть моя
Крепит его победную свободу,
И расплачусь своею кровью я
Народному неистовству в угоду.

Гимн селитре

Дрожите, деспоты! Вот порох
 Для ваших башен и палат.
 Его разрывы—скоро, скоро
 Вашу мощь испепелят!
 Дрожите: час настал!
 Что гордый скипетр, что корона!
 Спасенья нет,—
 Когда на вас жерло
 Наведем.
 На золотой твердыне трона
 Мы вас, чудовища, найдем!

И ты, и ты, кто волей злобы
 Отвека проклятых владык
 Из глубины земной утробы
 На гибель смертному возник,—
 О, порох огневой!
 Теперь служи земному благу.
 Самой свободой
 Ты вырван, наконец,
 Из оков.
 Пылай—и укрепляй отвагу
 Ее Республики сынов!

От злого рабства не впервые
Освободи французский край!
Над чудищами тирании
Победу скорую нам дай!
Орудье смерти, вой,
Ломая камень их ошлютов,
Чтоб хищников
Кровавых—смерть
Унесла!
Чтоб канонада санкюлотов
Испепелила их дотла!

**Куплеты патриотов Сент-Антуанского
предместья**

Сочинение гражданина Рада

Злую клику тирании,
Нам грозившую бедой,
Скрыли башни вековые
В ненавистный камень свой.
Но рука народной мести
Их на гибель обрекла.
И—обломки лишь на месте,
Где Бастилия была!

Здесь, в предместьи Сент-Антуана,
Нам Свобода рождена,
Божество родного стана,
Дар наследный наш—она!
Сестры—Мудрость и Отвага—
Охраняют юный век,
Чтоб возрастала—нам на благо
И не старилась вовек!

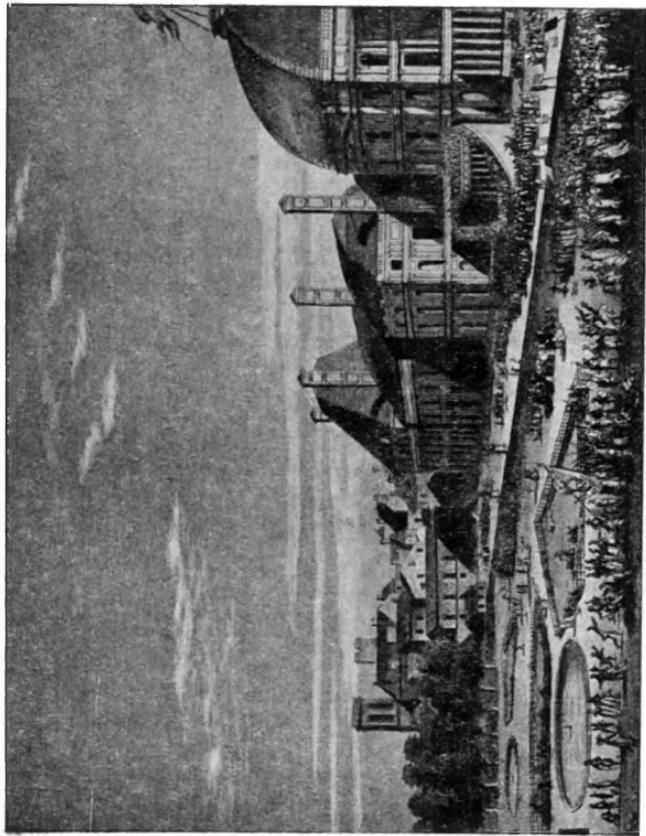
Жалоба дядюшки Дюшена*Сочинение Ж.-Ж. Дюссо*

Небо! в дивнейшую эру
Он был мастером речей.
Почему ж превысил меру
Славный продавец печей?
Говорят, что в темном склепе
Звал он в заговор друзей
И, чтоб все повергнуть в пепел,
Раздувал огонь печей.

Говорят, что англичане,
Нас считая за чижей,
Посылали уголь в чане
Для топимых им печей.
Чтобы было веселее
Привиденьям королей,
Им готовилась Вандея
На углях его печей.

Но Фукье-Тенвиль все трубы
Отыскал в один из дней,
По которым Питту любо
Было дуть в огонь печей.
Так Фукье, всегда блуждая,
Понял заговор ясней
И сказал: «Игра плохая
При таком огне печей».

Неужели же не знает
Славный из учителей,
Что по ветру нос сгибают
При таком огне печей?
Кто ж изменнику поможет?
Безразличен мне злодей.
Унаследует, быть может,
Нация огонь печей!

Правдик Верховного существа 8 июня 1794 г.
С ураторы Ж. Дюлесси-Берто и П.-Г. Берто по рис.
Ж. Дюлесси-Берто

Битва при Флерюсе

Сочинение гражданина Фабр-Олива

Напрасно вы, деспоты мира,
На нас обратились войной!
Повсюду—во прахе порфира,
Победа—за нашей страной.
Враги иступленные! Скоро
Вы встретите смерти зарю.
На поле военном Флерю
Наказана злобная свора!

К оружию, граждане!
Не кончен наш поход!
Вперед!
За боем бой!
Ты победишь, народ!

Увидели вы, Пиренеи,
Как пал обессиленный враг.
Теперь боевые трофеи
На двух мы собираем морях.
Напавшая с севера стая
Английских трусливых убийц
И войско с немецких границ—
Бежали, убитых считая...

К оружию, граждане!
Не кончен наш поход!
Вперед!
За боем бой!
Ты победишь, народ!

Не сломим железного шага,
Республика крепнет в боях.
Ведь судьбы всемирного блага
У Франции нынче в руках.
На гордые наши законы
Тираны воювали войной,—
Но прав у народов иной:
Он в прах опрокинет их троны!
К оружию, граждане!
Не кончен наш поход!
Вперед!
За боем бой!
Ты победишь, народ!

Перманентная гильотина

Депутат наш Гильотен
Знает медицину
И слабительным затем
Предписал машину—
Очистить Францию скорей
От подозрительных людей...
Гильотина, веселей,
Эй, на гильотину!

От измен и грабежа
Лучше карантина,
Чтоб изменник не сбежал,
Скрыв свой герб картинный,—
Вот для того и создана,
Как средство верное, она,—
Эта гильотина!

Кто плетет и ночь и днь
Козней паутину,
Получает тот мигрень
И мурашки в спину.—
Чтоб вылечить этих господ,
Их всех придется в свой черед
Послать на гильотину!

Франция изгнала вон
Сброд дворян старинный,
Старый строй разбит, сметен
И лежит руиной;
Но для дворян оставлен все ж
Вместо привилегий—нож
Острый гильотины!

Сиятся они сейчас—
Тщетно без причины—
Разделить войною нас
На две половины.
А мы пошлем всю эту знать
Благородно умирать
На гильотину!

Ведь с десятого и так
Нам немало дела,
И, чумы страшнее, враг
Строит козни смело,—
Промашки только не давай,
Работать не переставай,
Машина, эй, живей!

Куплеты

спетые на братской пирушке
гражданином X.

Краса-гильотина,
Умея пленять,
Влечет своей миной
И мелочь и знать.

Так что?

Плохого в том нет ничего.

Сеньерам и принцам
Смеется она
И машет гостинцем
Потом буржуа.

Так что?

Плохого в том нет ничего.

Теряя короны
И митры свои,
К прекрасной влюбленно
Ползут в забыты.

Так что?

Плохого в том нет ничего.

Омоет измену
Под ней депутат,
И после на смену
Влезает аббат.

Так что?

Плохого в том нет ничего.

Торговцы жаднее,
Чем черви земли,
К ней, страшно бледнея,
На грудь прилегли.

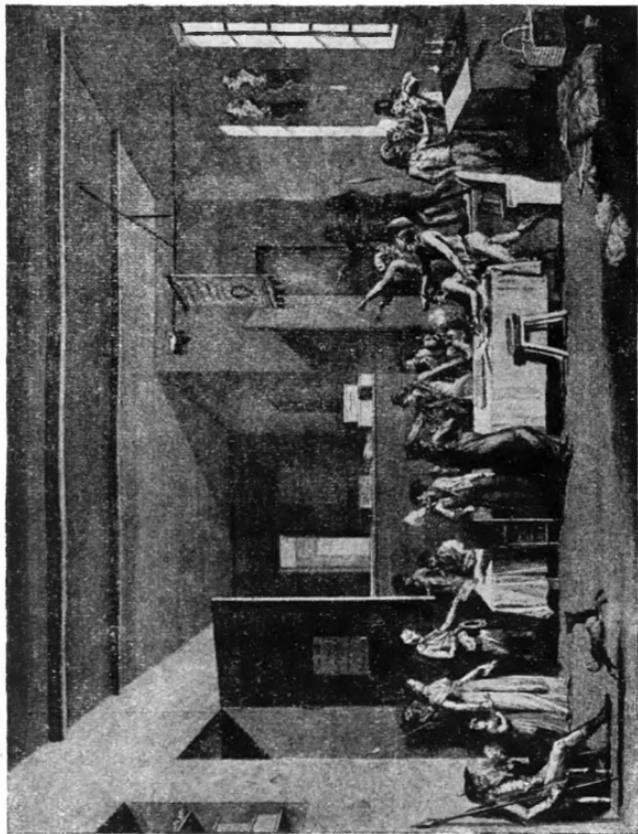
Так что?

Плохого в том нет ничего.

И пьяница даже
Волочится к ней,
Парадно наряжен
В последний из дней.

Так что?

Плохого в том нет ничего.

Один из революционных комитетов в эпоху террора
С гравюры П.-Г. Верто и Матано по рис. Фрамонера-сына

**Песнь сующих голову в окошко
гильотины**

Сочинение Ладрэ

Кичитесь вы: ваш знатен род,
Для вас все санкюлоты—
Разбойники и подлый сброд,
Но ваши все оплоты
Их добродетель разнесла.
И чтоб не сеяли вы зла,
Вас всех не без причины,
Маркиз и герцог, граф, барон,
Последовать зовет Бурбон
Башкой в окошко гильотины!

Как у пажей, у вас игра
Все в этикет, в приличья.
Мы вас отправим прямо в рай,
По старому обычю.
Посмейтесь, уходя во мрак,
В телеге, пятясь точно рак,
Испуганней скотины.
По лесенке наверх, вперед!
Теперь смеяться наш черед!
Башкой в окошко гильотины!

Песнь котла

Хотите знать, мои друзья,
 Чему так рады—вы и я?
 Лишь тот хорош обед,
 Где чванству места нет.

Садитесь к общей чашке!
 Все на зов!
 Все на зов!
 Садитесь к общей чашке!
 Все на зов! на звон котлов!

Ни фраз, ни светских пустяков!
 Связала дружба едоков.
 А в братстве, ей же ей,
 Живется веселей.

Садитесь к общей чашке! и т. д.

Обеды чинные—к чертям!
 От скуки сдохнуть можно там...
 Не надо тонких блюд,
 Что в хрустале несут!

Садитесь к общей чашке! и т. д.

Когда в красотку кто влюблен
 И стал дружкой,—уж верно он
 Не светский ротозей,
 А тот, кто вместе с ней

Садился к общей чашке! и т. д.

А отчего, скажите, Рим
Поверг весь мир к ногам своим?
Поверг он оттого,
Что воины его
Садились к общей чашке! и т. д.

Поменьше карфагенян чтут:
Им был при Капуе капут.
И суд над ними прав:
Размякли, перестав
Садиться к общей чашке! и т. д.

И сами короли порой,
Кончая пленом свой разбой,
Завистливо глядят,
Как вражеский солдат
Садится к общей чашке! и т. д.

Ах! если бы проснулся вдруг
У всех народов—общий дух!
Друг другу глотки грызть
Не стали б, а сошлись
Все вместе, к общей чашке! и т. д.

Не будь французы вы и я,
Коль клятвы не дадим, друзья:
Быть вместе до конца!
Вверх ложки и сердца!
Республике привет!
Все на зов!
Все на зов!
Республике привет!
Все на зов! на пушек зов!

Революционные куплеты

7 термидора II года Французской республики
(25 июля 1794 г.)

Сочинение К. Гофмана

Врагам пощады нет сегодня!
Предателей своей страны
Мы тотчас в пекло преисподней
Послать без жалости должны.
Пускай дает глупец смущенный
Великодушия обет—
Вернуться может побежденный,
А мертвецам возврата нет.

Чтоб вырвать с корнем род проклятый
Изменников и палачей,
Обрушим тяжкий меч расплаты
На женщин их и на детей.
Пусть не приводят нас в смущенье
Их слезы, вопли, жалкий бред—
Сын за отца хранит отмщенье,—
У мертвых сил для мести нет.

Пушкой противятся—солдаты
Разгрому предадут дома,
Пусть хлеб сжигают в час расплаты—
Их ждет голодная зима.
Нам облегчить их не мешало б
И всех на тот отправить свет.
И от живых довольно жалоб,
У мертвых—жалоб вовсе нет.

Куплеты об опасности отечеству

в ночь с 9 на 10 термидора

Сочинение Персона

Французы, все в строй!
Все встанем Горой!
Дрожи, измена злая!
Кинжала удар
Снесет моньяр,
Отечество спаса!

Не спать, друзья! Чтоб каждый знал,
Внимая адскому набату:
Убийца подает сигнал,
Во сне подкрадываясь к брату.
Французы, все в строй! и т. д.

Не мы ль, друзья, за тронем трон
Сломили пламенной лавиной?
Как? Миром признанный закон
Осмеян будет Катилиной?
Французы, все в строй! и т. д.

Республика! не ты ль клялась
Казнить измену без пощады?
В руках народа нынче власть—
Иных властей ему не надо!
Французы, все в строй! и т. д.

Под лживой маской, там и тут,
Предательство гнездится змеем...
Говоруны нам не солгут,—
Мы в их сердцах читать умеем.
Французы, все в строй! и т. д.

Страна, где властвует народ,
Одним лишь скреплена устоем:
Друзья! Конвент нас в бой ведет,—
На нем Республику мы строим!

Французы, все в строй!
Все встанем Горой!
Дрожи, измена злая!
Кинжала удар
Снесет монтаньяр,
Отечество спасая!

У

**ТЕРМИДОРИААНСКАЯ РЕАКЦИЯ
И ДИРЕКТОРИЯ**

**Заговор, затеянный Робеспьером
и его сообщниками**

Робеспьер был осужден,
Гильотине обречен.

Вел он нас своею речью
К нищете, к бесчеловечью.

Приговор наш—по всему—
Не понравился ему.

Робеспьер злодеем был
И тиранам он служил.

Принял он за преступления
Головы отсековенья.

Ах! Прекрасно обучен
Головы рубить Сансон!

Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон—
Вот кому Конвент вручен.

Но отступникам закона
Захотелось власти, трона.

Чтобы правду им внушить
Надо их укоротить.

Аврио—наш генерал,
Лишь тревогу услышал,

Дал приказ трубить для сбора,
Чтоб спасти всю эту свору,

И пустился наутек,
Но от нас уйти не мог.

И Флерьо, парижский мэр,
В том найти бы мог пример

Для спасения тирана.
Нам он смерть готовил рьяно,

Но и сам был нами он
Во-время разоблачен.

Бывший президент Дюма—
Исполнительность сама,—

Выполняя наблюденье,
Наше общее спасенье

Испытанью подвергал,
Но и сам в тюрьму попал.

Робеспьер, как только мог,
Всю страну к лишению влек,

Но, хотя всеильным слыл,—
Укорочен нами был.

Санкюлотина

(К суду над подлым Робеспьером)

Ага! Попался, наконец,
Палач неутомимый!
Ага! Попался, наконец,
В цепь собственных колец.
Не Катилину ль превзошел
Он, как восточный деспот, зол?
Ага! Попался, наконец,
Он, Роберт-Дьявол мнимый,
Ага! Попался, наконец,
В цепь собственных колец.
Какое счастье, что подлец,
К нам подъезжавший, как отец,
Найдет заслуженный конец!
Его характер нестерпимый
Не понял лишь глупец.
Ага! Попался, наконец,
Палач неутомимый!
Ага! Попался, наконец,
В цепь собственных колец.

Какое счастье для нас,
Что обнаружилась измена!
Какое счастье для нас,
Что над злодеем пробил час!
Сквозь добродетельнейший газ
Злоумышление видит глаз.
Какое счастье для нас,
Что наступила перемена!
Какое счастье для нас,
Что обнаружилась измена!
В стране отрава разлилась.
Под звук обманчивых речей
Французы бились горячей
За родину бесменно,
Но были жертвой палачей.
Какое счастье для нас,
Что обнаружилась измена!
Какое счастье для нас,
Что над злодеем пробил час!

Песнь

Сыны Республики своей,
Друзья законов и людей,
Присяге нашей не изменим!
Мы дали пламенный обет—
Избавить от тиранов свет,—
Но пусть закон повелевает!
А! Чудища! А! Воронье!
А! Тигры, хищное зверье,
Запляшете вы карманьолу!

Наш край стонал от палачей.
И бедняков и богачей
Они терзали в трибуналах.
Не зная чести и стыда,
Они казнили без суда,
Невинным глотки зажимая...
А! Чудища! А! Воронье!
А! Тигры, хищное зверье,
Запляшете вы карманьолу!

Здесь каждый областной судья
Был, словно сытая свинья,
Раздут невежеством и злобой.
Бедняк-рабочий перед ним
Весь трепетал—и был гоним,
Как мавр, в отечестве любезном...
А! Чудища! А! Воронье!
А! Тигры, хищное зверье,
Запляшете вы карманьолу!

Здесь лжедоносчик с давних пор
И ловкий плут и просто вор,—
Всяк звался честным патриотом,
Всяк друга был предать готов,
Всяк притеснял сирот и вдов,
Ни старых не щадя, ни малых...
А! Чудища! А! Воронье!
А! Тигры, хищное зверье,
Запляшете вы карманьолу!

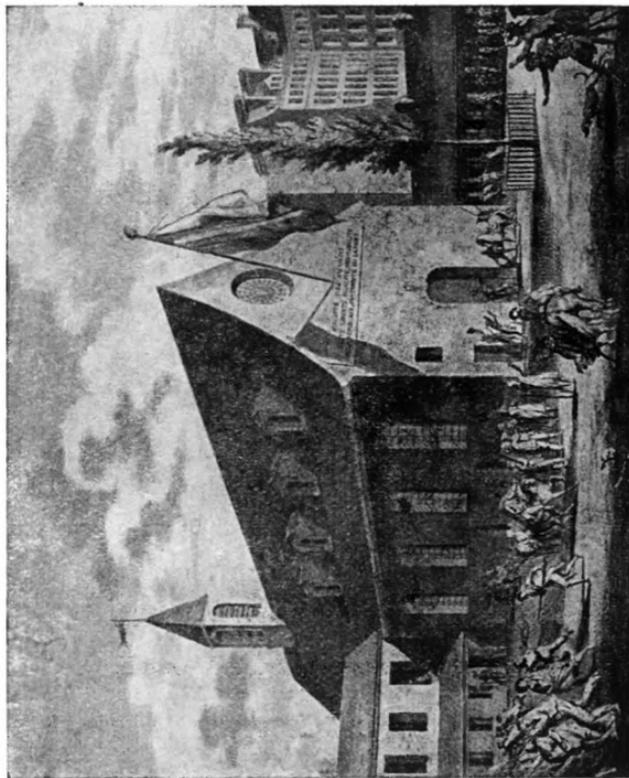
Жестокий взор и грубый слух
Был к мукам слеп и к воплям глух.
От них никто не знал пощады.
Привыкли кровь людскую лить,
Привыкли кровь людскую пить,
В науке страха костеняя.
А! Чудища! А! Воронье!
А! Тигры, хищное зверье,
Запляшете вы карманьолу!

По отдаленным деревням
Они, врываясь к беднякам,
Охотились за овощами.

И, не жалея звонких слов,
Улещивали простаков,
Чтоб лучше выманить добычу.
А! Чудища! А! Воронье!
А! Тигры, хищное зверье,
Запляшете вы карманьолу!

Закон процедит всех людей:
Кто чист, кто жертва, кто злодей,
Он без ошибки установит.
Всем будет беспристрастный суд,
Враги народа понесут
Давно заслуженную кару.
А! Чудища! А! Воронье!
А! Тигры, хищное зверье,
Запляшете вы карманьолу!

Кругом расставлены силки,
От нашей мстительной руки
Никто укрыться не сумеет.
Дантон, Сен-Жюст и Робеспьер—
Народу нашему пример,
Как болтунов карает время.
А! Чудища! А! Воронье!
А! Тигры, хищное зверье,
Они сплясали карманьолу!

Закрытые клубы якобинцев в ночь с 27 на 28 июля 1794 г.
(с 9 на 10 термидора II года)
*С гравюры Ж. Дюлесси-Берто и Матико по рис.
Ж. Дюлесси-Берто*

Новая песнь

Прочь интриганов! Всех под суд,
Кто франки честные гребут
С французских патриотов.
Бывало, выставляли зад,
А нынче шелком шелестят,
Ограбив патриотов.

Народ! Разбойников лови,
Чьи руки вымыты в крови
Достойных патриотов.
Не зная гнусностям числа,
Они ограбили дотла
Несчастных патриотов.

На лезть, на подкуп и обман
Готовы,—чтоб набить карман
Деньгами патриотов.
Пролита кровь, разрушен дом,
Давно уж ходят босиком
Детишки патриотов.

Забыли счет кровавых дел,
Оставив слезы лишь в удел
Нам, добрым патриотам.
Забрали жатву всю сполна,
Не дав ни одного зерна
Нам, бедным патриотам.

И сам божественный закон
Их грязной лапой осквернен...
Беда нам, патриоты!
Из лучших храмовых шелков
Себе камзолов и штанов
Нашили санкюлоты.

Доверие Конвенту! С ним
Мы наши силы обновим.
Долой лжепатриотов!
Угаснут ненависть и страх—
И воцарится мир в сердцах
Всех честных патриотов.

**Пробуждение народа против
террористов**

Сочинение Л.-М. Суригер

Народ французский, равнодушно
Тебе ли видеть, чья любовь,
Как, преступлению послушна,
Теперь повсюду льется кровь?
Тебе ли зреть без содроганья,
Как сонм убийц и палачей
Струит тлетворное дыханье
На всех живых в стране твоей!

Зачем же медлишь ты сегодня,
Самовластительный народ?
Низвергни в пекло преисподней
Всех тех, кто кровь людскую пьет.
Жрецам насилья—воздаянье!
Мы истребим их гнусный род.
Дели со мной негодование,
Злодей пощады не найдет.

Всю ненависть и все презренье
Тому, кто нашей кровью пьян,
Кто носит в душах преступленье,
Кому один закон—тиран!

А вы, невинные, теньями
Сошедшие под вечный свод,
Спокойно спите—пред врагами
Отмщенье ужасом встает.

Уже дрожит их род лукавый
И в ужасе сдается нам,
А если кто бежит, кровавый,
Того находят по следам.
Мы над невинным вашим гробом
Клянемся родину спасти
И всех жрецов насилья, злобы
Отмщенью в жертву принести.

О, представители народа,
Закона верные сыны,
Великий страх врагам свободы
Внушать отныне вы должны.
Так шествуйте стезею славы,
Священные отныне нам,
И примет всех вас величавый
Бессмертия и чести храм!

Куплеты о Бурбонах

Бурбонов неотмщенный род,
 Блуждающий над катакомбой,
 Где пролил кровь твою народ!
 Излечим боль твоих невзгод
 Мы—якобинской гекатомбой!
 Француз! врагами угнетен,
 Ты стал цареубийцей,
 Ты стал богоубийцей.
 Страхни кровавый сон,
 Чтоб им воздать сторицей!

Чудовища! Их выслал ад,
 Карая землю их руками.
 Нас погубить они хотят,
 Но их удар вернем назад,
 Губителей погубим сами!
 Француз! врагами угнетен, и т. д.

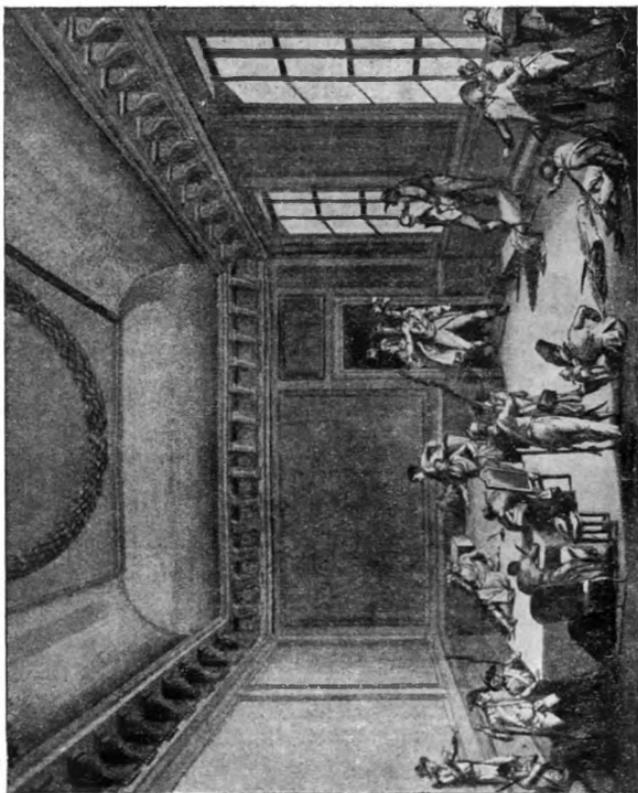
Пора вернуть земле покой,
 Пора отмстить за преступленье!
 Довольно веселился злой.
 Пусть, проклят небом и землей,
 Идет на вечное мученье!
 Француз! врагами угнетен, и т. д.

Кто на врага не поднял меч,
Тот вражьих козней попуститель:
Он хочет в сети нас завлечь.
Спеши предательство отсечь,
Не медли, кровожадный мститель!
Француз! врагами угнетен, и т. д.

На наши головы падут
Невинной крови океаны,
Коль не свершим кровавый суд.
Не сами ль звезды нас зовут
Отмстить за кровь, отмстить за раны?
Француз! врагами угнетен, и т. д.

Лжи и насилия звезда
Погаснет в небе. Горе, горе
Им—без закона и стыда!
Страх возбуждавшие всегда
Его узнают сами вскоре!
Француз! врагами угнетен, и т. д.

Упала с грохотом Гора,
Всю Францию покрыв золою.
В боках—зловонная дыра...
Спеши, покуда сталь остра,
Распотрошить нутро гнилое!
Француз! врагами угнетен,
Ты стал цареубийцей,
Ты стал богоубийцей!
Стряхни кровавый сон,
Чтоб им воздать сторицей!

Равенный Робеспьер, привезенный в Комитет общественного спасения
28 июля 1794 г. (10 термидора II года),
Сравненью Ж. Дюлесси-Берто и П.-Г. Берто по рис. Ж. Дюлесси-
Берто

Права и обязанности дворянства

Все в упоении твердят
О вольностях гражданства;
Увы, нигде не говорят
О вольностях дворянства.
Возьму один цветок, другой
И их с душой унылой
Дрожащей положу рукой
Над милою могилой.

Спор о пропавших петухах
Затеять с мужиками,
Ходить на красных каблуках
И с красными щеками,
Служить с салфеткой королю
И подтирать без чванства,—
Вот о каких правах скорблю
И вольностях дворянства.

На стеклах вещи рисовать
Из антикварной лавки,
В своем поместье вековать,
В Версале ждать поправки,
А кредитор войдет едва,
Забыть и спесь и чванство,—
Вот были некогда права
И вольности дворянства.

Народные куплеты

21 плювиоза III года Французской
республики (10 февраля)

Сочинение гражданина Бельмар

Свечка стоит франков пять,—
Буду вечно жить с одною.
Не купцы, а благодать:
Больше мне уже не спать
С луною, с луною, с луною!

Я смиренно спину гну,
Труд кончаю с темнотою:
Хоть бы Нация казну
Вдруг пополнила свою
Луною, луною, луною!

У французов нет забот,
Счастье им дано судьбою,
И страшится наш народ
Лишь затмений частых под
Луною, луною, луною.

«Ну и песня!»—с трех сторон
Слышу суд я над собою.
Был бы очень я, смущен,
Будь мой сумрак освещен
Луною, луною, луною!

Французский народ — франтам

Толпа насильников трусливых,
Кто богатея с каждым днем,
Трубит повсюду в гимнах лживых
О пробуждении моем!

Заносчивые сателлиты
Вкруг пиршественного стола,
Падите в бездны, что раскрыты
Для вашей наглости и зла!

И ты, народ позолоченный,
Успехом меряющий дни,
Ты—представитель незаконный
Того, кто скрыт от всех в тени.

Кто на границах слышит взрывы,
Со стягом равенства в руках,
Кто потом орошает нивы,
Чтоб ты тщеславился в шелках.

Бесстыдно воющая стая
Лжепрославителей моих!
От преступлений разбухая,
Жирея от деяний злых,—

Иль хочешь скрыться от расплаты
Республиканской болтовней?
Нет, нет! не проведешь меня ты:
Жадна до крови ты людской!

Не потому ли, в буйстве диком,
Для славы якобы моей,
Порочишь ты коварным криком
Вернейших из моих друзей?

Вы, депутаты, кто сумели,
Теснимые со всех сторон,
Вести страну к великой цели
И новый строить ей закон,—

Добавьте к вечной вашей славе
Еще одно из добрых дел:
Господ, кричащих здесь о праве,
К границе двиньте—под обстрел!

Республиканская песнь

Она сидела важно
В густой траве, вдали.
На этот раз отважно
Я подошел к Жюли.
Как свеж ее румянец!
Я придвигался к ней...
«Но ты—республиканец?
Ответь мне поскорей».

«Слышу я патриотом,—
Так прозвучал ответ,—
Пожатье санкюлота
Ты примешь или нет?
Тебе подскажет разум,
Проказница моя!
Не огорчай отказом,
Республиканец—я».

И снова возраженья:
«Но если ты солдат,
Бывал ли ты в сраженьи,
Бывал атакам рад?
Ну, что же ты ответишь?
Не трусил на войне?
Милее всех на свете
Республиканец мне!»

«По чести я отвечу,
Не трепетал в бою,
Кидался прямо в сечу
За родину мою.
Я отражал удары
Моих врагов стократ,
Республиканец ярый,
Республики солдат!»

«Ну, что же, сердце, верно,
Принадлежит тебе!
Будь воином примерным,
Настойчивым в борьбе.
Ты молод, полон силы,
Тебя зовет война!
Республиканцу, милый,
Останусь я верна!»

«За праведное дело
Я кровь свою пролью,
Сражаться буду смело.
Храня любовь твою.
Меня зовет не даром
Победная стезя.
Клянусь, останусь ярым
Республиканцем я».

«Ты никогда в сраженьи
Отваги не теряй.
В прекрасный день весенний
Вернешься в этот край.
В тебе силен не даром
Республиканский дух.
Мы Франции подарим
Республиканцев двух!»

День 12 жерминала III года

(Куплеты, исполненные 1 апреля в театре Фавар)

Сочинение Лебрен-Тосс

Вы, сеятели анархии,
Кем сила террора цвела,
Мечтали вы поля родные
Повергнуть вновь в пучину зла.
Но вам надежда изменила,
Во прахе монтаньяр лежит:
Сената молния сразила
Тебя, бессовестный бандит.

Они мечтали в черных думах
Париж Парижем победить
И на развалинах угрюмых
Преступной хитростью царить.
Но нет, Париж главу подьмет,
Сенат наш славою покрыт,
И Термидор девятый внемлет
Твоей кончине, злой бандит.

Досель, не ведая сомненья,
Француз был доблестным бойцом;
Ужели скорбное мгновенье
Заставит позабыть о том?

Но разве хлебом в день победный
Нас якобинец одарит?
Нет, эшафот да голод бледный—
Вот милости твои, бандит!

Но пусть, покрытая позором,
Ползет мошенников толпа,
Взывая к смерти тщетным хором,
Под игом жизненным слепа.
Не ведать больше в ярой страсти,
Как водопадом кровь бежит,
И родину не рвать на части—
Вот мука для тебя, бандит!

Сенат высокий, нас лелея,
Твори без страха свой закон!
Ты будешь, победив злодея,
Любовью нашею силен.
Вокруг тебя в огромной зале
Лишь сонм детей твоих стоит.
Им счастье льют твои скрижали,
И перед ними пал бандит.

Карманьола Фукье-Тенвиля*Сочинение Ладрэ*

Фукье-Тенвиль, ты нам грозишь
Гильотинировать Париж:

 Так что ж ты нас надул
 И брюхо подтянул?

Стройте гильотину
Для палачей,
Стройте гильотину
Для палачей—
 Скорей!

Наш лютый зверь готов всегда
Казнить без правды и суда
 И старцев, и детей,
 И женщин, и парней.

Так стройте гильотину
Для палачей,
Стройте гильотину
Для палачей
 Скорей!

Однажды он Флери схватил
И без зазрения засудил:
 Он рад точить рога
 На личного врага.

Стройте ж гильотину
Для палачей,
Стройте гильотину
Для палачей
Скорей!

Фукье всегда в решеньях скор:
Без всяких следствий—за топор.
И хлоп!—на эшафот
Невинного влечет.

Стройте ж гильотину
Для палачей,
Стройте гильотину
Для палачей
Скорей!

Всех добрых граждан злейший враг,
Крутил он вечно так и сяк,
Чтоб их отправить в морг:
Тогда ему восторг!
Так стройте гильотину
Для палачей,
Стройте гильотину
Для палачей—
Скорей!

**Встреча в аду Фукье-Тенвиля с Дантоном
и Камиллом Демуленом**

Д а н т о н

Посмотри-ка, там идет
Братец твой?
Счастлив я на предсказанья:
Он уж двинулся в поход,
Братец твой.
Заслужил к себе вниманье
Братец твой!
Он достоин почитанья,
Братец твой.
Здесь достоин почитанья.

К а м и л л *(с наивным видом)*

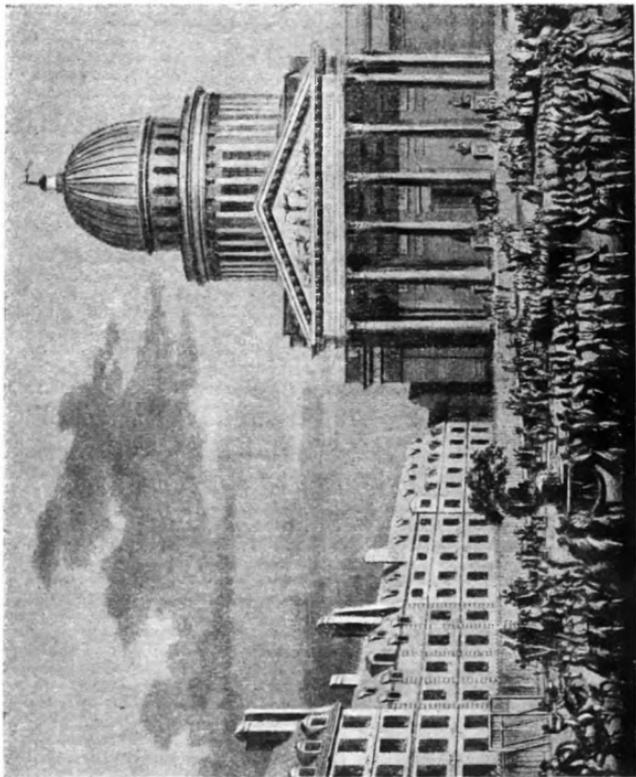
Ба! Фукье сюда спешит.
Братец мой,
Ты давно ли, друг, из дома?
У тебя печальный вид,
Братец мой,
Не печалься, будь как дома,
Братец мой.
Много ты найдешь знакомых.
Братец мой.
Много ты найдешь знакомых.

Ф у к ь е (плаксиво)

Чорт возьми! Какой прием,
Братец мой!
Вашу злость убрать нельзя ли?
Хоть и слыл я подлецом,
Братец мой.
Вы мне в том не помогали,
Братец мой,
Да, вы в том не помогали,
Братец мой,
Нет, совсем не помогали.

К а м и л л

Проходите поскорей,
Братец мой,
Проходите на расплату.
Будьте, миленький, смелей,
Братец мой.
Внес давно за вас я плату,
Братец мой,
Внес давно за вас я плату,
Братец мой,
Внес давно за вас я плату.

Апофеоз Руссо. Перенесение его праха в Пантеон
11 октября 1.94 г.
С рисунка Жирардэ и П.-Г. Берто по рис. Жирардэ

Похоронная песнь

на смерть Ферро, народного представителя, умерщвленного мятежниками в Национальном конвенте 1 прериаля III года Республики (20 мая)

Сочинение гражданина Куртиньи

Ты, мученик святой свободы,
За право и Сенат погибнуть был готов.
Пусть тень священную сии покоят своды,
Услышь отчизны милой зов.

Сраженный сталью нечестивой,
Ты презирал кинжал—убийц твоих позор,—
Но торжество злодейств и анархии облик лживой
Мрачили твой последний взор.

Ликуй же, вольный и спокойный!
Сломила Франция сей ненавистный гнет:
Высокий наш алтарь—поднесь приют достойный
Благих законов и свобод.

Ферро, твое бессмертно дело,
И имя светлое гремит в веках, как медь.
Твоя святая кровь закон запечатлела:
Свершить завет, иль умереть!

Гимн братству

петый в театре Соревнования 20 нивоза IV года Республики
(воскресенье 10 января)

Сочинение Каммайль-Обэна

Француз, пора! Отчизны грудь
Днесь да согреет ликование!
Мы можем ныне отдохнуть
От долгой скорби и страданья.
И пусть покой дадут сердцам
Обид былые укоризны:
Воскурим дружбы фамиам
На алтарях святой отчизны.

Люби людей, поборник прав,
И в братстве пребывай отрадном.
Республиканцем бог создав,
Тебя не сделал кровожадным.
Свобод и милости стезя
Всегда едина в этой жизни,
И человечности друзья—
Всегда друзья своей отчизне.

Творя добро для всех людей,
Не все ль равно, как зваться будем?
Республиканец,—титул сей
Принадлежит лишь честным людям.
От Блага Злое отличай
Без страсти и без укоризны,
И нищим братьям помогай—
Сынам простым твоей отчизны.

Но спекулянту—смертный бой:
Он разорить весь край поклялся,
Его бессовестной рукой
Ужасный голод укреплялся.
Он в царстве горя, слез и бед
Торгует длительностью жизни:
Пощады спекулянту нет,
Зане он смерть несет отчизне!

Мы анархистов хитрый сброд
Покроем тяжестью презренья
И роялистов наглый род
Лишим задора, без сомненья.
Одной рукой вельможу бей,
Другой—лишай убийцу жизни:
Прочь якобинцев и царей!—
Сей клич несется по отчизне.

Пленение Шаретта

(23 марта 1796 г.)

Француз, воспой победу
И радость пей до дна!
Войны не след бояться,
Окончена она.
Отныне мир в Вандее
Восходит на полях.
Да здравствует Республика!
Шаретт у нас в руках.

Изменник и предатель
Был в плен войсками взят;
Траво стяжал в том славу,
Как доблестный солдат.
И вы, стрелки лихие,
Пройдя сражений дым,
Его труды и славу
Вы разделили с ним.

Шаретт бежать собрался—
Повсюду окружен,
Но при попытке к бегству
Был нами схвачен он.

Лежал на поле битвы
Он в роковой тот час,
Покинутый войсками,
Бегущими от нас.

Стыдишься ты пощады,
Но как бы мог ты ждать,
Что за свои деянья
Ты можешь жизнь стяжать?
Нет, нет, умрешь сейчас же,
И если б был герой,
То все ж на эшафоте
Погиб бы пред толпой.

О, родины предатель,
Ищи свой Альбион,
Бежали англичане,
К нам вход им запрещен.
Когда они хвалились
Итти на нас войной,
Занять французский берег,
То был посул пустой.

Вы, мирные крестьяне,
Трудитесь на полях.
Уж не придет обратно
Тот, кто внушал вам страх.
Вы все—республиканцы,
Всем счастье—с этих пор.
Да здравствует Республика!
Изменникам—позор!

Новая песнь для предместий

Нужду безмерную узнав,
Народ, лишенный всяких прав,
 В смирении страдает;
И одновременно богач,
Кого забыл тогда палач,
 Кошелек свой набивает.

Распухнувшие от монет,
Не зная ни забот, ни бед,
 Обсасывают улей;
А ты, трудящийся народ,
Тебе просовывают в рот
 Железные пилюли.

Пусть Гракх, Публикола и Брут
К тебе, как призраки, сойдут
 И станут пред тобою.
Трибун отважный, торопись,
Чтоб вновь законы все зажглись
 Свободою святою.

О, да! трибун, пора кончать!
Пусть будет Люксембург молчать
И наглая Верона.
Для царства равных не нужны,
Как ни были б они пышны,
Отсвечиванья трона.

Довольно свора богачей
Томит на сборе желудей
Всех жителей фобурга.
Тому, кто в бедности живет,
Не нужен ни вандейский сброд,
Ни тени Люксембурга.

О вы, пекущие декрет,
В огонь, готовящий обед,
Швырните ваши планы!
Пусть ваше творчество молчит!
Сама свобода возвратит
Обилье невозбранно.

Полиция директоров
Для укрепления оков
Писать нам запрещает.
Коль так, пусть каждый среди нас,
Чтоб вольность сызнова зажглась,
Восстанье замышляет.

Двойной совет людей без слов,
Пять жалостных директоров,
Трепещущих пред пикой;
Солдатом сдавлен демократ,
Вот это будет, говорят,
Республикой великой!

Увы! униженный народ,
Что залит кровию, войдет
Свергавшим трон в историю.
Тебя б я боле не узнал:
Ужели сторожем ты стал,
Чтоб охранять Преторью?

Народ и армия могли,
Соединясь, стереть с земли
Монарха и Бастилью;
Тираны новые, народ
К сердцам солдатским путь найдет,
Неся конец насилью.

Я ожидаю лишь тюрьму
В оплату пенью моему.
Вот что меня терзает;
Но, кто услышит песню, пусть
Ее запомнит наизусть.
Мысль эта утешает.

Водевиль

(1796 г.)

Сочинение Анж Питу

Для чванства время не пришло,
Мы можем проще сговориться:
Кто взял чужое ремесло,
Тем не мешает подучиться.
Коль делом мы чужим живем,
Коль свинопас стал строить дом,
А башмаки тачать кузнец,
И волки пестовать овец—
 То, чорт возьми!
 То, чорт возьми!
Плохо кончим мы потом.
 Оттого-то за водой,
 За водой,
Жак наш—парень с головой—
 За водой,
 За водой
Со своим бежит ведром,
Со своим бежит ведром.

Вы не послушались меня
И не в свое пустились дело.

Страдает честность день от дня,
 И глупость миром овладела.
 Котельщик оперы творит,
 Извозчик речи говорит,
 Актер командует полком,
 И заменен скакун ослом.

Ах, чорт возьми!

Ах, чорт возьми!

Все полетело кувырком.

За водой,

За водой,

Жак, прямым ты молодцом,

За водой,

За водой

Бегал с собственным ведром,
 Бегал с собственным ведром!

А если власти уж хотят,
 Чтоб был их строй народу сладок,
 То пусть тотчас же прекратят
 В делах французских беспорядок.
 Довольно всем сходить с ума.
 Пусть строит каменщик дома,
 Сапожник штопает башмак,
 А плотник знает свой верстак.

Поверьте мне,

Поверьте мне,

Нам надо действовать с умом.

За водой,

За водой

(Жак пример всем лучший в том),

За водой,

За водой

Каждый с собственным ведром,

Дружно, весело, бегом
Мчится с собственным ведром.

Я—так и быть—простить готов
Властям, любителям наживы.
Пусть лишь они без лишних слов
Народ наш сделают счастливым.
Но если всем нам заткнут рот,
Но если хуже все идет,
И уж приказов не сочтешь,
И отнят наш последний грош—

Я буду рад
И очень рад,
Коль смоет гнусный тот разбой
Водой,
Водой,—

Ведь кто повадился ходить
К нам за водой,
К нам за водой,
Тому и голову сломить,
Тому и голову сломить!

Властям я щедро расточал
И красноречье и вниманье,
Но лишь тюрьму я получал
За эти песни в воздаянье.
Кому во всем права даны,
Легко кричать: «Мы все равны»—
Знай набивай себе живот,—
За все расплатится народ.

Я буду рад,
И очень рад,
Коль смоет гнусный тот разбой
Водой,
Водой,—

Ведь кто повадился ходить
 К нам за водой,
 К нам за водой,
Тому и голову сломить,
Тому и голову сломить.

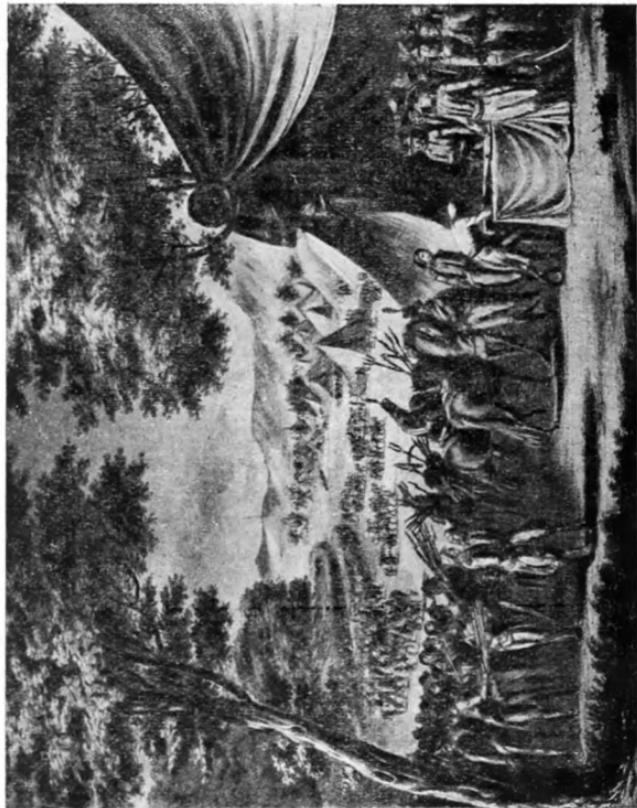
Народные куплеты

Сочинение граждан Пикара и Дювала

Рассчитывал я возвратиться
Сегодня с почтою в Париж,
Но принужден в тюрьме томиться
И показать надежде шиш.
Как осмотрительность нужна нам,
Хоть вин не чуем за собой.
Мой пост, найдя его желанным,
Пускай возьмет себе любой.

Тот подозрителен молчаньем,
Другой—своею болтовней.
Вот этот—вечным отдыханьем,
А тот—работою сплошной.
Собой опасно любованье;
Зачем в одежде тот сухой?
Соседа губит хохотанье,
Я подозрителен слезой.

Ответ предчувствую я точно:
Благонамеренным на страх
Мошенники изобрели нарочно
Оружие о двух концах.
С пороком биться неуклонно
Вас призывает голос мой,
И опасается закона
Пускай отныне только злой.

Умиротворение Бандей 1 февраля III года
С ординарной гвардии Жирарда

Песнь на открытие дорожных работ

в департаменте Сены 25 вентоза VI года
Французской республики

Друзья коммерции родной,
Мы выстроим дороги!
Торговлю Англии—долой!
Швырнем ее под ноги!
И, как солдаты на войне,
Все силы отдадим стране.
Шел гордый Рим
Путем своим
К победам величавым:
Отныне будь
Французов путь
Большой дорогой Славы.

Германцев страх, народ-герой,
К Георгу будем строги!
Через Апеннины путь открой,—
Прокладывай дороги,—
Дороги, где меж вечных скал
Промчится новый Ганнибал.
Шел гордый Рим и т. д

Нам цизальпинец очень рад,
Он Пия зрит в тревоге:
Обнимет нас, как брата брат,—
Проложим мы дороги.
Сыны Свободы там и тут
Друзей во Франции найдут.
Шел гордый Рим и т. д.

Вот грозный Жерминаль придет,—
И ляжет Питт на дроги.
О, конституция,—вперед!
Мы выстроим дороги.
Пусть анархист на них падет,
И роялист конец найдет!
Шел гордый Рим
Путем своим
К победам величавым.
Отныне будь
Французов путь
Большой дорогой Славы.

Мои пожелания

Сочинение гражданина Ж.-В. Радэ

Когда поет в стихах надменных
О наших доблестях военных
Поэтов клир,
Один лишь я храню молчанье,
В котором зреет восклицанье:
Мир! Только мир!

Когда в бою мертвеет тело,
Гуманности осиротелой
Вуаль густа.
Мир—вот достойная победа!
Мир, только мир,—ведут беседу
Мои уста.

Моей стране грозит войною
Готовый к яростному бою
Монархов клир!
Что ж, встанет на дыбы Европа,
Из края в край раздастся ропот:
Мир, только мир!

Вы, взвешивавшие доселе
Все судьбы Франции на деле
 Так много лет,—
Законы, индустрия, лира,—
Не славы жаждете, а мира,
 Вот ваш ответ.

Проснешься ты. Но где равнины?
Глазам откроются руины,
 Ты встанешь, сир.
Кто чистоту вернет отчизне,
Кто Францию пробудит к жизни?
 Мир, только мир!

Нам надо слушаться рассудка!
Его решение—не шутка.
 Вот правый суд!
Да, будет этот день прекрасен—
Наступит мир, чудесен, ясен,
 Как ясен труд.

Забудем злобу вместе с боем!
Друзья, мы навсегда закроем
 Кровавый пир.
И от границы до границы
Наш радостный напев промчится:
 Мир, только мир!

Куплеты по случаю мира

*Сочинение граждан
Сен-Жюст и Лоншан*

Я птица та, смотрите сами,
Которая в Париж порой
Спешит с котомкой за плечами,
Чтоб стать помесячным слугой.
В Шампани домик на опушке
Я бросил, взяв свои сабо,
Мешок—и больше ничего:
Я был одет, как в деревушке.

Но в день, когда кругом раздался
Тревожный шум военных гроз,
Я мигом в армию помчался
И там устроился... в обоз!
Была фортуна мне подружкой:
Я живо стал поставщиком
И насбирал на деле том...
Трактир в хорошей деревушке.

Живу я, поставщик фуража,
Как рыба на волне морской:
Все больше пухну от куража,
А аппетит растет с едой.
Германцев выжму до полушки:
Конец их сену и овсу!
А я за подвиг припасу
Еще две добрых деревушки.

Куплеты на злобу дня

18 сентября 1798 г.

Сочинение гражданина Ноэль

Что пострадали герцоги, князья,
Что каждый среди них унижен,
Что важный кардинал обижен,—
 Не удивляюсь я;
Но что отживший строй напоминает
 Гуляющий в Париже фат,
 Являя шутовской наряд,
 Где вышивки пестро горят,—
 Вот что нас поражает!

Что среди знати марево гнилья
 Под внешней пышностью раскрылось
 И мало римских душ явилось,—
 Не удивляюсь я;
Но то, что в дни, когда средь нас сверкает
 Лжеримского героя вид,
 И под Торкватом хлыщ глядит,
 Хотят искать таких, как Тит,—
 Вот что нас поражает!

Что выгнанный из своего жилья
Богач не ведает привета
И стал подобием скелета,—
 Не удивляюсь я;
Но что вчерашний дурень угощает
Сегодня более людей,
Чем прежде видывал судей,
Стучащих властно у дверей,—
 Вот что нас поражает!

Что мужа на подарки разоря,
Заставила жена Катона
Просить развода неуклонно,—
 Не удивляюсь я;
Но то, что он совсем не понимает,
Как назидателен урок,
И вновь попался, дурачок,
Он к Гименею на крючок,—
 Вот что нас поражает!

Что поставщик сапожек и белья,
Который, мнилось, захиреет,
На счет республики жиреет,
 Не удивляюсь я;
Но что к режиму новому питает
Он ненависть и вместе страх,
Как католический монах,
Стереть другого жаждя в прах,—
 Вот что нас поражает!

Что у огня, от сытости пыхтя,
Идут в воинственном экстазе
До отдаленнейшей из Азий,—
 Не удивляюсь я;

Но то, что, если к службе призывает
Отчизна, новый Цицерон
В одну заботу погружен:
Чтоб незамеченным был он,—
Вот что нас поражает.

Похвала слову «гражданин»

(Водевиль для лагерей, клубов, кафе, литературных читален, спектаклей, школ и для улицы)

Дух Нации, проснись скорей!
 Любовь к отчизне, дай горенье,
 И впредь общественное мненье
 В гармонию с законом слей.
 Пусть роялистские оковы
 Не тяготят нам речь вперед:
 Будь *гражданин*, долой *господ*,—
 Гласит Республика сурово.

Правительство раз навсегда
 Сказало в братском обращеньи,
 Какое мерзкое значенье
 Имеет кличка *господа*:
 Сие готическое слово
 Обозначает подлый сброд.
 Будь *гражданин*, долой *господ*,—
 Гласит Республика сурово.

Но часто титул *гражданин*
Носил изменник наизнанку,—
И монархист свою осанку
Скрепляет словом *господин*.
Пусть грамотеям этим снова
Укажет бодрый патриот:
«Будь *гражданин*, долой *господ*,—
Приказ Республики суровый».

Праздник юности

Сочинение гражданина Веррон

Хор учеников

Прославим песней утро года
И молодости бытие!
Как празднично спешит развить Природа
Ее таланты, доблести ее!

Гражданка

Нежнейший цвет, краса родного луга,
Порой от бурь укрыться был бы рад.
Так—Муз и Добродетелей подруга
Будь, юность слабая, и жди наград.

Хор учеников

Прославим песней утро года
И молодости бытие!
Как празднично спешит развить Природа
Ее таланты, доблести ее!

Гражданка

Пустая ветренность и пыл неверный
Иных слепят, как быстрый взлет огней.
Но молодости скромной и примерной
Глубокая привязанность—милей.

Хор учеников

Прославим песней утро года
И молодости бытие!
Как празднично спешит развить Природа
Ее таланты, доблести ее!

Гражданка

Излишней строгости мы чужды сами,
Но и пустых желаний чужд нам яд.
Коль добродетель властвует сердцами,
В них истинные радости слетят.

Хор учеников

Прославим песней утро года
И молодости бытие!
Как празднично спешит развить Природа
Ее таланты, доблести ее!

Гражданка

Едва созрев, не ведая печали,
Свободу обретаем мы тотчас.
Вожди, кто славой Францию венчали,
Своим примером окрыляют нас!

Хор учеников.

Прославим песней утро года
И молодости бытие!
Как празднично спешит развить Природа
Ее таланты, доблести ее!

**Народная песнь на новые победы
наших армий**

25 вандемьера VIII года (17 октября)

*Сочинение гражданина
Гиллиар-Добертель*

Смелей, смелей, вперед, француз,
За реющей победой!
Освобождая свет от уз,
Ты возвращаешь мир.

Зажегшая, как пламя,
В героях юных кровь,
Летит под наше знамя
Победа вновь и вновь.
Смелей, смелей, вперед, француз,
За реющей победой!
Освобождая свет от уз,
Ты возвращаешь мир.

Воинственной отваги
Являя всем пример,
В Египте наши шпаги
Посбили спесь химер.
Смелей, смелей, вперед, француз, и т. д.

Героя полушарья,
Суворова, сполна
Среди полей Швейцарьи
Сражает Массена.
Смелей, смелей, вперед, француз, и т. д.

Напрасно Питт в Батавии
Ввел английский язык.
Услышало тщеславье
В ответ французский крик.
Смелей, смелей, вперед, француз, и т. д.

Воинствующих партий
Смиря напрасный пыл,
Отныне Бонапарте
Нам славу возвратил.
Смелей, смелей, вперед, француз,
За реющей победой!
Освобождая свет от уз,
Ты возвращаешь мир.

18 брюмера

(В честь Бонапарте — первого консула)

Не каждый месяц ли приходит,
Чтоб подарить нам свой привет?
Весна для юности восходит,
И осень для разумных лет.
Но только тот нам вспыхнет эрой,
Который счастье воплотил:
День восемнадцатый брюмера
Французам вольность возвратил!

Гроза над Францией гремела,
Стонали в страхе мы тогда.
Надежда в сердце онемела,
Повсюду чудилась беда.
Но солнце тусклое брюмера
Семнадцать раз свершило круг.
В день восемнадцатый сквозь серый
Покров лучи прорвались вдруг!

Над родиною Бонапарте
Восстал, как благородный друг.
Смирняя разногласье партий,
Навел он на врагов испуг.
Французы влюблены без меры
В того, кто их хранит, любя,
И в восемнадцатом брюмера
Узрели счастье для себя.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
АНДРЭ ШЕНЬЕ И МАРИ-ЖОЗЕФА ШЕНЬЕ**

Поэзия братьев Шенье

Прошедшие перед читателями песни революции не принадлежат корифеям революционной поэзии. Это прекрасные образцы, если так можно выразиться, поэтической публицистики. Стихи эти—непосредственный ответ на боевые задачи революционных дней. Наряду с ними Франция конца XVIII века знает поэтов большого масштаба. Классическая литература европейской буржуазии ссылается в этом случае на поэтическое творчество братьев Шенье: Андре и Мари-Жозефа. Забыто поэтическое творчество Сильвен Марешаля, редко упоминаются поэты, печатавшие свои стихи на лирические и политические темы в журналах Великой буржуазной революции, в газетах Марата, Приюдома, К. Демулена.

Стихи братьев Шенье—блестящая иллюстрация к истории буржуазии эпохи революции. Как ни различна судьба братьев, оба они представляют собой две линии истории развития французской буржуазии—авангарда третьего сословия. Андре родился в 1762 г. Он был на два года старше своего брата. Дети французского дипломата старого порядка, они, подобно другим представителям либерального дворянства, были

учениками буржуа-просветителей; подобно Мирабо и Лафайету, оба они находились в передовых рядах бойцов третьего сословия в дни, когда заседали штаб-табли, в дни, когда Генеральные штаты вели борьбу за свое превращение в Национальное собрание. Но Андрэ раньше своего брата отшатнулся от революции, когда на авансцену выступили парижские предместья, плебейские массы, выступила городская и деревенская беднота. Это произошло уже в первые дни революции, в светлые дни «национального подъема». Андрэ уже в 1790 году выступает против демократии и ее вождей, вскоре объявляет себя защитником короля, защищает его накануне казни и воспеваает Шарлотту Кордэ, убийцу Марата. Он был гильотинирован за день до падения Робеспьера. Реакционеры-романтики сделали его своим героем, а позже, когда демократические идеалы Великой революции были забыты, когда «свобода» стала вновь неопределенным идеалом разнообразных классов, Андрэ Шенье казался жертвой деспотизма. Пушкин видел в нем певца свободы, но Андрэ был заклятым врагом революции, он ненавидел плебейские массы ненавистью аристократа. В своей оде Франции—«Гимн справедливости»—он писал:

Искусный твой народ родился для войны:
Мечи ему легки, мушкеты не страшны;
На приступ рвется он, и сталь его сурова:
Прогнал британца он, насильника лихого.
Твои сыны мягки, радушни и добры,
Друзья веселия, и песен, и игры...

Такой казалась Франция Андрэ Шенье до тех пор, пока на сцену не выступили народные массы. О них он пишет по-иному:

Но слабы, стеснены, и злобная тревога
 Те песни леденит, уста смыкает строго
 И в пляске и в игре движения мертвит,
 И отдыха столы на землю им валит,
 Мрача заботами и скорбью боязливой
 Их душу и чело.

.....
 Нет, этих рабских стран отныне я не житель!
 Уйду, уйду я вдаль искать себе обитель!
 Приют, где жизнь моя смирит свой буйный бег,
 Могилу, где мой прах найдет себе ночлег...

Впрочем, в этом же стихотворении он все еще находит слова возмущения против тех, кому ненавистен народ, кто утверждает, что он «чересчур плаксив и слишком сыт». Для Андре в это время «свобода и любовь» — еще святые имена.

Шенье успел опубликовать всего только два законченных произведения; большинство его поэм остались незаконченными. Поэма «Игра в мяч», посвященная художнику Давиду, рисует буржуазию и либеральное дворянство как спасителей революции. Он находит для них слова, полные сил и гнева, характеризуя ими свергнутых слуг деспотизма.

Смотри! Народ восстал! Народ приемлет власть.
 Все им побеждено. И бронзовую пасть
 Ты, тирании зверь, оскалил здесь напрасно...

.....
 Народ, что стар и нов. Расцветшие стволы
 Деревьев вековых! Народ, опять рожденный,
 Феникс, возникший вновь из пепла и золы!
 Я тем несу привет, чьи факелы светлы
 И путь нам кажут неуклонный.

Но прошло всего два-три года, и жизнерадостный поэт, поклонник античности, о котором Пушкин писал,

что он поэт, «напитанный древностью», в стихотворении «Версаль», воспевая «мрамор, портики, куртины, античной Греции картины», утверждает, что Париж ему стал чужим, потому что исчезли постовые гвардейцы, королевский двор, кареты, толпы слуг, — «и счезло все». Он отдыхает в одиночестве версальских роц и с ужасом вспоминает:

Но иногда твой рай зеленый
И мой приют уединенный
Свинцовым трауром оденет вдруг печаль.
И вижу я в тумане алом
Толпу живых теней, гонимых трибуналом
На гильотину, о, Версаль!

Эта поэтическая грусть скрывает кровожадные инстинкты белогвардейца. В оде в честь Шарлотты Корде поэт отбрасывает свою лиру, он наносит удар кинжалом Другу Народа вместе со своей героиней. Он наслаждается агонией Марата.

Раздавлена тобой, еще колебля жало,
Очковая змея извив колец разжала,
Не в силах продолжать губительный свой путь.
Велела тигру ты из плотоядной пасти
Людскую кровь и жертв растерзанные части,
Как жвачку красную, пред смертью отрыгнуть.
И наблюдала ты агонию Марата...

Эта оголенность контр-революционной лирики Андре Шенье достигает такой силы, что она сама по себе может служить историческим образцом классовых судеб «божественной поэзии». Поклонник античности, тот, о котором Пушкин писал, что он облакает «новые мысли в античные стихи», поэт, для которого Греция служила образцом, перестал собирать мед по-

эзии; он стал палачом народа. Стихи заменяли в руках его нож гильотины:

Его язык—клеймо железное, и в венах
Его не кровь, а желчь течет.

Их истребив до тла, воздвигнув вновь законы,
Мы снова станем все людьми.

Поэзия Андре Шенье доводит, таким образом, до логического конца те контр-революционные мотивы, образцы которых мы приводим в сборнике «Песен революции».

Несколько иначе, по другому пути, пошел Мари-Жозеф Шенье. Драматург и крупнейший представитель классицизма в эпоху революции, он сыграл немалую роль в борьбе за новую буржуазную культуру. Его трагедии—«Карл IX» в 1789 году и «Кай Гракх» в 1792 году—служили орудием политической борьбы буржуазии. Недаром эти трагедии были заподозрены в умеренности в эпоху диктатуры. Только термидорианский Конвент признал Шенье своим поэтом. Он служил Директории, а затем и Наполеону. При императоре он был генеральным инспектором по просвещению, а в 1806 году, когда часть либеральной интеллигенции начала переходить в оппозицию к империи, он выступил с одой «Послание к Вольтеру» (1806), в которой защищал свободу мысли против религиозной нетерпимости. Путь Мари-Жозефа во многом напоминает революционный путь художника Давида. И тот и другой отдали свой талант на службу буржуазии. И тот и другой как политические деятели в тесном смысле слова представляли собою чисто случайные фигуры, но кисть одного и перо другого были смертельно разящим политическим оружием. Когда Давид после 9 термидора был заключен в тюрьму, он писал в письме

к своим тюремщикам: «Пусть обратят внимание на мое поведение, когда я участвовал в печальных обязанностях члена КОС. Пред вами предстанет беспокойство человека, вышибленного из своей сферы и вовлеченного революционным вихрем в обязанности, чуждые его характеру, его знаниям, его принципам, его сердцу». Давид настаивал на том, что «случайность и революция спутали все мои мысли». Шенье с равным правом мог повторить эти слова вслед за Давидом. Впрочем, тот и другой лгали, потому что все их поведение соответствовало политической позиции либеральной буржуазии на отдельных этапах революции, все их поведение определялось активностью плебейских масс. Мы можем поэтому пройти мимо того, что отличало поведение Давида и Мари-Жозефа Шенье накануне 9 термидора. Один предал Робеспьера на другой день после казни, другой—за некоторое время до нее.

Мари-Жозеф был более последователен в своей защите буржуазной революции, чем его брат. В оде «Национальному собранию» он подчеркнул, что его поэзией руководят не только идеи свободы, но и идеи равенства:

«Великих» отстранит от наших тайн священных;
 Без нас они найдут себе льстецов презренных;
 Заслужат раньше пусть, потом вкусят хвалы:
 Пусть никогда, сгибая шею,
 Вельмож и королей лакеи,
 Позором гимны лир в веках не заклеят.

Это стремление к буржуазному равенству, к равенству перед законом противостояло требованиям плебейской оппозиции; из идеи формального равенства эта оппозиция сделала все логические выводы во имя

равенства фактического. Санкюлоты внимательно слушали Шенье, повторяя его «Песнь 14 июля»:

Тонули в роскоши дворяне и прелаты.
Копя богатство им, в тисках стонал народ,
И как цемент крепил их пышные палаты
Из горьких слез и крови пот.

«Гимн равенству», написанный в июне 1792 г., за месяц до свержения королевской власти, служит наилучшим свидетельством тому, что народные массы, которые шли в бой против монархии во главе с буржуазией, с оружием в руках добивались не только политических, но и социальных прав. Шенье вторил предместьям, когда объявлял равенство «опорой вольности и прав». Он вторил предместьям в разгар гражданской войны летом 1793 года, когда призывал французов в своем «Гимне в честь победы» не оставлять меч до тех пор, пока не исчезнет все зло. Но и в это время поэт акцентирует не в плебейском, а в буржуазном духе свое песнопение в честь равенства и свободы:

О, Разум! Нет тебе препоны.
С законом свел ты род людской,
Мы все равны перед законом,
Как все равны перед тобой.

Это было как раз тогда, когда, как мы видели, плебейская поэзия требовала максимума, вела борьбу за дешевый хлеб и отправляла на гильотину богачей. Поэзия Шенье в это время оставляет С. Маршалю тематику внутренней борьбы. Шенье берет на себя «национальные задачи». Вот почему одним из самых блестящих образцов его поэзии является военный гимн 1794 года, знаменитая «Песнь отправления»:

Враги отчизны, трепещите,
 Пьянейте кровью, короли!
 Народ идет как победитель
 И не отдаст своей земли!
 Республика нас призывает,—
 Погибнем или победим.
 Жить для нее француз желает,
 Смерть или победа перед ним.

Для защиты республики от внешнего врага Мари-Жозеф—и этим он отличается от своего брата Андре—готов пойти на любые жертвы, готов закрыть глаза на крайности парижских предместий. Впрочем, как мы увидим,—только до поры до времени. А пока республика—не только цель его поэтического творчества, это его муза:

Республика—вот наша муза...
 Погибнуть или победить!

Во имя защиты республики он подает руку плебейской массе, чтобы «в ключья разнести надменный дворянства чванного мундир». В этом случае выполнение «национальной задачи» лежит на путях революции. Тем самым национальные мотивы перерастают в мотивы интернациональные. Либеральный буржуа Шенье с гордостью заявляет:

Дадут французы всей вселенной
 Свободу и великий мир.

Зимой 1793 г., когда на горизонте выросла опасность эбертистской революции, мирный тон Шенье сменился звериной ненавистью к героям предместий и вождям революционной диктатуры. Вот когда вновь встретились два брата! В гимне «9 термидору» Мари-

Жозеф не менее кровожаден, чем Андрэ в его оде
в честь Шарлотты Кордэ:

О, солнце, не страшись разоблачить их рвенье,
Их звезд багровое сияние затми,
За жертвами вослед они найдут отмщенье—
Свой лик среди облак подыми!
Из глубины могил завещано отмщенье
Тому, кто вас лишил дыхания весны,
По справедливости, а не по раздраженью
Вы будете отомщены!

Отныне Мари-Шенье провозглашает месть программой своего поэтического творчества. А когда ненависть была утолена, победы французской армии разбудили в нем инстинкты дворянина-грабителя и буржуа-стяжателя. Все его песни эпохи Директории и Консульства, его знаменитая «Песнь возвращения» представляют собою повторение того, о чем писал Наполеон в 1796 году военной прозой на полях Италии. Наполеон звал своих солдат воспользоваться победами для ограбления Италии. Мари-Жозеф Шенье, поэт буржуазии, вторит ему:

Вот он—победы лавр над нами!
Италия свою нам жатву отдает.
Дол, где течет Флерюс, хребтов скалистых лед,
Равнины Бельгии—почтили нас дарами...

Так получила свое завершение поэзия Шенье. Судьба братьев Шенье часто привлекала внимание исследователей. Политический конфликт между Андрэ и Мари-Жозефом буржуазные историки и литераторы превратили в трагическую повесть о братоубийстве. До сих пор на основании опубликованных материалов трудно вынести окончательное суждение о всех деталях истории казни Андрэ, о роли в этом деле его

брата, да и обо всей истории их политической борьбы за годы революции. Но даже того, что мы знаем о конфликте между братьями, совершенно достаточно, чтобы положить предел легенде, превратившей политический спор в мелодраму.

Андрэ Шенье проявил политическую активность уже в первые годы революции. Во время так называемого «дела Нанси», когда солдаты французской армии выступили на борьбу за свои гражданские права, победители-буржуа объявили поход против демократии. Андрэ принял активное участие в этом походе. 24 августа 1790 года он опубликовал обращение к французам «о их подлинных врагах». Это обращение можно рассматривать как один из ярких документов начавшейся буржуазной контр-революции. Шенье ненавидит плебейская масса с ее идеей непрерывной революции. Страна, от края до края, полыхает пламенем восстания. В конце концов, по мнению Шенье, мирные обыватели могли бы приспособиться к новому режиму, как они приспособлялись к старому, если бы не угроза гражданской войны. В 1790 году еще с большей силой, чем в первый год революции, бушует стихия плебса. Плебеи, говорит Шенье, заняли все должности в государстве, они поносят лучших людей: мэра Парижа Байи и генерала национальной гвардии Лафайета. В предместьях ненавидят «старый порядок» не потому, что он старый, а потому, что он порядок. В этих условиях для Шенье очевидно, что Национальное собрание—единственная опора и надежда собственнической Франции. Защита Национального собрания против демократии—такова его политическая программа 1790 г. До тех пор, пока массы нарушают нормальный ход государственной машины, они будут жертвой голода и безработицы. Напрасно апеллируют—

говорит Андрэ Шенье—к рабочим. Если бы рабочие хотели работать, они не заполняли бы вместе со всей массой бездельников клубы в предместьях, трибуны собраний. Он приходит к выводу, что спасение страны в установлении твердой власти. Эту идею А. Шенье защищал и в последующие годы революции. В апреле 1791 года он доказывал, что революция совершена была в интересах буржуа, что только они составляют подлинную нацию и что они должны наконец раз навсегда освободиться от сковывающего их чувства страха («Рассуждения о партийности», апрель 1791). Поэт Андрэ Шенье звал буржуа к деятельности, к организации контр-революционных сил. Он становился все более и более популярной фигурой.

Весной 1792 года Шенье издает брошюру-памфлет о якобинском клубе—«О причинах беспорядков, волнующих Францию и задерживающих восстановление свободы». Якобинский клуб, как сеть, покрыл всю Францию. Якобинцы объявляют себя единственными представителями политической мысли народа. Несколько десятков или сотен бездельников, заполняющих помещения клуба, утверждают, что они «народ». Они не только рассуждают обо всем,—они претендуют на власть, они объявляют спекуляцией и монополией всякую честную промышленную деятельность. Торговля и промышленность отныне ими рассматриваются как преступление. «Якобинские клубы стали электрической цепью, сковавшей Францию».

А. Шенье повторяет эту мысль 4 марта 1792 года, в письме в газету «Journal de Paris», а 27 апреля публикует второй памфлет—о «патриотических обществах», где дает в развернутом виде обоснование своей идеи: якобинские клубы—орудие террора плебейских масс. С ответом ему выступил на страницах «Монитер»

Мари-Жозеф (11 мая 1792 г.). Дискуссия между братьями развернулась в дни, когда к власти было призвано жирондистское министерство. Прошло всего несколько недель после объявления войны европейской коалиции. В стране классовая борьба перерастала в гражданскую войну. Патриотические общества возглавляли демократию и готовили новую революцию против монархии. Мари-Жозеф выступает на защиту этих обществ против своего брата. Он доказывает, что Андре оперирует случайными фактами против полезной деятельности восьмисот отделений якобинского клуба. В его рядах депутаты, судьи, философы и писатели, торговцы и ремесленники, земледельцы и рабочие солидарно выступают на защиту революции. Впрочем, для него клубы—организация свободных граждан, не претендующих на власть. Якобинские клубы—защитники свободы, торговли и промышленности. Мари-Жозеф ссылается на опыт Англии. Пусть эмигранты в Кобленце утверждают, что якобинцы погубят Францию, пусть не присягнувшие священники доказывают, что якобинцы погубят религию, пусть все враги революции требуют уничтожения якобинцев,—они победят, потому что за ними вся страна. Мари-Жозеф обвинял своего брата в том, что он прислушивается к голосу ненависти, а не к голосу разума.

Письмо было написано 7 марта, а опубликовано 11-го. На другой день Андре выступил со своим ответом. Он доказывал брату, что его попытка защищать дело буржуазной революции, опираясь на плебейские массы,—глубочайшая ошибка. Эти массы стремятся не к политическому, а к социальному равенству. «Не могу допустить, чтобы мой брат, с которым я провел часть моей жизни, мог обвинять меня в подобных преступлениях». Так возражал Андре Шенье своему брату,

доказывавшему, что пропаганда служит обоснованием деятельности контр-революции.

Дискуссия обострила политические отношения братьев, и за месяц до революции 10 августа 1792 года Андре Шенье выступил с новым памфлетом—«О прописках якобинцев». В нем он с полной отчетливостью высказал свою сокровенную мысль. Поэт требует разоружения народа, он доказывает, что противопоставление народа буржуазии грозит смертельной опасностью собственнической Франции. Преступление демократов в том, что они противопоставляют народ буржуазии, утверждая, что народ—это те, кто лишен собственности. Нужно отдать должное Андре. В его памфлетах классовая мысль буржуазной аристократии получила законченное выражение. Его проект речи в защиту короля—политическая программа буржуазной контр-революции. Андре объявляет торжество демократии залогом разрушения государства. В отличие от своего брата, Мари-Жозеф видит в торжестве республики гарантию победы буржуазного идеала. Братья стали врагами или во всяком случае политическими противниками.

После революции 10 августа Андре уезжает из Парижа в Версаль. Он пробыл там до 1793 г. Мы не знаем, по каким причинам он вернулся в Париж и что он делал в 1793 г., в самые бурные дни гражданской войны. Он был случайно арестован на квартире у Пасторе, которого разыскивали агенты Комитета общественной безопасности. Возможно также, что он принимал активное участие в организации так называемого заговора в тюрьмах, в дни ареста Дантона. Мы не знаем, что сделал Мари-Жозеф для спасения своего брата. В это время политически он примыкал к тем, кто вскоре начал борьбу с Робеспьером. Еще

задолго до 9 термидора Мари-Жозеф был термидорианцем. В это время не политические причины мешали ему открыто заступиться за своего брата, или, точнее, за своих братьев,—в тюрьме сидел не только Андрэ, но и Луи Шенье,—а страх. Он опасался, что попадет вместе со своим политическим противником в одну тележку. 8 термидора, несмотря на хлопоты брата, Андрэ был казнен. Позже, в годы директории, Мари-Жозефа обвиняли в том, что он не заступался за Андрэ. Он выступил тогда с самозащитой—«Речь о клевете» (1795). Реакционная версия о братоубийстве сохранялась в исторической литературе на протяжении всего XIX века. Но анализ литературного наследия братьев Шенье доказывает, что оба они, как ни резко разошлись их пути в 1789—1793 гг., в конце концов сблизились в основном—в ненависти к плебейским массам.

Ц. Фридлянд

СТИХОТВОРЕНИЯ
АНДРЭ ШЕНЬЕ

Гимн справедливости

(Франции)

О, Франция! О, край отважный и красивый,
Ты ласкою богов взрослола, чтоб быть счастливой;
Не знаешь северных ты ледяных страстей,
И юг тебя падит от жгучести своей.
Не веет смертью тень деревьев твоих невинных,
И скрытый яд, как сок, не бродит в травах
длинных,

Страданьем не грозит, и тишину лесов
Не восколышет вдруг вой львиных голосов,
И змеи грозные не кинут на растенья
Своих звенящих тел уродливые звенья.
И вязы, и дубы, и мудрая сосна—
Венцы твоих вершин, темна их гущина;
И Боны и Аи блаженные просторы,
И Аквитания, и Пиренеев горы
Из пресса шумного льют на поля твои
Тончайшего вина прозрачные ручьи.
Там ароматный сон. Прованс, дитя Зефира,

Над морем жадно пьет восторг и радость мира,
И прячет над волной, как драгоценный клад,
Лимон и апельсин в их золотой наряд,
А дальше, где ползут скалистых гор извивы,
Вливает пьяный сож в тяжелые оливы,
И в ткани нежные, в прозрачную ту сеть,
Где алый плод гранат незримо любит зреть.
По кручам и скалам козел бредет сердитый,
Луг молоко дает телице плодовиной,
На девственных полях, на травах молодых
Густеет белый пух овечьих стад твоих.
Где тучные поля Турени так лазурны,
Где Сену старую пьет Океан из урны,—
Там зреют для удил лихие скакуны;
Прибавьте сотни рек, что силами полны:
Гаронну буйную в валах остервенелых,
И Рону страстную, дочь Альп обледенелых,
Луары лживый бег и Сены важный ток,
И тысячи других, чей животворный сож
Питает на берегах, достойных вечной славы,
Цветы, и пастбища, и рощи, и дубравы,
И падает к ногам богатых городов,
Под сводом каменным свой заглушая рев.

Как опишу труды, источник изобилья,
Те гавани, куда морей благие крылья
Несут со всех сторон плоды далеких стран,
Где Феб и вечером и утром так румян?
Как опишу тех гор, каналов тех картину,
Те воды, слитые в одну—из двух—пучину,
Чтоб у подножья гор Фетид соединить?
Дороги долгие, чья непрерывна нить,
Где путник, радостно ведя свои скитанья,
Отцов благословит, вспомнив их старанья.

Искусный твой народ родился для войны:
Мечи ему легки, мушкеты не страшны;
На приступ рвется он, и сталь его сурова:
Прогнал британца он, насильника лихого.
Твои сыны мягки, радушны и добры,
Друзья веселия, и песен, и игры,—
Но слабы, стеснены, и злобная тревога
Те песни леденит, уста смыкает строго
И в пляске и в игре движения мертвит,
И отдыха столы на землю им валит,
Мрача заботами и скорбью боязливой
Их душу и чело. О, Франция! Счастливой,
Безмерно радостной всегда бы ты была,
Когда б дары небес использовать могла.
Взгляни, вот гордый Бритт. Закону веря свято,
Он воле подчинен свободного сената.
Блеск своего венца он в Индии мрачит:
В ошибках Франции он мощь свою растит,
И торжествует Бритт! О, как твои равнины
Хотят, чтобы твои вдруг ожили руины!
Отдали б, трепеща, они за воли взор
И масло, и вино, и заповедный бор!
Ах, в нищих деревнях мне сердце растерзали
Их бледная нужда, их горькие печали.
Тебя я видел там, о, труженик больной,
Как, мытаря кляня за нрав его крутой,
Ты лил у ног господ потоки слез голодных,
И с потом смешанных, и жалких, и бесплодных,
Отчаявшийся жить, боясь от нищеты
Детишек наплодить несчастных, как и ты.
Прижаты города солдатскою пятою,
Деревни—податью и барщиною злою;
И соль—дита земли, и гладь морской воды—
Источник бедствия, насилья и нужды;

Там двадцать подлецов под принцовой защитой
Терзают горький край, край богом позабытый,
И, ссорясь и дерясь, грызут его куски,—
У друга тащит друг кровавые клоки.
Святое равенство! Разбей наш мрак суровый,
Темницы мрачные и грозные оковы.
На колеснице здесь презрительный богач,
Обнявшись с палачом, коль сам он не палач,
Несется, окружен пучиной злобы тайной,
И близ приюта тьмы и бедноты бескрайной
Продажной женщины он покупает пыл.
Поет средь мертвецов и пьет среди могил!

Мальзерб, Тюрго, о вы, в ком Франции усталой
Надежда тщетная последняя блистала!
И милость мудрая, и кротость в вас жила,
И память ваших дел пребудет ввек светла.
Ах, если б в тех руках, с их справедливой силой,
Лежало бы всегда правления кормило!
Святая истина царила бы средь нас,
Дышать бы слабый мог бесстрашно подле вас.
Насильник, жалобы страшась, как лютой казни,
Хоть и забывший стыд, имел бы тень боязни;
Доносчик мерзостный от голода бы стих,
В позоре кончив дни,—и много душ людских,
Без ведома суда, без ведома закона
Под вопль рыдания и сдавленного стопа
По произволу тьмы испепеленных в прах,—
Не гибло бы, как днесь—в темницах и цепях.

Нет, этих рабских стран отныне я не житель!
Уйду, уйду я вдаль искать себе обитель!
Приют, где жизнь моя смирит свой буйный бег,
Могилу, где мой прах найдет себе ночлег,

Где золото господ с душой убийц холодных
Не впитывает кровь страданий всенародных,
Где с подлым хохотом оно нам не поет,
Что чересчур плаксив и слишком сыт народ;
Где без насильников, рукой животворящей
Снимаем мы дары земли плодоносящей;
Где сердце, отдохнув в тени страны чужой,
Не встретит в мире бед, непобедимых мной,
И где мой взор, далек от нищеты народной,
На братьях не найдет следов слезы бесплодной
Иль сумрачной нужды, чей долг горький стон,
Иль преступлений злых, колеблющих закон.
Ты, справедливость, ты, о дева дорогая,
Ты, наших грустных мест изгнанница святая,
С небесной высоты задумчиво внемли
Звон лиры девственной о горестях земли.
О, нет, ей не дано хваленья петь за плату,
И славить произвол, и льстить кнуту и злату:
Она поет любовь и будет до конца
Опорой твоего закона и венца.
Нет, только за людей гремит напев мой юный;
Он истиной горит, смеются звонко струны,
Когда приносит им воздушная волна
Свободы и любви святые имена.

Игра в мяч

(Художнику Людовику Давиду)

1

С повязкой пышною надень златой наряд,
О ты, Поэзия, богиня молодая!
Пусть грозы времени светильник твой мрачат,—
В уста Давида лей нектара сладкий яд,

Кисть мудрую его венчая.

В его твореньях блеск великолепных дней
Нам правду подтвердил моих былых речей:
Одной Свободы свет и лишь ее корона

Есть дивный гений красоты;

Талант не возрастет велениями трона;
Лишь вольная страна—его родное лоно.

Там жизни юные цветы—

Искусства,—мира смех,—под солнцем

благодатным

Растут, победны и сильны

Своим блистаньем необъятным.

Живой палитрой там глаза оьянены,

Пещеры Пароса светлы богов рожденьем,

И дышит бронза там, и портики полны

Священным мрамора движеньем.

2

О, дева чудная с напевностью речей,
О, нимфа нежная, крылатая сирена!
Немеет твой язык в палатах королей,
Невернее твой шаг, величие—тусклей
 В сетях условностей и плена.
Мерцает твой огонь, бледнеет красота!
Лишь гений творчества, свободная мечта
Сокровища дарит; здесь власть твоя сверкает,—
 В природе, в вечности цветет.
Здесь горд могучий шаг. Чело светло пылает,
Касается небес. Огонь твой озаряет,
 Пронзает все сердца. И ждет
Свобода от тебя пособничеств чудесных,
 Чтобы расторгнуть гнет оков.
 Слетая с губ твоих прелестных,
Она невидимо минует крепь замков,
И не страшат ее зубцы темницы мощной,
Подъемные мосты, провалы черных рвов
 И оклик стражи полунощной.

3

Ее могущество вещает речь твоя,
Растит его в мужах, от знания поседелых;
Тобою спаяна, не страждет их семья;
Ждут срока своего—сограждане, друзья,
 Во всех веках, во всех пределах.
Давида за собой твой гений увлекал:
Когда он к прошлому на лоно приникал,
Уйдя в страну могил от родины плененной,—
 То под божественной рукой
Горело полотно светло и упоенно:

Цикута горькая, вино вражды бессонной,
 Сократу давшее покой;
 И первый консул, тот, чья твердость нерушима,
 Кто больше консул, чем отец,
 У ног возлюбленного Рима
 Вкусивший злую скорбь всех доблестных
 сердец;
 И нищенский обол—последний дар герою;
 И павший ниц Албан,—вот дел его венец,
 Дививший мир своей игрою.

4

Блестящей кисти плод сегодня озарил
 Художеством своим грядущего стремину.
 Великий Марафон и кровь его могил
 Бессмертны гением. Он ныне посвятил
 Отчизне дивную картину.
 Страдала родина; иссякла кровь ее;
 В груди—последний вздох. Познать лицо свое
 Ей не было дано. В предсмертные минуты
 Овеял страх ее вождей,
 И прочь ушли они. Среди ужасной смуты
 Сама должна она свой расторгнуть пути.
 В трех расах Франции мужей
 Клял человек давно свой рок пустой и
 темный.
 Теперь—служитель алтаря,
 И знать, и весь народ огромный
 Пошлют избранников, их властью одаря.
 Версаль их ждет давно,—и воли стяг у
 входа
 И три дворца зовут, ворота отворя,
 Сих представителей народа.

5

Но вот жрецы и знать. Сей золоченый дым
Своею властью горд, и древней, и суровой,
И веком темноты, простертым перед ним,
И предков славою, и золотом своим.

Но равенства святое слово
Ревнивый только смех родит на их устах;
В надменные сердца вселяют черный страх
Вожди, которые правам народа рады,

Сильны ошибками отцов,
Достоинством своим,—и не ища награды,
Рассеивают днесь столетней лжи преграды.

И вот сенат творить готов.
Здесь, на груди своей, где Франция пылает,
Сенаты древности он слить
Возжаждал. Вот он начинает.
Он должен видеть все. Закон и строй творить,
Доверьем облечен, проникнуть все глубины,
И мудрою рукой бестрепетно раскрыть
Несчастий тайные причины.

6

Не смеет враг, дрожа, поднять на них руки.
Но хочет устрашить их бойнею кровавой.

Вожди собираются; но у ворот полки
Отбрасывают их, и злобные штыки

Грозят им казнь и расправой.
Ужель бегут они? Нет, нет! Возмущены,
Они скитаются, толпой окружены:

Не так ли, матерью готовясь стать, Латона,
Добыча некой силы злой,

Ища себе приют, брела во время опо,
 Чтобы родить богов златого небосклона?
 Они нашли дворец пустой:
 Упрюгой сеткою, и легкой, и покорной,
 Ты, юность золотая, там
 Кидаешь часто мяч проворный,
 Игрою резвою даруя мощь рукам.
 Избранникам страны обитель та простая
 Явилась Делосом. О, вечной славы храм!
 Закона колыбель святая!

7

Ни яшмой дорогой, ни золотом венков
 Не будем украшать то дивное жилище,
 Ни блеск его, ни мох. Но пусть во мгле
 веков
 Оно царит меж всех и замков, и домов;
 Пусть мертвый плачет на кладбище,
 Коль родины дворца живой не видел он;
 Пусть Мекка и Саис, пусть Дельфы и Сион
 Поклонников своих утешат меньше хоры,
 Чем верных Франции сынов
 Утешит этот храм. Пусть вечно видят взоры
 Сословье третье, сих твердых средь позора
 Свободы радостных творцов;
 Пусть видят, как пришли, отвагою пылая,
 Сквозь бурю, ливень и сквозь гром,
 Которым ночь грозила злая;
 Как все они в ту ночь, в пылании одном,
 Здесь обнялись—друзья под этой крышей милой,
 Клянясь иль победить, иль лечь в сраженьи том,
 Но Францию исполнить силой.

8

Клянясь не разойтись, не подаривши нам
 Закона твердого и власти справедливой:
 И прибавлял народ, на них взиравший там,
 К восторженным слезам, к смятенным голосам
 Рукоплесканий шум счастливый.
 О, день! Триумфа день! Святой, бессмертный
 день!
 Прекраснейший, чем тот, когда Беллоны сень
 Благословила вдруг тебя, о, Хлодвиг гордый!
 О, солнце, бег ладьи своей
 Остановило ты, дивясь на подвиг твердый,
 И слушало тех клятв священные аккорды!
 День коронованных лучей!
 Потомство видишь ты с твоих пресветлых взгорий,
 К тебе летит его привет
 Сквозь даль туманную историй!
 Нетленный твой маяк, веков почет и свет,
 Во тьму грядущего свои вперяет очи:
 Так огнекудрый бег прекраснейших комет
 Пронзает мрачный сумрак ночи.

9

Что делал между тем оставшийся сенат?
 Он, увенчав себя, чело нахмурив важно,
 И митрам, и крестам, и горностаю рад,
 Пытался доказать, что он, как прежде, свят
 И помешать мечте отважной;
 И, Францию презрев, восставить свой закон,
 И снова возвратить блаженство тех времен,
 Когда народному не внемля вовсе стону,
 Тирана вышнего лакей
 Делил сокровища, отчизну и корону.

Но равенство на страх тому синедриону
 Нашло и в нем своих друзей:
 Вот несколько вельмож, круг пастырей почтенный,
 Водимый девственной рукой,—
 Рукою совести нетленной,—
 К французам истинным явился той порой,
 Покинув всех жрецов с их злым высокомерьем,
 Богатства пышные, безумцев знатных рой
 С их родовитым суеверьем.

10

Но скоро и для сих настал последний срок.
 О, разум царственный, небесной силы

полный!

Могучий твой порыв скитальцев всех дорог
 Сгоняет на одну. Вот мощный мчит поток
 Умиротворенные волны.

И в общее русло ничтожные ручьи
 Сливают все струи, все имена свои.
 О, Франция, пребудь всех матерей

блаженней!

Не плачь о злобе сыновей,
 Которым не найти занятия презренней,
 Чем быть нам братьями: отрекшись
 заблуждений,

Все на груди слились твоей...

Но это что? Обман?—У вод спокойной Сены
 Зачем труба на бой зовет?

Зачем узрели наши стены

Враждебный легион, что кровью обольет
 Прекрасной Франции священные уголья?
 Дворцовых евнухов над чем хохочет сброд?
 О, смейся, подлое отродье!

11

О, смейся, ты, толпа низвергнутых владык,
Развратников, убийц! Но дышит твердь грозою,
Но скованных огней вулкан кипящ и дик,
Но львов раскованных ужасен гордый лик,
И он сверкает пред тобою.

Смотри! Народ восстал! Народ приемлет
власть.

Все им побеждено. И бронзовую пасть
Ты, тирании зверь, оскалил здесь напрасно:

И сотни глаз, и сотни рук,
И чрево серное, где гром гремит согласно.
Напрасно нам грозят,—слабея ежечасно,

Ты скоро запылаешь вдруг
Во взрывах яростных зубчатых стен и башен,
В крушении мерзостей твоих.

И ад Бастилии не страшен:
Всем бурям брошенный, растерзан он и тих.
Развейся, склеп гнилой, лети, как пепел
могильный,

Свобода дивная из тех гробниц пустых,
Горда, прекрасна и всеильна.

12

Встают. И молнией в блистаньи облаков
Три цвета яркие в ее руке пылают,
Как знамя длинное. Гремит победный зов,
И звоны голоса, как голоса богов,

Мужей из праха созидают.
Трепещет круг земной. Она рвет траур свой.
Надеждой, гордостью ликует род людской,
И башни черные зажглись собою сами.

А там, на всех концах земли
 Тираны бледные со страхом и слезами
 Над потрясенными, над жалкими венцами
 В смятеньи руки вознесли.
 На шум ее огня из сел летит проворно
 Солдат великий легион
 И, мчась, как снег лавины горной,
 Погибель мчит на наш мятежный бастион;
 Но от меча лучей в ее зажженных взорах
 Они, возникшие, как вихрь, со всех сторон,
 Бегут и исчезают в норах.

13

Родится гражданин; и строй иных солдат,
 Как жатва пышная, на нивах возрастает:
 Самой Цереры серп за рядом шлет нам ряд,
 И с помощью сынов, что смерть сразить хотят,
 Отчизна вольная свергает
 Ничтожных королей, изменников, лгунов,
 Железных рыцарей, наемных хвастунов,
 И злого ханжества слепое иступленье!
 Народ французский! Властелин!
 Тебе несущи цветы любви и песнопенья!
 Восставь свои права, вступи в свои владенья.
 С тобой под уровень один
 Святое равенство все сгладит пред собою.
 Твой выбор гордо и светло
 Родит великих. За тобою
 Подъемлет род людской поникшее чело.
 И перед нацией, законным господином,
 Склонило голову властительное зло,
 И доблесть вознеслась к вершинам!

14

Народ, что стар и нов! Расцветшие стволы
Деревьев вековых! Народ, опять рожденный
Феникс, возникший вновь из пепла и золы!
Я тем несу привет, чьи факелы светлы

И путь нам кажут неуклонный.

Париж на вас глядит, надежд его сыны!

Вы—нации отцы, вы—зодчие страны,

Вы, кто сумеете составить для народа

Законов мудрых вечный свод;

В нем право первое и древняя свобода,—

Свобода милая, священный дар природы,—

В веках отныне расцветет.

Вы покорили все. И рабства нет отныне.

Препятствий пала злая рать.

Вы стали твердо на вершине.

Учитесь же теперь о долге помышлять.

Носители добра, от вас мы ждем немало:

Самих себя и всех сумеите обуздать,

Сходить учитесь с пьедестала.

15

Будь гражданин всегда. И помни—каждый
час

Во всеоружьи ты—муж мудрого совета.

Мужи! Свободный мой услышьте ныне глас!

Судья, народ, и вождь, и каждый здесь из
нас

Пусть строго держится завета:

Не мните о себе. Таим в душе своей

Мы властолюбие. Опасен этот змей,

Как гибельный анчар с блестящею корою.

Нам отравляют бытие
 Владычество и власть приманкою пустою;
 Избыток сил влечет желанья за собою:
 Кто много может, хочет все.
 Доверьем облечен, в сверкании величья
 Забыть гуманность может он
 И ласковый язык приличья.
 В преполах дух велик и, ими возбужден,
 Влечется к славе он,—в ней счастье и утеха,—
 И гибнет, собственной победой побежден,
 На рифах быстрого успеха.

16

Но независимость, народы озаря,
 Да не доставит им ошибок тех в наследство.
 Держите в берегах грозящие моря.
 Народу вашему свободу подаря,
 Вы буйное смиряйте детство
 И к правде, к равенству, туда, где долг и
 строй,
 Свободу юную ведите за собой.
 Пусть никакой позор не омрачает мига.
 Порвавши цепь обид былых,
 Пусть молодой народ в волненьи бурном сдвига
 Ярмо постыдное, убийственное иго
 С себя не сложит на других.
 Ваш первый долг—не дать ему освирепело
 В порыве темном зверских сил
 Пятнать свое и ваше дело.
 Не опускайте впредь вы мудрости удил,
 Дабы законность мог он защищать со славой
 И сталью гибельной, огнем не отомстил
 Свое поруганное право.

17

Народ, не будем мнить, что все разрешено.
Пусть жадные льстецы не помыкают вами,
Всевластные вожди! Смотрите,—к вам давно
Внимаемые палачей с надеждой склонено:

Убийств они вздувают пламя
И, нашу спесь дразня, позоря право, честь,
Возводит нашу страсть в закон их злая
лесть.

Как часто слабый дух подвержен их
мученьям!

Везде предательство ища,
И гневу нашему, и ложным подозреньям
Они обильный дар несут своим внушеньем:
Так, черным ядом трепеща,
Как виселица, ждет казнимых злое древо.
Безумный пир они ведут
Обиды, крови, казней, гнева,—
И каждый день—увы!—на эшафоте рвут
Тела уступленных звериной алчной пасти,
У нас их смерть купив. И кровью сей живут
На нас направленные страсти.

18

Свобода бережет устойчивость весов
Рукою праведной, и радостен светильник
Прав человеческих: их шлет небес покров.
Народ, свободы дух не зол и не суров;
Его не ведает насильник.
О, низкие льстецы! Пусть смерть сразит скорей
Вас, развратители народов и царей!
Любовь к властителю, к законности отрадной
Из уст их лживо точит мед.

Но ненависть и страх—вот бог их кровожадный.
 На доблесть светлую язык тупой и хладный
 Бесчестие и злобу льет.

О, зверь раздавленный и снова возрожденный,
 Всегда готовый быть царем,
 Калигулами окруженный!

Так, если слабый брат погибнет под ножом
 Преступной волею своих сильнейших братьий,
 И если победит убийца, если дом
 Родной застонет от проклятий,—

19

Тогда восторг. «Народ! Владычный суд
сверши!»—

Так говорят льстецы: их ложь неистребима.
 Не вы ль кричали встарь: «Восторг!»—когда
в тиши

Певец-тиран, пьяня кровавый мрак души.

Рукоплескал пожару Рима?

Не так же ль вы, льстецы противной стороны,
 Мир убиваете? Различны, но равны
 В одном безумии вы к безднам равноценным
 Своих толкаете владык:

Один, Вандал тупой, в смирении надменном,
 Царем желая быть, и псом одновременно,

Ползет, подъявля гнева крик;

Другой на свой кинжал печать закона ставит,

Но, как жестокий господин,

Он брата слабого раздавит.

И пусть один—король, другой пусть—
гражданин,—

Под масками видны порочные уроды.

И, друг на друга встав, не знает ни один

Отчизны, правды и свободы.

20

Несут им фимиам и ночь и свет зари;
Хваленья—фанатизм угрюмый разжигают.
Страдальцы, палачи, тираны, бунтари,
Согласья и любви служители, цари—

Поочередно меч вздымают.

И жаждет небеса против земли поднять
Презревшая закон воинственная рать,—
Несчастья сеятель, слепой, неодолимый...

Но нет! Один лишь божий глаз
Проникнет сердца мрак, для нас неизъяснимый:
Пушкой преступного сто раз освободим мы,
Чем без вины убьем хоть раз.

Есть тысячи лжецов, питомцев лицемерья,
Но есть достойные мужи,
Святые жертвы легковерья.

Оставим жалобы. Пусть зреет плод в тиши.
О, доблесть, ты жива! И есть сердца меж
нами,

В ком к родине любовь без чванства и без
лжи

Святое возжигает пламя.

21

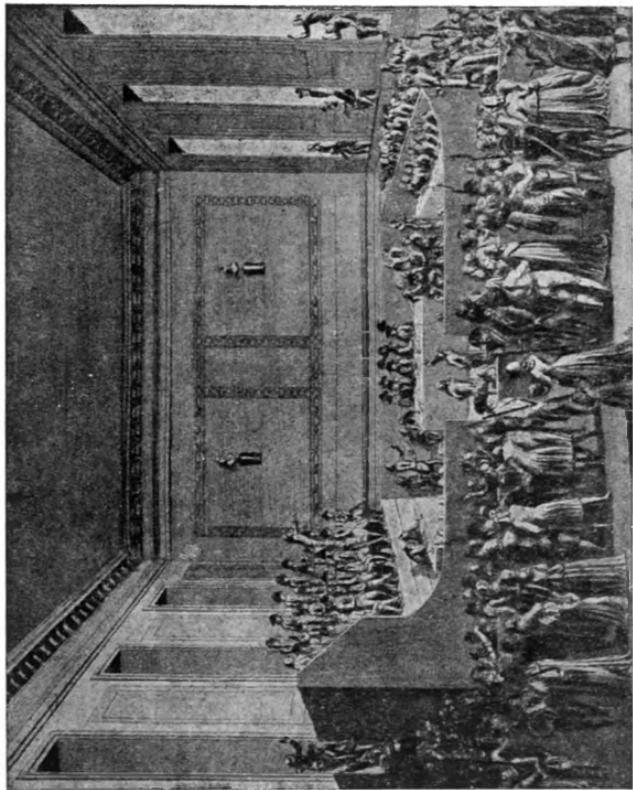
Вы, души мудрые, где истина звенит,—
Как скалы твердые, в игре валов смятенной.
О, разум, века сын, бессмертен твой гранит!
Да днесь закона власть он миром осенит!

А вы, вы хищники вселенной,
Тираны гордости, хмельные короли,
Откройте очи! Там вы видите ль вдали,—
Нездешний ураган грядущего отмщенья
Встает на вас? О, верьте мне!

Предотвращайте вихрь и верное паденье
И нации своей вы облегчайте звенья,
А тяжесть короля—стране.
Сотрите с груди их, израненной в страданьях,
Следы насильнических ног.
Глаголет небо в сих рыданьях!
О, если б добрый царь у нас смирить их мог,
Иль если б добрый меч, рабов спаситель, взмахом,
Сверкнув над вами вдруг, сердца бы вам ожег
Спасительным и вещим страхом!

22

Познайте истину и голос всех времен,
Что право короля не есть причуда злая.
И если скипетр ваш дерзнет попать закон,—
Убийцы, падайте! Дрожи, проклятый трон!
Закона мать пресвятая—
Свобода светлая, дочь Франции родной,
За человека мстить, злодейство звать на бой,
Несется над землей, суда взвивая знамя.
Дрожите! Грозен светоч глаз!
Ступайте же на суд, ответ держите сами,
Без свиты, без венца, забытые льстецами,
Без стражи, что умрет за вас!
И рок уже влечет, жестокий и победный,
На этот вышний трибунал
Величий ваших призрак бледный.
Все слезы там сольет она в один кристалл,
И, грозный судия,—в деснице молний взмахи,—
Поймет народа стон,—и скипетров металл
Падет, рассыпавшись во прахе!

Суд над Фукье-Тенвилем в Революционном трибунале
12 флореаля III года
С гравюры П.-Г. Берто по рис. Жирардэ

Швейцарцам

Божественный триумф! В бессмертном озареньи
Яви прославленных бойцов.
Горит Дезиля кровь, и грозно погребенье
Убитых Франции сынов.
Триумфа не было торжественней доселе!
Ни даже в день, когда народ
Тень Мирабо сокрыл в божественном приделе,
Где славы памятник цветет;
Ни даже в день, когда изгнанный прах Вольтера,
Вернувшись в твой, Париж, предел,
Сломил и клевету и ярость изувера,
Здесь опочив от славных дел.
Один лишь светлый день дерзнет с тобой бороться,
И скоро вспыхнет этот свет,—
Тот день, когда Журдан над армией взнесется,
На плаху ляжет Лафайет.
О, ярость Кобленца! О, траур принцев бледных!
Позоря нас в тоске своей,
Они на наш закон, на сонмы сил победных
Вздымали нищих и царей!
Мечтали видеть нас безумия добычей,—
Но вижу, ныне грустно там:
У нас смеется день восторгов и величий
Вам, верным доблести друзьям,
Вам, кто еще краснеть умеет со слезами
И взор стыдливо прятать ниц:
Как видеть вам вождей. возвращенных кабаками,

В лучах победных колесниц,—
 Тех доблестных мужей, что на галерах плыли,
 На каторжных, еще вчера
 И наших братьев здесь так мало загубили,
 Так мало взяли серебра!
 Так что ж молчите вы, певучие Орфей?
 Коль на персидские тела
 И Пиндар и Эсхил несли свои трофеи,—
 Звончей здесь надобна хвала.
 Так! Сорок палачей, любимцев Робеспьера,
 На жертвеннике лягут днесь.
 Искусство, ты живишь и холст и камень серый:
 Твоим лучом бессмертен здесь
 Швейцарцев славный вождь, Колло д'Эрбуа
 великий,

В чьем духе черпает герой
 И доблесть, и покой, и мощь железной пики.
 Созвездий новых вскиньте рой
 Вы, дети резвые Гиппарха и Эвклида:
 Для вас золотые волосы
 С чела царицы пав, как звездная хламида,
 Вплелись, пылая, в небеса,
 И Аргонавтов сих для вас ладья золотая
 Еще горит во тьме ночей,
 И будет вас нести Атлас, изнемогая,
 Как сих властителей морей.
 Пусть ночи паруса их именем блистают,
 Пусть кормчий, если буря зла,
 Зовет в свою ладью, как звезд горящих стаю,
 Швейцарцев Колло д'Эрбуа!

Версаль

О, мрамор, портики, куртины,
Античной Греции картины,—
Версаль, Элизиум богов и королей!
Я сон твой дивный не нарушу,
А ты росой в мою измученную душу
Забвенье и покой пролей.

Чужим я становлюсь Парижу,
Лишь только в зелени увижу
Приют потайный мой, дриад услышу зов.
В раздумье легком и ленивом
Я часто по холмам спускаюсь к ближним нивам,
Под сводами густых вязов.

Где фейерверки огневые
И где гвардейцы постовые?
Где королевский двор, кареты, толпы слуг?
Исчезло все. Но сердце радо
Здесь в одиночестве лесном найти усладу
Любви и творческий досуг.

Несчастный, в юности беспечной
Растрачивал я пыл сердечный,
Общенье с Музою—распутством заменя.
Моя душа от пресыщенья
Томится скукою, и славы обольщенья
Теперь уж не прельстят меня.

Покой, молчанье и забвенье,
И тихое уединенье—
Вот все, что нужно мне. Навей же сладкий сон,
Версаль! И пусть под пеплом серым
Последний жар души соблазнам и химерам
Любви да будет посвящен!

Ведь сердца пыл не весь растрочен,
И я порой не так уж мрачен,
Когда в тиши лесов случайно встречу с ней.
И станет радостно и больно
Под взглядом светлых глаз, и хочется невольно
Ей посвятить остаток дней.

Вся жизнь—в любви. О, сад счастливый,
Скрывай же облик горделивый
И имя нежное, что я тебе шепчу,
Когда, расставшись с ней, взволнован,
Брожу наедине и грежу, очарован,
И видеть вновь ее хочу.

Лишь для ее отдохновений
Родник иссякших вдохновений
В гармонию стиха я замыкать готов.
Лишь для нее, о, несравненной,
Еще поет в лесах, слагаясь в ритм священный,
Язык любви, язык богов.

О, массовых убийств свидетель,
Когда бы только добродетель
Могла смягчить людей жестокие сердца,—
То каждая твоя аллея
Звала бы к счастью нас, восторг любви лелея,
И к наслажденью без конца.

Но иногда твой рай зеленый
И мой приют уединенный
Свинцовым трауром оденет вдруг печаль.
И вижу я в тумане алом
Толпу живых теней, гонимых трибуналом
На гильотину, о, Версаль!

Ода Шарлотте Кордэ, казненной
18 июля 1793 г.

В то время, как одни, притворствуя со страхом,
Другие ж в бешенстве склоняются над прахом
Марата, возводя тирана в божество,
И Одуэн, как жрец, в честь крови и насилий
С Парнаса грязного, подобием рептилий,
Отрыгивает гимн пред алтарем его,—

Лишь истина молчит, не расточая дани
Похвал заслуженных, как будто бы к гортани
От ужаса прилип ее немой язык.
Иль жизнь так дорога и жить и в рабстве стоит,
Когда народ в яме позорном праздно ноет
И мысли лучшие таить в душе привык?

Я не молчу, как все, и посвящаю оду
Тебе, о, девушка. Во Франции свободу
Ты смертью своей мечтала воскресить.
Как мстящей молнией, оружием владея,
Ты поразила в грудь чудовище-злодея,
Лик человеческий посмевшего носить.

Раздавлена тобой, еще колебля жало,
Очковая змея извив колец разжала,
Не в силах продолжать губительный свой путь.
Велела тигру ты из плотоядной пасти
Людскую кровь и жертв растерзанные части,
Как жвачку красную, пред смертью отрыгнуть.

И наблюдала ты агонию Марата.
Твой взгляд ему сказал: «Кровавая расплата.
Всегда тиранов ждет. Сходи ж в подземный край,
В Аид, сообщникам твоим обетованный.
Ты кровь чужую лил, так наслаждайся ванной
Из крови собственной и гнев богов познай».

О, девушка, алтарь из мрамора построив,
Тебя бы Греция прияла в сонм героев,
Воздвигла б статуи тебе на площадях
И пела б гимны в честь священной Немезиды,
Отмщающей всегда народные обиды
И повергающей тиранов в красный прах.

Но трезной чувствуя чудовища кончину,
Возводит Франция тебя на гильотину.
Услышать думали твои мольбы и плач,
А ты, не дрогнувши душой не-женски твердой,
С улыбкой слушала, презрительной и гордой,
Как смертный приговор произносил палач.

Смутиться бы должны сенаторы и судьи,
Насилующие закон и правосудье,
Ты посрамила их свирепый трибунал.
Ответы смелые твои и вид невинный
Им доказал, что нож не властен гильотинный
Над тем, кто жизнь свою за родину отдал.

В глуши, в провинции, в беспечности притворной
Скрывалась долго ты и волею упорной
Свой героический подготавлила план.
Так в ясный летний день в безоблачной лазури
Таинственно растет и копит силы буря,
Чтоб горы сокрушить и вздыбить океан.

Когда тебя везли на казнь в повозке мрачной,
Ты в блеске юности казалась новобрачной,
Как будто Гименей тебя на ложе вел.
И шла на эшафот, по ступеням ступая,
А вокруг него, толпясь, глумилась чернь тупая,
Свободу превратя в кровавый произвол.

Бессмертна будешь ты. Твой подвиг величавый
Останется в веках и станет нашей славой.
Ты посрамила им бессилие мужчин.
Мы хуже женщины,—так много жалких жалоб,
Но дряблая рука клинка не удержала б,
И на насильников не встал бы ни один.

О, девушка, прими как дар венок лавровый
От добродетели торжественной, суровой.
Тобой поверженный тиран лежит в крови.
О, мститель золотой,—коль нет у неба молний,
Тогда взлетай кинжал и долг святой исполни
И правосудие земле восстанови!

Юная пленница

«Серпом нетронуты, в цвету хлеба шумят,
И, пресса не боясь, хмелеет виноград,
Поит их золотом Аврора.
Я тоже, как они, нежна и молода,
И если жизнь моя печальна иногда,—
Я гибнуть не хочу так скоро.

«Пусть обнимает смерть иссохнувший аскет.
Еще надеюсь я. Сокрыли тучи свет,
Но солнце выглянет в лазури.
На смену черным дням счастливый день придет.
Увы, без горечи бывает разве мед
И есть моря совсем без бури?

«Живу надеждой я. Покинув мрачный плен
Нависнувших кругом сырых тюремных стен,
В мечтах лечу на волю снова.
Так Филомелюю взлетает в небо петь
Беспечный соловей, распутав злую сеть
Обманутого птицелова.

«За что же я умру? Я никакой вины
Не знаю за собой. Мне радужные сны
Укором совесть не смущает.
И весело звучит мой серебристый смех,
И появление мое почти у всех
Невольню радость вызывает.

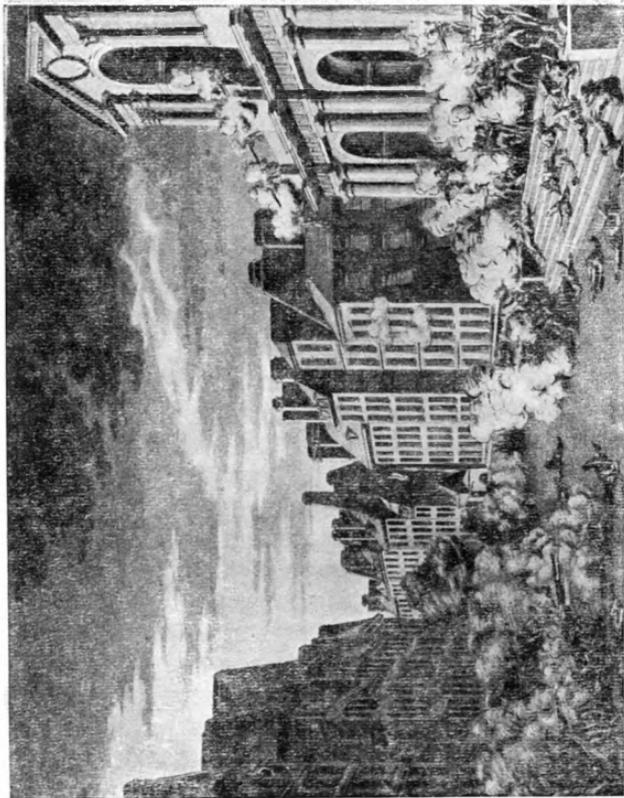
«От завершения еще далек мой путь.
Едва успела я в дороге обогнуть
Вязы на первом повороте.
Начался жизни пир. И молодость моя
Едва пригубила хрустальные края
Бокала в винной позолоте.

«Пусть жатва осени ко мне в свой срок придет.
Как солнце, я хочу окончить целый год,
Ведь я еще в цветеньи мая.
Как роза на стебле, красуюсь я в саду!
За утренней зарей дня золотого жду,
А после будет ночь немая.

«О, смерть! Ты можешь ждать. Уйди же, отойди.
Ступай утешить тех, кто затаил в груди
Отчаянье и страх позора.
Меня ж манит любовь и песни томных муз
И полный радостей супружеский союз.
Я гибнуть не хочу так скоро».

Так иногда, стряхнув души мертвящий гнет,
Растроган, слушал я, как жалобно поет
В молчаньи ночи голос дивный.
И в сладостных мечтах, всему кругом далек,
В гармонию стиха невольню я облек
Роптанья пленницы наивной.

И если эта песнь, рожденная тюрьмой.
Тебя растрогает, и ты, читатель мой,
Вдруг спросишь—кто она такая,—
Отвечу: для любви и счастья создана,
Средь смертников в тоске влачила дни она,
Публичной казни ожидая.

Нападение на Национальный конвент 13 вандемьера IV года.
С рисунка П.-Г. Берто по рис. Жирарда

Старик-отец, с тех пор, как для твоих седин
Опорой верною не служит больше сын
И не живет в семье в дому своем родимом,
Ты от тоски по нем стал мрачным нелюдимом
И потерял и сон, и радость, и покой.
На кресле, сделанном тебе моей рукой,
Сидишь пред очагом, глядишь в слезах на пламя;
Соболезнуемый прислугой и друзьями,
И бледный, высохший, главу свою склоня,
Все ждешь в молчании иль смерть, или меня.
И ты, о, мать моя, как плачешь ты над сыном?
Твой золотой фазан во рву томится львином.
И мнится, слышу: я звенящий голос твой,
Надрывный, жалобный, как похоронный вой.
Ты в трауре идешь по городу, и зданья,
Как эхо, отдают камням твой рыданья.
И граждане, твой крик узнав издалека,
Невольно шепчутся: «Как скорбь ее тяжка!»
И вопрошает гость с сочувствием во взоре:
«О, женщина, скажи в каком ты страшном горе?»
— «Какое горе? Знай—убита роком мать,
Ей сына милого уж больше не обнять».

Ямбы

1

«Его язык—клеймо железное, и в венах
Его не кровь, а желчь течет».
Двенадцать долгих лет с долин благословенных
Поэзии собирал я мед.

Сот золотой я нес, и можно было видеть
По прежним всем стихам моим,
Умел ли с Музою я мстить и ненавидеть.
И Архилох, тоской томим,

Отцу невесты мстя, излил бичами ямба
Безумье нежное свое;
Но я не из груди предателя Ликамба
Для мести выдернул копье.

О, знайте! Молнии с моей сверкают лиры
За родину, не за себя;
И хлещут бешено бичи моей сатиры,
Лишь справедливость возлюбя.

Пусть извиваются и гидры и питоны,
Железом их, огнем клейми.
Их истребив дотла, воздвигнув вновь законы,
Мы снова станем все людьми!

2

Убийца прячется под фонарем в тумане
И пьет вино, тоской томим.
Но мы, свободные, для наших злодеяний
Неслыханных найти заране
В веках бессмертие позорное хотим.

Преодолели мы течение черной Леты.
Забвение—не наш удел.
И вечность судит нас, мы ей дадим ответы,
И празднично так разодемы
Все эти улицы—улики наших дел.

О, королевские гвардейцы, разорвали
Вас руки бешеных менад,
И ваши головы, как тирсы вакханалий,
На арках высясь, украшали
Кумиров бронзовых ужасный ряд.

Когда б раскаянье коснулось хоть однажды
Толпы жестокой и тупой.
На дело рук своих с улыбкой смотрит
каждый
И тянется, слюнявсь жаждой,
Скотинной жвачною на красный водопой.

Искусство наших дней. Под пышностью
багряной

Его убогий жалкий вид
Достоин Франции, где властвуют тираны,
Достоин и тебя, о, пьяный
Тупым безумием, воспетый мной Давид.

О, Барки, Нигера пустынные арены.
 На зное змеи там ползут,
 И тигры крадутся, и рыскают гиены.
 И бешенство, раздув их вены,
 Воспламеняет в них к смертоубийству зуд.

Им, как согражданам, откройте же ворота,
 Впустите в ваши города.
 Томит их, как и вас, одна и та ж забота,
 За слабым слежка и охота,
 Убоина, и кровь, и трупы—их еда.

Но бросьте гениям на алтарях куренья,
 Их ваша оскорбит хвала.
 С их строк божественных лишь молния презренья
 Падет на ваши преступления.
 О, если бы стыда хоть капля в вас была!

3

С худыми днищами прогнивших двадцать барок
 Давали течь и шли ко дну,
 Утопленников, трюм набивших, тцась теченьям
 Луары тысячами сбить,—
 Служа проконсулу Карьеру развлеченьем
 В часы похмелья, может быть.

И перьями строчат, как клерки фирмы трупной,
 Вся свора наглая писак,
 Весь этот трибунал, Фуцье, Дюма—преступный
 Воров, убийц ареопаг.

О, если б их настичь среди ночных веселий,
Когда они, разгорячась,
Став кровожаднее от запаха борделей,
И преступленьями кичась,

Косноязычные, бесчинствуют, икают;
Под крики, песенки и смех
Хвастливо жертв своих вчерашних вспоминают
И ждущих завтра казни всех.

И ищут пьяные, шатаясь, для объятий,
Чтоб без разбора целовать,
Любовниц тех и жен, что перешли с кровати
Мужей казненных на кровать

Убийц их, Слабый пол! Таков его обычай:
Лишь тот, кто победить сумел,
Владеет женщиной, как взятою добычей,
И арбитр смерти, нагл и смел,

Срывает поцелуй. Он знает их уловки,
Ведь для настойчивой руки
И брошки их груди и бедер их шнуровки
Не так уж колки и крепки.

Хотя бы совесть им за все дела воздала,
Но не смутит она уют
Полночный палачей, что в казнях доотвала
Кровь человеческую пьют.

О, банда грязная! Кто б мог в стихах искусных
Воспеть деянья их и дни?
Копье, разящее чудовищ этих гнусных,
Нечисто так же, как они.

4

Когда мычащего барана за ограду
Веревкой тянут на убой,
На бойню среди дня, то разве кто из стада
Смущается его судьбой?

Весною на лугу он детям был забавой,
И девушки, резвясь порой,
Вплетали с кос своих ему на лоб кудрявый
Цветок иль бантик кружевной.

Не думая о нем, едят его жаркое.
Так в этой бездне погребен,
Я участи своей жду в мертвенном покое,
Уже вкусив забвенья сон.

Самодержавному есть хочется народу.
Набиты под тюремный свод,
Ждут тысячи голов скота ему в угоду,
Как я, взойти на эшафот.

Чем помогли друзья? Не раз они украдкой
Бросали деньги палачам,
И писем их слова я впитывал, как сладкий
И освежительный бальзам.

Но бесполезно все. Им жребий мой неведом.
Живите же. Вам жизнь дана
Не торопясь идти за мной в могилу следом;
И я в другие времена

Несчастных обходил, отворотив, быть может,
От них рассеянно свой взор.
Живите же, друзья, и пусть вас не тревожит
Мой ранний смертный приговор!

5

С бесчестием своим свыкаются. Ведь надо
И есть и спать. И даже тут,
В тюрьме, где держит смерть в загоне нас, как
стадо,

Откуда под топор идут,—

Здесь тоже в этикет, в любовь и страсть играют.
Беснуясь целый день подряд,
Танцуют и поют, и юбки задирают,
Слагают песенки, острят.

Ребячась, выпускают воздушный шар на ленте,
Нагретый пустотой одной,
Как бредни шестисот ничтожеств тех в Конvente,
Что властвуют сейчас страной.

Политиканствуя, от долгих споров хрипнут,
Смеются, чокаясь вином.
Но вдруг проржавленным железом двери
всхлипнут;

И судей-тигров мажордом

Со списком явится. Кто будет их добычей,
Кого топор сегодня ждет?
Все слушают дрожа, с покорностью бычьей,
И рады, что не их черед.
На завтра ты пойдешь, животное тупое.

6

Как пышный луч зари, как нежный вздох зефира
Смягчает смертным днѣ уход,
Так путь на эшафот, о, облегчи мне, лира,
Быть может, близок мой черед.

Быть может, прежде чем, как арестант в прогулке,
По кругу, уходя во мрак,
Неумолимый час—шестидесятый гулкий
Поставит на эмали шаг,—

Меня могильный сон погрузит в ночь немую.
И прежде чем текучий стих,
Удачно начатый, созвучьем я срифмую,
Быть может, с эхом стен глухих

Вдруг вербовщик теней появится с набором
Кровавым, с ним—конвой солдат,
И имя выкрикнет мое по коридорам,
Где я, уединенью рад,

Брожу и стих точу, как лезвие кинжала,
Уж занести его готов;
И появленье их теченье рифм прервало,
И я иду под звон оков,

И мой уход для всех испуг и развлеченье,—
Столпились кучки у дверей,
И разделявшие со мною заключенье
Хотят забыть меня скорей.

Зачем еще мне жить? Иль трусам вновь примеры
Покажет мужество и честь,
И вострепемся мы, исполненные веры,
Что где-то справедливость есть?

Иль над убийцами безжалостными грянет
Фемиды беспощадный суд,
И доблесть древняя воскреснет, и восстанет
Народ, друзья меня спасут?

О, что еще меня привязывает к жизни?
Над шеей молния ножа
Занесена. Мы все—рабы. Прощай, отчизна.
Все пресмыкаемся дрожа.

Приди скорее, смерть, и дай освобожденье.
Но и пред сумраком могил
Я злу не покорюсь. Когда б пришло спасенье,
Для добродетели б я жил.

Страх смерти—стойкости у мужа не отнимет,
И как ему ни тяжело,
Грома насилие, он высоко поднимет,
Идя на казнь, свое чело.

Омытое не в кровь, как шпага, а в чернила,
Борясь за правду и добро,
И человечеству еще бы послужило
И родине—мое перо.

О, правосудие, коль я тебя ни словом,
Ни мыслью тайной не задел,
И если блещет гнев на лбу твоём суровом
При виде беззаконных дел,

И если черни смех и казней испаренья
Дошли к тебе на высоту,—
Скорее прекрати над истиной глумленье,
Спаси от смерти руку твою.

Что держит молнию твоей священной мести.
Как! Кончить с жизнью своей
И не смешать, клеймя презреньем, с грязью
вместе
Всех этих низких палачей,

Тиранов, сделавших всю Францию рабою,
Которые живут, киша,
Как черви в трупе!.. О, мое перо! Тобою
Одним жива моя душа.

Как иногда огонь погасший вдруг подбросит
Смола, под пеплом разлита,—
Я мучусь, но живу. С тобой в стихах уносит
Меня от бедствий всех мечта.

А без тебя, как яд губительный свинцовый,—
Тюрьмы позорное клеймо.
И произвол, всегда кровь проливать готовый.
И стыд за рабское ярмо.

Несчастия друзей, проскрипции, убийства,
Негодование и печаль,
Все иссушает жизнь, все для самоубийства
Мне в руку вкладывает сталь.

Как! Никого, кто б мог в историю злодейства
Все занести и имена
Казненных сохранить, утешить их семейства.
На вечные бы времена,

На ужас извергам дать их портрет кровавый;
Нарушив преисподней сон,
Взять у нее тот бич тройной, что над оравой
Разбойничьей их занесен.

И харкнуть им в лицо и жертвы их прославить...
О, Муза, в этот страшный час
Умолкни! Если нас посмеют обезглавить,
Оплачет добродетель нас!

СТИХОТВОРЕНИЯ
МАРИ-ЖОЗЕФА ШЕНЬЕ

Ода к Национальному собранию

Давно привычная к звучаньям благородным,
Дрожь лира чувствует и, расторгая сон,
Горит желанием свободным
Влить в голос мой свой гордый звон.
О вы, соперники, любовники созвучий,
Ужель для вас ничто свободы дух могучий,
Родной для гения свободы лик святой?
Средь празднеств праведного гнева
Что нету вашего налева?
Что бережете вы бессмертных струн прибор?

Коль низость хищников должны бы петь французы,
Придворных идолов постыдные лучи,—
Безмолвие храните, Музы,
О, лира гальская, молчи!
«Великих» отстраним от наших тайн священных;
Без нас они найдут себе льстецов презренных;
Заслужат раньше пусть, потом хвалы вкусят;
Пусть никогда, сгибая шеи,
Вельмож и королей лакеи
Позором гимны лир в веках не заклеят!

Вы, к низкой гордости хранящие презренье,
 Ответьте песнями на вольный плеск знамен.

Несите пламя просвещенья

В народ, что славой опьянен.

Он, сотни лет прожив бесправным и голодным,

Пусть до конца поймет, что значит: быть
 свободным!

Мрак и насилие сразите до конца!

И пусть на играх Мельпомены

Грома великой перемены

Стихом пылающим врезаются в сердца!

О, можно ль длить еще—к стыду, к позору
 века—

Над скромным бедняком—тиранов торжество?

Ведь рабство душит человека,

Свобода ж—воскресит его.

И, если б кто-нибудь—хоть помыслами злыми—

Презрел, о, Родина, твое святое имя,—

В презренье пусть живет, отверженный—умрет;

И прахом гнусным пусть, со страхом

(Как матереубийцы прахом),

Осыплет вольный ветер нечистый край болот.

О, Родина, твой лик живит пески и горы,

Выращивает злак средь самых диких скал,

С тобой—улыбчивы просторы,

Где льдин грозящий призрак встал;

С тобой—светило дня, чей свет, скупой и старый,

Лучами бледными скользит над Делаварой,

Счастливым племенам мысль и порыв дает,

А без тебя сыны чужие

В прекрасных долах Гесперии

Найдут лишь мертвый зной и лишь увядший плод.

Карл, сын Великого, отца превысил славою,
Вновь чувство гордых прав вдохнув во все
сердца;

Под благодетельной державой
Законодателя-бойца

На поле Марсовом сходились наши деды,—
Все племя франкское,—под знаменем победы
И все сословия являли строй один.

И господин Европы целой,
С душой свободною и смелой,
Был средь соратников лишь первый гражданин.

Но скоро,—с хитростью соединяя силу,
Сыны несчастные счастливица-короля

Его творение в могилу
Свалили, ризы разделя.

Меч и кадилница, соперники короны,
С ней поделили власть: народ порабощенный
Покорное чело был принужден склонить:

Лесть—вот единая забота.

И весь позор тройного гнета
Сердца растленные отважились хвалить!

Сгинь, память о годах общественной болезни!

Сгинь, честолюбие! Тиран, к земле склонись!

Беги, неравенство, исчезни,

И, право силы, расточись!

Пусть грады Франции рассеют сумрак жуткий—

Веков невежества гнилые предрассудки:

Ведь с добродетелью величье их—вразлад.

Пусть гибнут гордые обличья,

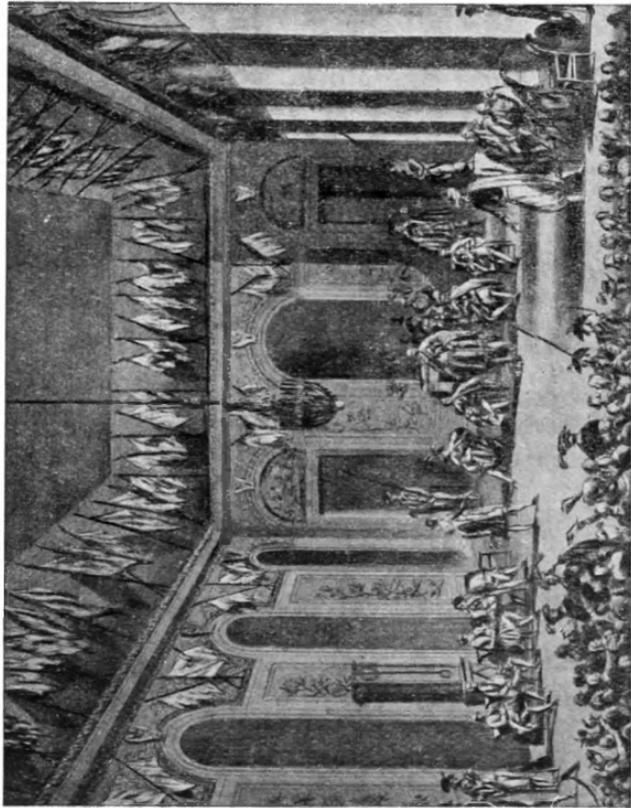
Те, что народное величье,

Бессмертный блеск его за веком век мрачат.

Народ! Превознеси всех тех, в ком дышит гений,
 Гляди на факелы, что блещут в их руках,
 И, разогнав ночные тени,
 Умам сверкают на путях.
 Жизнь обыденная отлична кратким сроком;
 Избранники ж небес иным влекомы роком:
 Делах бессмертия они посвящены.
 И на земле, сраженной гнетом,
 Их красноречия полетом
 Заветы равенства векам возвещены!

Другие,—громоздя богатства, родовитость
 И чванство глупое питаю с давних пор,
 И защищая власть и сытость,—
 В могиле обретут позор!
 Министры дикие безумных суеверий,
 Корон похищенных сторожевые звери,
 Разбойники,—друзья разбойников в венце,—
 Они хотели б землю стиснуть
 В колодке рабства и оттиснуть
 Клеймо невольничье на всем ее лице.

Смелей, о, граждане! Проснитесь и прозрейте,
 Перед лицом всех стран былой позор дробя.
 И цепи старые разбейте,
 Надеясь только на себя!
 Не подражайте вы ни вашим слабым дедам,
 Что, королям предав, народ предали бедам,
 Презрев и позабыв природы глас святой;
 Ни этой расе прибалтийской,
 Что яростью горя витийской,
 С безумным торжеством себя зовет рабой!

Заседание Директории 30 брюмера IV года
С ваяторы Ж. Дюлессси-Берто и П.-Г. Берто по рис.
Ж. Дюлессси-Берто

Почти весь род людской, в невежестве и страхе,
Как вы, как вы, пленен и обречен ярму.

Влачится жалко в рабском праге,

Склонив покорный лоб во тьму.

Но час свободы бьет. У тирании скоро

Исчезнет из-под ног последняя опора,

И кровью не скрепить ей плиты алтарей;

Из добродетели народа

Воспрянет мира мать—свобода,

Законом равенства объединив людей.

И скажут: «Больше нет исчадья преступлений,

Нет власти роковой,—чудовище ушло,

Стопы скрывавшее в геенне

И в черных небесах—чело.

Дерзало властвовать оно народом скромным,

Народ послушен был его законам темным,

Стонал в оковах мир, и мир—освобожден.

А тот, кто был его грозою,

Извергнут адскою рекою,

Тьмой преисподнею навеки поглощен!

Смерть Мирабо

Искусства, в коих дышит гений,
Соедините трепет свой:
Гармонией надгробных пеней
Звучит пусть музыки прибой;
Резцу покорствуй, мрамор твердый;
Кисть, образ дай душе той гордой,
Что сами боги разожгли;
И ты, о, патриотов Муза,
Воспой великого француза,
Уже ушедшего с земли.

О, град любимый Амфитриты,
Ему воздвигни пьедестал!
В твои береговые плиты
Он славу вечную вписал.
Его великолепным словом,
Свободы, вставшей в блеске новом,
Враги повержены во прах;
Напрасно деспотизм лукавил:
Народ восстал и властно правил,
И пыл его длил новый Гракх.

И полон дивною картиной,
Когда, сограждан окрыля,
Он за народ ответ свой львиный
Швырнул лакею короля;

Когда в упор, без колебанья,
Его любимцев злодеянья
Коварному монарху вскрыл,
Пока продажный сонм героев
Из раззолоченных покоев
Парижу древнему грозил.

Завистники, сокройте жало.
Не смейте оскорблять того,
Кого вся Франция видала,
Как гражданина Мирабо.
Застенки с кандалами вместе
Его республиканской чести
Сломить за годы не могли:
Там именно, средь притеснений,
Его могущественный гений
Ковал свободу издали.

Покройся трауром убора,
Свидетельница славных юген,
Трибуна славная, с которой
Гремел французский Демосфен.
И Франция, как мать, рыдая,
Такого сына погребая,
Наденет траурный наряд,
И пусть заслуженные пени
Тоску его священной тени
В безмолвьи склепа утолят.

Звучите неутешным кликом
Все, справедливость кто постиг:
Ведь носят траур по владыкам,—
Трибун же стоит ста владык.

Так Франклин, чьей высокой волей
Воздвигся разум на престоле,—
Безмерно выше он ценим
Всех этих принцев, чье значенье,
Чья слава меркнут в то мгновенье,
Когда глаза закроют им.

Столь плодovitая природа,
Сквозь бесконечный ряд годов,
Толпой растит, среди народа,
Тиранов низких и рабов.
Но, если глина, тело строя,
Обнимет ясный дух героя
И сердце гордое его,—
Истощена усильем этим,
Природа лишь иным столетьям
Повторит это торжество.

Ужасный день! Час близок! Скоро
Родной народ покинет он,
Его бессмертная опора,—
Его ж заботой отягчен.
И умирает он, как воин:
Чело бесстрастно, взор спокоен
Перед исходом гробовым;
Он ждет,—и дух его огромный
Растет при виде бездны темной,
Что разверзается пред ним.

Возня священников, взыванья,
Псалмов благочестивый крик,
Его с землею расставанье
Не омрачите ни на миг.

Его почтенного покоя
 Беги, невежество тупое.
 Беги постыдно, гордый бред,
 В который жадными жрецами
 Раздуто предков наших пламя,
 Обманутое столько лет.

В ночь вечную когда он снидет,
 Теней толпою окружен,
 Печаль высокую увидит
 Осиротелых граждан он:
 Париж и Франция совместно
 Идут к его гробнице тесной,
 Прах гордый упокоить в ней,—
 И прах, народу драгоценный,
 Восторжествует во вселенной
 Над силой гроба и князей.

Но Франция умела ль прежде
 Чтить славных мертвецов своих,
 Чей дух служил людской надежде
 Средь притеснений вековых?
 Нет! Их друзья лишь хоронили,
 Несли священный пепл к могиле
 С печальной думой на челе,
 Тогда как с помпой величавой
 Сходил в гробницу прах кровавый
 Иль Лувуа, иль Ришелье.

О, фанатизма дух упрямый,
 Позор сих лет, иным в пример:
 Сульпициям возводят храмы,
 Но склепа не нашел Вольтер,

Он до сих пор лишен могилы:
Ты, тирании гнев унылый,
Изгнаньем прах его даришь,
В своей тупой загробной мести
Лишил ты заслуженной чести
Его кладбищем быть—Париж.

Когда-нибудь святые тени
Сынов отчизны обретут,
По воле новых поколений,
Себе торжественный приют.
Так средь семи холмов священных,
Трудом латинян вдохновленных,
Воздвигся гордый Пантеон,
Куда с живым благоговеньем
Навстречу новым поклоненьям
Был весь Олимп перенесен.

Времен торжественных свидетель,
К сим ступеням веди твой след,
Таланты, разум, добродетель—
Вот боги наших дивных лет!
И часто, в будущие годы,
Освобожденные народы
К обожествленным сим теньям
Придут для совершенья тризны
И душу древнюю отчизны
Средь мраморов почуют там.

Вотще тебя отчизна кличет,
О, Мирабо,—любовь свою!
Твой мрамор, что тебя величит,
Я кипарисом обовью.

И в годовщину роковую
Вновь о тебе я затоскую,
Вновь воспою твой славный труд,
И мавзолей, в котором дремлешь
И чутко гимнам нашим внемлешь,
Народа слезы обольют.

Песнь 14 июля

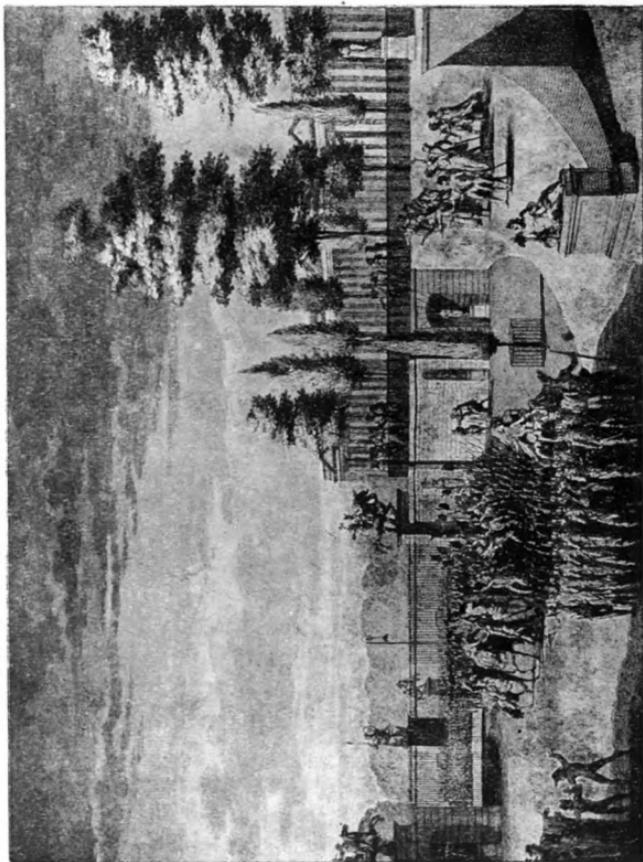
Народов бог, царей, бог городов и поля,
Кальвина, Лютера, Израиля сынов,
Огнепоклонников, которые на воле
Чтут звезды у своих шатров,

Здесь под твоим благим и животворным взором
Сошлись мы, Франции покорные сыны,—
И славим светлый день, свободный день, в котором
Сокрыто счастье всей страны.

Припомним времена, когда тиран надменный
Права народные поирал ногой своей,
Когда правители, исполнены измены,
Обманывали всех людей,

Когда разбойничьи потомки феодала
Над нашей честностью герб возносили свой,
Рука священников меч кровью обогрела
Во славу: троицы святой.

Тонули в роскоши дворяне и прелаты.
Копя богатство им, в тисках стонал народ,
И, как цемент, крепил их пышные палаты
Из горьких слез и крови пот.

18 фруктидора V года.
С гравюры П.-Г. Верто по рис. Жирарда

В стенах монастырей, в наивности беспечной
 Монахи полнили хвалебным гимном храм,
 А жертвы их суда, их злобы бесконечной,
 Несли проклятье алтарям.

Не будет больше здесь темниц и подземелий,
 Где люди мучались, закованы в цепях;
 Гнездо насилия, идя к великой цели,
 Свобода ниспровергла в прах.

Прошло лишь десять лет,—верны ее заветам,
 Врезая океан, поплыли корабли,
 И власть ее теперь парит над Новым светом
 На древних пажитях земли.

О, солнце, проходя небес крутую чашу,
 Согрей нас радостью, разлейся по полям,
 И, сыпя ток лучей, подьемля жатву нашу,
 Будь благосклонно к сим плодам!

О, чистый огонь небес, о, сердце небосвода,
 Струя над Францией счастливый дождь лучей,
 Не можешь ты не зреть, как велика свобода,
 Как мы блаженны вместе с ней!

Свободно дышит мир, повержены оковы,
 В одном желании все нации слиты,
 И озарен весь мир отныне властью новой,
 Такой же вечной, как и ты.

Обманутых веков свершилось искупленье.
 Чтоб стать свободными, мы небом рождены.
 Тиран, равно как раб,—природы униженье—
 И с ними быть мы не должны.

Гимн на перенесение праха Вольтера во французский Пантеон

(11 июля 1791 г.)

Музыка Госсекса

Нет, слезы проливать теперь совсем не время;
Сегодня—торжества, не сожалений день:
Пусть песни бодрости славнейшую меж всеми
Французами венчают тень.

Давно ли этот прах, тиранами гонимый,
Средь плача общего бежал от наших врат?
А ныне, возвращен народом в край родимый,
Он освятит собой наш град.

Привет, Божественный! Ты был нам всем примером
И в наши стены вновь вступаешь гордо днесь;
Лишь нам принадлежит все, что звалось
Вольтером:
Ты родился и умер здесь.

Ты духом творчества сограждан вызвал к жизни:
Прими же Франции свободной фимиам;
Ты, превзошедший всех мужей в своей отчизне,
Возглавь собой сей славный храм.

Гроза священников, над гибельной их ложью
Ты факел разума вознес, как Прометей,
И смертным указал на бездну у подножья
Их лицемерных алтарей.

Ты кистью мощною на римском небосводе
Лик древней доблести пред нами воскресил
И в сердце Франции стремление к свободе
Речами Брутов пробудил.

На сто ладов твоя чарующая лира—
И человечности, и разуму верна—
Сквозь радужную ложь гомеровского мира
Нам сеет правды семена.

Спешите, граждане, Вольтеру дать дорогу!
Велик, любим и чтим, он восстает средь нас,
Чтоб проповедывать нам поклоненье богу
И вольность, как в свой смертный час.

Напрасно ищет он те башни роковые,
Что дважды плен его соделал храмом муз:
Бастилии уж нет, нет больше тирании,—
Дотла разрушен их союз.

На поле Марсово глядит он, где святою
Свободою престол бессмертный водружен;
Французов стекшихся он видит пред собою,
Их клятвам вновь внимает он.

За победителем, сокрыт клубами пыли,
Позорный фанатизм подымлет дикий крик;
Так к Капитолию и Цезарь и Эмилий
Влекли поверженных владык.

Его триумф во дни сценической забавы
Был меньше, хоть народ, излив восторгов пыл,
Ему, согбенному под тяжким грузом славы,
В веках бессмертье присудил.

Ла Барр! Калас! Сюда, страдальческие тени!
Он ваш отмститель был, вы—должники его:
Покиньте скорбный брег, оставьте ваши пени,
Включитесь в наше торжество!

Народы-пастыри, следившие паренье
Сего отважного орла с гельветских гор!
Вы, жители Юры, пусть ваши песнопенья
Вольются в наш хвалебный хор.

Сыны Америки и дети Альбиона,
Воспойте разума опору и пример;
Вы, вольности друзья, чье сердце непреклонно,
Он ваш согражданин, Вольтер!

Народы, ждущие паденья самовластья,
Ликуйте: вольность вас от уз освободит.
Ее рукою средь нас алтарь воздвигнут счастья,
Сей день повсюду знаменит!

О божество божеств, природа, провиденье,
Не знавшее границ от века существо,
Исконное добра и правды воплощенье,
Начало мира самого,

Ты вольность создало, а рабство человеком
Придумаю самим, но часто человек
Для будущих веков, вступая в тяжбу с веком,
Свободы бережет ковчег.

Свободы божество, простри над нами крылья,
Плодотвори поля, от всех врагов укрой,
Пошли нам вечный мир, отраду изобилья
И век искусства золотой.

Пошли нам доблести, таланты, просвещение.
И с чувством долга дай сознание наших прав,
Свободу чистую, законов попеченье,
Под стать законам нравы дав!

Гимн Равенству

(19 июля 1792 г.)

Тебе, о Равенство, благая
Опора вольности и прав,
Поем мы этот гимн, слагая
Его средь празднеств и забав.

Сей день, для родины священный,
Принес благодетельный рой,
В сей день твой голос драгоценный
Сплотил французов меж собой.

Ты свергло с мерзостью бесправья
Придаток титулов пустой,
Игрушку глупого тщеславья,
Все попиравшего пятой.

Разбив народные оковы,
Ты рабство обратило в сон:
С отменой преимуществ новый
И дух и смысл обрел закон.

Кумир свободного народа,
Ты меньше ведом, чем любим:
И Тибра и Кефиса воды
Гордились именем твоим.

Стремясь к бессмертию ревниво,
И воины и мудрецы
В горах Гельвеции счастливой
Тебе кадили, как жрецы.

И Франклин, победитель молний,
Став у державного руля,
Твоею славою исполнил
Пенсильванийские поля.

Луара, Рона, Сена, живо
Брега украсив, ждут забав:
С челом, увенчанным оливой,
Сойди и празднество возглавь.

О, благотворное светило,
Свой бесконечный свет излей,
Чтоб тирании блеск затмило
Сияние твоих лучей.

Он сгинет в ночи преисподней,
Гонимый славою твоей—
С тобой и почва плодородней
И небеса с тобой ясней.

Гимн в честь победы,

пропетый монпаньярами на поле Согласия 20 прернала
II года Республики (июнь 1793 г.)

Мужчины

О, боже сил! Сам у народа
Зажег ты мужество в груди,
Победа,—спутница похода,—
Несет знамена впереди.
Вершины Альп и Пиренеев
Тиранов гибель зреть могли,
И там на севере, слабея,
В крови их полчища легли.

Мужской хор

Но прежде чем вложить мечи свои в ножны,
Клянемся все, что зло мы истребить должны!

Женщины

Внимайте, матери и девы,
Тому, кто правит всей землей,
Супруги, дети, братья—все вы
Шли за свободу смело в бой.
Когда приспешник преступленья
Жизнь молодую пресекал,
Сын за отца,—ему в отмщенье,—
Над трупом павшего вставал.

Ж е п с к и й х о р

Но прежде чем вложить мечи свои в поэмы,
Клянемся все, что зло вы истребить должны!

М у ж ч и н ы и ж е н щ и н ы

Так будьте, воины, смелее!
Молитесь, девушки, нежней!
Отдайте, матери, скорее
Для дела славы сыновей!
Вы, старики, рукой дрожащей
Не в силах приподнять копье—
Так шлите юности кипящей
Благословение свое!

Х о р

Но прежде чем вложить мечи свои в поэмы,
Клянемся все, что зло мы истребить должны!

Гимн Свободе

20 брюмера II года Республики (10 ноября 1793 г.)

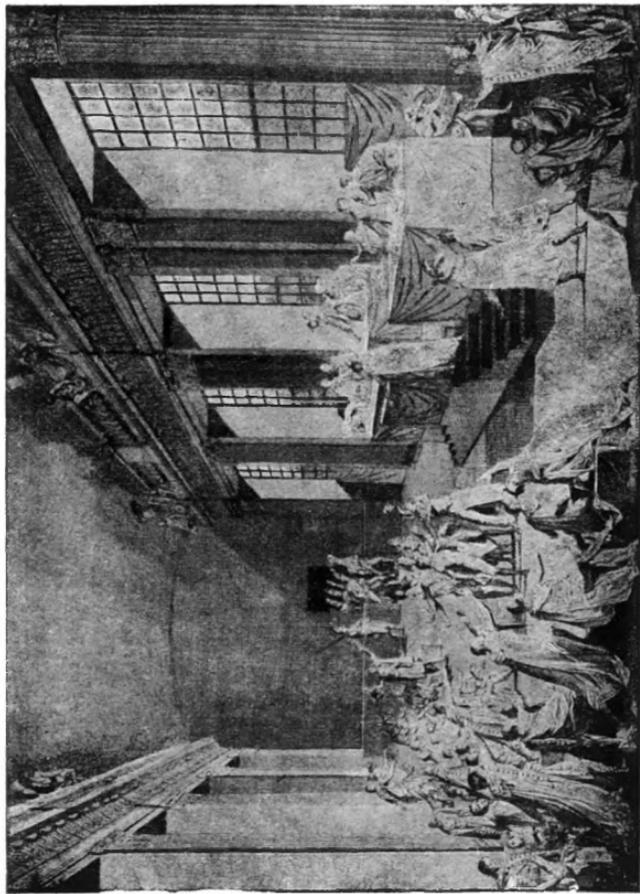
О, низойди в наш мир, природы дочь, Свобода!
Власть, высшую в стране, мы взяли навсегда.
Тебе возводят храм избранники народа,
 Поправ насилия года.

Тиранов свергшие, весь мир гордится вами,
Презрев обман богов—ведите к правде путь!
Свобода, поселись в гостеприимном храме,
 Богинею французской будь!

Твой луч живет скалу и мрачные вершины,
Пшеницей веселит унылый склон долин,
И там, где ты живешь, ликует дол пустынный,
 Смеются горы, царство льдин.

С тобой вдвойне милей талант, любовь к отчизне,
Под знаменем твоим победа легче нам.
Еще не зная тебя, не знаем мы и жизни,
 Ты открываешь мир очам!

Пусть короли всех стран теснят народ свободный!
Все в прах они падут, богиня, пред тобой!
Пятою их поправ, дай мир нам благородный,
 Дорогу к счастью нам открой!

18 и 19 брюмера VIII года
С гравюры Ж. Дюпlessи-Берто и Дюпреля по рис. Ж. Дюпlessи-Берто

Гимн Разуму

10 фримера II года Республики (30 ноября 1793 г.)

Сопутник мудреца природный,
Высокий разрушитель лжи,
Тебя зовет народ свободный!
Приди, как жить нам, покажи!

О, Разум! Нет тебе препоны.
С законом свет ты род людской,
Мы все равны перед законом,
Как все равны перед тобой.

Внушай же юности безумной,
Как обрести к отваге путь,
Дай старости благоразумной
Возможность мирно отдохнуть.

И если, видя лишь раздоры,
Народы спорят без конца,—
Сведи их в братский круг, который
Свободой пламенит сердца!

Твой луч, во век неугасимый,
Зарю вещает вновь и вновь,
В твоём огне неудержимо
Родится чистая любовь.

Сопровождая Разум, чувства
Дают цветенье в должный срок,
И дружную семьей искусства
Свободе свой несут венок.

Взятие Тулона

10 нивоза II года (30-декабря 1793 г.)

Г и м н

Опять французским став, Тулон
На пленную волну отныне не взирает.
С высот своей скалы, освобожденный, он
Вслед Альбиону угрожает.
Огни, которые зажгла врагов орда,
Обрушились на них самих, как сонмы фурий:
Морей тираны, их суда
Теперь преследуемы бурей.

Великого народа злой
Соперник обречен на неуспех заране:
Героями всегда идут французы в бой,
Преступниками—англичане.
Но власть, царящая извечно в небесах,
Под покровительство берет судьбу народа,
Им самовластие во прах
Стремится обратить природа.

Твои, о, Англия, суда,
Окровавленные под Генуей суровой,
Французскую волну грязнили, навсегда
Суля нам рабские оковы.

А наши, Плимуту неся свободы вестъ,
 Утешат весь Ламанш, разбойником плененный,
 Чтоб знамя вольности вознестъ
 Над Темзой мрачною и сонной.

Напрасно мните вы и впредь,
 Цари, священники, наемные солдаты,
 Свой самовластный скиптр над морем простереть
 Ценой коварства или злата.
 Полмира восстает: на нас теперь лежит
 Забота вновь обрести народов клад бесценный;
 Длань новых римлян сокрушит
 Зубцы второго Карфагена.

Восстань, чело свое покрой
 Вновь, океана дочь, и лавром и цветами,
 Брега Италии и Франции омой
 Своими нежными водами.
 Неси сокровища на ласковой груди
 Из Адриатики, из дальней Византии,
 И в наши гавани введи
 Обилия дары благие.

Мы, торжествующий народ,
 Французы, жребий наш решит судьбу вселенной:
 Не солнце ль новое над всей землей встает,
 Плодотворящее бессменно?
 Все сущее с мольбой его взыскует благ,—
 Светила, чьих лучей зиждительное пламя
 Земным тиранам—злейший враг,
 Народам—пища, свет и знамя.

Гимн Верховному существу

(1794 г.)

Источник истины, кого не чтит хулитель,
Свободы божество и естества отец,
Всего живущего извечный покровитель,
Его хранитель и творец;

Никем не созданный и всем необходимый,
Зиждатель доблестей, законности оплот,
Враг самовластия, во век непоколебимый,
Французы ждут твоих щедрот.

Ты сушу утвердил над зыбкими морями,
Ты правишь молнией и ветры всюду плешь,
Ты, солнцу сообщив живительное пламя,
Всем смертным пищу подаешь.

Ночная странница заоблачным туманом
Безмолвной поступью идет наперерез:
Ты указал ей путь, и звездным караваном
Равнину населил небес.

Повсюду твой алтарь мы зрим нерукотворный:
В селеньях, в городах, в пещерах дикарей,
В долине низменной и на вершине горной,
И в небе и на дне морей.

Но есть алтарь иной,—твоя святых святая,—
Над эмпиреями тобой взнесенный храм:
Не в сердце ль праведном сам бог живет, вдыхая
Его чистейший фимиам?

В очах у воина, бесстрашия и гнева
Исполненных, твое величие сквозит;
Во взор опущенный неискушенной девы
Ты заложил престелный стыд.

На старческом челе премудрости высокой,—
Твоей премудрости,—след ясно различим;
Осиротевшее дитя не одиноко
Под взглядом отческим твоим.

Ты взращиваешь там, в земли горячих недрах,
Чудесное зерно грядущего плода.
Ты посылаешь ей дождей напитков щедрых
И благостные холода.

Когда же глас весны волшебным наважденьем,
Разлитым в воздухе, воспламеняет кровь,
Все то, что создал ты,—предавшись наслажденьям,
Себя воспроизводит вновь.

От сенских берегов до вод Гипербореев
Природу облачив в слепительный убор,
Несчетные дары своим сынам рассеяв,
Ты внемлешь их умильный хор.

И солнца и миры, путь соблюдая верный,
Простерты пред тобой, твои лишь чудеса
Поют на все лады, гармонией безмерной
Преисполняя небеса.

Песнь отправления

(Военный гимн 1794 г.)

Представитель народа

Победа с песнями раздвинула все стены,
Ведет Свобода за собой
И, с севера на юг, призыв трубы военной
Нам близкий обещает бой.

Враги отчизны, трепещите!
Пьянейте кровью, короли!
Народ идет, как победитель,
И не отдаст своей земли.
Республика нас призывает,—
Погибнем или победим.
Жить для нее француз желает,
Смерть иль победа перед ним.

Хор воинов

Республика, вот наша муза!
Погибнуть или победить,
Отдать ей жизнь—вот долг француз.
С ней умереть и с нею жить!

Мать семейства

Не бойтесь наших слез, забудьте наши муки.
 Стенанья не пристали вам.
 Нам видеть весело с оружием ваши руки,
 А плакать нужно королям.
 Мы дали вам дыханье жизни,
 Ее нельзя вам расточать,
 Все ваши дни—одной отчизне.
 Не мы, а родина—вам мать.

Хор матерей

Республика, вот наша муза!
 Погибнуть или победить,
 Отдать ей жизнь—вот долг француза.
 С ней умереть и с нею жить!

Два старика

Меч прадедов своих берите в бой с любовью
 И в битве думайте о нас!
 Пускай тиран и раб омоют жаркой кровью
 Ту сталь, что мы святим сейчас.
 И возвратясь в сияньи славы
 В родимый дом, для мирных нег,
 Закройте старикам глаза вы,
 Сказав: «Свободен человек!»

Ребенок

Барра и Виала—вот участь чья завидна:
 Мертвы, но не побеждены,
 Пусть трус остался жить,—судьба его постыдна,
 Жив тот, кто пал за честь страны.
 Как вы, мы мужественны будем.
 Идем с тираном воевать,
 Коль взрослые воюют люди,—
 От них мы не хотим отстать.

Хор детей

Республика, вот наша муза!
 Погибнуть или победить,
 Отдать ей жизнь—вот долг француза.
 С ней умереть и с нею жить!

Супруга

Идите в бой, мужья,—победа перед вами—
 Идите, храбрые! Вперед!
 Вас, возвратившихся, украсим мы цветами,
 Любовь награду вам сплетет.
 Когда ж душа в борьбе кровавой
 Покинет вас, как жертву дым,—
 Мы будем петь про вашу славу,
 И вам отмстителей родим!

Хор супруг

Республика, вот наша муза!
 Погибнуть или победить,
 Отдать ей жизнь—вот долг француза.
 С ней умереть и с нею жить!

Молодая девушка

Героев сестры мы, и узы Гименея
 Покуда неизвестны нам,
 Но если воины, любовью пламенея,
 Нас позовут в Гименов храм,
 Пусть возвращаются с победой—
 Их встретит жаркая любовь,
 Когда, идя по вражью следу,
 Они за честь пролили кровь.

Хор молодых девушек

Республика, вот наша муза!
Погибнуть или победить,
Отдать ей жизнь—вот долг француза.
С ней умереть и с нею жить!

Три воина

Клянемся на мече пред нашими отцами,
 Пред каждой матерью, женой—
Пред теми, кто послал сражаться нас с врагами,
 Клянемся зло попать ногой.
Мы в клочья разнесем надменный
 Дворянства чванного мундир;
Дадут французы всей вселенной
 Свободу и высокий мир.

Общий хор

Республика, вот наша муза!
Погибнуть или победить,
Отдать ей жизнь—вот долг француза.
С ней умереть и с нею жить!

Песнь побед

(Гимн к празднику 10 августа 1794 г.)

Сдавая крепости, слабея,
Иберия глядит, как нам
Покорны стали здесь и там
Вершины гордых Пиренеев.
И инквизитор и тиран
Найдут в Мадриде воздаянье,—
Кто кровью жертв был долго пьян,
Сам нынче отдан на закланье.

Х о р

Народ французский прав. Он мщеньем
вдохновен.
Да здравствует страна, свобода и закон!

Тень Брута вызовем отныне
И доблесть Гракхов возродим.
Свобода сходит в мрачный Рим
С заоблачной альпийской сини.
Дрожи, фанатик, слыша страх,
Беги, разбитая когорта!
Камилла в ваших нет стенах,
И галл стучится к вам в ворота.

Х о р

Народ французский прав. Он мщеньем
вдохновен.
Да здравствует страна, свобода и закон!

Обман и скупость Альбиона,
Под вами стонет ширь зыбей.

Угрюмы башни крепостей,
 Тягчит корабль морское лоно,
 Но что трезубец ваш французам?
 Смотрите, сколько в дни побед
 Нам кораблей с богатым грузом
 В порты приводит Новый свет!

Х о р

Народ французский прав. Он мщеньем
вдохновен.
 Да здравствует страна, свобода и закон!

Вставай, покинь морей глубины,
 Ты, труп дымящийся, ты, Мечь!
 Позор врагов, французов честь
 Отныне видит взор твой львиный.
 Откуда эти крики, стоны
 И возглас бури боевой?
 То голос всех, в бою сраженных,
 И всех уснувших под волной.

Х о р

Народ французский прав. Он мщеньем
вдохновен.
 Да здравствует страна, свобода и закон!

Флерюс! Поля великой славы,
 Ты трижды благосклонный к нам.
 Флерюс! внушивший страх врагам
 Победы трижды величавой!
 Флерюс, прославлен ты сполна
 От Тибра к По, от Таго к Рейну,
 «Европа освобождена»—
 Несется песнь благоговейно.

Х о р

Народ французский прав. Он мщеньем
вдохновен.
Да здравствует страна, свобода и закон!

Тираны с низкими рабами,
Поработители людей!
Бежать с мечом в руке своей
Вы не стыдились перед нами,
И, кровью вашей напоен,
Для всех времен шумя покоем,
Раскинет тень свободный клен
Над вашим жалким перегнутом.

Х о р

Народ французский прав. Он мщеньем
вдохновен.
Да здравствует страна, свобода и закон!

И в городах и на просторе
Народа слышен дружный хор,
И вторит песням эхо гор,
Их повторяют реки, море.
Свобода, Родина и Мир—
Вот имена идей прекрасных.
Вошла Европа в общий клир,
И род людской поет согласно:

Х о р

Народ французский прав. Он мщеньем
вдохновен.
Да здравствует страна, свобода и закон!

Гимн 9 термидора II года

(27 июля 1794 г.)

Девятый термидор! О, день освобожденья!
Очистишь землю ты, где не просохла кровь,
Вторично Франции приносишь ты спасенье,
Свободу нам являешь вновь.

Ты искупил отцов мучения и раны!
Венец последнего из наших королей,
Который приняли, как власти знак, тираны,
Ты растоптал ногой своей.

Жрецы Республики, восславьте день Победы,
Венчайтесь, девушки, гирляндой свежих роз,
Почтите гимнами, отцы, супруги, деды,
День, осушивший реки слез!

Как некогда Олимп зрел грозное паденье
Былых сынов земли, тиранов, стертых в прах,
Так и во Франции Сенат пришел в смятенье,
Тираны ощутили страх.

Вотще, чтоб сохранить прямых насилий право,
От солнечных лучей они таят позор.
Французской кровью пьян их дерзкий род, их
слава—

Глухая полночь и террор.

О, солнце, не страшись разоблачить их рвенье,
Их звезд багровое сияние затми,
За жертвами вослед они найдут отмщенье,—
Свой лик над тучей подыми!

Народ наш и Сенат власть принимают внове,
Злодеев умыслы их голос отметет,
И эшафот, где есть следы невинной крови,
По их велению падет.

Свобода! Опрокинь алтарь их злодеяний,
Где беззаконие, зажав в руке клинок,
Как некогда жрецы таврической Диане,
Кровавый пролило поток.

Вы, коих дружество оплакивать готово,
Вы, жены, юноши, таланты, красота,
На землю милую вы не придете снова,
В свои родимые места!

Но ваша, искренно нам дорогая, память
Утешить может скорбь, что мы таим в сердцах,
Украшит родина торжественно цветами
Невинности и чести прах.

Из глубины могил завещано отмщенье
Тому, кто вас лишил дыхания весны,
По справедливости, а не по раздраженью,
Вы будете отомщены.

Уж над Республикой заря встает иная...
И почтая вас, и повинуюсь вам,
Все человечество, погибших вспоминая,
Воздвигнет милосердья храм.

Богиня светлая, родник законов смелый,
Кого хотим мы чтить превыше всех свобод,
Мать добродетелей, мать истины—Кибела,
Ты человечества оплот.

Объедини в себе все споры без изъятия—
Ведь ненависть—прямой для злодеяний путь,—
Чтоб всепрощение явили люди-братья,
Припав к тебе на грудь.

И пальмовая ветвь и лавр,—награда чувства,—
Украсят место битв,—и в благостной тени
Олива примет все прекрасные искусства,
Нам обещаая светлый день.

Катился грозный гром над нашей головою,
Утесы острые сулили гибель нам,
Но если смерть близка,—мы все готовы к бою.
Свобода разверзает храм!

Гимн Жан-Жаку Руссо

19 вандемьера IV года Республики
(11 октября 1795 г.)

Старики и матери

Ты, друг Эмиля и свободы,
Чья Софья в памяти жива,
Ты, для униженной природы
Сыскавший новые права,
Будь другом юношам и девам,
Им нравы чистые внуши,
Любовь к законам сделай севом
Для добродетельной души!

Хор

Руссо! Всех мудрых назиданье,
Друг человечества прямой,
Свободной Франции прими сейчас признанья,
Из глубины могилы равенство нам открой!

Представители народа

С земли, давно поработенной,
Ты снял оковы злобных сил,
И вольности перворожденной
Права от пут освободил.
Народ, беря ружье и порох,
Сим «Договором» вдохновлен,
Над миром, гибнущим в раздорах,
Уже вознес свой вечный трон.

Хор

Руссо! Всех мудрых назиданье,
 Друг человечества прямой,
 Свободной Франции прими сейчас признанья,
 Из глубины могилы равенство нам открой!

Дети

Ты нес рабам дары свободы,
 Ты гнал тиранов, королей,
 Ты нам младенческие годы
 Украсил нежностью своей.
 Прими от тех благодаренье,
 Кого ты смело защищал.
 Любил ты детских лет цветенье,
 И для детей отцом ты стал.

Хор

Руссо! Всех мудрых назиданье,
 Друг человечества прямой,
 Свободной Франции прими сейчас признанья,
 Из глубины могилы равенство нам открой!

Жители Женевы

Перед священной могилой
 Друзей своих ты зришь сейчас.
 Философ острый, нежный, милый,—
 Всегда был общий враг у нас.
 Женева, родина вторая,
 Как мать, пестуя твой шаг,
 К тебе знамена опускает,
 Поет хвалу тебе, Жан-Жак!

Хор

Руссо! Всех мудрых назиданье,
Друг человечества прямой,
Свободной Франции прими сейчас признанья,
Из глубины могилы равенство нам открой!

Молодые люди

Пуускай дрожит тиран надменный,
Лишь только вспомнит о тебе!
Твой ум, светивший всей вселенной,
Не погасить в глухой борьбе!
Живит он чистыми лучами
Весь мир, томившийся в цепях,
И сыплет Франция цветами
На твой, для всех священный, прах!

Хор

Руссо! Всех мудрых назиданье,
Друг человечества прямой,
Свободной Франции прими сейчас признанья,
Из глубины могилы равенство нам открой!

Похоронный гимн в честь генерала Гоша

16 вандемьера VII года Республики
(6 октября 1798 г.)

Ж е н щ и н ы

Прими надгробное прощанье,
Погибший в юности герой,
Мы гимнов строгое рыданье
Сплетаем с розой над тобой.
На этой урне погребальной
Мы пишем подвиги твои,
И пусть торжественные пальмы
О нашей говорят любви!

С т а р ц ы

Всем вам, защитникам свободы,
Примером эта жизнь была.
Все дни его полны, как годы,
И мнятся подвигом—дела.
Смерть, юный стебель надломляя,
Не может память оборвать.
Он умер юным. Но, мужая,
Он мог бы мудрым старцем стать.

В о и н ы

В скалах Бретани он измену
Искоренил своим мечом,
Низвергнул бешенства гнелу
Железом, ядом и огнем.

Рассеял он—освободитель—
Гражданственных раздоров пыл,
И—вестник мира, а не мститель—
Свой стяг победный водрузил.

Да, подражания ты достоин,
Своих ты лавров не пятнал.
Твой клич свободный—каждый воин
Всегда бы в битве угадал.
Мы за тобой идем по следу,—
И грозный лик твой с этих пор
Предсказывает нам—победу,
Тиранам—гибель и позор.

Песнь возвращенья

21 фримера VII года Республики
(11 декабря 1797 г.)

В о и н ы

Вот он—победы лавр над нами!
Италия свою нам жатву отдает,
Дол, где течет Флерюс, хребтов скалистых лед,
Равнины Бельгии—почтили нас дарами.
Все реки видели полков гражданских строй,
Везде встречал нас блеск победы,
И лавром седину венчают наши деды,—
Который сорван был сыновнею рукой.

Х о р

Ты ужасом была, так будь теперь любовью,
Французская республика! Пускай
Поют веселье там, где все дышало кровью,
Победой мы купили рай!

С т а р ц ы

О, дети! Храбрецов могилы
Покройте лаврами, что славой возвращены!
Сыны Италии, бельгийцы спасены,
Германцев, как и вы, они смирили силой,
Героев павших прах они готовы чтить
Такими же, как вы, цветами,
И будут петь они сегодня вместе с нами,
Чтоб славу воинов восторгом освятить.

Хор

Ты ужасом была, так будь теперь любовью,
Французская республика! Пускай
Поют веселье там, где все дышало кровью,
Победой мы купили рай!

Барды

Пускай он побежден,—враг полон изумленья,
И барды Франции вам воздают почет.
Пусть ваши подвиги их лира воспоет,
И весть о вас дойдет в иные поколенья.
Победа ваш давно приосенила строй.
Примите же от нас восторженные чувства,
Чтобы под пальмами искусства,
Вдали от битв, вкусить теперь покой!

Хор

Ты ужасом была, так будь теперь любовью,
Французская республика! Пускай
Поют веселье там, где все дышало кровью,
Победой мы купили рай!

Юные девы

О, воины, пусть вам приданым будет слава!

Воины

Пусть руки и сердца Гимен сближает нам!

Юные девы

Несем любовь и брак в награду храбрецам!

Воины

И сыновей взрастим для подвигов кровавых!

В о и н н ы и ю н н ы е д е в ы

О, боже, щедрою ты раздаешь рукою
И честь и мужество—дары небес благих.
Победа сходит к нам с твоих высот святых,
Свободы луч зажег ты над родной страной,—
Луча чудесного во веки не туши!
Пусть будет Франция счастливей год
от году,
И пусть потомки чтят свободу,
Нас, прадедов, хваля всей силою души!

Х о р

Ты ужасом была, так будь теперь любовью,
Французская республика! Пускай
Поют веселье там, где все дышало кровью,
Победой мы купили рай!

Песнь 1 вандемьера VII года Республики

(22 сентября 1798 г.)

Б а р д ы

Пусть наши голоса и лиры
Готовятся сей день воспеть!
Хотели Францией владеть
Врагов надменные мундиры.
Они к границам шли в бою
И угрожали нам заране,
Но мы республику свою
Спасли от дерзких притязаний.

Х о р

Прими, хвалебный гимн! Воспрянь, народ-герой!
Все люди велики равенством меж собой.

В о и н ы

Страну, где властвует свобода,
Сонм королей повергнуть мнил,
Но наш сенат провозгласил
Республику и власть народа.
Во прах склонились короли—
Их позабудет век суровый,
А нас те годы привели
К республике и к чести новой.

Х о р

Прими, хвалебный гимн! Воспрянь, народ-герой!
Все люди велики равенством меж собой!

Б а р д ы

О, войны, верны победам,
На тибрских, рейнских берегах
Не знали вы, что значит страх,
Врага настичь стараясь следом.
К Флерюсу вел вас бог знамен
И на кровавый мост в Арколе.—
Вам стал покорным Капитолий,
И Брут был вами отомщен.

Х о р

Прими, хвалебный гимн! Воспрянь, народ-герой!
Все люди велики равенством меж собой.

В о и н ы

Нам Родина внушила это:
Она родила в сердце пыл,
Ее огонь нас вдохновил,
Судьбой казались нам декреты.
Кто мог ей сердце посвятить,
Тот совершит все, что угодно.
Да, храбрость можно покорить—
Но покори народ свободный!

Х о р

Прими, хвалебный гимн! Воспрянь, народ-герой!
Все люди велики равенством меж собой!

Старики и матери семейств
О, дети Франции! за дедов
Вы отомстили в этот час,
Следите зорко в час победы,
Чтоб огонь свободы не угас.
Пускай тиранов легион
Ее преследует напрасно—
Крепите правами закон,
Служите вечно ей, прекрасной!

Хор

Прими, хвалебный гимн! Воспрянь, народ-герой!
Все люди велики равенством меж собой!

Общий хор

Ты, Разум, правишь вечным кругом,
Ты дал закон семье людской,
Все люди равны пред тобой
И этим равны друг пред другом.
Пути покорно своему,
Светило дня живит природу,
Ему подобно, ты во тьму
Несешь сиянье и свободу.
Прими, хвалебный гимн! Воспрянь, народ-герой!
Все люди велики равенством меж собой!

Б О М М Е Н Т А Р И И

Комментарии к песням Первой французской революции

1. *Народные моления*—«Les litanies du peuple». Взято из книги «Le clergé et la révolution; la liturgie révolutionnaire». Par chanoine d'Avranches. Rouen. 1913. Эти литании предполагалось петь в церквах в день открытия Генеральных штатов.

Lettres de cachets—королевские приказы об арестах.

2. *Моления третьего сословия*—«Les litanies du tiers-état». Взято оттуда же, сильно сокращено. «Моления» очень подробно излагают требования, встречающиеся в наказах третьего сословия. Эти требования направлены против сеньериальных прав и преимуществ, ложившихся тяжелым бременем на третье сословие, особенно на крестьянство. Голосование по лицам, а не по сословиям в Генеральных штатах выдвигалось в виду того, что при голосовании по сословиям третье сословие, имея против себя два других (дворянство и духовенство), всегда оставалось бы в меньшинстве.

Неккер, Жак (1732—1804)—французский политический деятель, родом швейцарец. Дважды был генеральным директором (министром) финансов во Франции. Его усилия оздоровить французские финансы привели к тому, что в начале революции он был популярен в широких кругах парижского населения.

В 1790 г. стал предметом ненависти как защитник финансовой аристократии.

3. *Куплеты окружным депутатам Меца, избранным 15 апреля 1789 г., в день их отъезда*—L. D., «Couplets à mm. les députés des baillages à Metz, nommés le 15 avril 1789. De leur départ». Взято из рукописного отдела Национальной библиотеки в Париже. «Nouv. acq. fr.»: «Recueil de chansons, la plupart de période révolutionnaire». No. 6620, f. 12.

Одна из первых песен, посвященных новоизбранным депутатам Генеральных штатов.

4. *Заседание Генеральных штатов, собранное в Версале 27 апреля 1789 г. и отложенное на 4 мая*—L'assemblée des Etats Généraux convoquée à Versailles le 27 avril 1789 et remise le 4 mai. Chanson nouvelle sur ce sujet». Air: «Vous qui de l'amoureuse ivresse». Нац. Б. Отдел эстампов. «Histoire de France. Louis XVI», t. 77. Напечатана под лубком, изображающим шествие депутатов в Версале на торжественное богослужение накануне открытия Генеральных штатов. Одна из бесчисленных песен, относящихся к тем дням. Повидимому, песня исходит из кругов, близких герцогу Орлеанскому. Сравнения Людовика XVI с Генрихом IV, а Неккера с Сюлли (см. прим. к песне 7-й), стали шаблоном в первый период революции.

Герцог Орлеанский, Луи-Филипп (1747—1793)—двоюродный брат Людовика XVI, был избран депутатом в Генеральные штаты, а позднее и в Конвент. В начале революции пользовался большой популярностью в демократических кругах за систематическую оппозицию двору. В Конвенте примыкал к монтаньярам (крайней левой) и получил прозвище Egalité (Равенство). Во время голосования Конвента о судьбе Людовика XVI высказался за смертную казнь. Сам был казнен во время террора 6 ноября 1793 г. по обвинению в подготовке восстановления монархии в свою пользу.

5. *4 мая 1789 г.*—«Nouvel «O filii» des Etats Généraux. Par A. L.-G. Le 23 mai 1789». Листовка. Нац. Б.

уе 22156. Одна из бесчисленных песен, посвященных открытию Генеральных штатов.

6. *День 4 мая 1789 г.*—«Journée du 4 mai 1789». Песня напечатана на веере, но распространялась и в виде листовок. Автор ее—Сильвэн Марешаль (Pierre Silvain Marechal)—уроженец Парижа (1750—1803), еще до революции был одним из немногих тогда республиканцев и сохранил свои убеждения до смерти. Последовательный и активный безбожник, игравший видную роль в атеистическом движении эпохи революции и установлении культа Разума, он был также деятельным участником заговора Бабефа, составил знаменитый «Манифест равных» и только по счастливому стечению обстоятельств остался неизвестен полиции. Им написано много песен, гимнов, стихотворений, рассказов, драм и т. п. Еще в 1781 г. он выпустил «Французского Лукреция», популярное изложение в стихах атеистических идей. В 1784 г. он выпустил «Книгу, которая спаслась от потопа»; это была пародия на библейских пророков, за которую он был лишен своего места в библиотеке Мазарини. В 1788 г. он печатает «Альманах честных людей», в котором предвосхищает идею республиканского календаря, предлагает начать летоисчисление с первого года Разума, упраздняет святых, заменяя их «честными людьми», делит каждый месяц на три декады и т. д. Эту книгу сжигают, а сам он попадает в тюрьму. Во время революции он выпускает четыре издания «Альманаха» с комментариями. Большим успехом пользовалась его пьеса «Страшный суд над королями» (1794) и «Словарь атеистов» (1800). В песне, приводимой в сборнике, он, в разрез с общими восторгами, резко характеризует господствующие условия. Восхвалением Людовика XVI он все же отдал дань времени; впрочем, в тот момент еще ни один из будущих республиканцев не выступал против короля: все были увлечены открытием Генеральных штатов, па которые возлагалось столько несбыточных надежд.

Текст песни взят из статьи G. Leroy «Eventails

relatifs aux Etats généraux de 1789». См. «La Révol. Fr.», 1900, t. 39.

7. *Новая песня на собрание Генеральных штатов*— «Chanson Nouvelle sur l'Assemblée des Etats généraux». Par m-r B... Sur l'air: «O filii». Нап. Б. Листовка в сборнике «Recueil de facéties en vers». ye 3034—3104. Rés. В песне идет речь об объединении 27 июня 1789 г. трех сословий Генеральных штатов после длительного противодействия дворянства и духовенства. Борьба, начавшаяся между ними из-за проверки депутатских мандатов, закончилась победой третьего сословия: 17 июня оно объявило себя Национальным собранием, а 20 июня, в Jeu de Paume, зале для игры в мяч, приняло клятву в том, что не разойдется, пока не выработает конституцию; 22 июня к нему присоединилось 149 священников, 25 июня—герцог Орлеанский с 47 дворянами, а 27 июня король отдал распоряжение, чтобы и остальные депутаты-дворяне соединились с третьим сословием. Так была одержана первая крупная победа буржуазии над ее привилегированными противниками.

Герцог Орлеанский (см. прим. к песне 4-й).

Принц Карл-Филипп Бурбон, граф д'Артуа (1757—1833)—брат Людовика XVI, впоследствии—король Карл X.

Принц Луи Кондэ (1736—1818)—после падения Бастилии эмигрировал из Франции и жил в Кобленце, где находился контрреволюционный центр; эмигрантская армия, формировавшаяся на Рейне, носила название армии Кондэ.

Принц Луи-Франсуа Конти (1734—1814)—один из самых горячих противников Генеральных штатов; эмигрировал после падения Бастилии, но в 1790 г. возвратился во Францию и принес присягу на верность конституции. В эпоху террора был арестован, в 1795 г. освобожден и выслан из Франции по приказу Директории.

Герцог Морис де Сюлли (1559—1641)—министр

и полководец Генриха IV, известен своими мероприятиями для развития сельского хозяйства и законами, ограждающими личность и имущество крестьян.

8. *Удачный версальский трюк 23 июня 1789 г.*— «Le coup heureux de Versailles du 23 juin 1789. Chanson grivoise». Air: «Monsieur, monsieur, baissez moi!» Из сборника «La France régénérée et les traîtres punis». 1789. Эта песня и следующие за ней, «Les trois ordres réunis» и «Chanson Nouvelle sur l'Assemblée des Etats Généraux», охватывают круг событий, разыгравшихся на почве борьбы трех сословий: 23 июня 1789 г. король в своей речи к депутатам потребовал от них разойтись, собраться на следующий день по сословиям, каждое— в особом помещении—и голосовать отдельно друг от друга. Это требование было попыткой монархии ликвидировать успешную политику третьего сословия, к которому накануне присоединилось 149 священников. Дворянство и часть духовенства исполнили приказ короля и покинули собрание, третье же сословие продолжало заседать и на предложение разойтись ответило неповиновением королевской воле («Мы уйдем, повинаясь лишь силе штыков»,—заявил Мирабо). Уличная толпа, знавшая о происходивших событиях, так волновалась во дворе замка, что караулу был дан приказ пустить в ход оружие; однако солдаты отказались повиноваться. Это также отмечено песней.

9. *Соединение трех сословий*—«La Réunion des trois ordres, couplets dédiés à la Nation, par M. Déduit. Air: «Avec les Jeux dans le Village». Нац. Б. Листовка из сборника «Recueil de facéties en vers». ye 3034—3104. Rés. Песня передает радость по случаю соединения трех сословий. Благодарность солдатам выражается за то, что они отказались поднять оружие против народа 23 июня 1789 г. Автор—народный певец.

10. *Объединение трех сословий*—«Les trois Ordres réunis». Air: «Monsieur, monsieur, baissez moi». Нац. Б. Сборник ye 55471—949.

11. *Песнь на взятие Дома инвалидов и Бастилии*

13 и 14 июля 1789 г.—«Chanson sur la prise des Invalides et de la Bastille les lundi 13 et mardi 14 juillet 1789». Par le chevalier de Callières. Air: «Dans ma Cabane obscure». Нац. Б. Листовка. Inv. ye 16493.. Автор песни указывает, что «она составлена в пятницу 17 июля, в тот день, когда в Париже ждут прибытия короля к 300 выборщикам в городскую ратушу, а сам автор ее освободился от дежурства в патруле».

«Взят Неккер у отчизны...»—намеки на отставку Неккера 11 июля 1789 г. и его вынужденный отъезд из Франции.

«А герцогу любовь»—герцогу Орлеанскому.

«Он спас отчизну нашу...»—Людовик XVI.

12. *Взятие Бастилии буржуазией и французской гвардией 14 июля 1789 г.*—«Prise de la Bastille par les Bourgeois et les Gardes Françaises le 14 juillet 1789». Air: «O; ma tendre musette». Напечатана на веере. Нац. Б. Отдел эстампов. Collection Hennin, t. 118, p. 45. Взятие Бастилии вызвало огромное количество песен; одни подробнейшим образом излагали событие, другие занимались восхвалением его участников, третьи рисовали ужасы, открывшиеся в тайниках Бастилии, и т. д. Падение Бастилии явилось поворотным пунктом первого периода революции, так как оно отдавало власть в руки буржуазии, доказавшей свою силу и готовность к вооруженной борьбе со сторонниками старого режима.

Эли (J.-J. Elie)—офицер, сыгравший видную роль при взятии Бастилии и первый вошедший в нее.

13. *Песнь на осаду и взятие Бастилии.*—«Chanson sur le siège et la prise de la Bastille». Air: «Des matelots». Из сборника «La France régénérée et les traîtres punis». 1789, p. 12. Один из многочисленных вариантов песни, прославлявшей взятие Бастилии. Печаталась на листовках, под лубочными картинками, изображавшими взятие Бастилии, на веерах и т. п.

14. *Новая песнь на взятие Бастилии.*—«Chanson nouvelle sur la prise de la Bastille». Air: «Vive Henry!

Vive 'Henry!». Нац. Б. Отдел эстампов. «Histoire de France. Louis XVI». 1789, t. 77. Напечатана под лубочной картинкой, изображающей взятие Бастилии.

Делоннэ и Флессель—см. прим. к песне 18-й.

15. *Письмо башмачника к другому башмачнику*.—«Lettre d'un savetier à un autre. 16 juillet 1789». Листовка в 4 страницы. В. V. P. 12031. Песня составлена в дни отставки и отъезда Неккера. Кого она именует бароном Данкю, неясно: в министерство после Неккера вошли барон Бретейль, маршал Брольи и др. Слух о деньгах, переводимых королевой в Вену миллионами франков, был настолько популярен, что попал даже в газеты. Продовольственный вопрос в Париже стоял в это время очень остро. Хлеб был дорог, очень низкого качества и, чтобы получить его из хлебопекарен, приходилось часами дежурить у дверей.

16. *Прибытие короля в городскую ратушу в Париже в пятницу 17 июля 1789 г.*—«Arrivée du roi à l'Hôtel de Ville de Paris le vendredi 17 juillet 1789». Air: «Lison dormait dans un bocage». Th. Rousseau. «Les Chants du Patriotisme». Paris. 1792. Приезд Людовика XVI в Париж через три дня после взятия Бастилии был вынужденным признанием правильности действий восставшего народа. Въезд сопровождался многозначительным молчанием стотысячной толпы, среди которой многие были вооружены ружьями, пиками, саблями и даже вилами. По прибытии в городскую ратушу король выслушал чтение протокола постановлений Коммуны об образовании гражданской милиции, о разрушении Бастилии, о назначении Байи мэром Парижа, а Лафайета—начальником национальной гвардии и т. п. Ему пришлось надеть трехцветную кокарду и показаться в ней народу в окне ратуши. Словом, он был вынужден личным присутствием закрепить одно из первых крупных завоеваний революции.

Автор песен—Т. Руссо (1750—1800)—плодовитый

писатель, поэт и памфлетист, деятельный член клуба якобинцев, где он состоял хранителем архива. После падения Робеспьера он долго скрывался от преследований термидорянцев и вновь легализовался при Директории. В эпоху революции им выпущены: «Песни патриотизма» (1792); «Преступления монархии и добродетели республики» (1794); «Цензура Национального конвента, пять речей в стихах» (1794); «Краткая история партий, их ошибок и их преступлений» (1794); «Долой камилавку», комедия в 1 действии, и т. д.

Байи, Жан-Сильвен (J.-S. Bailly) (1736—1793)—литератор и астроном, академик, депутат Национального собрания, первый мэр Парижа после взятия Бастилии. Пользовался популярностью в начале революции, утратил ее после попытки разгона манифестации на Марсовом поле 17 июля 1791 г. и был гильотинирован в эпоху террора.

Денуар, Ж.-П. (1732—1807)—начальник полиции в Париже в 1776 г.; с 1785 г.—королевский библиотекарь и председатель комиссии финансов, с 1790 г.—эмигрант.

«Эмблема»—трехцветная кокарда и трехцветное знамя ведут свое начало с этого времени. К красному и синему цветам герба Парижа был добавлен белый цвет Франции Бурбонов.

17. *Песнь парижских буржуа*—«Chanson des bourgeois de Paris». Air de Calpigi. Нац. Б. Листовка с нотами. Изд. V m⁷. 7094. Одна из наиболее характерных песен, рисующих настроения осознавшей свою силу буржуазии.

«Предстал парижским буржуа»—17 июля 1789 г. при посещении городской ратуши.

18. *Волшебный фонарь*—«La lanterne merveilleuse». Air: «A la façon de Barbari». Листовка из сборника Нац. Б. «Recueil de facéties en vers». ye 3034—3104. Rés. Песня передает общественные настроения в связи со взятием Бастилии. В ней характерно восхваление фонаря, «волшебного фонаря», служившего при народ-

ных восстаниях виселицей для казни врагов народа. Фонарь был одно время в такой моде, что в обиходе появился новый термин: «lanterner»—«фонарить», т. е. вешать на фонаре. У Камилла Демулена есть памфлет, озаглавленный «Речь фонаря к парижанам»; существовало также в те времена специальное «Моление фонарю».

«И Третье...»—третье сословие.

«Из комендантской головы...»—комендант Бастилии Делоннэ был убит при ее падении, его отрубленную голову носили по городу на пике.

Флессель, Жак (1721—1789)—купеческий старшина и государственный советник, был убит в день взятия Бастилии за то, что обманывал восставших, не давая им обещанного оружия и провианта.

Фуллон, Ж.-Ф. (1715—1789)—видный государственный чиновник по финансовому и интендантскому ведомству, один из злейших врагов революции, которому приписывали слова: «Если бы я был министром, я заставил бы французов есть сено». Его обвинили во взяточничестве и хищениях. Он был арестован крестьянами в своем имении, доставлен в Париж и 22 июля 1789 г. повешен толпой на фонаре.

«А тесть его...»—Речь идет о Бертье де Савиньи, зяте Фуллона, интенданте, известном своей грубостью и высокомерием. Он был арестован в Компьене и доставлен в Париж, где был убит толпой 22 июля 1789 г. перед городской ратушей у фонаря, на котором был повешен Фуллон.

«Он был изгрызен Сан-Сузи...»—Речь идет о драгуне, о котором Байи в своих мемуарах рассказывает, что он вошел в ратушу с окровавленным куском мяса в руках и заявил: «Вот сердце Бертье». В примечаниях к тексту песни говорится: «Это драгун, отца которого, как говорят, убил интендант (Бертье). Он вырвал у него сердце и впилил в него зубами».

19. *Миротлюбивый собутыльник*—«Le buveur paisible,

chanson de table». Air: «De la fanfare de St. Cloud». Нац. Б. Листовка. «Recueil de facéties en vers». ye 3077. Rés.

Немедленно после взятия Бастилии началась эмиграция аристократии. Уже в ночь на 17 июля 1789 г. бежали за границу: брат короля граф д'Артуа, принц Кондэ, принц Ламбеск, граф Водрейль, мадам Полиньяк, маршал Брольи и другие представители знати.

20. *Куплеты в честь г-на Неккера, возвратившегося в Версаль*—«Couplets en honneur de monsieur Necker, revenu à Versailles». Par m-r de Savigny, Patriote. Air du Vaudeville du bal de Strasbourg. Нац. Б. Листовка. Inv. V m⁷, 7094. Песня передает восторженные настроения широких кругов Франции при известии о возвращении Неккера в конце июля во Францию из изгнания. Падение Бастилии вынудило Людовика XVI просить Неккера вернуться на старый пост. Его возвращение походило на триумфальное шествие; во многих деревнях его путь осыпали цветами, звонили в колокола и пр.

«Бегство—одно им спасенье»—намеки на напавшуюся тотчас же после бастильских дней эмиграцию аристократии.

21. *Песенка дам с площади Мобер*—«Chanson des dames de la place Maubert». Air: «Ce soir dans ton galetas». Нац. Б. «Recueil de facéties en vers». ye 3064. Rés. Песня рыночных торговок, написанная на жаргоне предместьев, рисует их монархически настроенными, но в то же время полными ненависти к аристократии и старорежимным представителям администрации. Составлена она вскоре после приезда короля в Париж 17 июля.

«Буржуа версальский»—Людовик XVI. Интересно, что песня именует короля «буржуа», считая это звание почетным.

Шарло—палач.

«Милого министра»—Неккера.

Олибриус—правитель Галлии в V веке; в на-

родных легендах его имя стало синонимом бахвальства и заносчивости. Повидимому, песня разумеет кого-то из аристократов, спасшихся от революции в Испанию.

«Как победил он Гибралтар» — насмешка, так как Гибралтар принадлежал англичанам с 1704 г.

22. *Баши-мачник, добрый патриот* — «Le savetier bon patriote». Air: «Le lendemain d'une ribotte». Par Ladré. Из сборника «Chansonnier National, ou Recueil de chansons choisies et patriotiques sur la constitution Française et les Droits de l'Homme». A Paris. 1790. Песня относится к дням образования национальной гвардии после взятия Бастилии и общего увлечения новой формой защитников свободы. Песня отражает настроения демократических низов Парижа, составлена уличным певцом Ладрэ.

«Теперь в правах уравнены» — намек на «историческую» ночь 4 августа, когда с отменой привилегий последовало уравнивание в правах всех сословий.

«Когда Париж кипел в тревоге...» — в дни, предшествовавшие взятию Бастилии, 11—13 июля 1789 г.

23. *Счастливыи месяц, или Подлинный праздник порядочных людей* — «Le bon mois, ou La vraie fête des bonnes gens». Sur l'air, de la fêtes des bonnes gens. Над. Б. Отдел эстампов. «Histoire de France», t. 80. На лубочной картине изображен хоровод крестьян, танцующих вокруг елки, увенчанной фригийским колпаком (так наз. «древо свободы»). Сбоку, на заборе, надпись: «Уничтожение феодализма». Одна из многочисленных песен, рассылавшихся с агитационной целью по деревням.

24. *Отмена налогов и разрешение полевой охоты* — «L'abolition des impôts et la chasse dans les campagnes». Air: «Avec les jeux dans le village». Par citoyenne Ferrand. «Almanach de la Liberté» (s. d.). В песне идет речь об отмене права сеньеров охотиться на всех землях сеньерии, в том числе и на крестьянских

полях, с которых еще не убран хлеб. Это право вызывало тем большее возмущение, что крестьянам охота была запрещена под страхом тяжелых наказаний, вплоть до смертной казни. Даже собак крестьяне могли держать, только уплачивая особый ежегодный налог. Отмена дворянских привилегий произошла в историческом заседании Национального собрания в ночь с 4 на 5 августа 1789 г.

25. *Обращение аристократов*—«La conversion des aristocrates». Air du Confiteor. Сборник разных листовок. В. V. P. № 9312. Декрет об уничтожении феодальных прав и привилегий, или же «Декларация прав человека и гражданина».

26. *Песнь на злобу дня*—«Chanson sur les affaires du temps». Air: «C'est ce qui me désole». Нац. Б. «Recueil de facéties en vers». ye 3092. Rés. Песня, написанная вскоре после декрета об уничтожении феодальных повинностей и привилегий.

27. *Ричард Львиное Сердце*—«Richard Coeur de Lion», романс из одноименной оперы Гретри на слова Седена; она впервые исполнялась в 1784 г. Романс получил широкую известность; в период революции он усердно распространялся монархистами. Вошел во многие сборники.

28. *Славные дни 5 и 6 октября 1789 г.*—Th. Rousseau, «Journées fameuses de 5 et 6 octobre 1789». Air: «De M. Catina». Помещена в сборнике песен Т. Руссо—«Les Chants du Patriotisme», 1792, pp. 145—148. В песне излагаются октябрьские события, связанные с походом парижских женщин и национальной гвардии в Версаль за королем, которого они заставили переехать в Париж под неусыпное наблюдение народа.

«Над нашей вольности эмблемою святой»—т. е. над национальной кокардой. Речь идет о королевском банкете в Версале 1 октября 1789 г., на котором офицеры королевских гвардейских полков устроили монархическую манифестацию, пели романс «Ричард Львиное Сердце», топтали трехцветную ко-

карду и т. п. Аналогичная манифестация повторилась 3 октября. Известие об этих манифестациях послужило ближайшим поводом для парижан к походу на Версаль.

«Пламенный припев»—т. е. «Ричард Львиное Сердце».

29. *Парижские героини, или Предательство королевских гвардейцев*—«Les héroïnes parisiennes, ou La Trahison des Gardes-du-corps». Air du Vaudeville du Figaro. Нац. Б. Рукопись № 10396. В песне подробно рассказывается о походе парижских женщин в Версаль 5—6 октября 1789 г. за королем, у которого они просили хлеба для Парижа. Они еще верили, что благо народа зависит от доброй воли короля.

«Труссы, вышедшие в бой...»—Пока делегация женщин беседовала с Национальным собранием и королем,—на площади, перед решеткой дворца, произошел ряд столкновений с дворцовой стражей, причем несколько человек было ранено и убито.

«Повернули вспять штыки»—Фландрский полк был настолько распропагандирован парижанами, что отказался действовать против народа.

30. *Лейб-гвардеец, прекрасный Варикур*—«Le beau Varicour, garde-du-corps», romance historique, relative aux circonstances de 5 et 6 octobre 1789. Air: «L'inval aimait Arsenne». Помещен в сборнике Т. Руссо «Les Chants du Patriotisme» с примечанием, что это произведение принадлежит Сильвэну Маршалю. Варикур, лейб-гвардеец короля, был убит в ночь на 6 октября 1789 г. во время столкновения с группой лиц, пробравшихся во дворец и пытавшихся ворваться к королеве.

31. *Поход в Версаль и прибытие короля в Париж*.—«Le départ pour Versailles et l'arrivée du roi à Paris». Air: «Tiens, voilà ma pipe». Из сборника «Le Triomphe de la liberté et de l'égalité». Almanach républicain, par citoyenne veuve Ferrand. Paris, 1792.

Песня относится к серии аналогичных произведений, связанных с октябрьскими днями 1789 г.

Туанон—простонародная форма имени Ангуанета. Речь идет о Марии-Ангуанете, запуганной попыткой ночного нападения со стороны группы лиц, пробравшихся в Версальский дворец.

«Поток наш многолюдный...»—Переезд королевской семьи в Париж происходил под эскортом огромной толпы народа и национальной гвардии.

32. *Бедствия короля и его семьи*—«Malheurs du roi et de sa famille». Romance d'un Troubadour Béarnais. Из сборника «L'Ami du roi», Almanach des honnêtes gens. 1792. Роялистский романс, пользовавшийся очень большой популярностью наряду с «Романсом парижского трубадура». В нем роялисты изливали свое негодование по поводу того, что потомок Генриха IV оказался после переезда в Париж на положении пленника во дворце Тюильри.

«У подножия, где Анри Монументом отдыхает...»—памятник Генриху IV на Новом мосту. У подножия его была поставлена пушка, обращенная своим жерлом к Тюильри.

33. *Романс парижского трубадура*—«Romance du Troubadour parisien». Par Gabriel-Joseph d'Eaubonne. Нац. Б. Листовка. уе 21001. Этот романс, как и предыдущий романс—Беарнского трубадура, вышел из монархических кругов. Он посвящен маркизе де Виллет и братьям шевалье Варикюра. В предисловии к романсу автор пишет: «Желание сколько-нибудь утешить огорченное семейство побудило меня сложить этот романс. Я позволил себе внести легкие изменения в музыку Беарнского трубадура. Я полагал, что парижане должны быть удручены больше, чем беарнцы».

«Доброта»—Людовик XVI.

«Красота»—Мария-Ангуанета.

«Должен быть свободным и он»—указание на то, что король фактически был пленником Парижа, находясь под наблюдением патриотов.

34. *Новая песенка*—«Chanson Nouvelle». Air: «Du Ménuet d'Éxaudet». Нац. Б. Листовка. ye 17549. Впервые напечатана в роялистской газете «Les Actes des Arôtres», 1789, № 10. Доктор Гильотен, депутат Парижа в Учредительном собрании, внес в октябре 1789 г. предложение об уравнивании всех сословий в способе совершения над ними смертной казни, причем казнь должна совершаться наиболее гуманным способом—путем обезглавливания особой машиной (до той поры непривилегированные сословия подвергались казни через повешение, четвертование и т. п., а привилегированные—через отсечение головы). Гильотен доказывал, что казнь при посредстве его машины совершенно безболезненна: человек перед смертью почувствует лишь легкий холодок в шее, и только. Проект Гильотена был передан на рассмотрение д-ра Луи, секретаря Хирургической академии, который установил, что машина, предложенная Гильотеном, уже существовала в несколько измененном виде в Англии, и высказался за новый способ казни. Проект был принят, и впервые новая машина функционировала 25 апреля 1792 г. Остряки придумали ей новое название; сначала ее окрестили Луизетой и Луизон, в честь д-ра Луи, но затем твердо укрепилось название гильотина в честь ее изобретателя. Впоследствии, в эпоху террора, ее чаще всего именовали «национальной бритвой» и т. п.

Ле - Шапел ь е, Гюи (1754—1794)—адвокат, депутат третьего сословия в Генеральных штатах, активный деятель эпохи революции, председательствовал в Учредительном собрании в знаменитую ночь на 4 августа 1789 г. Пользовался большой нелюбовью аристократии. Позднее оказался на правом фланге революции, был объявлен подозрительным и гильотинирован 22 апреля 1794 г.

Ба р н а в, Антуан (1761—1793)—адвокат, видный деятель эпохи революции. Депутат Учредительного собрания. Пользовался одно время громадной попу-

лярностью. Позднее, после попытки бегства короля в Варенн, стал защитником и советником короля, постоянно выступая против республиканцев. Был арестован вскоре после 10 августа 1792 г. и после пятнадцатимесячного заключения гильотинирован 18 ноября 1793 г.

G. Duval в своей «Histoire de la littérature révolutionnaire» указывает, что «песня не имела успеха». Это, конечно, совершенно неправильно. Она перепечатывалась множество раз.

35. *Закон крови, или Военный закон, декретированный 21 октября 1789 г. в первый год свободы*— Th. Rousseau, «La loi du sang, dite la loi martiale, portée le 21 octobre 1789, l'an I de la liberté». Air: «Ce mouchoir, belle Rémonde». Из его сборника «Les Chants du Patriotisme», pp. 193—196. Ввиду того, что с переездом короля в Париж продовольственное положение в городе нисколько не улучшилось и голодные волнения с разгромом лавок упорно продолжались, Учредительное собрание издало «военный закон» (собственно говоря, «закон об осадном положении»), разрешающий разгонять скопления людей на улицах вооруженной силой. Зачинщикам беспорядков грозила смертная казнь; несколько рабочих было повешено по обвинению в убийстве булочника и в подстрекательстве к мятежу. Этим Учредительное собрание показало, чьи интересы оно оберегало. Марат по этому поводу писал: «Военный закон... был внесен только врагом народного блага; он был вырван только изменниками отечества, он создан только приспешниками тирании» («L'Ami du Peuple». Novembre 1789).

36. *Новые апостолы-аристократы* — «Les nouveaux Apôtres-aristocrates». Couplets à l'occasion du décret de l'Assemblée Nationale, qui déclare que les biens possédés par le clergé appartiennent à la Nation. Air: «De la Lanterne». Из сборника «Poésies Nationales de la Révolution». Paris, 1836. 2 ноября 1789 г. Учредительное собрание после длительных прений вотировало обра-

чение церковных имуществ в национальные; церковные имущества передавались в распоряжение нации с обязательством несения расходов по отправлению культа, содержания его служителей и призрения бедных. Голосовало 914 человек, из них 568 голосов было за, 346 против, при 40 воздержавшихся. Принимая во внимание, что до революции духовенство было самой богатой корпорацией в государстве, понятно, какую материальную ценность захватывала в свои руки буржуазия. Декрет этот вызвал ожесточенную полемику, а духовенство распространяло ряд брошюр, в которых предостерегало сельское население против нового закона, доказывая, что население от этого обнищает, а наживутся только спекулянты и богачи.

37. *Жалоба духовенства, обобранного Национальным собранием*—«*Plaintes du Clergé réduit par l'Assemblée Nationale*». Air: «*J'ai tout perdu*». Из сборника «*Le chansonnier patriote, ou Recueil de chansons nationales*», par Ladré père, accompagné de son fils. Paris, 1791. Песня посвящена вопросу об отобрании церковных имуществ (см. прим. к предыдущей песне).

Карл I Великий—король франков и император римский (742—814). Был особенно чтим католической церковью за насаждение христианства в своих владениях: так, им были покорены и обращены в христианство саксы, страну которых он прошел огнем и мечом.

Медичи—вероятно, намек на Екатерину Медичи, королеву Франции (1519—1589), одну из главных вдохновительниц резни гугенотов в знаменитую Варфоломеевскую ночь 1572 г.

Людовик I Благочестивый (778—840)—король франков, сын Карла Великого. Католическая церковь получила от него много льгот.

Карл IX (1550—1574)—французский король, сын Генриха II и Екатерины Медичи. При нем была организована «Варфоломеевская ночь», т. е. резня гугенотов, на которую он дал согласие.

Автор песни—Ладрэ, народный певец, написавший больше 50 песен, из которых наибольшую известность приобрела «Ça ira!». Собственно, Ладрэ написал один из вариантов ее.

38. *Аристократо-клерикально-вакхическая*—«Chanson aristocrati-clerico-bachique». Air: «A la façon de Barbari, mon ami». Взята из «Almanach des aristocrates. Rome. An. III. Песня на тот же мотив, что и предыдущая, но исходит из правых кругов.

39. *Песнь 1789 г.*—«Chanson de 1789». Air: «O filii et filiae». Нац. Б. Листовка в сборнике «Recueil de facéties en vers».

«Архиепископ наш—злой!»—архиепископ Парижский де Жюинье, упорно противившийся присоединению духовенства к третьему сословию. Он так возбудил против себя парижан, что едва не был растерзан толпой на улице. Песни полны издевательств над ним.

40. *Национальное собрание, или Обольщенная Франция*—L'Assemblée Nationale, ou La France abusée. Air: «Reçois dans ton galetas». Из сборника «Etrennes à la Nation», à Rome (Paris), 1789. Контрреволюционная песня, отчетливо передающая озлобление реакционных кругов против Национального собрания. Характерны выпады против Робеспьера («святая свеча») и Мирабо («факел Прованса»). Упоминание о плене короля во дворце Тюильри показывает, что песня написана после октябрьских дней, т. е. вынужденного переезда Людовика XVI в Париж. В переводе смягчены некоторые непристойные выражения.

41. *Забавный диалог*—«Dialogue plaisant entre un maître savetier et son fils, abbé, célèbre aristocrate». Air de l'enfant prodigue. Нац. Б. Рукопись «Nouv. acq. fr.», 10396, pp. 34—35. Под песней имеется примечание: «Трудно решить, что появилось раньше: песня или гравюра, помещенная на титуле № 10 «Революций Франции и Брабанта» с объяснением: «Наказание Ж.-Ф. Мори и гнев его отца. Негодный аристократ... ты

отказываешься от третьего сословия!» (номер от 30 января 1790 г. Изображено, как сапожник избивает аббата).

Песня, посвященная аббату Мори (1746—1817), выходцу из третьего сословия (сын сапожника), который выдвинулся благодаря своим способностям и был выбран депутатом от духовенства в Генеральные штаты. Там он был на крайнем правом фланге и горячо защищал старину, высказывался против реформ, отстаивал привилегии господствующих сословий и т. д. Особенно горячо он ратовал против передачи церковных имуществ нации. Против него было сочинено много песен, памфлетов; его неоднократно изображали на лубочных картинках.

42. *Недостаток в звонкой монете*—«La Rareté du numéraire». Air: «Magdaleine a bon droit». Листовка. Bibl. du Sénat. Cart. 6. Cote 324.

«Если в финансах прибрать беспорядок...»—Тяжелое финансовое положение страны, заставившее Учредительное собрание прибегнуть к конфискации церковных имуществ, вызвало также необходимость выпустить в декабре 1789 г. государственные обязательства («ассигнаты») на сумму 400 миллионов ливров и назначить к продаже церковные и королевские имущества на ту же сумму. Ассигнаты, выпущенные крупными купюрами (по 1000 ливров каждый), являясь как бы государственными облигациями, не имели принудительного курса и приносили владельцам 5% годовых. 17 апреля 1790 г. Учредительное собрание постановило уравнивать ассигнаты со звонкой монетой, уничтожить их процентность и выпустить их на 800 миллионов ливров мелкими купюрами. Другими словами, ассигнаты превратились в бумажные деньги, поток которых все возрастал. Естественно, что с ростом количества бумажных денег постепенно исчезала из обращения звонкая монета. Этой теме и посвящена песня.

«Дружно приняться за церковь Хри-

стов у...»—Церковные имущества были обращены в национальную собственность декретом Учредительного собрания от 2 ноября 1789 г.

«И вопреки дарам патриота...»—Собственно «патриотический дар» («don patriotique»). Так назывались добровольные пожертвования Учредительному собранию драгоценностей и серебра для восстановления финансов Франции. В августе и сентябре 1789 г. приток пожертвований, особенно от малоимущих слоев населения, был довольно значителен.

«Прячут они в дальний угол подвала»—намека на то, что капиталисты очень плохо подписывались на государственные займы. Так, заем в 30 миллионов ливров, выпущенный в августе 1789 г., дал только 2 миллиона 600 тысяч франков.

43. *Декрет Национального собрания об уничтожении дворянских титулов*—«Le décret de l'Assemblée Nationale qui abolit les titres de noblesse. Romance historique». Air d'Emma. Из сборника «La Constitution française en chansons à l'usage des honnêtes gens». Paris, 1792. Учредительное собрание в заседании 19 июня 1790 г. постановило, «что наследственное дворянство отменяется во Франции навсегда; что, вследствие этого, титулы маркиза, шеваляе, конюшего, графа, виконта, мессира, князя, барона, видама, дворянина, герцога и все другие подобные титулы не могут быть никем принимаемы и никому жалуемы; что ни один гражданин не может носить иного имени, кроме своего действительного фамильного; что никто не может одевать в ливрею своих слуг, ни иметь гербов» и т. д.; см. «Histoire parlementaire de la Révolution française», par P. Buchez, t. III, p. 213, 2-е éd., 1846.

44. *Солдат-патриот*—«Le soldat patriotique». Air: «Oui, j'aime à boire, moi». Из сборника L. Damade «Histoire chantée...». Песня является переделкой старой солдатской песни, в которой король олицетворял отечество. Ее содержание обновлено введением новых

понятий—свободы, закона, гражданства и т. д. Песня умеренно-демократическая, содержащая наряду с восхвалением короля все же достаточно выпадов против аристократии.

45. *Песнь*—«Chanson». Air: «On doit soixante mille francs». Из сборника «Almanach des aristocrates».

Ле-Шапелье—см. прим. к песне 34-й.

Варнав, Антуан—см. прим. к песне 34-й.

Контрреволюционная песня эпохи Учредительного собрания. Относится, повидимому, к началу 1790 г.

46. «Ah! Ça ira!» Couplets faits le matin du 14 juillet 1790, au champ de Mars pendant une averse. Air du Carillon National. Нац. Б. Рукопись «Nouv. acq. fr.», pp. 28—29.

Праздник Федерации, состоявшийся в Париже 14 июля 1790 г., в годовщину взятия Бастилии, завершил собой слияние всех областных федераций, начавших возникать в провинции с осени 1789 г. Их цель была—взаимная помощь и поддержка в борьбе с аристократией и «грабителями», т. е. опасными для буржуазии элементами. К празднованию в Париже были делегированы представители национальной гвардии 83 департаментов и регулярных войск. Празднество прошло с огромным подъемом и воодушевлением. На Марсовом поле был устроен громадный амфитеатр, сооруженный трудом парижан всех классов, не исключая монахов; посреди него воздвигнут алтарь отечества, перед которым был совершон торжественный молебен 60 священниками во главе с епископом. Несколько сот тысяч зрителей и национальная гвардия повторили клятву, принесенную Лафайетом от имени всех делегатов, в том, что они будут поддерживать конституцию и «содействовать безопасности лиц и имуществ, свободному обращению хлеба и продовольствия и взиманию государственных налогов, в какой бы форме они ни существовали». Вслед за ними и король поклялся соблюдать конституцию и наблюдать за исполнением законов. Это торжество завершило собой приход бур-

жуазии к власти; на празднике Федерации она продемонстрировала свое единство и силу. Во время работ на Марсовом поле сложилась знаменитая песня революции «Ça ira!» («пойдет!», «наладится!»). В «Парижской хронике» от 9 июля 1790 г. и в других газетах упоминается, что работы идут под аккомпанемент новой песни, называемой «Le Carillon National» («Национальный благовест»), что все дружно поют: «Ça ira! ça ira! ça ira!». Эта песня, говорит Ж. Тьерсо, — «продукт чисто парижского творчества. Мотив ее — мотив кадрили под названием «Le Carillon National»; автор — Бекур». Слова «Ça ira!» приписывают Франклину, который во время посещения Франции на вопросы об успехах американской революции неизменно отвечал: «Ça ira». Вариантов этой песни было более 60; все старались приписать себе авторство; уличный певец Ладрэ даже хлопотал во втором году о выдаче ему награды как «автору слов «Ça ira» 1790 г.», и добился ее. Эта песня, вернее — ее припев, при постоянно обновляемом содержании на долгое время вошла в революционный репертуар и исполнялась на всевозможных торжествах. Она играла роль национального гимна, пока не была вытеснена Марсельезой. «Это — песня того времени, когда кумиром Парижа был Лафайет, а Людовик XVI был «восстановителем» французской свободы, — говорит Г. Изамбер, — это — радостный призыв к штурму против аристократии во имя народной монархии». Кроме «Ça ira!» с праздником Федерации связано много других песен, общее количество их доходит до 100.

47. *Патриотическая песня, певшаяся на празднике Федерации 14 июля 1790 г.* — «Chanson patriotique chantée à la Fédération du 14 juillet 1790». Air: du Carillon National. Нац. Б. Рукопись. «Nouv. acq. fr.» № 6620, p. 30.

48. *К добрым гражданам, работающим на Марсовом поле* — «Aux bons citoyens, travailleurs du Champ de Mars». Air: «Au coin du feu». Par M-r Déduit. Из сборника «Révolutions lyriques, ou Le triomphe de la liberté». 1790.

49. *Куплеты, сочиненные и распеваемые рабочими Марсова поля*—«Couplets composés et chantés par les ouvriers du Champ de Mars». Air: «Vive Henri Quatre!». Нац. Б. Рукопись «Nouv. acq. fr.» № 10396, pp. 64—65.

50. *Клятва Конфедерации, или Гимн французской свободе*—«Le serment de la Confédération, ou L'hommage à la liberté française». Air: «Ce mouchoir, belle Raimonde». Из сборника «Révolutions lyriques». В сборнике Дамада песня приписывается федератам из Санлиса.

51. *Свергнутая аристократия*—«L'aristocrate confondu». Fait par un abbé revenant du Champ de Mars. Air: «Vive Henri Quatre!». Из сборника «Révolutions lyriques». Песня, составленная под впечатлением дружной работы всех сословий по приведению Марсова поля в порядок для праздника Федерации.

52. *Песнь*—«Chanson». Sur l'air: «Chantons loetamini». Из «Almanach des aristocrates». Rome, L'an III.

53. *Патриотические куплеты ко дню Конфедерации*—«Couplets patriotiques pour le jour de la Confédération». Air: «Des Dettes». Par un zélé patriote (M-r B*** de la B***) ayant été 1-er commis aux Ecritures en chef des Bureaux d'un District de Paris. Из сборника «Révolutions lyriques».

«Сенатом нашим упрямлен...»—намеки на то, что Людовик XVI будто бы отошел от аристократии и искренно примкнул к буржуазии.

54. *Куплеты, пропеты г-ном Писс в Национальном клубе в Пале-Рояле по поводу празднества Федерации 14 июля*—«Couplets chantés par M-r Piss au Club National du Palais Royal sur la Fédération qui eut lieu le 14 juillet». Напечатаны в газете «Парижская хроника» 21 июня 1790 г., кроме последнего куплета, дополненного из сборника песен. В газете по этому поводу говорится следующее: «17 июня 1789 г. представители французского народа конституировались в Национальное собрание. Годовщина этого дня будет на вечные времена дорога всем друзьям свободы. Члены и сочувствующие клубу 1789 г. отпраздновали ее достой-

ным образом. Они собрались в числе двухсот человек на банкет; тут были: Байи, Лафайет, Сиесс, Шпелье и среди них ученик свободы генерал Паоли (известный корсиканский патриот). Дамы (торговки) Центрального рынка просили разрешения войти к собравшимся и поднесли им вместе с букетом цветов следующий адрес: «...Мы никогда не забудем ваши имена; мы будем их повторять детям, как имена их величайших благодетелей. Никогда из нашей памяти не изгладится приятное воспоминание о том, что мы видели собравшихся в один и тот же день в одном и том же месте знаменитых членов Национального собрания, коим мы обязаны конституцией, которую мы будем благословлять ежедневно в течение нашей жизни». После этого была исполнена патриотическая песня—сначала в большом клубном зале, а затем у окна, по просьбе огромного собрания народа во дворе Пале-Рояля.

«Умный посадил аббат...»—аббат Сиесс, Эм.-Ж. (Sieyes; 1748—1836)—депутат Генеральных штатов от третьего сословия, автор знаменитого памфлета «Что такое третье сословие?»

55. *Могилы аристократов*—«Tombeau des aristocrates». Air: «Vive Henri Quatre». В. V. P. Сборник разных листовок. № 902666.

Бонавентура—богослов XIII века, генерал ордена францисканцев; канонизирован в XV веке. Память его справлялась 14 июля.

Анри—Генрих IV.

56. *Песнь*—«Chanson». Air: «La honne aventure, o gué!» Взята из книги G. Lecoq «La prise de la Bastille», 1881. Автор указывает, что эта песня была прислана в 1790 г. аристократами известному «разрушителю» Бастилии, патриоту Паллуа, в ответ на его предложение выслать модель Бастилии. Паллуа имел подряд на снос Бастилии. Из ее камней он выделял модели разрушаемой Бастилии, дарил их всевозможным обществам и организациям и создал себе большую популярность в патриотических кругах.

«Не годя и—у руля...»—Учредительное собрание. Песня очень ярко отражает контрреволюционные настроения аристократов и их подготовку к открытой борьбе с революцией при содействии иностранных держав.

57. *Патриотические куплеты*—«Couplets patriotiques». Air: I куплет—«Avec les jeux dans le village»; II куплет—«Des simples jeux de son enfance»; III куплет—«La danse n'est pas ce que j'aime»; IV куплет—«De Figaro»; V куплет—«Il pleut, bergère»; VI куплет—«De Confiteor». Листовка. Нац. Б. ye 17595 bis. Песня характеризует рост и оживление контрреволюционных настроений среди эмигрантов после праздника Федерации 14 июля 1790 г. В конце июля Марат опубликовал резкий памфлет, в котором доказывал, что существует тайное соглашение между Людовиком XVI, Австрией и эмигрантами о подавлении революции во Франции. Опасения Марата были сочтены преувеличенными, но дальнейшие события всецело подтвердили его правоту. Песня трактует этот же вопрос, но в легком, издевательском тоне.

58. *Национальное попури, или Зеркало истины*—«Pot-pourri national, ou Le miroir de la vérité». Вместо подписи автора стоит:

$$\begin{array}{l} A - C - D - E - G - I - J - L - N - O - R - S - U \} 4 \\ S - 1 - 3 - 3 - 1 - 2 - 1 - 4 - 2 - 1 - 1 - 3 - 2 \} 17 \\ \qquad \qquad \qquad a - c - L - R - T - U \} 7 \\ \qquad \qquad \qquad 1 - 1 - 1 - 1 - 1 - 2 \} \end{array}$$

Брошюра в 8 стр. Нац. Б. ye 30615. Перевод дает только отрывки. Песня вышла из демократических слоев населения и, повидимому, сложилась под влиянием газеты Марата и его выступлений против короля, королевы, Мирабо, Лафайета и других видных деятелей. Она сильно отличается от большинства произведений того времени на эту же тему, обычно хвалебных.

«Король»—«Le Roi». Air: «Je suis né natif de Fégare». Король пытался бежать в 1791 г., однако слухи о том, что он скрывается, начались уже с момента его переезда в Париж. Марат неоднократно советовал парижанам крепко наблюдать за Людовиком XVI. Неумеренность Людовика в еде и питье была предметом насмешек сперва в придворных кругах, а потом и в широких слоях населения.

«Королева»—«La Reine». Air: «Coeurs sensibles». Обвинения Марии-Антуанеты в неверности мужу шли еще из придворных кругов в дореволюционный период. Во время революции они были использованы для еще большей дискредитации королевы, в которой видели центральную фигуру реакции.

Национальное собрание—«L'assemblée Nationale». Air: «Vive Henri Quatre!» Декрет, о котором говорится в песне, имел в виду национализацию имуществ, т. е. передачу церковных земель и пр. в собственность нации (декрет от 2 ноября 1789 г.).

Ламет Шарль (1757—1832)—маркиз, депутат Генеральных штатов. Принадлежал к умеренной группе, эмигрировал после 10 августа 1792 г.

Граф Мирабо—«Le comte Mirabeau». Air: «Du haut en bas». Оноре-Габриель Рикетти, граф Мирабо (1749—1791)—знаменитый политический деятель и блестящий оратор. Играл крупнейшую роль в Национальном собрании, где проводил оппозиционную по отношению ко двору политику, но затем вошел в тайное соглашение с королем, что не помешало ему пользоваться огромной популярностью, так как измена революции была обнаружена только после падения монархии. На него упорно нападал в своей газете Марат, доказывая, что Мирабо подкуплен теми, кому выгодно использовать в своих интересах его ораторский талант и влияние. «Еще два года тому назад,—писал Марат,—Рикетти должен был закладывать в ломбарде свои штаны за шесть франков; теперь же он утопает в роскоши».

Публичные женщины—«Les filles publiques». Air de Joconde.

Автор—«L'auteur». Air: «Sont les Bourgeois de Chartres». Здесь опять повторяются предостережения Марата, который в более резкой форме советовал опасаться неприятельского вторжения и рекомендовал (июль 1790 г.) держать заложником короля, заключить в тюрьму королеву, захватить министров и т. д.

Ж.-П. Марат (1743—1793), один из виднейших деятелей эпохи революции, публицист и ученый, автор ряда политических и научных трудов, пламенный революционер, прозванный Другом Народа. До революции занимался главным образом медицинской практикой и научными исследованиями. Издал трактат о деспотизме «Цепи рабства». Во время революции отстаивал интересы беднейших слоев населения, разоблачая как отдельных деятелей реакции, так и политику Учредительного и Законодательного собраний, защищавшую интересы обеспеченных слоев. В своей газете разрабатывал вопросы тактики и стратегии революции. До свержения монархии неоднократно подвергался преследованиям и должен был скрываться. Избранный от Парижа депутатом в Конвент, продолжал там борьбу с представителями промышленной буржуазии, жирондистами и в конечном итоге добился изгнания их из Конвента (после восстания 31 мая—2 июня 1793 г.). Был убит у себя на квартире Шарлоттой Кордэ, мстившей за жирондистов.

59. *Якобинцы и капуцины*—«Les jacobins et les capucins», vaudeville patriotique. Из сборника Marchant, «La Constitution en vaudevilles», Paris, 1792, pp. 146—150. Клуб якобинцев являлся как бы продолжателем дела клуба бретонцев, основанного в июне 1789 г. группой бретонских депутатов, принадлежавших к третьему сословию. После октябрьских дней и переезда короля и Национального собрания в Париж бретонский клуб прекратил свое существование, а депутаты, входившие в него, основали в конце 1789 г. в Париже

Общество революции, скоро переименованное в Общество друзей конституции, помещавшееся у якобинцев, т. е. в монастыре св. Иакова на улице Сэнт-Онорэ. Членов общества в насмешку называли «якобинцами», против чего они сначала протестовали, но затем, с установлением республики, приняли 21 сентября 1792 г. официальное название: Общество якобинцев, друзей свободы и равенства. Якобинский клуб, т. е. место собраний членов общества, помещался сначала в одной из монастырских зал, затем в библиотеке, а с мая 1791 г. в часовне. Общество якобинцев, боевой революционный центр мелкой буржуазии, играло огромную роль и имело свои филиалы по всей Франции. После Термидора клуб якобинцев 11 ноября 1794 г. был закрыт, самое же общество просуществовало в разных видах до 1799 г., когда было окончательно распущено. Так как деятельность клуба якобинцев расходилась со взглядами ряда умеренных депутатов, они в противовес ему пытались организовать в Капуцинском монастыре свои собрания с чтением публичных лекций. Однако попытка встретила только насмешки, публика ходила освистывать ораторов, и общество очень скоро распалось. Песня Маршана, напечатанная первоначально в роялистской газете «Chronique de Manège», высмеивает одновременно оба общества (о Маршане см. прим. к песне 76-й).

60. *Мужество дядюшки Дюшена*—«Le courage du père Duchêne». «Voilà le môt je m'en f***, je suis libre». Air: «Tiens, voilà ma pipe, aussi mon briquet». Из сборника «Révolutions lyriques». 1790.

Дядюшка Дюшен (Le père Duchêne)—народный тип, продавец жаровень, печных труб и т. п., богохульствующий и ругающийся на каждом шагу. Этот тип был очень популярен еще в дореволюционное время. Во время революции появилось множество памфлетов, песен, альманахов, газет и т. п. под покровительством этого нового «святого». Все они старались

предносить читателям или слушателям в грубых выражениях злободневные новости, рассуждения на политические темы и т. п., сдабривая их крепкими нецензурными словами. Наиболее прославились в эпоху революции две газеты: «Lettres bougrement patriotiques du père Duchêne» Лемера и «Les grandes joies» или «Les grandes colères du père Duchêne» Гебера. Особенной популярностью пользовалась последняя. Первую издавал почтовый чиновник Лемер, конституционный монархист, по цинизму выражений не имевший равных себе. Гебер, один из руководителей Парижской коммуны и левого крыла революционной демократии, был несравненно сдержаннее его, хотя большинство позднейших историков обрушивается на него за непристойность выражений. Песня, сильно смягченная в переводе, до известной степени передает стиль произведений, написанных в духе «дядюшки Дюшена».

«Зреет в вашей Лиге...»—очевидно, речь идет о придворной партии.

«Среди торжества...»—на празднике Федерации 14 июля 1790 г.

61. *Исповедь версальского патриота*—«Profession de Foi d'un Patriote Versaillais». Chanson dédiée aux amis de la Révolution. Air: «Oui, j'aime à boire, moi». Par Morant l'aîné. 1790. Рукопись Версальской библиотеки. 99 F. Автором песни, как видно из других рукописей этого собрания, является Моран-старший, сержант версальской национальной гвардии. Песня умеренно демократического духа, характерна тем, что написана в подражание старой солдатской песне «Oui, je suis soldat, moi», в которой постоянно упоминается верность королю. Данная песня говорит только о свободе, об интригах придворной партии и ни слова о короле.

«Дан Франции закон святой...»—конституция.

62. *Патриотическая песнь, сочиненная нарочно без рифмы*—«Chanson patriotique faite exprès sans rime».

Sur l'air «D'Alexandrine». Par Ladré. Из сборника «Le Chansonnier patriote». Эта песня характерна тем, что даже уличный певец Ладрэ, который, казалось бы, должен был отражать настроения городских низов, стоит целиком на позиции безусловного восхваления конституции, проведенной отнюдь не в интересах трудящихся масс населения.

«И х ко з н я м к о н е ц к л а д е т».—Привилегированные сословия и король, идя на соглашение с буржуазией, в то же время продолжали переговоры с заграницей, возлагая все надежды на интервенцию. Оптимизм Ладрэ не имел под собой реальной почвы.

63. *Песнь, сочиненная в Дижоне по поводу назначения нового епископа*—«Chanson faite à Dijon sur le nouvel Evêque». Air: «Orléans, Beaugency». Нац. Б. Рукопись «Nouv. acq. fr.» № 10396, р. 118. Песня исходит из монархических кругов и направлена против Ж.-Б. Вольфиуса (Jean-Baptiste Volfius) священника, уроженца Дижона. Он был преподавателем красноречия в Дижоне, с большим сочувствием встретил революцию, присягал конституции и, один из немногих, приветствовал положение о гражданском устройстве духовенства. В 1791 г. был избран по новому положению конституционным епископом Кот-д'Ора и оставался в этой должности до 1801 г.

64. *Куплеты, распеваемые эмигрантами*—«Couplets que chantent mm. les émigrés français à Tournai, Ath, Bruxelles, Worms et Coblentz». Air: «Vive Henri Quatre!». Помещены в «L'ami du Roi, almanach des honnêtes gens, avec des prophéties pour chaque mois de l'année». Paris, chez l'apothicaire de la démocratie, au Palais Royal. In 1. № 1 тут означает № торгового помещения.

О р л е а н у—т. е. герцогу Орлеанскому, который был в те времена сторонником демократии.

Б р а т ь я Л а м е т ы, Александр (1760—1829) и Шарль (1757—1832)—депутаты от дворянства в Генеральных штатах, перешедшие на сторону третьего сословия.

Оба позднее эмигрировали и вернулись во Францию только после захвата власти Бонапартом.

Робеспьер, Максимилиан (1758—1794)—вождь якобинцев. Адвокат города Арраса, избранный в Учредительное собрание от третьего сословия, занял место на крайнем левом фланге. Приобрел большую популярность, особенно в связи с борьбой по вопросу о всеобщем избирательном праве. После революции 10 августа 1792 г. принимал ближайшее участие в работах революционной Парижской коммуны, был избран в Конвент от Парижа. В Конвенте стоял во главе кампании якобинцев против жирондистов. После низвержения жирондистов 31 мая—2 июня 1793 г. вошел в Комитет общественного спасения и был главным руководителем революционного правительства в эпоху якобинской диктатуры. Последовательно проводя систему террора против контрреволюционных элементов, он боролся как с левыми, так и с правыми группировками якобинцев. «Его история—история революции,—говорит академик Н. М. Лукин.—Он шел во главе ее вплоть до того момента, когда ее дальнейшее развитие стало угрожать частной собственности. За этими пределами революция превращается в глазах мелкого буржуа в «анархию». Отсюда борьба Робеспьера с «бешеными» и шометтистами, его стремление опереться на зажиточные слои мещанства». Отсюда и его гибель, так как без поддержки пролетариата, отошедшего от него после расправы с «бешеными» и шометтистами, Робеспьер со своими сторонниками не смог выдержать напора объединившейся реакции. С его именем связана вся эпоха якобинской диктатуры и особенно деятельность Комитета общественного спасения.

Дамьен покушался на убийство Людовика XV в 1757 г.

Герцог д'Эгильон, Арман (aiguille—игла)—депутат в Учредительном собрании от дворянства, перешедший на сторону третьего сословия; позднее—эмигрант; умер в 1800 г.

65. *Восемнадцать франков*—«Vaudeville constitutionnel». Par Marchant. Из его сборника «La Constitution en vaudevilles», 1792. (18 франков—суточное содержание депутата.) Песня принадлежит известному роялистскому публицисту Ф. Маршану (см. прим. к песне 76-й) и характеризует отношение правых кругов к Учредительному собранию.

Кошюи, Шарль (1750—1825)—депутат третьего сословия в Учредительном собрании от Пуату, член клуба якобинцев.

Лабэтр, или Лабест—депутат третьего сословия в Учредительном собрании от Реймса.

Шабру, Жан—депутат третьего сословия в Учредительном собрании от Дофинэ, член клуба якобинцев, адвокат.

66. *Песнь*—«Chanson». Взята из статьи Fr. Galabert «Une chanson sur la fuite à Varennes» («La Révol. Française». Т. 42. 1902, pp. 111—112). Одна из многочисленных песен, связанных с бегством короля. Людовик XVI уже с 1790 г. вел переговоры с иностранными дворами об интервенции для восстановления своей «законной» власти и уже тогда начал готовиться к бегству за границу. Слухи об этих планах проникли в демократические круги. В январе 1791 г. Учредительное собрание постановило усилить пограничные гарнизоны, принимая во внимание скопления эмигрантов у французских границ и близость австрийских войск во Фландрии. Но у короля был выработан план бегства, согласованный с маркизом Буйе, командующим войсками в Меце. Тот обещал королю поддержку своих войск, и в ночь на 20 июня Людовик XVI со всем своим семейством, переодевшись, тайно уехал из Парижа. Одновременно бежал и граф Прованский, благополучно пробравшийся в Бельгию. По дороге в Сент-Менегу король был узан заведующим почтовой станцией Друэ, задержан 21 июня в Варенне и возвращен в Париж. Войска, посланные Буйе, опоздали на несколько часов, всюду появились от-

ряды национальной гвардии, и Буйе, видя невозможность освободить короля, оставил армию и эмигрировал. Попытка короля к бегству сильно подняла республиканские настроения революционной демократии. Король был временно отстранен от правления и восстановлен в своих правах лишь после пересмотра конституции и новой присяги ей. Большое количество аристократов эмигрировало, причем в некоторых полках дезертировали все офицеры.

«У т р а т и т е к о р о н у . . .»—Учредительное собрание, рассмотрев вопрос о бегстве короля, стало было на компромиссную точку зрения, утверждавшую, что была попытка к «похищению» короля; однако, уступая требованию момента, оно вынесло постановление, что в дальнейшем король должен будет лишиться престола, если, присягнув конституции, нарушит ее. Тогда он станет простым гражданином и может быть предан суду.

Т у а н о н—Антуанета.

«К р а с а в е ц ш в е д»—граф Аксель Ферзен, шведский дворянин, служивший во Франции командиром одного из гвардейских полков, поклонник Марии-Антуанеты и, вероятно, ее любовник. При бегстве короля он играл роль кучера кареты, в которой ехали беглецы.

Барон Безанваль, граф д'Артуа, кардинал де Роган, граф Дийон—это лица, в связи с которыми обвиняли Марию-Антуанету. См., например, брошюру «Liste civile suivie de noms et qualités de ceux qui la composent et la punition due à leurs crimes... Et la liste des affidés de la ci-devant Reine». Paris, 1792. В ней перечислены 34 человека.

С а л ь п е т р и е р (Salpêtrière)—в XVIII веке место заключения для нищих, проституток и т. п. Основана в 1656 г. В настоящее время лечебница для нервнобольных и умалишенных.

67. *Французская конституция*...—«La Constitution française, signée à l'Assemblée Nationale, le 14 sep-

tembre 1791, par Louis de Bourbon, seizième du nom, Roi des Français». Из сборника «Chansonnier National».

Учредительное собрание еще в 1789 г. выработало «Декларацию прав человека и гражданина» и конституцию. Ее основные положения были вотированы в течение августа—октября 1789 г. В 1791 г. Учредительное собрание пересмотрело и кодифицировало все накопившиеся за этот период законы, привело их в систему и дало таким образом тот свод их, который называется «Конституцией 1791 г.». По ней суверенитет принадлежит народу, а король является носителем высшей исполнительной власти, которую он осуществляет через посредство совета министров. Закон есть выражение воли народа через его представителей, избираемых в Законодательное собрание сроком на 2 года, по двухстепенной системе выборов. Однако быть избранным в Законодательное собрание мог только тот, кто платил «прямой налог в размере марки серебра (около 50 ливров) и сверх того владел некоторой земельной собственностью». Это постановление вызвало недовольство буржуазии и было изменено: право быть избранным было предоставлено всем активным гражданам, т. е. всем мужчинам, достигшим двадцатипятилетнего возраста, живущим в данной местности не менее одного года и платящим налог в размере не менее местной трехдневной заработной платы. Новая редакция попрежнему лишала избирательного права весь рабочий класс, значительную часть крестьянства и городской мелкой буржуазии. Пересмотр конституции был закончен к 3 сентября 1791 г., 13 сентября Людовик принял ее, а 14 сентября подписал ее в Учредительном собрании и принес присягу соблюдать ее. С принятием конституции была связана амнистия за политические преступления. Акт подписания королем конституции вызвал ликование либеральной демократии. Отражением этих радостных настроений и является данная песня.

68. *Будущий законодатель*—«Législateur futur». Нац.

Б. Эстампы. «Histoire de France». Т. 83. Напечатана под карикатурой, изображающей ослиную голову с надписью: «1 марка».

Положение конституции 1791 г., по которому депутаты Национального собрания могли избираться только из числа выборщиков, платящих прямые налоги в размере не менее *одной марки серебром* (около 50 франков), вызвало негодование демократических кругов и породило множество памфлетов, песен и карикатур против депутатов, отстаивавших такой высокий избирательный ценз. После бегства короля в Варенн Учредительное собрание отменило требование марки серебром, но выборы в Законодательное собрание происходили еще при сохранении в силе этого ценза. Поэтому-то песня так резко нападает на депутатов Учредительного собрания.

69. *Прощанье с бывшими депутатами*—«Adieux aux ci-devant Députés». Air du menuet d'Exhaudet. Нац. Б. Рукопись. «Nouv. acq. fr.» 10396, р. 173. Учредительное собрание закрылось 30 сентября 1791 г. Оценку его работы с точки зрения реакционных кругов дает приводимая нами контрреволюционная песня. Разумеется, это оценка, исходящая от представителя пострадавшего класса.

70. «*Ça ira!*». Из журнала «Revue de la Révolution». 1885, t. 6, р. 108. Контрреволюционная переделка знаменитой песни, созданной в эпоху Федерации 1790 г. Составлена в связи с окончанием работ Учредительного собрания, когда либеральная демократия повсеместно выражала свою радость, считая, что задача Учредительного собрания—выработать конституцию—блестяще выполнена.

71. *Спасение Франции*—«Veillons au salut de l'empire», romance. Par Ad.-S. Boy. Из сборника Dumersan et Noël Ségur «Chansons nationales...». Впервые напечатана под заголовком «Романс» в конце 1791 г. в «Народном ораторе» и, начиная с 1792 г., перепечатыва-

лась много раз. Ее автором был полковой врач Рейнской армии Адриан-Симон Буа. Песенник Жире-Дюпрэ включил ее в свой «Патриотический песенник», вышедший в конце 1792 г., с указанием имени автора, что не помешало впоследствии приписывать эту песню творчеству его самого. Она пользовалась большой популярностью в течение всей революции и исполнялась даже во времена Наполеона I, хотя слово «empire» было употреблено автором в обычном латинском значении: imperium—государство. Мотив ее взят из комической оперы Далеирака «Рене д'Аст». Подробности см. у J. Tiersot «Les fêtes et les chants de la Révolution Française». 1908, pp. 77—80 (есть русское издание 1933 г.). Песня интересна как отражение настроений военных кругов, так как исходит из армии, стоящей лицом к лицу с будущим неприятелем. Там же, в Рейнской армии, родилась несколько позднее и Марсельеза.

72. *Народный гимн*—«Hymne Populaire». Par les citoyens Bouquier et Maline. Из сборника L. Damade «Histoire chantée...». Он относит эту песню к 1791 г., хотя она может относиться и к 1792 г.—моменту объявления войны австро-пруссаками. Но следует принять во внимание, что вся вторая половина 1791 г. прошла в напряженном ожидании войны и в обсуждении вопросов, связанных с нею, причем уверенность в ее неизбежности была всеобщей. Если сравнить эту песню с «Veillons au salut de l'empire», то увидим, что обе они передают одни и те же настроения.

73. *Дерево свободы*—«L'arbre de la Liberté». Couplets chantés à Meaux en 1792. Air: «Du serin qui te fait envie». Из «Almanach des Muses». 1794. В редкой книжке «Essai historique et patriotique sur les arbres de la liberté». Par Grégoire, membre de la Convention Nationale. An II de la Révolution Française» рассказывается история священных деревьев у разных народов и обрядов, связанных с их почитанием. Относительно «деревьев свободы» во Франции говорится, что первое подобное дерево было посажено князь Норбером Прессак в мае

1790 г. в Сен-Годане. Он приказал вырыть в лесу молодой дуб и посадить его среди деревни. Затем он обратился к населению с речью, в которой сказал: «У подножья этого дерева вы будете вспоминать, что вы французы, а в старости вы будете рассказывать вашим детям о достопамятной эпохе, в которую вы посадили его». В мае 1792 г., когда неприятель начинал грозить со всех сторон, во всех коммунах сажали «дерево свободы». Их было посажено более 60 тысяч штук. Сначала сажали дубы, потом тополя; название тополь—реуплиер—родственно понятию «народ»—peuple. 22 января 1794 г. Конвент предписал всем коммунам, в которых погибли «деревья свободы», посадить их заново. «Дерево свободы» часто называлось также «деревом братства».

74. *Куплеты, напечатанные в нашем «Утешителе»*...—«Couplets, proposés dans notre «Consolateur» et remplis déjà par plusieurs abonnés». Air: «Je l'ai planté, je l'ai vu naître». Par M. M... de G... abonné. Взято из «Le Consolateur, ou Journal des honnêtes gens», № 12, 10 Février 1792. Возможно, что эта песня находится в связи с декретом от 9 февраля 1792 г., секвестрировавшим имения эмигрантов; однако вероятнее, что она просто передает настроения монархиста, замечаящего, что король все больше теряет власть, которая переходит в руки представителей демократии.

75. *Песнь об эмигрантах*—«Chanson sur les émigrants». Air: «Ahi, bravo, bravo, Calpigi!» Листовка. Нац. Б. Inv. ye 17595. Эмиграция аристократии, начавшаяся непосредственно после взятия Бастилии, особенно усилилась после бегства короля и задержания его в Варенне. В начале 1791 г. только в одной Голландии насчитывалось до 5.600 эмигрантов-офицеров, а в 1792 г. общее число эмигрантов доходило до 200 тысяч человек. Они покидали толпами свои замки, оставляли жен и детей, имущество и отправлялись за границу налегке, в твердой уверенности, что скоро вернутся победителями. На угрозы Нацио-

пального собрания они не обращали никакого внимания, так как Людовик XVI, подписывая декреты, в которых предписывал эмигрантам возвратиться на родину, в то же время тайно поощрял их усилия организовать поход против Франции. Эмигранты в своих обращениях к народу и к армии обещали свой скорый приход и расправу над «бунтовщиками». Против них было сочинено множество песен, выпущено огромное количество карикатур, изображающих, как они в шутовских парядах отправляются в поход против Франции. Одно время большой популярностью пользовалась игрушка, носившая название «эмигретки» или «эмигранта». Она состояла из двух палочек с концами, соединенными тонкой бичевкой, по которой вверх и вниз скользило колесико (нечто вроде «дьяболо», бывшего в моде перед войной 1914 г.).

Т у р и н—итальянский город, один из центров эмиграции.

Б р а б а н т—в XVIII веке входил в состав империи Габсбургов, в 1794 г. перешел во владение Франции. Ныне—часть Бельгии.

К о б л е н ц—немецкий город на Рейне, главный центр эмиграции.

76. *Национальная песнь, посвященная доброму народу*—«Chanson Nationale, dédiée au bon peuple». Из сборника «La Constitution en vaudeville», Par M. Marchant. 1792.

В С е н а т и х...—т. е. в якобинский клуб. Песня показательна как отражение взглядов роялистов на революцию вообще и на якобинцев в частности. Автор ее—Франсуа Маршан, контрреволюционный публицист, не лишенный дарования, особенно прославился «Конституцией, переложенной в водевиле». Им было выпущено в первый период (1791—1793 гг.) несколько произведений, в которых он высмеивал революцию и ее деятелей (1761—1793).

77. *Воззвание к победе*—Th. Rousseau, «Invocation à la Victoire». Air: «Quel voile importum nous couvre».

Из его «Les chants du patriotisme». Одна из многочисленных песен начала войны с коалицией.

78. *Отправление парижских волонтеров*—«Départ des volontaires de Paris». Air: «Il pleut, il pleut, bergère». Из сборника «Le Triomphe de la Liberté», par veuve Ferrand. Песня характеризует настроения парижан во время объявления войны австро-пруссаками (20 апреля 1792 г.). Запись волонтеров была массовой.

79. *Гражданам второй роты волонтеров секции французского Пантеона*—«Aux citoyens composant la seconde compagnie des volontaires de la section du Panthéon Français». Air: «Avec les jeux dans le village». Из сборника L. Damade «Histoire chantée...»

80. *Республиканские героини*—«Les Héroïnes Republicanes». Air: «L'amour dans le coeur». Par le cit. Beauchant. Из сборника «Recueil de chansons patriotiques, dédiées aux vrais Républicains, par les citoyens Leveau, dit Beauchant, et Baptiste, dit le Divertissant». Paris, 1792. Женщины, принимавшие героическое участие в революции, уже с 1790 г. стали организовывать женские легионы: во время войны они нередко служили в пехоте, артиллерии и даже кавалерии. Иногда они образовывали целые отряды—«легионы амазонок», как иронически называли их противники милитаризации женщин. Они участвовали в сражениях, получали награды и чины. Многие из них были отмечены в специальных приказах по армии.

81. *Марсельеза*—«La Marseillaise». Первоначальное название было «Chant de guerre pour l'armée du Rhin. Dédié au Maréchal Lukner», «Chant de guerre aux armées des frontières», «Chant patriotique dédié à l'armée de Biron et chanté par les volontaires du département de l'Aude», «Chant de Marseillois» и, наконец, «La Marseillaise». Имеется множество изданий. Перевод взят из книги проф. Н. И. Кареева «Великая французская революция», П., 1918, стр. 360—362. Автор Марсельезы Жозеф Руже де Лиль (J. Rouget de Lisle; 1760—1836), сын провинциального адвоката, саперный офицер, в

1792 г. находившийся в Страсбурге в чине капитана. Когда 20 апреля 1792 г. была объявлена война австрийскому императору и прусскому королю, это событие было встречено в Страсбурге с большим энтузиазмом: 25 апреля была устроена манифестация, читалась прокламация Общества друзей конституции, формировались батальоны волонтеров под названием «Детей отечества» (*Enfants de la patrie*) и т. д. Руже де Лиль, проводивший этот вечер у своего друга, страсбургского мэра Дитриха, большого любителя музыки, по его предложению написал песню, приуроченную к событиям. Эта песня так понравилась, что ее размножили и разослали разным лицам под названием «Боевая песнь Рейнской армии». Она везде встречала восторженный прием; в конце июня она дошла до Марселя (раньше, чем до Парижа), а оттуда вместе со знаменитым марсельским батальоном попала в Париж, где и приобрела громадную популярность. Она стала официальным государственным гимном в эпоху якобинской диктатуры; сохранилась она и после Термидора, но выдержала длительную борьбу с реакционным гимном «Пробуждение народа». При Наполеоне I ее заменил гимн «*Veillons au salut de l'Empire*». Затем она снова возрождается в эпоху буржуазных революций 1830 и 1848 гг. и во времена Коммуны 1871 г. В настоящее время Марсельеза является официальным гимном Франции. Последний куплет ее написан, однако, не Руже де Лилем, он впервые исполнялся 14 октября 1792 г. на празднестве в честь завоевания Савойи. Кто был автором его, до сих пор не установлено. На Марсельезу была составлена двумя авторами (*Sedaine et Montaiglon*) пародия («*Allons, enfants de la courtille, le jour de boire est arrivé*»), которая пользовалась в армии большой популярностью. На мотив ее было составлено также множество песен не только в республиканской армии, но в контрреволюционных войсках, например у вандейцев. Подробно история Марсельезы изложена в Тьерсо в его жизнеописании Руже де Лилья и в русском (2-м)

издании его книги «Песни и празднества французской революции» (Музгиз, 1933). История борьбы Марсельезы с «Пробуждением народа» изложена в 3-й серии «Etudes et leçons sur la Révolution Française» Олара.

Б у й е, упоминаемый в тексте 5-го куплета (Bouillé, Fr.-Cl.; 1739—1800),—генерал, командовал в начале революции Мецской армией, в 1791 г. замешан в пособничестве бегству Людовика XVI. Эмигрировал в Кобленц.

82. *Брак священников*—«Mariage des prêtres, couplets chantés aux noces d'un prêtre, ci-devant Bénédictin». Air: «Chantez, dansez, amusez-vous». Взято из сборника Du Mersan «Chansons nationales et populaires de France», Paris, 1866. Песня сложена в связи с одним из первых случаев брака католических священников. 12 мая 1792 г. аббат Обер, викарий церкви св. Маргариты, явился в Законодательное собрание со своей женой и ее родственниками. Там он заявил, что «воспользовался правом, предоставленным бессмертной конституцией, и повенчался с честной и добродетельной особой, чтобы исправить зло, причиняемое целибатом священства». После этого он пожертвовал в виде патриотического дара 200 франков ассигнациями и 7 франков и одно су звонкой монетой. Встреченный рукоплесканиями, он был приглашен присутствовать на заседании в качестве почетного гостя. Его примеру последовало несколько тысяч представителей духовенства.

83. *Песнь на поцелуй Ламурета*—«Chanson sur le baiser Lamourette» (Séance du samedi, 7 juillet 1792). Air connu. Приведена в «Annales histor. de Révol. Fr.» 1925, № 12, p. 584. Эта ироническая песня, построенная на игре слов: l'amourette—любовная интрижка—Ламурет, составлена по следующему поводу: в начале июля 1792 г. в Законодательном собрании шли горячие прения в связи с угрожавшим вторжением союзников и усилившимися контрреволюционными махинациями двора. Представители разных партий обменивались взаимными обвинениями. Депутат Ламурет, епископ Лион-

ский, обратился 7 июля к собранию с речью, в которой призывал забыть личные счеты перед лицом грозной опасности, слиться воедино, чтобы иноземцы видели дружеское единение всех французов, и т. д. Его речь произвела настолько сильное впечатление, что представители правых и левых группировок пожимали друг другу руки и обнимались. Затем все пошло по-старому. Над событиями этого дня остряли, называя минутное примирение партий «лобзанием Ламурета» или «лобзанием Иуды», к тому же был пущен слух, что все это примирение было инсценировано Ламуретом по соглашению с двором. «Поцелуй Ламурета» стало ходячим обозначением мимолетного или неискреннего примирения.

84. *Лагерные работы*—«Les travaux du camp». Air: «Vous qui d'amoureuse aventure». Из сборника Нац. Буе 35763. Законодательное собрание в виду военной опасности декретировало 8 июня 1792 г. новый набор в 20 тысяч человек, которым предписывалось собраться в Париже для образования лагеря к северу от столицы. Провинция горячо откликнулась на этот призыв и послала своих добровольцев, в числе которых прибыл и знаменитый марсельский батальон, принявший активное участие в штурме Тюильри. В песне идет речь о работах по сооружению этого лагеря.

85. *Отечество в опасности*—«La Patrie en danger». Air: «De la perruque». Par Ladré. Из сборника «Chansonnier National». Война против монархической коалиции в начале шла настолько неудачно, что французским войскам, вторгнувшимся в пределы Нидерландов, пришлось отступить на французскую территорию. Ход военных действий обнаружил неподготовленность Франции к войне, отсутствие опытных военных руководителей, массовую эмиграцию офицеров, недисциплинированность волонтеров, к тому же по праву не доверявших своим командирам, и т. д. Одновременно с этим двор поддерживал тайные сношения с заграницей, и в Париже прямо говорили о существовании «австрий-

ского комитета», возглавлявшегося королевой. В конце мая король дал отставку жирондистскому министерству, а несколько позднее наложил вето на декреты Национального собрания о созыве федератов и об усилении наказаний неприсяжным священникам. Манифестация 20 июня 1792 г., организованная жирондистами, закончившаяся вторжением народа в Тюильри с целью оказать давление на короля, не могла заставить его утвердить декреты. Положение было тревожное, и приходилось думать о решительных мерах для борьбы с внешней и внутренней опасностью. Ввиду этого Национальное собрание 11 июля 1792 г. провозгласило «Отечество в опасности». Торжественное объявление этого акта состоялось 22 июля, причем в Париже были поставлены на площадях столы для записи волонтеров. Началось массовое стечение добровольцев.

Граф д'Артуа—см. прим. к песне 7-й.

Принц Кондэ командовал эмигрантской армией.

Виконт Мирабо (1754—1792)—младший брат знаменитого Мирабо, депутат Учредительного собрания, ярый роялист. Эмигрировал в 1790 г. и жил в Германии. За свою толщину был прозван Мирабо-Бочка.

Брунсвик—Герцог Брауншвейгский, командующий коалиционными армиями.

86. *Упразднение монастырей*—«La destruction des couvents». Air: «Ah! le bel oiseau, maman». Из сборника «Le Triomphe de la liberté». Par veuve Ferrand. Учредительное собрание декретом 28 октября 1789 г. упразднило монашеские обеты, а 19 февраля 1790 г. запретило уход в монастырь и уничтожило все монашеские ордена и конгрегации. Мужчины должны были уйти из монастырей, а женщины могли оставаться жить в них. Ввиду того, что монахи поддерживали священство, не желавшее признавать декрет о гражданском устройстве духовенства (27 ноября 1790 г.), Законодательное собрание постановило 4 августа 1792 г., что все помещения, занятые до тех пор монахами или

монахинями, должны быть от них освобождены и проданы. Этой теме и посвящена песня.

87. *Революция 10 августа 1792 г.*—«La Révolution du dix août 92». Air connu. Par Ladré. Из сборника «Chansonnier National».

10 августа 1792 г. готовилось почти открыто, и восстание в Париже ожидалось со дня на день. Манифест герцога Брауншвейгского, в котором было обещание подвергнуть Париж «военной экзекуции» и «полному разрушению», если с королем и его семьей что-либо случится, стал известен в Париже 28 июля и вызвал всеобщее негодование. Революционная демократия потребовала от Законодательного собрания низложения короля и созыва Национального конвента. Было постановлено начать восстание 9 августа вечером, если к этому сроку не будут выполнены требования революционного народа. Так как Законодательное собрание не могло решиться на подобный шаг, то в ночь на 10 августа и началось восстание парижан против короля. Восстанием руководила инсurreкционная коммуна, состоявшая из делегатов (комиссаров) секций, которые низвергли Коммуну (городской совет), оставив на месте лишь 16 должностных лиц, в том числе мэра Петиона, прокурора Манюэля и товарища прокурора Дантона. Из них и из комиссаров образовалось собрание, известное в истории под именем «Коммуны 10 августа». Главную силу повстанцев составляли беднота предместий и марсельский, бретонский и аллоброгский батальоны. Они наступали двумя колоннами из предместий Сент-Антуанского и Сен-Марсо и в течение ночи стягивались к дворцу Тюильри, охраняемому швейцарскими наемными гвардейцами, несколькими батальонами национальной гвардии, жандармами и добровольцами-дворянами. При наступлении повстанцев на дворец вся эта охрана, за исключением швейцарцев и дворян, перешла на сторону восставшего народа. Король с семьей спасся в Законодательное собрание, швейцарцы в начавшейся схватке были почти все

перебиты, дворец был взят и разгромлен. Когда выяснилась победа народа, Законодательное собрание отрешило короля от должности и заключило его, по требованию Коммуны, в башню Тампль впредь до решения его судьбы Конвентом.

88. *Песнь о 10 августа*—«Le chant du dix août». Par le citoyen Clément, secrétaire du commissaire central. Air: «Un vaste deuil couvrait la France». Взята из сборника L. Damade «Histoire chantée...» Одна из многочисленных песен, прославлявших штурм Тюильри и падение монархии.

«Один из деспотов Европы...»—Людовик XVI.

В. Питт-младший (1759—1806)—английский политический деятель, с 1783 г.—первый министр, упорный враг французской революции.

89. *Карманьола*—«La Carmagnole». Имеется множество изданий ее как в старое, так и в новейшее время. Карманьола—продукт безымянного народного творчества. Сложена она, по всем данным, в период между 13 августа 1792 г., днем заключения Людовика XVI в Тампль, и началом сентября. Карманьола родилась, повидимому, в пролетарских кругах, так как она горячо восхваляет санкюлотов предместьев, преимущественно пролетариев. Она глубоко исторична и весьма точно передает смысл и характер событий 10 августа. Она содержит издевательство над королем и королевой, насмешку над швейцарцами и аристократами, защищавшими королевский дворец, восхваление санкюлотов предместьев и марсельцев с брестским батальоном, штурмовавших Тюильри, прославление жандармов и артиллеристов, перешедших на сторону народа, обвинение короля в измене народу и призывы к единению для отражения врагов народа. Песня чрезвычайно ярко и точно воспроизводит картину революции 10 августа. Мотив Карманьолы, по мнению Тьерсо, был занесен с юга, может быть, теми же самыми марсельцами, которые принесли с

собой в Париж и Марсельезу. Это был мотив «плясового хоровода», из тех, что сохранились во всех французских провинциях в устной передаче. Самое название ее происходит от пьемонтцев, которые каждое лето приходили из Карманьолы и других мест по ту сторону Альп на полевые работы и для сбора винограда в южной Франции. «Люди эти,—говорит Тьерсо,—несомненно танцевали Карманьолу с провинциальными девушками задолго до 1792 г.... Не подлежит сомнению, что марсельцы, находившиеся 10 августа в Париже, тоже плясали ее здесь, и что парижане позаимствовали у них рефрен, прибавив к нему революционный конец». Карманьола дожила до наших дней, постоянно обновляя свое содержание. Во Франции начала XX века она была одной из любимых песен анархистов.

«Вето»—(латинское veto—запрещаю)—ироническое прозвище Людовика XVI и Марии-Антуанеты. По конституционным правилам король мог не давать движениям Национального собрания, налаживать свое вето.

90. *Радость республиканского народа*—«Joie du peuple républicain». Air: «Poissard». Из сборника «Le Triomphe de la Liberté».

Петъ он, Ж. де Вильнэв (1756—1794)—политический деятель, депутат Учредительного собрания и Конвента; был мэром Парижа после Байи; примыкал к партии жирондистов; после революции 31 мая—2 июня 1793 г. бежал с группой жирондистов в провинцию, чтобы поднять восстание против Конвента; потерпев неудачу, спасался в окрестностях Бордо, где и погиб со своим товарищем жирондистом Бюзю в 1794 г. Трупы их были найдены наполовину съеденные волками.

91. *Людовик XVI в башне*—«Louis Seize dans la Tour». Air du pauvre Jacques. Par M. Déduit. Из сборника Нац. Б. уе 35763.

Когда шла борьба перед Тюильрийским дворцом,

Людовик XVI с семьей находился в Законодательном собрании, где ему было зачитано постановление собрания о том, что «глава исполнительной власти (т. е. король) предварительно лишается отправления своей должности до тех пор, пока Национальный конвент не обсудит мер, необходимых, по его мнению, для обеспечения личной безопасности и господства свободы и равенства», и что «до восстановления спокойствия в Париже король и его семейство должны оставаться в стенах Законодательного корпуса». Затем было решено поместить короля с семейством в Люксембургском дворце «под охраной граждан и закона». Но 12 августа делегация революционной Коммуны явилась в Законодательное собрание и указала, что Люксембургский дворец представляет много удобств для побега, а потому Коммуна предлагает заключить короля с семьей в башню Тампль, куда они были доставлены 13 августа. Песня характеризует этот момент и резко подчеркивает, что Людовик—последний король. Автор ее—народный песенник Дедю.

92. *Новая песнь*—«Chanson nouvelle». Взята из книги J. Vujeaud «Chants et chansons populaires de l'Ouest», t. II, 1895. Песня чрезвычайно ярко характеризует изуверские настроения повстанцев. Вандейское восстание, охватившее провинции Бретань, Анжу и Пуату, составляющие собственно Вандею, началось 24 августа 1792 г., в момент вторжения войск коалиции во Францию. Невежественное, фанатичное население Вандеи, главную массу которого составляло крестьянство, относилось отрицательно к революции под влиянием своего духовенства и дворян, поддерживавших оживленные сношения с эмигрантами. Первые попытки восстания были неудачны, но когда в феврале 1793 г. Конвент объявил набор ополчения в 300 тысяч человек, то вандейцы, не желавшие покидать свои провинции и сагитированные контрреволюционной пропагандой духовенства и дворян, подняли массовое восстание. Первоначально движение носило народный ха-

ракет, и командовали полчищами повстанцев люди из простонародья (егерь Стоффле, парикмахер Гастон, извозчик Кателино). Вандейская армия вначале называлась «Христовым воинством». Но затем, по мере роста восстания, во главе его становятся дворяне (Боншан, Ларош-Жаклен, Лескюр, д'Эльбэ, Шаретт), восстание принимает яркий политический характер, идет под лозунгом уничтожения республики и утверждения на французском престоле Людовика XVIII. Теперь вандейцы—уже католическая королевская армия, поддерживающая связь с эмиграцией, получающая поддержку и инструкции из-за границы. Война велась со страшным упорством и ожесточением с обеих сторон. Республиканские войска вначале потерпели ряд поражений, но когда в Вандею был послан майнцкий гарнизон под командованием Гоша, Марсо и Канкло, то сопротивление повстанцев было сломлено; в начале 1795 г. с ними был подписан мирный договор. Но перемирие длилось недолго. 26 июня 1795 г. англичане высадили в Кибероне три полка эмигрантов, но они были разбиты Гошем. В Вандее Шаретт и Стоффле вновь подняли восстание, однако они тоже были разбиты, взяты в плен и расстреляны в 1796 г. Полное покорение Вандеи состоялось только к 1800 г.

93. *Маленькая патриотическая радость*—«Petite gaité patriotique». Air: «Que le sultan Saladin», par un académicien, petit-fils de M. Belle-Humeur et neveu de M. La-Joie, en beau temps chansonnier du Pont-Neuf. Нац. Б. Рукопись 12755, f. 8. (sup. p. 4558). Песня написана на отступление союзников из Франции, после того как им не удалось в битве при Вальми 20 сентября 1792 г. сломить сопротивление французской армии.

«К о р о л ь у л а н с к и й»—Фридрих-Вильгельм, король прусский.

Б р у н с в и к—см. прим. к песне 85-й.

94. *Романс, посвященный толстому Луи, бывшему королю*—«Romance dédiée au gros Louis ci-devant roi». Par Ladré. Из сборника Нац. Б. уе 35763.

«И двадцать пять миллионов...»—25 миллионов франков отпускались королю по его цивильному листу.

95. *Первый вызов Людовика Капета в Конвент*—«Première Comparition de Louis Capet à la Convention». Air d'un Noël. Par Ladré. Из сборника Нац. Б. уе 35763. Конвент, собравшийся 20 сентября 1792 г.; в первом же деловом заседании 21 сентября единогласно постановил, что «королевская власть во Франции упраздняется». Оставалось разрешить вопрос участия Людовика XVI. Особая комиссия, рассматривавшая бумаги, найденные в Тюильри, пришла к выводу, что короля может судить нация и что его должен судить Конвент. Доклад комиссии вызвал горячие прения в Конвенте; но только когда в «железном шкафу» в Тюильри были найдены наиболее секретные, компрометирующие короля бумаги, Конвент объявил 3 декабря, что он сам будет судить Людовика XVI. Комиссии из 21 члена было поручено составить доклад с мотивированным перечнем «преступлений Людовика Капета»; доклад этот был готов 10 декабря, а 11-го был представлен обвинительный акт, заключавший в себе ряд вопросов, на которые Людовик XVI должен был дать ответ в объяснение своего поведения в важнейшие моменты революции. В этот день Людовик был впервые доставлен в Конвент; на все вопросы, предложенные ему, он заявлял, что или не помнит тех фактов, на которые ему указывают, или не признает предъявляемых ему документов или, наконец, в оправдание своих действий, ссылаясь на свои права конституционного монарха. В Конвент его доставили с большими предосторожностями, так как опасались и нападения со стороны роялистов, и эксцессов со стороны крайних элементов. При его возвращении из Конвента раздавались требования о казни и возгласы: «Да здравствует республика! Да здравствует нация!»

96. *Путешествие красного колпака*—«Les voyages du

bonnet rouge». Air: «C'est ce qui me console». Par C. Salles. Из «Almanach des Muses». 1749. «Красный колпак» или «колпак свободы» появился в самом начале революции, как символ свободы. До революции он был обычным головным убором крестьян во многих провинциях Франции. Особенно широкое распространение он получил с 1791 г., став наряду с пикой и Карманьолой непременной частью костюма революционера той эпохи. Первое время горячими сторонниками и пропагандистами его были жирондисты; принадлежавший к ним генерал Дюмурье, назначенный военным министром, надевал его, когда появлялся в клубе якобинцев. Начиная с 15 апреля 1792 г. (дня возвращения с галер солдат полка Шатовье) он приобретает такое значение, что его изображение фигурирует решительно везде: на печатях, деньгах, гербах, знаменах и пр. Он служит официальным головным убором членов Парижской коммуны, его надевают волонтеры, даже конституционные священники совершают церковные службы в красных колпаках. После 9 термидора на него началось гонение, так как с ним связывалась память о якобинской диктатуре. Окончательно он вышел из моды с приходом к власти Бонапарта.

«Отважным санкюлотам...» — выражение «sans-culotte» — санкюлот — вошло в широкое употребление с февраля 1792 г. и буквально значит: «беспорточник». Существует точка зрения, что это выражение не имело презрительного характера, а только подчеркивало разницу между аристократией, носившей короткие панталоны (culotte) и простым народом, носившим длинные брюки. Но это едва ли правильно, ибо culotte могли носить и носили все сословия. Выражение «санкюлот» вначале было оскорбительным. Им аристократы окрестили демократов. Легенда приписывает честь изобретения этого слова аббату Мори, который пустил его по адресу каких-то женщин, недостаточно внимательно слушавших его речь в Учре-

дительном собрании. Мерсье доказывает, что это слово было известно еще до революции. Как бы то ни было, демократия подхватила это слово и придала ему революционное значение, подобно брабантским революционерам, которые в XVI веке из оскорбительного выражения «гёзы»—оборванцы—сумели создать синоним патриота-революционера. «Санкюлот» во время революции был синонимом честного гражданина, подлинного патриота.

97. *Колпак свободы*—«Le Bonnet de la Liberté». Air: «Du haul en bas». Версальская библиотека. Рукописный сборник «Recueil de chansons...» No. 177 (13 M).

«Особы столь священной...»—римского папы.

98. *Совет санкюлотам*—«Conseil aux sans-culottes». Air: «C'est ce qui me console». Par Despréaux. Из сборника L. Damade «Histoire chantée...». Автор песни—Ж. Депрео, драматический писатель и балетный танцор (1748—1820). Одна из многочисленных песен, в которой контрреволюционные элементы издевались над патриотами.

99. *Республиканская песнь*—«Chant Républicain». Из сборника L. Damade «Histoire chantée...».

100. *Романс французам*—«Romance aux Français». Air: «Pauvre Jacques». Из рукописного сборника Версальской библиотеки «Recueil de chansons...» № 177 (13 M). Песня относится к периоду суда над Людовиком XVI.

101. *Людовик XVI к французам*—«Louis XVI aux Français». Romance. Air: «Pauvre Jacques». Перепечатан во многих изданиях. Нами взят из статьи Олара «Le royalisme à l'armée du Nord en juin 1793» в «La Révol. Fr.», t. 22, 1892. Во время процесса над Людовиком роялисты употребляли все усилия, чтоб добиться если и не полного помилования его, то хотя бы смягчения его участи. И если в памфлетах они доказывали, что короля не имеют права судить и что народ должен восстать, освободить Людовика и восстановить его на престоле, то в песнях они старались

вызвать сострадание к участи короля и его семья и доказать несправедливость обвинений против него. Этот романс, по словам Олара, был рожден в тысячах экземпляров и публично пелся в Париже в тот самый день, когда была произнесена защитительная речь короля.

102. *Песнь о героической смерти Мишеля Лепелетье-де-Сен-Фаржо*...—«Complainte sur la Mort héroïque de Michel le Pelletier de S. Fargeau, ci-devant Président à mortier, défenseur du peuple, député à la Convention Nationale, assassiné par Paris, garde du dernier des tirans, le 20 janvier 1793, deuxième de la République française». Par Leveau, chanteur républicain. Air du Maréchal de Saxe. Нац. Б. Сборник песен. уе 35763.

Л. М. Лепелетье-де-Сен-Фаржо (1760—1793)—депутат Учредительного собрания и Конвента. Во время процесса короля голосовал за казнь его. 20 января 1793 г. он был убит королевским гвардейцем Парисом, желавшим отомстить за осуждение короля кому-либо из депутатов, судивших Людовика. Лепелетье были устроены торжественные похороны, и прах его был помещен в Пантеоне.

103. *Смерть Людовика Капета*—«La mort de Louis Capet». Air de Viron. Нац. Б. Сборник песен. уе 35763. 17 января 1793 г., после тридцатичетырехчасового непрерывного заседания Конвента, Людовик был приговорен к смертной казни. Казнь состоялась утром 21 января 1793 г. Против попыток со стороны роялистов освободить короля были приняты чрезвычайные меры. Весь город превратился в вооруженный лагерь, всюду ходили патрули, двойная цепь войск стояла шпалерами от башни Тампля до места казни на площади Революции. Все обошлось без происшествий. Только на полпути несколько человек, прорвав цепь солдат, бросились к карете, в которой везли короля, с криком: «К нам, французы! К нам, кто желает спасти короля!» Не встретив поддержки, эти люди обратились в бегство, причем двое из них были изруб-

лены при попытке скрыться. На эшафоте Людовик хотел обратиться к народу с речью, но был быстро гильотинирован. Когда палач показал его голову народу, раздались крики: «Да здравствует нация! Да здравствует республика!» Через два часа после казни жизнь в Париже текла совершенно нормально; даже спектакли в театрах прошли, как обычно. Спокойствие в городе не было ничем нарушено. «Народ оказался на высоте своего положения»,—писали газеты.

104. *Смерть королям!*—«Le cri de mort contre des rois». Air: «Aussitôt que la lumière». Par Th. Rousseau. Из его сборника «Les chants...». Казнь Людовика XVI вызвала разрыв дипломатических отношений Франции с целым рядом государств. Конвент, осуждая Людовика XVI на смерть, осуждал тем самым весь институт монархии, «бросая Европе королевскую голову, как перчатку». Этот жест скрепил союз монархов против революционной Франции. 24 января 1793 г. Англия выслала французского представителя Шовелена, а премьер-министр Питт в Палате общин заявил о необходимости отомстить «за самое гнусное и самое жестокое злодеяние, какое занесено на страницы истории». 1 февраля 1793 г. Конвент объявил войну Англии, которая договорилась о союзе и субсидиях с Россией, Пруссией, Сардинией и Неаполем. 7 марта была объявлена война Испании. Таким образом Франции предстояла борьба с сильнейшими державами Европы.

Б а т а в и я—Нидерланды.

А л ь б и о н—Англия.

А л к и д ы—потомки Геркулеса.

105. *Бешенство и безумье королей*—«La fureur et la folie des rois». Chanson sur l'air de la Marseillaise. Par le citoyen Daiteg. Листовка. Нац. Б. Pièce 8°. ye 5541. Песня, относящаяся к моменту разрыва дипломатических сношений с европейскими державами после казни Людовика XVI.

106. *Пробуждение дядюшки Дюшена*—«Le Réveil du père Duchêne». «Chanson b...g...m...t patriotique». Air:

«Aussitôt que la lumière». Из рукописного сборника Парижской Оперы «Histoire de France en chansons». Рукопись 263—В. Песня № CCCVI. Песня характерна призывом к упразднению рубежей, освобождению всех народов от тиранов и братскому союзу народов. В переводе сильно смягчена. О «дядюшке Дюшене»—см. прим. к песне 60-й.

107. *Триумф Марата*—«Triomphe de Marat». Par son ami Déduit, chansonnier de la République Française. Air: «L'amour dans le coeur d'un Français». Листовка. Bibl. du Sénat. Cart. 6. Cote 362. Песня характеризует один из эпизодов борьбы жирондистов с Маратом. 5 апреля 1793 г. якобинский клуб разослал по Франции, за подписью Марата и других депутатов и членов клуба, послание, в котором предлагал для успешной борьбы с контр-революцией арестовать всех врагов революции, гнездящихся в правительстве, в самом Национальном конвенте. Конвент постановил арестовать Марата и предать его суду. Марат скрылся, но явился на суд, состоявшийся 24 апреля. Он был торжественно оправдан. Огромное количество его сторонников устроило ему триумфальное шествие к Конвенту, куда его внесли на руках увенчанного венком из дубовой листвы.

108. *Песнь о максимуме*—«Chanson du maximum». Air: «Qu'en voulez-vous dire». Par Ladré. Взято из сборника L. Damade «Histoire chantée...». «Максимум», т. е. предельные цены на предметы первой необходимости, был установлен Конвентом 4 мая 1793 г., после длительной борьбы между жирондистами и монтаньярами, поддерживавшими требования народных масс, возглавлявшихся «бешеными». Первоначально максимум был установлен на хлеб в зерне, но обострение продовольственного кризиса вызвало дальнейшее расширение законодательства о максимуме, и 19 сентября 1793 г. был издан закон о всеобщем максимуме для предметов первой необходимости, перечисленных в законе. Максимум помог городам, в первую очередь Парижу,

справиться с вопросами о продовольствии, но вызвал упорное сопротивление городской и сельской буржуазии. А так как он устанавливал предел заработной платы, то стал в конечном итоге вызывать недовольство рабочих. После падения Робеспьера он постепенно ослаблялся и был окончательно отменен 24 декабря 1794 г. Эту песню ошибочно относят к 1 мая 1793 г. (Damade). По всем данным, она возникла в более позднее время, так как в ней упоминается новый календарь с декадами, отменой воскресенья и пр., что произошло в октябре—ноябре 1793 г. Мы помещаем ее в данном разделе для характеристики настроений тех групп, которые выдвинули требование всеобщего максимума.

109. *Куплеты на триумф Горы, породившей республиканскую конституцию*—«Couplets sur le Triomphe de la Montagne, qui a enfanté la Constitution Républicaine». Air: «De la croisée». Par citoyen Person. Из его сборника «Chants républicains et poésies patriotiques». Paris, An III. Конституция 1793 г. была принята Конвентом 24 июня; творцом ее был Эро де Сешель. Она отличалась крайним демократизмом, вводила всеобщее прямое избирательное право, устанавливала однопалатную систему и выборность всех чиновников пародом. Первичные собрания могли опротестовывать законы в течение определенного срока по издании их. Всем французам гарантировались «равенство, свобода, безопасность, собственность». Конституция была принята 10 августа 1793 г., но ввиду грозного положения, переживаемого страной, ее введение было отсрочено до заключения мира.

Автор песни, инженер Персон, во время правления Робеспьера восхвалял «святую Гору» и монтаньяров, а на другой день после падения Робеспьера, захлебываясь от радости, ликовал, что погиб «Роберт-Дьявол», «отвратительное чудовище», «гилютинер» и т. п.

Болотными жабами в Конвенте называли группу депутатов, занимавших центр (Болото, Равнину)

и голосовавших обыкновенно с теми, за кем они чувствовали в данный момент силу.

«И скоро свора эта злая загрохотала вниз с Горы...»—Речь идет о поражении жирондистов.

110. *Патриотическая песнь*—«Chanson patriotique». Air: «C'est ce qui me console». Par Aristide Valcour. Помещена в протоколах якобинского клуба. В отчете о заседании 7 июля 1793 г. говорится: «Гражданин Валькур спел сложенную им патриотическую песню, которая будет воспроизведена на обложке Конституции, печатаемой Обществом якобинцев, и бесплатно роздана всем гражданам» («La Société des Jacobins», t. V, p. 288). Далее идет самый текст песни. Автор песни, Аристид Планше де Валькур, драматический писатель, служил в канцелярии Комитета общественного спасения.

Сен-Лоран—день св. Лаврентия—10 августа. В этот день пало Тюильри.

Брунсвик—см. прим. к песне 93-й.

Фредерик—см. прим. к песне 93-й.

Капет—Людовик XVI.

Генерал Дюмурье, Ш.-Ф. (1739—1824)—командовал северной армией, одержал победы при Вальми-Жемаппе, завоевал Бельгию, но проиграл сражение при Нервиндене. Смещенный со своего поста Конвентом, он пытался поднять восстание и двинуть армию против Конвента. Однако армия отказалась повиноваться, и Дюмурье пришлось бежать 5 апреля 1793 г. к австрийцам. Он умер в изгнании.

«Изменическим был Сенат...»—Конвент в период господства жирондистов.

Монтаньяры—левое крыло Конвента, занимавшее верхние скамьи в зале заседаний. Montagne—значит «гора».

111. *Гимн в честь Марата, Друга Народа, мученика свободы*—«Hymne pour le jour de la fête de P. Marat, l'Ami du Peuple, Martyr de la Liberté». 10-е mois de l'année républicaine (13 juillet). Par le républicain Th.

Rousseau. Air des Marseillois. Взято из сборника L. Damade «Histoire chantée...».

«Похищен с груди твоей он...»—см. прим. к песне 58-й.

«Федералистов» — жирондистов, борзвшихся против централизма монтаньяров.

«От черной руки роялистов...»—обычное обвинение жирондистов в роялизме.

112. *Гимн смерти*—«Hymne de Mort». Air: «Veillons au salut de l'Empire». Взято из «Mémoires de Louvet de Couvraу». 1823, pp. 169—170. Гимн этот написан жирондистом Лувэ де Куврэ в то время, когда он скрывался от преследования монтаньяров. Он сам пишет в своих мемуарах: «Я сочинил мой «Гимн смерти». Я хотел, если попаду в руки моих врагов, петь его, отправляясь на эшафот».

Лувэ де Куврэ, Ж.-Б. (1760—1797)—литератор, автор известного романа «Приключения кавалера Фоблаза», был депутатом Конвента, принадлежал к группе жирондистов и был яростным противником монтаньяров, постоянно выступая против Дантона, Марата и Робеспьера. После 2 июня 1793 г. он бежал с группой жирондистов в Нормандию, где пытался организовать восстание против Конвента, но неудачно. 28 июля был объявлен вне закона, скрывался в разных местах, в том числе и в Париже, где дождался переворота 9 термидора, когда смог вернуться в Конвент. Его приключения за этот период описаны в его воспоминаниях, очень ярко передающих настроения революционной Франции и объясняющих нам, почему все попытки Лувэ и его товарищей поднять население против Конвента окончились неудачей. Воспоминания проникнуты глубочайшей ненавистью к монтаньярам, особенно к Марату. После Конвента Лувэ был депутатом Совета пятисот. Умер в 1797 г., окончательно разочаровавшись в политической деятельности. Ромэн Роллан вывел его в своей драме «Игра любви и смерти».

Колло—Колло д'Эрбуа, Ж.-М. (1750—1796)—

артист и драматург. Депутат Конвента, мятежник, член Комитета общественного спасения, один из участников переворота 9 термидора. С наступлением реакции был сослан в Кайенну (в Гвиане), где и умер.

«Так в Лионе решает народ...»—см. прим. к песне 118-й.

«Ты, что долго была моей милой...»—жена Лувэ—Лодоиска.

Аббатство—тюрьма при Сен-Жерменском аббатстве, в которой в сентябрьские дни 1792 г. было перебито много заключенных контрреволюционеров, особенно священников.

«Зверь»—Марат.

«Дева»—Шарлотта Кордэ.

«Ненависть наша убила Марата...»—см. прим. к песне 58-й.

«Елисейские страны» (греч. миф.)—местопребывание душ умерших, страна блаженных.

Сидней, А. (1622—1682)—английский политический деятель, противник Стюартов, был казнен в эпоху Реставрации за участие в заговоре.

113. *Песнь о Шаретте*—«Chanson de Charette». Из книги S. Trebusq «La chanson populaire en Vendée», 1896.

Шаретт, Фр. де ла Контри (1763—1796)—один из видных вождей вандейских повстанцев. Морской офицер, эмигрировал в 1790 г., но затем вернулся во Францию и поднял восстание в Пуату. Овладел Порником и Машкулем, где перебил всех республиканцев; пытался взять Нант, но был отбит. Действовал главным образом самостоятельно, был очень жесток и смел; после ряда успехов и поражений был окончательно разбит 23 марта 1796 г., взят в плен и расстрелян в Нанте 29 марта 1796 г.

Капкло Ж. (1740—1817)—офицер королевской армии, перешедший на сторону революции. В 1793 г. был направлен в Вандею, где в июле 1793 г. выдержал осаду Нанта, окруженного 80 тысячами вандейцев, затем разбил Шаретта при Монтею, одержал победу

при Мортанье, однако в связи с обострившимся положением был отозван из армии как дворянин.

«Король»—т. е. Людовик XVI.

Песня крайне преувеличивает успехи Шаретта, поскольку он терпел поражения в крупных столкновениях с регулярными войсками и преимущественно действовал партизанскими налетами, делавшими его долгое время неуязвимым для республиканцев.

114. *Осада Монтегю*—«Le siège de Montaigu». Из книги J. Vujeaud «Chants et chansons populaires de l'Ouest», t. II, 1895. Народная песня, в наивной форме передающая один из эпизодов вандейского восстания: Шаретт пытается взять Монтегю, но туда является со своей армией генерал Канкло и заставляет снять осаду. Песня описывает только первый момент этого эпизода.

115. *Вандейская карманьола*—«La Carmagnole Vendéenne» (Septembre, 1793). Из книги J. Vujeaud «Chants et chansons...». Республиканская песня, связанная с прибытием в Вандею майнцского гарнизона (см. прим. к песне 120-й). Характерна своим боевым настроением и призывами к беспощадной борьбе.

116. *Куплеты о республиканском календаре*—«Couplets sur le Calendrier républicain». Air du Prévôt des marchands. Налечтаны в «Annales historiques de la Révolution Française», 1926, № 17, p. 497. Революционный календарь, выработанный Жильбером Роммом и исправленный Фабром д'Эглантином, был введен в действие 5 октября 1793 г., причем началом новой эры для Франции считался день основания Республики, т. е. 22 сентября 1792 г. Год делился на 12 равных месяцев по 30 дней в каждом. Три осенних месяца получили название: *вандельмер*—месяц сбора винограда, *брюмер*—месяц туманов, *фример*—месяц заморозков. Зимние месяцы были: *нивоз*—месяц снега, *плювиоз*—месяц дождя, *вантоз*—месяц ветров. Весенние месяцы: *жерминаль*—месяц образования почек и ростков, *флореаль*—месяц, когда распускаются цветы, *прериаль*—месяц сенокоса. Летние месяцы: *мессидор*—месяц колосьев, *термидор*—

месяц солнечного и земного зноя, *фруктидор*—месяц плодов. Каждый месяц делился на 3 декады, причем первый день декады назывался примиди, второй—дюоди, третий—триди и т. д., десятый—декади—считался праздничным днем. За 12 месяцами следовали для пополнения года 5 дней, называемые санкюлотидами. Шестая санкюлотида, выпадающая на високосные годы, посвящалась, в подражание древней Олимпиаде, играм. Имена святых, приуроченные к каждому дню недели, были заменены названиями «сокровищ сельского хозяйства». Этот календарь просуществовал до 1 января 1806 г., когда Наполеон велел заменить его старым католическим календарем.

Р о м м, Ш.-Ж. (1750—1795)—член Конвента, главный творец революционного календаря. Был приговорен к смертной казни за участие в прериальском восстании (1795 г.), но поразил себя кинжалом после оглашения приговора, так же как и его соучастники по процессу: Субрани, Бурбот, Гужон, Дюкенуа и Дюруа.

Ф а б р д'Э г л а н т и н (Филипп-Франсуа Назер; 1755—1794)—поэт, драматург, член Конвента. Он придумал названия месяцев и дней революционного календаря. Принадлежал к группе Дантона и был гильотинирован вместе с ним 5 апреля 1794 г.

117. *Декада*—«La Décade». Air: «Au diable soit le vicaire». Из сборника «Les républicaines, chansons populaires de 1789, 1792 et 1830», t. I, Paris, 1834.

Декада—см. прим. к песне 116-й.

118. *Сдача города Лиона*—«La Reddition de la ville de Lyon». Air de la Carmagnole. Par le citoyen Serrieys. Из сборника разных листовок. В. V. P. 9312. Лион, крупный промышленный центр, производивший главным образом предметы роскоши и торговавший ими, уже в 1790 г. пытался поднять восстание против Учредительного собрания, но оно было легко подавлено. Во время последних схваток жирондистов с монтаньярами он снова провозгласил восстание, начавшееся 29 мая 1793 г. Мятежники продержались до 9 октября 1793 г.

когда им пришлось капитулировать перед революционной армией. Роялист Преси, стоявший во главе обороны Лиона, успел бежать в Швейцарию с частью своих приверженцев. Конвент 12 октября 1793 г. издал декрет, гласивший: «Город Лион будет уничтожен. Жилища всех богатых будут разрушены... Имя Лиона будет вычеркнуто из списка городов республики» и т. д. Впрочем дело ограничилось разрушением нескольких домов на площади Белькур и казнью уцелевших мятежников, проведенной эмиссарами Конвента—Фушэ и Колло д'Эрбуа.

Георг—английский король.

«В Тулоне...»—см. прим. к песне 130-й.

Питт—см. прим. к песне 88-й.

«Кобург-брат»—принц Саксен-Кобургский, командующий австрийской армией.

119. *Диалог тигрицы Антуанеты с гильотиной в день ее казни*—«Dialogue de la Tigresse Antoinette avec la Guillotine, le jour de son exécution». Air: «Jeunesse trop coquette». Над. Б. Листовка. 35763. Мария-Антуанета была гильотинирована 16 октября 1793 г. на основании решения Революционного трибунала, признавшего ее причастной «к интригам и сношениям с иностранными державами и другими внешними врагами республики, каковые интриги и сношения имели целью доставить им денежную помощь, открыть им доступ на французскую территорию и облегчить им военные операции на ней». Уличная песня является отражением той ненависти, которую королева сумела внушить широким кругам революционной демократии, отлично знавшим о влиянии Марии-Антуанеты на безвольного Людовика XVI, об ее реакционных взглядах и интригах, о сношении с заграницей и стремлении восстановить какой бы то ни было ценой старую монархию.

«Десятого числа...»—10 августа 1792 г.

Петигон—см. прим. к песне 90-й.

120. *Патриотическая песнь*—«Chanson patriotique». 16 octobre. Air: «Aussitôt que la lumière». Par le citoyen

Couret. Из сборника L. Damade «Histoire chantée...». Ввиду того, что вандейское восстание все разрасталось, Конвент постановил 1 августа смирить Вандею огнем и мечом и перебросить в нее майнцкий гарнизон, состоявший из испытанных в бою солдат. Эта так называемая Майнцкая армия прибыла в Вандею 10 августа, а уже в середине октября 1793 г. наметился перелом в военных действиях в пользу республиканцев. Этот момент и отмечает песня, рисуя в то же время жестокий и беспощадный характер войны, в чем большую роль играл религиозный фанатизм вандейцев.

121. *Санюлоты*—«Les Sans-culottes». Chanté sur le Théâtre du Vaudeville le 26 octobre. Paroles de Barré, Léger et Boisière. Из сборника L. Damade «Histoire chantée...». Куплеты принадлежат трем лицам, авторам многочисленных комедий и водевилей с пением.

122. *Депутаты-заговорщики перед лицом Революционного трибунала*—«Les députés conspirateurs devant le Tribunal criminel Révolutionnaire». Air: «Tous les bourgeois de Chartres». Нац. Б. Рукопись. «Fr. nouv. acq.» 10396, pp. 319—322. Анонимная песня отражает ненависть, накопившуюся против партии жирондистов за их борьбу с революционной демократией и восстания, которые они поднимали против Конвента, не стесняясь даже входить в сделки с иностранными державами и отдавая в их руки французские города, например Тулон. Первое время после удаления вождей Жиронды из Конвента они не подвергались особенным преследованиям; находясь под домашним арестом, они могли ходить по Парижу в сопровождении жандарма, получали депутатское жалование и т. п. Однако, когда часть их бежала из Парижа, чтобы поднять восстание против Конвента, революционному правительству пришлось прибегнуть к суровым мерам самообороны. Оставшиеся в Париже вожди жирондистов были преданы суду Революционного трибунала, который приговорил их к смертной казни за участие в заговоре «против единства и неделимости республики, против

блага и безопасности французского народа». 31 октября 1793 г. они были казнены в количестве 21 человека. Песня называет только некоторых из казненных, приводя в то же время имена других, не судившихся с данной группой.

Петион—см. прим. к песне 90-й.

Бриссо де Варвилль, Жан-Пьер (1754—1793)—играл видную роль в эпоху революции; еще в 1789 г. начал издавать газету «Французский патриот», пользовавшуюся большой популярностью. Был избран в члены Законодательного собрания, где явился руководителем группы «бриссотистов», позднее образовавших ядро жирондистской партии. Пользовался вначале большим влиянием в демократических кругах, но постепенно утратил его, особенно из-за проповеди войны с монархической Европой. В Конвент попал уже не от Парижа, а от департамента Эры и Луары. В Конвенте вел упорную борьбу с Парижской коммуной, Горой и всеми левыми элементами, считавшими, что революция еще не закончена. В последнем своем памфлете прямо требовал роспуска Парижской коммуны и закрытия яacobинского клуба. После изгнания из Конвента (2 июня 1793 г.) некоторое время скрывался, но затем был арестован в Мелене и предан суду Революционного трибунала. Из его многочисленных произведений особенно интересно «Философическое исследование о праве собственности и воровстве» (10 томов, 1782—1786 гг.), где он развивал положение, что «собственность есть кража», предвосхищая, таким образом, идею Прудона.

Бюзон, Фр.-Н. (1760—1793)—депутат Учредительного собрания и Конвента, горячий жирондист. После изгнания из Конвента пробрался вместе с Петионом в Нормандию, где пытался поднять восстание против Конвента. Потерпев неудачу, они оба скрылись на юге, где также безуспешно пытались поднять своих сторонников против Конвента. Долгое время скрывались в окрестностях Бордо, а затем, видя, что их

убежище открыто и что нет никаких шансов на успех их дела, оба покончили с собой в июле 1794 г.

Иснар, М. (1761—1830)—депутат Законодательного собрания и Конвента, видный жирондист. Удачно ускользнув от революционного правосудия, он вернулся в Конвент после 9 термидора; позднее был членом Совета пятисот. В дальнейшем работал по судебному ведомству и не занимался политической деятельностью. Он действительно, как отмечает песня, отличался любовью к красноречию, далеко не всегда удачному.

Аббат Ф о ш а, Клод (1744—1793)—член Конвента, жирондист, конституционный епископ Кальвадоса. Его подозревали в пособничестве террористическому акту Шарлотты Кордэ. Гильотинирован 31 октября 1793 г.

Горса А.-Ж. или Горсас (1752—1793)—публицист, член Конвента, жирондист. После 2 июня 1793 г. скрывался в провинции, пытаясь поднять там восстание, затем вернулся в Париж, был узан, арестован, судим и гильотинирован 7 октября 1793 г. Он был казнен первым из жирондистов.

Г ю а д э, М.-Э. (1758—1794)—депутат Законодательного собрания и Конвента, жирондист. После 2 июня бежал в Кальвадос, где пытался поднять восстание против Конвента. Потерпев неудачу, пробрался на юг и скрывался в окрестностях Бордо. Был узан и гильотинирован в Бордо 15 июня 1794 г.

Рабо-Сент-Этьен, Ж.-П. (1743—1793)—депутат Учредительного собрания и Конвента, жирондист. После 2 июня скрывался в Париже, был объявлен вне закона, арестован и гильотинирован 5 декабря 1793 г.

123. *Дворянство патриота*—«La noblesse du Patriote». Air: «Le connais-tu, ma chère Eléonore». Из сборника L. Damade «Histoire chantée...». Песня конца 1793 или начала 1794 г. Она интересна противоположением понятий благородства происхождения и благородства таланта, приложенного к труду.

Жеммап—при Жеммапе 6 ноября 1792 г. французские войска под командой Дюмурье одержали решительную победу над войсками коалиции.

Тулон—см. прим. к песне 130-й.

124. *Санкюлот*—«Le sans-culotte». Из сборника L. Damade «Histoire chantée...». Песня эпохи террора.

«То шеей угодишь под нож...»—т. е. под нож гильотины.

125. *Гимн Разуму*—«Hymne à la Raison». Décembre 1793. Paroles de citoyen Grétry. Из сборника L. Damade «Histoire chantée...». Культ Разума возник под влиянием противохристианских тенденций некоторых слоев революционной демократии, особенно гебертистов. В начале ноября 1793 г. Мари-Жозеф Шенье требовал в Конвенте учреждения светской религии—религии отчизны, «общей матери и общего божества»; это предложение было встречено Конвентом рукоплесканиями. Через два дня, 7 ноября, прокурор Коммуны Шометт, мэр Парижа Паш, Анархарсис Клоцц и другие гебертисты устроили в Конвенте торжественное отречение Парижского епископа Гобеля и его епархиального совета. Гобель, явившись в Конвент со своими vicarями, произнес речь, которую закончил словами: «Ныне, когда больше не должно существовать никакого иного государственного и национального культа, кроме культа Свободы и святого Равенства, всенародно возвещаю вам, что я отказываюсь от сана католического священнослужителя. Присутствующие здесь граждане, мой vicарии, присоединяются ко мне». Председательствующий в этот день Лалуа ответил: «Верховное существо не желает иного культа, кроме культа Разума, и этот единственно предписываемый им культ будет отныне национальной религией». После этого Гобель, сложив с себя знаки епископского достоинства, облачился в красный колпак, что исполнили и его vicарии, а вслед за ними и остальные духовные лица, заседавшие в Конвенте, за исключением Гре-

гуара. 10 ноября 1793 г. культ Разума был торжественно освящен в Париже, в храме Парижской богородицы (Notre Dame de Paris), а затем распространился и по провинции; однако позднее он встретил противодействие со стороны Робеспьера и должен был уступить место культу Верховного существа. В честь Разума было сложено множество гимнов и песен, одну из которых мы и приводим. Она написана известным композитором Гретри.

126. *Куплеты кюрэ, женившегося на молодой монашенке*—«Couplets chantés par un curé qui épouse une jeune soeur grise». Air: «De la croisée». Из «Almanach des Muses», 1794. Юмористическая песенка конца 1793 г., посвященная вопросу женитьбы священников. Ввиду преследования духовенства, начавшегося с апреля 1793 г., многие священники, чтобы доказать свою лояльность, женились, ибо женатый священник, принесший конституционную присягу, «не мог быть подвергнут ни ссылке, ни тюремному заключению». В течение 1793 г. поженилось около 2 тысяч священников.

127. *Поповское отродье*—«Les calotins». Из рукописного сборника Парижской Оперы «Histoire de France en chansons». Рукопись 263-В. Песня № ССХС. Ироническая песня эпохи террора, связанная, повидимому, с культом Разума, закрытием церквей и попытками установить светскую религию.

128. *Ненужность духовенства*—«L'inutilité de prêres». Par Piis. Chanté à la section des Tuileries et sur le Théâtre du Vaudeville. Air du Vaudeville des Visitandines. Из сборника «Chansons patriotiques». Par chevalier Piis. Paris, An II. Песня относится к периоду антирелигиозного движения конца 1793 г. Автор ее Пьер-Антуан Шевалье де Пиис (1755—1832)—литератор и драматург, один из плодовитых песенников эпохи революции, дал до 50 песен. Роялист по своим взглядам, он, однако, с одинаковым успехом служил всем правительствам и даже был генеральным секретарем

префектуры полиции с 1800 по 1815 г. Еще при жизни, в 1810 г., издал собрание своих избранных произведений в 4 томах.

129. *Литейщики Республики*—«Les fondateurs de la République». 1793. Air: «Fidèle époux, franc militaire». Из рукописн. сборника Парижской Оперы «Histoire de France en chansons». Рукопись 263-В. Песня № СССV. Контрреволюционная песня эпохи террора, когда в целях обороны переливали колокола на пушки. Автор ее оказался плохим пророком: непреклонная энергия Комитета общественного спасения помогла организовать оборону Франции и справиться как с внешними, так и с внутренними врагами.

130. *Сдача Тулона*—«Toulon soumis». Fait historique. Air de la Carmagnole. Из сборника L. Damade «Histoire chantée...». Тулон восстал против Конвента 12 июля 1793 г., причем адмиралы Трогоф и Шоссро и высшие чины флота присоединились к мятежникам. Два депутата; Бейль и Бовэ, были заключены в крепость, а виднейшие республиканцы казнены. Людовик XVII, сын казненного Людовика XVI, сидевший в Париже в тюрьме, был провозглашен королем. 27 августа Тулон окончательно перешел на сторону неприятеля: английская и испанская эскадры вошли в тулонский рейд, захватили французскую эскадру, высадили десантные войска и вступили во владение крепостью, объявив, что удержат ее впредь до передачи французскому королю по заключении мира. Конвент предпринял осаду Тулона, в которой отличился, между прочим, в качестве начальника артиллерии молодой Бонапарт. Благодаря энергичным действиям республиканских войск союзники вынуждены были очистить крепость, и 19 декабря их гарнизон с частью тулонских роялистов отплыл на англо-испанской эскадре. В тот же день в Тулон вступили республиканские войска. Мятежники, взятые с оружием в руках, и часть наиболее активных участников восстания были расстреляны.

131. *Народные куплеты...*—«Coup!ets populaires». Par le citoyen Piis. An deuxième de la Liberté. Из сборника L. Damade «Histoire chantée...».

«Занят был Тулон...»—Тулон был отбит у англо-испанцев 19 декабря 1793 г. См. прим. к песне 130-й.

Ландау.—Крепость Ландау была блокирована пруссаками в течение 4 месяцев. На этом фронте против пруссаков, действовавших под начальством герцога Брауншвейгского и австрийцев, напиравших под командой Вурмзера со стороны Страсбурга от Виссембургских позиций, стояли Мозельская и Рейнская армии французов, под командой Гоша и Пишегрю. По прибытии на фронт Сен-Жюста верховное командование обеими армиями перешло к Гошу. 26 декабря 1793 г. произошло генеральное сражение, в котором союзники потерпели поражение. Французы вступили в Виссембург и освободили Ландау (28 декабря). Пруссаки очистили также Шпейер, и Эльзас был освобожден от неприятеля после отхода австрийцев на Рейн.

Виссембург—см. предыдущее прим.

Шпейер—см. предыдущее прим.

132. *Гора*—«La Montagne». Air: «De la croisée». Par le citoyen Garlicourt. Из «Almanach des Muses». Песня прославляет Гору, левое крыло Конвента, получившее свое название от верхних скамей, на которых располагались в Конвенте представители революционной мелкой буржуазии.

Болото—см. прим. к песне 109-й.

133. *Романс Н. Монжурдена...*—«Romance de N. Monjourdain, ancien commandant du bataillon de la section Poissonnière». Air du Vaudeville de la sourée orangeuse. Взят из «Almanach des prisons». An III de la République.

Монжурден, Никола был гильотинирован в феврале 1794 г. по обвинению в борьбе против народа в день 10 августа 1792 г. В тюрьме Консьержери он сложил свой романс, пользовавшийся большой попу-

Лярностью в эпоху террора как среди заключенных, так и во всем Париже.

Фукье-Тенвиль, А.-К. (1746—1795)—государственный обвинитель при Революционном трибунале в эпоху террора.

134. *Гимн селитре*—«Hymne de Salpêtre». Из «Gazette Nationale, ou le Moniteur Universel», № 152, Duodi, 2 ventôse, an II (20 февраля 1794 г.). Война требовала огромного количества пороха. Изготавлился он в то время из селитры, серы и древесного угля, причем селитра составляла 75% общей смеси. Она ввозилась главным образом из Индии; война с Англией прекратила ее доставку. Во Франции добывалось до революции около 4 миллионов фунтов селитры, во II же году армии понадобилось в кратчайший срок до 20 миллионов фунтов. Возник вопрос: где достать такое количество селитры? Комитет общественного спасения обратился за помощью к ученым. Те указали, что почва Франции заключает селитру в достаточном количестве и что ее можно добывать во всех конюшнях, во всех погребах, во всех подвалах и т. д. Была выработана инструкция для добычи селитры, устроены селитряные мастерские, созданы краткосрочные курсы для подготовки специалистов порохового дела и т. д. Ученые выработали упрощенные способы добычи селитры и изготовления пороха. Скоро, при общем революционном подъеме, армия получила полностью потребное ей количество пороха и могла весной 1794 г. перейти в наступление. Приводимая нами песня характеризует настроения лиц, работавших по изготовлению пороха и добыванию селитры. 30 пловизоа II года (18 февраля 1794 г.) секция Французских гвардейцев и Елисейских полей в сопровождении трех членов генерального совета Коммуны явилась в Конвент показать ему селитру, изготовленную их трудами. Они несли лопаты, заступы и другие орудия землекопов и котлы, наполненные селитрой. Они пели приводимую нами песню, которая была встречена, по словам га-

зеты, горячими аплодисментами Конвента. Подобных выступлений было довольно много; происходили даже целые празднества в честь селитры.

135. *Куплеты патриотов Сент-Антуанского предместья*—«Couplets des Patriotes du faubourg Saint-Antoine». Ventôse de l'an II de la République Française. Air: «Aussitôt que la lumière». Par le citoyen Radet. Из сборника L. Damade «Histoire chantée...».

Сент-Антуанское предместье, заселенное преимущественно рабочими, мелкими ремесленниками и городской беднотой, было главным центром, дававшим революционных бойцов при всех народных движениях эпохи революции.

136. *Жалоба дядюшки Дюшена*—«Complainte du père Duchêne». Paroles de J.-J. Dussault. Напечатана в газете «Rougyff, ou Le Franck en vedette» № 89, 4 Germinal (24 марта 1794). Песня посвящена казни Гебера и распевалась на улицах Парижа в тот момент, когда его и его сторонников везли к эшафоту. Жак-Рене Гебер (1757—1794)—журналист и видный политический деятель эпохи революции. Широкую известность он приобрел своей газетой «Дядюшка Дюшен» (см. прим. к песне 60-й), пользовавшейся большой популярностью среди парижских рабочих и ремесленников, интересы которых она старалась отражать. Его нарочито грубый, часто циничный язык был понятен народным низам, а резкие выпады против власть имущих встречали сочувствие у изголодавшейся бедноты. В августе 1792 г. Гебер работал в революционной Парижской коммуне, а с декабря 1792 г. был избран на должность второго заместителя прокурора Коммуны. Принадлежа к левому крылу монтаньяров, он зимой 1792—1793 г. упорно выступал против жирондистов и был даже арестован Комиссией двенадцати, но скоро освобожден под давлением Коммуны и секций. В дальнейшем он вел последовательную борьбу против соглашательской политики Конвента, добивался подлинно революционного ведения войны, чистки командного состава

армии, решительной борьбы со спекулянтами, установления максимума на продовольственные продукты и пр. Осенью 1793 г. он был одним из руководителей революционного движения в Париже, заставившего Конвент провозгласить массовый набор, установить террор как систему борьбы с контр-революцией, обновить Комитет общественного спасения и пр. Вместе с прокурором Шометтом он был руководителем противохристианского движения и одним из организаторов культа Разума. Зимой 1793—1794 г. он стал выступать против Робеспьера, призывая своих сторонников, группировавшихся вокруг клуба кордельеров и Коммуны, к восстанию против Конвента. Это дало Робеспьеру повод расправиться с Гебером и его сторонниками. Они были арестованы 14 марта 1794 г., преданы суду Революционного трибунала и гильотинированы 24 марта. Всего было казнено двадцать человек (Гебер, Анахарис Клооц, Ронсен, Моморо, Венсан и др.), причем в обвинительном акте говорилось, между прочим, что они злоумышляли против свободы французского народа и национального представительства, пытались низвергнуть республиканское правительство, чтобы заменить его монархией, лишить народ продовольствия и перебить из числа народных представителей наиболее энергичных и горячих защитников свободы.

Фукье-Тенвиль—см. прим. к песне 133-й.

Питт—см. прим. к песне 88-й.

137. *Битва при Флерюсе*—«La Bataille de Fleurus». Couplets chantés au Théâtre des Arts, par Chéron, le jour de la nouvelle de cette victoire, le 9 messidor an II (27 juin). Paroles du citoyen Fabre-Olivet. Air: «Allons, enfants de la Patrie». Из сборника L. Damade «Histoire chantée...». Сражение при Флерюсе 26 июня 1794 г. закончилось победой французов, под командованием Журдана, над войсками австрийцев, под командованием принца Кобургского. Это сражение отдавало всю Бельгию в руки французов и было поворотным этапом в кампании 1794 г. После него французские революцион-

ные армии шли от победы к победе, и к январю 1795 г. ими был занят весь левый берег Рейна, от Базеля до моря.

138. *Перманентная гильотина*—«La guillotine permanente». Air: «La bonne aventure». Из сборника Над. Б. уе 35763. Одна из популярных песен эпохи террора, т. е. периода от 10 октября 1793 г., со времени декрета о революционном правительстве, до 9 термидора II года (27 июля 1794 г.).

«С десятого...»—с 10 августа 1792 г.

139. *Куплеты, спетые на братской пирушке гражданином X.*—«Couplets chantés dans un repas fraternel». Par le citoyen ***. Air: «Eh! mais oui dà». Из сборника L. Damade «Histoire chantée...». Одна из многочисленных песен эпохи террора, когда публичные казни стали настолько обиходным явлением, что вызывали даже шутливое настроение.

140. *Песнь сующих голову в окошко гильотины*—«Ronde des guillotinéés mettant leur tête à la trappe». Par Ladré. Взято из сочинения А. Challamel «Histoire muséée de la République Française, t. II. Paris, 1842.

141. *Песнь котла*—«Chanson de la gamelle». Air de la Carmagnole. Из сборника L. Damade «Histoire chantée...». В самый разгар террора и роста голодной нужды некоторые секции, повидимому, под влиянием гебертистов, стали устраивать на улицах братские трапезы. Богатые и бедные выносили свои столы на улицы и, составив их вместе, обедали одной компанией. Особенно широкое распространение это явление получило в начале июля 1794 г. Революционное правительство отнеслось отрицательно к подобным трапезам, считая, что в них имеется благодарная почва для контрреволюционной агитации. Барер 16 июля 1794 г. сделал в Конвенте доклад по поводу них, в котором указывалось, что они распространяются с неестественной быстротой. «Это,—говорил он,—новая интрига, придуманная последователями Гебера и Шометта; братство не состоит в трапезе перед домовыми дверями; не может быть

ничего общего между богатым эгоистом, оплакивающим неравенство и королей, и искренним санкюлотом, который любит только республику и равенство». Далее, он советовал обратиться к общественному мнению с предложением прекратить эти так называемые братские трапезы. Конвент постановил отпечатать его доклад и разослать в департаменты и в армии.

Накануне доклада Барера национальный агент Пейан говорил на ту же тему перед генеральным советом Коммуны и указывал, что подобные трапезы являются результатом происков аристократов, желающих показаться патриотами. В заключение он заявил: «Патриоты больше не пожелают ходить на эти общественные банкеты. Разоблаченные аристократы не посмеют больше показываться на них, а разные барыньки перестанут кричать на улицах: «Смотрите, как я люблю равенство, я ем публично вместе со своими слугами» (см. «Histoire parlementaire», t. XXXIII, pp. 328—331). После этого трапезы прекратились очень быстро. Песня, приводимая нами, исполнялась во время одного из подобных обедов.

142. *Революционные куплеты*—«Couplets révolutionnaires». 7 thermidor, an II de la République Française. Paroles de C. Hoffmann. Из сборника L. Damade «Histoire chantée...». Песня составлена в разгар террора, за два дня до падения Робеспьера. В ней использована как тема историческая фраза, сказанная Барером 7 прерияля II года (26 мая 1794 г.): «Только мертвецы не возвращаются обратно». В своих мемуарах он объяснял, что эта фраза касалась бедствий войны и не имела отношения к внутренней политике, но все понимали ее именно в последнем смысле.

143. *Куплеты об опасности отечеству в ночь с 9 на 10 термидора*—«Couplets sur le danger de la Patrie, dans la nuit du IX au X thermidor». Air: «Valeureux Liégeois». Par Person. Из его сборника «Chansons républicaines», an III. Песня посвящена событиям после переворота 9 термидора (27 июля) 1794 г. После ареста

в Конвенте Робеспьера направили в Люксембургскую тюрьму, начальник которой, исполняя приказ Коммуны, отказался его принять. Генеральный совет Коммуны, узнав постановление Конвента об аресте Робеспьера, провозгласил себя революционной властью, учредил исполнительный комитет из 9 членов и стал готовиться к восстанию. Робеспьер, доставленный в Коммуну, отказался, однако, стать во главе движения. Из секций только меньшинство примкнуло к восставшим: рабочие секции не поддержали его, недовольные политикой Робеспьера, который недавно отправил на гильотину гебертистов, представлявших левое крыло революционной демократии. Конвент объявил Робеспьера и его сторонников вне закона, чем навел страх на колеблющихся и сплотил вокруг себя большинство умеренных секций. Коммуна упустила время для выступления против Конвента, и когда войска Конвента явились на площадь перед ратушей, они застали очень мало сторонников Робеспьера, свободно проникли в ратушу и захватили как самого Робеспьера, так и его приверженцев. На следующий день Робеспьер, его брат Огюстен, Сен-Жюст, Кутон и др.—всего 22 человека—были гильотинированы. Затем началась расправа и над другими приверженцами Робеспьера. Вместе с тем старались оклеветать его память, представляя его и его сторонников в качестве роялистов, людей, подкупленных иностранцами. Из провинции в Конвент поступали поздравительные адреса. Так рушилась якобинская диктатура и началось торжество реакции.

144. *Заговор, затеянный Робеспьером и его сообщниками*—«Complot tramé par Robespierre et ses complices». Из сборника «Recueil de Chansons patriotiques». В. V. P. № 602134.

Сансон—фамилия палачей—отца и сына, приводивших в исполнение приговоры в эпоху французской революции.

Сен-Жюст, А. (1767—1794)—один из виднейших деятелей революции; сын офицера, учился в Реймсе,

готовился быть юристом. С ранней молодости был поклонником классической республики. С 1792 г. был членом Конвента, где занял место среди депутатов Горы; был горячим сторонником Робеспьера и его правой рукой. В Конвенте, несмотря на свою молодость, сразу выдвинулся речью о предании суду короля, в которой он доказывал, что Людовик должен умереть как враг народа, ибо «нельзя безнаказанно царствовать». Эта речь создала ему широкую популярность. В июле 1793 г. он был избран в Комитет общественного спасения и выступал всякий раз, когда надо было наносить решительные удары противникам политики Робеспьера. Таковы были его выступления против жирондистов, гебертистов, Дантона и дантонистов. Под его влиянием Комитет общественного спасения взял на себя руководство обороной государства, а сам он, будучи командирован в октябре 1793 г. вместе с Леба в Рейнскую армию, установил в ней железную дисциплину. В январе 1794 г. он был командирован в северную армию и покинул фронт только после разгрома австрийцев при Флерюсе. Как комиссар Конвента он проявил исключительную энергию, и победы, одержанные французскими армиями, одержаны в значительной степени благодаря его организаторскому таланту. Он был блестящим оратором и великолепным организатором, умевшим с непреклонной энергией проводить свои взгляды и планы. Его идеалом была «добродетельная республика», т. е. по существу мелкобуржуазная республика, но он шел в своих взглядах дальше робеспьеристов в вопросе собственности и был противником слишком большого имущественного неравенства. Во время переворота 9 термидора он был арестован вместе с Робеспьером и на следующий день казнен вместе с ним.

Кутон, Ж. (1756—1794)—член Конвента, ближайший помощник Робеспьера. Казнен вместе с ним.

Анрио, Ф. (1761—1794)—командующий вооруженными силами Парижа. 9 термидора пытался выступить

против Конвента, но неудачно. Был казнен вместе с Робеспьером.

Флерье - Леско, Эд. (1761—1794)—мэр Парижа, сторонник Робеспьера. Казнен вместе с ним.

Дюма, Р.-Ф. (1757—1794)—председатель Революционного трибунала, друг Робеспьера. Казнен вместе с ним.

145. *Санкюлотина*—«Sanculotine sur le Jugement de l'infâme Robespierre». Par Person. Air: «Ça ira!». Из сборника «Chants républicains». Автор песни—инженер Персон (см. прим. к песне 109-й), еще недавно восхвалявший Робеспьера, теперь обрушившийся на него.

146. *Песнь*—«Chanson». Air: «C'est ce qui me console». Из сборника разных песен «Recueil de chansons». В. В. Р. № 602134. Контрреволюционная песня, направленная против якобинцев. Написана вскоре после 9 термидора.

Дантон—см. прим. к песне 156-й.

Сен-Жюст—см. прим. к песне 144-й.

Робеспьер—см. прим. к песне 63-й.

147. *Новая песнь*—«Chanson nouvelle». Air: «C'est ce qui me console». Из сборника разных песен «Recueil de chansons». В. В. Р. № 602134. Контрреволюционная песня, написанная вскоре после 9 термидора.

148. *Пробуждение народа против террористов*—«Le Réveil du Peuple contre les Terroristes». Paroles de L.-M. Souriguères. Musique de P. Gaveaux, artiste du Théâtre Feydeau. Из сборника L. Damade «Histoire chantée...». Много раз перепечатывалась в сборниках и отдельно. Эта «марсельеза реакционеров» имеет свою бурную историю. Она сочинена в январе 1795 г. Суригером, автором плохих трагедий, над которым достаточно изощряли свое остроумие современники, и впервые исполнялась 30 нивоза III года (19 января 1795 г.) на декадном собрании граждан секции Вильгельма Телля, причем исполнял ее сам Гаво, переложивший ее на музыку. Отвечая реакционным настроениям определенных кругов населения, она стала их

любимым гимном и средством борьбы с республиканскими песнями, даже с Марсельезой. В течение довольно долгого времени почти ни один спектакль не проходил без того, чтобы представители «золотой молодежи» не требовали исполнения «Пробуждения народа», после чего обычно завязывались стычки с якобинцами и др. республиканцами. В некоторых случаях дело доходило до того, что не давали исполнять Марсельезу. Реакционеры исполняли свой гимн на улицах, в общественных собраниях, пели его в театрах, если артисты отказывались исполнять его, и всюду при этом вызывали беспорядок. Директория строжайше запретила петь или позволять петь человеконенавистнический гимн «Пробуждение народа» (см. подробности у Олара «La querelle de la «Marseillaise» et du «Réveil du Peuple» в его «Etudes et leçons», 3-me série).

149. *Куплеты о Бурбонах*—«Couplets sur les Bourbons». Air: «Français, laisserons-nous flétrir». Из сборника L. Damade «Histoire chantée...» Песня торжествующих монархистов, составленная после падения Робеспьера, а не в 1789 г., к которому ее иногда относят (Damade). Она показывает оживление монархических настроений в связи с термидорианской реакцией. В 1795 г. роялисты совместно с умеренными чинили жестокую расправу над республиканцами во многих округах, особенно на юго-востоке Франции. Там их вооруженные отряды, называвшиеся «Воинством солнца» или «Воинством Иисуса», организовали целую систему белого террора и в ряде городов перебили множество арестованных, бывших «террористов». В Лионе, Марселе, Роанне, Эксе и других городах все заключенные республиканцы были умерщвлены с уточненной жестокостью. Творилось это при содействии или явном попустительстве властей.

Гекатомба—жертва из ста быков у древних; отсюда вообще большая жертва.

Гора—см. прим. к песне 132-й.

150. *Права и обязанности дворянства*—«Les de-

voirs et les droits de la noblesse». Air: «Philis demande son portrait». Из сборника «Recueil chronologique...», an VIII. Сатирическая песенка против дворян, все еще вздыхающих о добром старом времени.

«Служить с салфеткой королю...»—Речь идет об одной из оригинальнейших должностей при особе короля—«porte-coton»—«салфетконосце», обслуживавшем монарха при отправлении им естественных нужд.

151. *Народные куплеты*—«Couplets populaires», 21 pluviôse, an III de la République Française (10 février). Par le citoyen Bellemare. Air de Nicodème dans la lune. Из сборника L. Damade «Histoire chantée...». Сатирическая песенка на дороговизну и недостаток предметов первой необходимости в зимний период 1795 г.

152. *Французский народ—франтам*—«Le peuple Français aux incroyables». Air du Réveil du peuple. Рукопись Версальской библиотеки «Recueil de chansons patriotiques», № 177 (13 M). Песня, направленная против представителей так называемой «золотой молодежи», обнаглевшей после термидорианского переворота, терроризировавшей Париж бесчинствами и избивавшей патриотов в кафе, в театрах, в общественных местах. Они срывали исполнение республиканских гимнов и песен, требовали исполнения реакционного гимна «Пробуждение народа», разбивали бюсты Марата и т. д. Их духовным вождем был Фрерон, депутат Конвента, бывший моньярь, после 9 термидора ставший крайним реакционером.

«И новый строить ей закон...»—т. е. конституцию III года.

153. *Республиканская песнь*—«Romance républicaine». Air: «J'ai six fois dans la plaine». Из сборника L. Damade «Histoire chantée...». Бытовая песня, относящаяся к 1795 г. и характерная своим республиканским духом, несмотря на общественную реакцию этого периода.

154. *День 12 жерминаля III года*—«La journée

du 12 germinal, an III». Couplets chantés au Théâtre Favart (1 avril). Paroles de Lebrun-Tossa. Musique de Delayrac. Из сборника L. Damade «Histoire chantée...». Песня написана на события, разыгравшиеся в Париже 12 жерминаля (1 апреля 1795 г.). В этот день под влиянием продовольственной нужды, сокращения хлебного пайка и т. п. возникли крупные волнения. Громадные толпы манифестантов ворвались в Конвент с криками: «Хлеба! Хлеба!» Один из манифестантов выступил с речью, в которой требовал осуществления конституции 1793 г., освобождения патриотов, арестованных после 9 термидора, и мер против продовольственного кризиса. После примирительных речей депутатов толпа разошлась, а успокоившиеся депутаты-термидорианцы декретировали арест ряда уцелевших после термидора депутатов-монтаньяров и рассеяли вооруженной силой группы инсургентов, собравшихся главным образом в Сент-Антуанском предместьи.

Лебрэн-Тосса, Ж.-А. (1760—1837)—автор этой песни, литератор, автор многочисленных драматических произведений, опереток и стихотворений.

«Сената молния...»—т. е. Конвента.

155. *Карманьола Фукье-Тенвиля*—«La Carmagnole de Fouquier-Tinville». Par Ladré, chanteur publique. Из сборника L. Damade «Histoire chantée...». Встречается и в других сборниках, например у Дюмерсана, который говорит про нее: «Поэзия этой песни неизящна, но следует отдать справедливость добрым намерениям автора».

Фукье-Тенвиль, А. К.—см. прим. к песне 133-й.

Флери.—Повидимому речь идет о графе Флери, который, сидя в Люксембургской тюрьме, прислал в Революционный трибунал письмо, где в резких выражениях отзывался о деятельности трибунала и солидаризировался с рядом лиц, приговоренных трибуналом к смерти. Он был включен Фукье-Тенвилем в список лиц, судившихся по обвинению в соучастии

в «иностранном заговоре», приговорен к смерти и казнен вместе с другими 53 лицами 29 прериаля II года (17 июня 1794 г.). Имя его не фигурировало в обвинительном акте и было упомянуто только в приговоре.

156. *Встреча в аду Фукье-Тенвиля с Дантоном и с Камиллом Демуленом.*—*Réception de Fouquier-Tinville aux Enfers par Danton et Camille Desmoulins.* Air: «Connaissez-vous l'allure, mon cousin?». Рукопись Нац. Б. «Nouv. acq. fr.» 10396, pp. 454—455. Песня вызвана судом и казнью Фукье-Тенвиля (см. прим. к песне 133-й).

Дантон, Жорж-Жак (1759—1794)—один из виднейших деятелей революции, блестящий оратор, сын прокурора в Арси-Сюр-Об. Юрист по образованию, до революции был адвокатом при королевском совете административной юстиции в Париже. С самого начала революции принимал в ней активное участие. Уже 13 июля 1789 г. он выступил с зажигательной речью в монастыре Кордельеров, центре одного из районов, на которые делился Париж. Отсюда в октябрьские дни 1789 г. вышел призыв идти на Версаль. Этот район (дистрикт) был одним из первых, боровшихся против «муниципального деспотизма» городской думы, которая образовалась после 14 июля 1789 г. Председателем его был Дантон. Его оппозиция против городской думы привела к ряду столкновений с мэром Байи и Лафайетом, так что был даже отдан приказ об аресте Дантона; однако ввиду протеста большинства дистриктов он не только не был арестован, но даже избран в муниципальный совет (Коммуну). После некоторого затишья в деятельности на общественной арене Дантон вновь выступает в качестве уполномоченного секциями (секции заменили собой дистрикты) перед Национальным собранием с требованием удаления министров, не пользующихся общественным доверием. 15 января 1791 г. его избирают в члены департаментской администрации,

но он принимает мало участия в заседаниях «департаментов», предпочитая выступать в якобинском клубе. Здесь он громит королевский двор и всех умеренных, требуя замены Национального собрания новым. После попытки Людовика XVI бежать в июне 1791 г. Дантон выступал с требованием низложения короля как преступника или слабоумного. После событий 17 июля 1791 г. был издан приказ об аресте Дантона, но он скрылся сначала в Арси, а потом уехал в Англию. Вскоре после возвращения из Англии он был избран заместителем прокурора-синдика Парижской коммуны. После революции 10 августа 1792 г., в которой он принимал непосредственное участие, он занял пост министра юстиции в образовавшемся временном правительстве. Он играл выдающуюся роль в деле обороны Франции от внешних и внутренних врагов; благодаря его настояниям Париж не был оставлен правительством; с его ведома было произведено массовое истребление контрреволюционеров, заключенных в тюрьмы («сентябрьские убийства»). Избранный в Конвент от Парижа, Дантон сложил министерские полномочия. В Конвенте он занял место на правом фланге монтаньяров и не раз пытался добиться примирения с жирондистами. Новейшие данные вообще говорят о двурушничестве, если не прямо об изменническом поведении Дантона. В апреле 1793 г. был избран членом Комитета общественного спасения и стал фактическим руководителем всей внешней политики Франции, причем и тут повел линию на соглашение с врагами. В июне 1793 г. ему поручается надзор и за военным ведомством. Однако он проявил на этот раз настолько слабую активность, что его даже не переизбрали в Комитет общественного спасения. На некоторое время он вообще отходит от дел, изредка выступая по отдельным вопросам и ведя все более и более правую линию. С зимы 1793 г. он окончательно становится в оппозицию к политике Робеспьера, высказывается против террора, за умеренность, за ликвидацию ре-

волюционных методов управления. Это приводит его к аресту 30 марта 1794 г. и казни 5 апреля вместе с группой его сторонников. Дантон и его группа являлись представителями буржуазной интеллигенции и отчасти «новой» буржуазии, образовавшейся во время революции и желавшей пользоваться плодами ее.

Демулен, Камилл (1760—1794)—один из наиболее талантливых журналистов эпохи революции. Сын судьи, учился в коллеже Людовика Великого вместе с Робеспьером. С 1785 г. был адвокатом при парижском парламенте. С начала революции принял в ней активное участие, был действующим лицом в захвате оружия в Доме инвалидов и в штурме Бастилии. Получил большую известность своим памфлетом «Речь фонаря к парижанам», в котором восхвалял фонарь как орудие казни и требовал смерти врагов народа. В том же 1789 г. начал издавать газету «Революции Франции и Брабанта», представлявшую, в сущности, ряд антиправительственных памфлетов и пользовавшуюся за остроумный и блестящий стиль широкой популярностью в кругах демократической интеллигенции. После 17 июля 1791 г. должен был прекратить это издание и в 1792 г. вместе с Френом издавал газету «Трибуна патриотов», но выпустил всего только 4 номера. После 10 августа 1792 г. был секретарем Дантона в министерстве юстиции. Был избран в Конвент, где примыкал к монтаньярам,—к правой, «дантоновской» группировке их. С осени 1793 г. стал вместе с Дантоном активно выступать против системы террора, являясь сторонником соглашательской политики. В своем органе «Старый кордельер» проповедывал необходимость учреждения комитета милосердия, прекращения террора и т. п. Встреченный резкой оппозицией кордельерского и якобинского клубов, был исключен из их состава и, окончательно порвав с Робеспьером, был арестован вместе с Дантоном, предан суду Революционного трибунала и казнен 5 апреля 1794 г.

Фукье—см. прим. к песне 133-й.

«Внес давно за вас я плату...»—После казни Дантона, Камилла Демулена и их сторонников было сочинено несколько песен и стихотворений, в которых предсказывалось, что в скором времени за ними последует и Робеспьер со своими друзьями. В одном из подобных стихотворений говорилось, что Дантон при переезде через реку смерти Стикс (греч. миф.), платя за перевоз, не взял сдачи у перевозчика Харона, сказав, что он платит вперед за Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона.

157. *Похоронная песнь на смерть Ферро*...—«Chant funèbre sur la mort de Ferraud, représentant du peuple, assassiné par les rebelles au sein de la Convention Nationale le 1 prairial, an III de la République» (20 mai). Paroles du citoyen Coupigny. Musique de Gossec. Из сборника L. Damade «Histoire chantée...». Песня написана на события 1 прериаля (20 мая) 1795 г., когда произошло последнее за время революции восстание пролетариата. Конвент был одно время осажден и захвачен вооруженными инсургентами, выдвигавшими лозунг «Хлеба и конституцию 1793 г.». Депутат Ферро был убит во время свалки. Представители Горы, «последние монтаньяры»—Ромм, Гужон, Бурботт и др. поддерживали требования петиционеров. Конвент под давлением народных масс согласился на все их требования. Однако, получив подкрепление от буржуазных секций в виде присылки национальных гвардейцев, он очистил зал заседания от инсургентов, велел арестовать 13 депутатов-монтаньяров и предпринял военную экспедицию против Сент-Антуанского предместья, которая после первой неудачи все же закончилась разоружением рабочих. Над участниками восстания был устроен суд в особой военной комиссии, которая вынесла 38 смертных приговоров. Были приговорены к смерти и «последние монтаньяры»—Ромм, Гужон, Бурботт, Дюкенау, Дюруи и Субрани.

158. *Гимн братству, петый в Театре Соревнования*

20 нивога IV года—Hymne à la Fraternité, chanté sur le Théâtre de l'Emulation, le 20 nivôse, an IV de la République (dimanche, 10 janvier). Air: «L'heure avance où je vais mourir». Paroles de Cammaille-Aubin. Из сборника L. Damade «Histoire chantée...». Гимн эпохи Директории, исполнявшийся 10 января 1796 г. в театре Дуайена, или Театре Соревнования, открытом еще в 1791 г. Он передает настроения умеренных республиканских кругов, одинаково боящихся и «анархистов» (т. е. якобинцев) и роялистов. Заодно он высказывается и против спекулянтов, которые при Директории расцвели пышным букетом и богатство которых особенно резко бросалось в глаза на фоне нищеты и голода широких народных масс.

159. *Пленение Шаретта*—«La prise de Charette 23 mai 1796». Взято из книги Vujeaud «Chants et chansons populaires de l'Ouest», t. II, 1895. В начале 1795 г. Шаретт подписал мирный договор с Конвентом, но в скором времени снова возобновил борьбу в надежде на помощь англичан и эмигрантов. В марте 1796 г. он был разбит республиканскими войсками, взят, раненый, в плен генералом Траво, судим в Нанте военной комиссией и по ее приговору расстрелян 29 марта 1796 г. После него остатки вандейской армии продолжали еще слабо сопротивляться, но постепенно были ликвидированы республиканской армией.

Генерал Траво, Ж.-П. (1767—1836) находился в войсках Гоша во время вандейской кампании и 23 марта 1796 г. взял в плен Шаретта около Шаботьера.

А л ь б и о н—Англия.

«Бежали англичане...»—В июне 1795 г. англичане высадили в Кибероне 3 полка эмигрантов, но Гош отбил это нападение: эмигранты частью были сброшены в море, частью взяты в плен и расстреляны. Остатки их уплыли с английским флотом.

160. *Новая песнь для предметий*—«Chanson nouvelle

à l'usage des faubourgs». Air: «C'est ce qui me désole». Рукопись Нац. Б. «Nouv. acq. fr.» 10396, pp. 481—483. Автор песни—Сильвэн Марешаль. Песня относится к концу марта или началу апреля 1796 г., т. е. к моменту наиболее активной деятельности организаторов «Заговора равных»—Бабефа, Дартэ, Буонаротти, Сильвэна Марешаль и других. Эта песня расклеивалась на стенах домов в разных кварталах Парижа, особенно в Сент-Антуанском предместьи, и, по словам полицейских агентов, исполнялась в некоторых кафе при бурном одобрении публики. Она отлично передает настроения заговорщиков, призывающих народ к восстанию против правительства Директории. Как известно, этот коммунистический заговор был выдан одним из участников его, провокатором Гризелем. 10 мая 1796 г. были арестованы Бабеф, Дартэ, Буонаротти и др. Суду было предано 47 человек, из которых двое—Бабеф и Дартэ—были приговорены к смертной казни и гильотинированы 27 мая 1797 г., 7 человек были приговорены к ссылке, остальные оправданы. Сильвэн Марешаль избег ареста, так как его имя не было известно Гризелю.

Люксембург.—В Люксембургском дворце помещалась Директория, т. е. коллегия из 5 лиц, составивших высшее правительство Франции.

Верона—один из центров роялистской эмиграции.

«Двойной совет людей без слов...»—Совет старейшин и Совет пятисот.

Претория первоначально у римлян означала палатку полководца, откуда получили свое название преторианцы, т. е. отборная стража, охраняющая полководца. В данном случае под преторией разумеется Люксембургский дворец.

161. *Водевиль*—«Vaudeville». Par Ange Pitou. Взято из книги А. Savine «Les Déportés de Fructidor. Journal d'Ange Pitou», 1909. Песенка принадлежит Анжу Питу (1769—1828), литератору, ставшему во время революции уличным певцом (о нем см. вступительную статью),

Сосланный в Кайенну при Директории за свои контрреволюционные выступления, он был амнистирован в эпоху консульства, возвратился в Париж, был снова арестован, после чего, выпущенный на свободу, прекратил свои выступления. В 1805 г. выпустил «Описание путешествия в Кайенну «к антропофагам». При Реставрации с трудом добился у Людовика XVIII пенсии, издал ряд роялистских брошюр; умер забытый всеми.

162. *Народные куплеты*—«Couplets populaires». Paroles des citoyens Picard et Duval. Musique du citoyen Lemierre. Из сборника L. Damade «Histoire chantée...». В сатирической песенке, относимой Дамадом к 1797 г., повторяются мысли К. Демулена, высказанные им в № 3 «Старого кордельера» (15 декабря 1793 г.) по поводу террора. К. Демулен, борясь с системой террора, провел в этом номере очень прозрачную параллель между эпохой террора римских императоров Тиберия и Домициана и современной ему Францией. Он писал, что в глазах тирана, желавшего расправиться с неугодными ему лицами, подозрительным казался всякий, кто был богат или беден, искал популярности или избегал ее, был угрюм или весел, добродетелен или распутен и т. д. Эти намеки на Робеспьера и всю террористическую систему были радостно встречены всеми контрреволюционными элементами. Пикар и Дюваль не находят лучшего объяснения системы террора, как объявить ее «изобретением мошенника» для подавления умеренных.

163. *Песнь на открытие дорожных работ в департаменте Сены 25 вентоза VI года*—«Chanson pour l'ouverture des travaux des routes dans le Département de la Seine, le 25 ventôse, an VI de la République Française». Air: «L'avez-vous vu, mon bien-aimé?». Нац. Б. Листовка. уе 55471 (408). Дороги Франции за время революции пришли в крайний упадок. До 1789 г. в ней существовало до 10 тысяч миль королевских шоссированных дорог, прекрасным состоянием которых вос-

хищались иностранцы, но после 1789 г. недостаток средств в государственном казначействе, в ведении которого находилось дорожное дело, не позволял поддерживать их в порядке. В некоторых местах они дошли до такого состояния, что сквозное сообщение стало почти невозможным. Все это отзывалось на торговле, почте, передвижении войск и пр. Министерство внутренних дел обратилось к населению с просьбой организовать добровольную дорожную повинность. В 1797 г. были учреждены заставы для взимания дорожной пошлины. Очевидно, эти факты и послужили канвой данной песни.

Г е о р г—Георг III, английский король.

Ц и з а л ь п и н е ц—г. е. итальянец.

П и й—папа Пий VI.

П и т т—см. прим. к песне 88-й.

164. *Мои пожелания*—«Mes vœux». Frimaire, an V (décembre). Air: «Des revenants». Par le citoyen J.-V. Radet. Из сборника L. Damade «Histoire chantée...». Песня, выражающая общее утомление от бесконечных войн с иностранными коалициями, по тону гармонировала с эпохой побеждающей реакции и спада революционных настроений.

165. *Куплеты по случаю мира*—«Couplets à l'occasion de la paix». Par les citoyens Saint-Juste et Longchamp. Musique du citoyen Boyeldieu. Из сборника L. Damade «Histoire chantée...». 17 октября 1797 г. был заключен мир с Австрией в деревушке Кампо-Формио.

С а б о—деревянные башмаки.

166. *Куплеты на злобу дня*—«Couplets sur les étonnements du jour». 2-me jour complémentaire, an VII (18 septembre). Par le citoyen Noël. Air: «C'est là ce qui m'étonne». Из сборника L. Damade «Histoire chantée...». Одна из многочисленных песен, пытающихся если не бичевать новое общество конца Директории, то издеваться над ним.

167. *Похвала слову «гражданин»*—«Honneur au mot citoyen». Vaudeville des camps, des clubs, des cafés, des cabinets littéraires, des spectacles, des écoles et des rues». Air du Vaudeville de Piété filiale. Напечатана в «Le Patriote Français», № 149, an VI, 29 pluviôse (17 февраля 1798 г.). Слово «гражданин» вошло во всеобщее употребление со времен революции, но только после 10 августа 1792 г. оно стало вытеснять прежние «господин» и «госпожа». К концу консульства оно стало исчезать из официальных актов и бумаг. Реакционеры упорно старались поддерживать старое обращение «господин», что нередко вызывало протесты. Данная песня и является подобным протестом, тем более характерным, что она сложена в эпоху сильнейшей общественной реакции.

168. *Праздник юности*—«Fête de la Jeunesse», couplets chantés par les élèves du Musée d'Emulation. Paroles du citoyen Verron, directeur dudit Musée. Листовка.

Нац. Б. Лб $\frac{42}{B}$ 2117. Праздник юности должен был справляться ежегодно 10 жерминаля (31 марта), в весенний месяц, когда показываются почки и ростки. Но он не привился и постепенно «заменился праздниками при жеребьевке во время рекрутского набора» (Тьерсо). Мы приводим данный гимн как образец тех песнопений, которые исполнялись во время подобных празднеств.

169. *Народная песнь на новые победы наших армий*—«Ronde populaire sur les nouvelles victoires de nos armées». 25 vendémiaire, an VIII (17 octobre). Paroles du citoyen Hilliars-Daubertenil. Air: «Eh, gai, gai, mon officier». Из сборника L. Damade «Histoire chantée...».

«В Египте наши шпаги...»—Речь идет о походах Бонапарта в Египте в кампанию 1798—1799 гг.

Суворов, А. В., отправленный в 1799 г. Павлом I

с русской армией в Италию на помощь австрийцам, одержал там ряд побед над французскими войсками, но затем, вынужденный двинуться в Швейцарию на соединение с австро-русскими войсками, потерпел поражение от французов, бывших под командой Массены, и с трудом пробился в Баварию.

Массена, А. (1756—1817)—один из виднейших французских полководцев эпохи революции и Империи.

Питт—см. прим. к песне 88-й.

Батавия—т. е. Голландия.

«Услышало тщеславье в ответ французский крик».—Англичане, высадившиеся вместе с русскими в Голландии в 1799 г., были разбиты французами под командой Брюна и по соглашению с ним должны были эвакуировать Голландию.

Бонапарте—см. прим. к песне 170-й.

170. 18 *брюмера*—«Le 18 brumaire, à la gloire de Bonaparte, premier consul». Air du Réveil du Peuple. Листовка.

Бонапарт—Наполеон, впоследствии император Наполеон I (1769—1821), фигура, замыкающая собой революционную эпоху. Уроженец Корсики, начавший военную карьеру во Франции с 1785 г., он в эпоху революции примкнул к якобинцам. Впервые проявил свои таланты в 1793 г. при освобождении Тулона от англичан, за что был произведен в генералы. После 9 термидора был арестован, но скоро освобожден и в 1795 г. подавил в Париже вандемьерское роялистское восстание. Получив командование над армией, действовавшей в Италии, в кампанию 1796—1797 гг. одержал ряд решительных побед над австрийцами и выдвинулся как блестящий полководец. В то же время сильно разбогател благодаря огромным контрибуциям и бесконтрольному распоряжению казенными суммами. В 1798—1799 гг. руководил военной экспедицией в Египет и Сирию, желая завоеванием Египта подорвать мощь Англии. В октябре 1799 г., оставив

армию, вернулся в Париж, где 18 брюмера (9 ноября 1799 г.) захватил власть, опираясь на армию и финансово-буржуазные круги, поддерживавшие переворот и стремившиеся к военной диктатуре, чтобы окончательно ликвидировать мелкобуржуазный якобинизм. Был избран первым консулом на десять лет, а с 1802 г. — пожизненным; в 1804 г. предписал избрать себя императором.

Комментарии к стихотворениям Андре Шенье *

В помещенных здесь стихотворениях А. Шенье только «Игра в мяч» и «Швейцарцам» были напечатаны при жизни автора. «Игра в мяч» появилась отдельным изданием в начале 1791 года. Это была первая ода А. Шенье, вызванная революцией; в ней ярко отразился революционный подъем, сопровождавший падение феодального строя, т. е. первый этап революции, расцвет умеренного конституционализма, сторонником которого был А. Шенье. Посвящение оды Луи Давиду связано с картиной этого художника «Клятва в зале Jeu de paume». А. Шенье, бывший в период 1789—1792 гг. другом художника, видел эскизы к картине в его мастерской. В тексте оды имеются намеки и на другие картины того же художника: в строфе III—«цикута горькая», «первый консул», «нищенский обол», «павший ниц Альбан»—сюжеты картин Давида: «Смерть Сократа», «Возвращение Брута к домашнему очагу», «Велизарий» и «Клятва Горадиев».

Ода «Швейцарцам» появилась в «Journal de Paris» 15 апреля 1792 года, в самый день торжественной

* Комментарии составлены Н. Славягинским.

встречи амнистированных солдат швейцарского полка Шатовье, участвовавших в восстании в Нанси.

Остальные поэтические произведения А. Шенье впервые были собраны и изданы в 1819 году Анри Латушем под названием «Oeuvres complètes d'André Chenier». Это издание, однако, не является полным. Поэтическое наследство А. Шенье значительно пополнено изданиями 1862 и 1874 годов. Первое из них осуществлено комментатором и знатоком А. Шенье— Бек де Фукиером, второе—племянником поэта Габриелем Шенье. Приведенные здесь стихотворения имеются и в первом издании Латуша, в том самом, благодаря которому поэзия Шенье стала известна Пушкину и оказала на него заметное влияние.

«Гимн справедливости» в некоторых изданиях печатается под названием «Гимн Франции». Так его назвал А. Латуш. Бек де Фукиер нашел в рукописях Шенье конспективный план этого стихотворения, озаглавленный самим Шенье «Гимн справедливости». Это последнее название является поэтому более правильным (оно же принято и в последнем французском издании 1927 года).

«Версаль»—стихотворение написано во время пребывания А. Шенье в Версале, где он скрывался почти весь 1793 г., после казни короля. К этому периоду относится увлечение Шенье г-жей Лоран Лекульте (Laurent Lecoulteux), жившей со своей матерью и сестрой в Люсьенне, где Шенье их посещал. Шенье посвятил г-же Лоран Лекульте ряд лирических стихотворений, воспев ее под именем Фаши.

«Ода Шарлотте Кордэ» написана А. Шенье также

во время его пребывания в Версале в связи с убийством Марата.

«Юная пленница» написана в последний период жизни А. Шенье, во время его заключения в тюрьме Сен-Лазар. Стихотворение рисует поэтический образ, оригиналом которого была молодая аристократка, герцогиня Флери, урожденная графиня Франкетто де Куаньи. Будучи в разводе со своим мужем, герцогом Флери, она была тем не менее арестована и заключена в тюрьму Сен-Лазар, где ее и встретил А. Шенье. В это время ей было не более двадцати пяти лет. Впоследствии ей удалось путем подкупа освободиться вместе с неким де Монроном, за которого она затем вышла замуж. Стихотворение впервые напечатано в «Almanach des Muses» в 1796 году по списку, доставленному самой Куаньи.

«Ямбы»—под этим названием известны одиннадцать стихотворений А. Шенье, написанных им в тюрьме. Поэт писал их на полосках бумаги и, свернув в трубочку, передавал с помощью одного тюремщика вместе с бельем своему отцу. По конспиративным соображениям имена в этих рукописях зашифровывались. Заслуга их расшифровки принадлежит Бек де Фукиеру,

Гимн справедливости

Аквитания—так называлась в древней Галлии местность между рекой Гаронной, Атлантическим океаном и Пиренеями (теперь юго-запад Франции).

Фетида (греч. миф.)—нимфа, дочь морского бога Нерея. Ее имя—синоним моря. Таким образом «Фетид соединить...» означает: «моря соединить»; имеются в виду Средиземное море и Атлантический океан, разделяемые гористым Пиренейским полуостровом.

«Прогнал британца он, насильника лихого»—намек на столетнюю войну (1337—1453) между Англией и Францией из-за Фландрии, мануфактурного центра средневековой Европы.

«Взгляни, вот гордый Бритт...»—«Все XVIII столетие,—говорит М. Н. Покровский,—наполнено, прежде всего, продолжением начавшейся еще в предыдущем столетии ожесточенной борьбы между Англией и Францией из-за колоний. Франция теряет свои лучшие колонии в Северной Америке (Канада) и в Индии. Несмотря на свое участие в войне за независимость Америки (1775—1783), которая кончилась образованием Соединенных штатов, Франция не восстановила своего прежнего колониального положения. Удар, нанесенный колониальному капитализму Франции, потряс все

государство торгового капитала. Его диктатура, отлившаяся в самодержавие Людовиков XIV и XV (1715—1774), стала бессмыслицей. Среди буржуазии начинается движение против нее, идущее от либерализма и увлечения парламентскими порядками побеждавшей Францию Англии».

«И соль—дита земли, и гладь морской воды...»—указание на жестокий соляной налог и на транспортные пошлины, сильно стеснявшие внешнюю и внутреннюю торговлю Франции перед революцией.

«Двадцать подлецов под принцессой защитой...»—в ту пору было около 20 откупщиков по соляному налогу, при общем количестве налоговых откупщиков до 40 человек. Выгоды от откупов разделялись многими членами королевского дома.

Мальзерб (Кретьен Гильом де-Ламуаньон де)—1721—1794 гг.—министр двора при Людовике XVI, боролся против расточительности придворных и покровительствовал энциклопедистам; был устранен под давлением крайних реакционных кругов. Во время революции выступил в защиту короля и был гильотинирован как роялист.

Тюрго (1727—1781)—французский экономист, министр Людовика XVI, известный тщетными попытками реформ, которые шли навстречу поднимавшейся буржуазии и передовому дворянству, но разбились о сопротивление сил, бывших оплотом старого режима.

Игра в мяч

20 июня 1789 г. представители «третьего сословия» в Генеральных штатах, незадолго перед тем превращенных их постановлением в Национальное учредительное собрание, нашли зал заседаний запертым и принуждены были собраться в случайном помещении для «игры в мяч». Там они торжественно поклялись, что не разойдутся до тех пор, пока не будет утверждена конституция, и приняли постановление об отказе народа финансировать правительство.

П а р о с — один из Цикладских островов в Средиземном море, некогда славившийся своим белым мрамором, высоко ценившимся античными скульпторами. Так как паросский мрамор шел, между прочим, и на статуи богов, то отсюда стих Шенье: «Пещеры Пароса светлы богов рождением».

Ц и к у т а — растение из семейства зонтичных, один из видов которого ядовит. Слово обозначает также самый яд, изготовленный из этого растения. Сократ, по приговору своих сограждан, выпил чашу с цикутой и мужественно умер.

«И первый консул, тот...» и след. — Первый консул после изгнания царей из Рима — Люций Юний Брут (VI в. до н. э.). Среди заговорщиков, стремившихся к восстановлению царской власти и умерщвлению обоих консулов, находились два его сына. Он, не колеблясь, предал их смерти.

А л б а н — здесь, очевидно, в смысле албанец, житель Альба-Лонги, разрушенной римлянами (VII в. до н. э.), либо это намек на диктатора Альба, представителя древнего латинского рода, Метгия Фуффетия, предложившего для решения спора за господство между Альба и Римом известный поединок Горациев и Куриациев. Римляне, как известно, победили, а изменивший им вскоре после того Метгий Фуффетий был казнен.

М а р а ф о н — название местности в Греции, где полководец Мильтиад одержал победу над персами в 490 г. до н. э.).

Л а т о н а (греч. миф.) — была раньше Геры супругой Зевса, от которого родила бога солнца Аполлона и богиню луны Артемиду.

Д е л о с — самый малый из Цикладских островов Средиземного моря, который почитали священным как место рождения Аполлона и Артемиды. Скоро он сделался для Греции общим торговым центром, рынком для сбыта рабов и складом огромных богатств, которые охранялись только святостью места, так как город

не имел стен. Великолепный храм Аполлона находился близ гавани.

Мекка—священный город мусульман в Аравии, родина Магомета.

Саяс—древняя столица и резиденция царей в Нижнем Египте, с прекрасным храмом, в котором были гробницы бога Озириса и фараонов.

Дельфы—главный город области фокийцев в древней Греции со знаменитым храмом Аполлона и оракулом.

Сион—гора возле Иерусалима, название которой часто служит синонимом самого Иерусалима.

Беллона—богиня войны у римлян.

Хлодвиг—основатель франкской монархии, ставший королем всей Галлии после убийства франкских вождей в Кельне (466—511).

«Три цвета яркие в руке ее пылают...»—трехцветное знамя, красно-бело-синее, сменило династическое знамя Бурбонов, белое с лилиями.

Церера—богиня земледелия у римлян.

«Невед-тиран»—Нерон, римский император (54—68), известный своей жестокостью. Легенда утверждает, что он поджег Рим, чтобы любоваться его пожаром.

Швейцарцам

Швейцарцы—этим словом называли в ту пору группу наиболее активных участников солдатского восстания в Нанси (в августе 1792 г.), приговоренных к 30 годам галер. До восстания гарнизон Нанси состоял из трех полков: двух французских (пехотный и кавалерийский) и одного швейцарского. Причинами восстания были: произвол полковой администрации, обкрадывавшей солдат, деспотизм офицеров, коворье, несмотря на некоторые реформы, проведенные в армии в начале революции, продолжали относиться к подчиненным, как к вассалам. Последнее особенно бросалось в глаза полку швейцарцев, где, по договорам, не потерявшим силу в новой Франции, офи-

церы сохраняли все свои феодальные права по отношению к солдатам. Двое солдат швейцарцев, делегированные к офицерам для проверки счетов, были схвачены и выпороты, словно крепостные. Началось возмущение, в котором население стало на сторону восставших солдат. 16 августа 1790 г. Национальное собрание, введенное в заблуждение, издало против восставших суровый декрет. Благодаря посредничеству национальной гвардии Нанси швейцарцы согласились было подчиниться. Но Буйе, командующий округом, стремившийся создать в Нанси и Меце плацдарм против революции и убежище для короля, спровоцировал гарнизон Нанси на новое выступление. Большая часть солдат французских полков капитулировала. Швейцарцы же, догадывавшиеся о контрреволюционном плане Буйе, оказали отчаянное сопротивление. Буйе устроил в Нанси резню, во время которой погибло множество граждан Нанси и была истреблена большая часть швейцарцев. Из оставшихся, 23 человека были казнены, 71 подвергнута суровым дисциплинарным взысканиям и 41 сослана на галеры на 30 лет каждый. После принятия королем конституции и объявления амнистии по всем делам, связанным с революцией, партия двора во имя воинской дисциплины долго сопротивлялась их освобождению. Якобинцы же справедливо видели в них жертву этой безжалостной дисциплины и мучеников за свободу. Якобинец Колло д'Эрбуа (см. прим. к песне 112-й) стал их оратором и покровителем. В феврале 1792 г. швейцарцы были выпущены на свободу и с триумфом вернулись в Париж. А. Шенье в своей сатире издевается над устроенной им встречей и клеветнически изображает их ворами и убийцами.

Дезиль (1767—1790)—офицер королевского пехотного полка, восставшего в Нанси в августе 1790 г. (вместе с швейцарцами Шатовье). Он отказался выступить против правительственных войск. Видя, что его уговоры не действуют и схватка вот-вот начнется, он стал перед жерлом заряженной пушки и был расстре-

лян. Такова долго циркулировавшая апологетическая версия, которую поддерживали роялисты, выставлявшие Дезиля как мученика воинской дисциплины. Но существуют факты, которые заставляют предполагать, что Дезиль был подослан в лагерь восставших вместе с тремя другими офицерами, чтобы внести в их ряды разложение.

«Изгнанный прах Вольтера...»—Духовенство запретило хоронить Вольтера в Париже, тело его отвезли в Шампань и там погребли в аббатстве Сельер. 11 июля 1791 г. прах Вольтера был торжественно перенесен во французский Пантеон.

Журдан—здесь, явно, Матье Жуво Журдан (1749—1794), один из наиболее решительных террористов, гильотинированный в 1794 г. по подозрению в несправедливой казни одного из «представителей народа».

Орфей—мифический певец в античной Греции, своим пением приводивший в движение деревья и скалы и укрощавший диких зверей.

Эсхил—знаменитый греческий трагик, принимавший личное участие в решающих битвах греков с персами (525—456 до н. э.).

Пиндар—величайший лирический поэт греков, в расцвете своей поэтической деятельности оружием и стихом боровшийся против персидского нашествия (521—441 до н. э.).

«Сорок палачей, любимцев Робеспьера»—ближайшие сторонники Робеспьера в Конвенте.

Коллод'Эрбуа—см. прим. к песне 112-й.

Гиппарх—греческий астроном (II в. до н. э.).

Эвклид—прославленный греческий математик, живший в Александрии около 300 г. до н. э.

Аргонавты (греч. миф.)—герои, совершившие на корабле Арго поход на Кавказ за золотым руном.

Атлас (греч. миф.)—морской великан, подымающий огромные тяжести. По Гомеру, он поддерживает огромные столбы, разделяющие небо и землю.

Версаль

Элизийум—фантастические острова с цветущими нивами (Елисейские поля), где, по поверью древних греков, живут люди без труда и в блаженстве; место высшего счастья. Позднее, у греков и римлян, местопребывание добрых душ после смерти.

Ода Шарлотте Кордэ

Шарлотта Кордэ (1768—1793)—дочь обедневшего дворянина из Нормандии. Оба ее брата эмигрировали в 1792 г. и сражались против Франции в армии Кондэ. Под влиянием возбуждающей контрреволюционной агитации бежавших из Парижа депутатов-жирондистов Шарлотта Кордэ отправилась в революционную столицу, добилась свидания с Маратом и убила его. Через четыре дня она была казнена. Газета «Парижская хроника» опубликовала апологию убийцы Марата, а Андре Шенье написал в честь ее оду.

Одуэн, Пьер-Жан (Audouin)—член Конвента, журналист, род. в Париже около 1760 г. Основал в 1790 г. «Всеобщую газету», получившую большую известность благодаря ее нападкам на монархию. В Конвенте он был монтаньяром и голосовал за казнь Людовика XVI в двадцать четыре часа. Здесь—намек на сочиненный им гимн.

Немезида—богиня мести у греков.

Гимений—бог брака (греч. миф.).

Юная пленница

Аврора—богиня утренней зари (рим. миф.).

Филомела—дочь афинского царя Пандиона, которая, спасаясь бегством, по одним сказаниям, обратилась в ласточку, по другим—в соловья (греч. миф.).

Ямбы

Архилох (VII в. до н. э.)—греческий лирик, по преданию обесславивший в сатирических ямбах

семейство Ликамба, за то, что тот взял обратно свое согласие на брак своей дочери с ним. Доведенные до отчаяния, дочери и отец повесились.

Карье, Ж.-Б. (1756—1794)—член Конвента, известный нантскими массовыми «птоплениями» (poüades) арестованных контрреволюционеров. Нантские события 1793 г. были сильно раздуты враждебными революции элементами. После падения Робеспьера Карье был гильотинирован—в 1794 г.

Фукье-Тенвиль (1747—1795)—общественный обвинитель в Революционном трибунале, гильотинированный в период реакции (1795 г.).

Дюма, Рене-Франсуа (1757—1794)—один из ближайших помощников Робеспьера, председатель Революционного трибунала, гильотинированный 10 термидора, после падения Робеспьера.

Комментарии к стихотворениям М.-Ж. Шенье *

Ода к Национальному собранию

Национальное собрание—17 июня 1789 г. депутаты «третьего сословия» Генеральных штатов вынесли постановление о превращении Генеральных штатов в Национальное собрание для выработки конституции. Это было первым революционным актом буржуазии. Ода к Национальному собранию впервые напечатана в 1789 г. и названа «Дифирамбом». Затем Шенье переименовал название и в своем сборнике назвал это стихотворение одой.

Мельпомена (греч. миф.) — муза трагедии. «И пусть на играх Мельпомены» и след. 2 стиха. М.-Ж. Шенье сделал к ним следующее примечание: «Драматические произведения будут обладать надлежащим достоинством тогда, когда писатели перестанут находиться под игом королевской цензуры. Уничтожение этой «бурлескной магистратуры», — говорит Шенье, — абсолютно необходимо, если стремиться к тому, чтобы конституция была свободной. Я рассматривал этот вопрос в нескольких прозаических произведениях (например «О свободе театра во Франции»). Он очень важен, так как касается общественных нравов и свободы публиковать свои мысли, следовательно индивидуальной свободы».

* Комментарии составлены Н. Славягинским.

Делавар—один из штатов США, бывший в свое время территорией индейского племени делаваров.

Гесперия (греч. миф.)—страна на крайнем западе, где дочери Атланта, Геспериды, сторожили золотые яблоки, подаренные к свадьбе супруге Зевса, Гере.

«Р а с а п р и б а л т и й с к а я»—М.-Ж. Шенье делает следующее примечание к этому месту: «Датчане, собравшись в 1660 г., подали пример, единственный в анналах мира. Они облекли своего государя всей полнотой законодательной и исполнительной власти, и таким образом рабство в Дании было, так сказать, узаконено. К чести человечества, следует надеяться, что этот пример навсегда останется единственным».

Смерть Мирабо

А м ф и т р и т а (греч. миф.)—богиня морских волн, жена морского бога Посейдона. У поэтов-классиков Амфитрита—синоним моря, здесь, по всей вероятности, Средиземного (отец Мирабо родился в Провансе), а «град любимый Амфитриты» может означать Марсель, сыгравший большую роль в революции, хотя римская Массилия (по-гречески Массалия) и не отличалась, среди других городов, культом Амфитриты.

Г р а к х, Кай Семпроний (ум. в 121 г. до н. э.)—римский народный трибун, известный своей борьбой с аристократическим сенатом и стремлением провести демократическую аграрную реформу.

Д е м о с ф е н (384—322 до н. э.)—афинский оратор, обессмертивший себя речами против царя Филиппа Македонского, посягнувшего на свободу Афин («Филиппики»).

Ф р а н к л и н, Веньямин (1706—1790)—ученый, изобретатель громоотвода; сыграл большую роль в борьбе США против Англии за независимость.

Л у в у а, Мишель (1641—1691)—военный министр Людовика XIV.

С у л ь п и ц и и—патрицианский род в древнем Риме.
П а н т е о н—круглый храм, построенный в Риме

М. Висанием Агриппой и посвященный всем богам. В Париже—выстроенное в ново-греческом стиле архитектором Суфло (1714—1780) здание, предназначенное стать церковью, но обращенное революцией в место погребения великих людей.

Песнь 14 июля

14 июля 1789 г.—дата разрушения Бастилии. См. песни № 11 и сл. «Песнь 14 июля» впервые напечатана в 1790 г. Строфе, которой начинается «Песнь...» в настоящем переводе, предшествовали в издании 1790 г. пять выброшенных впоследствии строф. Кроме того, в последующих изданиях исключено еще 8 строф по 4 стиха.

*Гимн на перенесение праха Вольтера
во французский Пантеон*

«Брут»—одна из римских трагедий Вольтера, в которой он изображает Рим царского периода конституционной монархией английского типа и излагает устами героев теорию Локка о праве народа на восстание. Герои трагедии ведут борьбу против монархии в отвлеченном ее понимании. «Я сын Брута,—говорит один из них (Тит),—и в моем сердце запечатлена свобода и отвращение к королям».

Лепид, Марк Эмилий—известный триумvir, принадлежавший к древнему патрицианскому роду в Риме; получил в 46 г. незаслуженный триумф. Постоянно поддерживаемый Цезарем, он сделался его товарищем по консульству и диктатуре.

Ла Барр, Ж.-Ф.-Ж. (1747—1766)—французский дворянин, обезглавленный по обвинению в кощунственном уничтожении распятия. Вольтер вступился за память Ла Барра, как и за память Жана Каласа.

Калас, Жан (1698—1762)—тулузский торговец, протестант, которого католики-мракобесы ложно обвинили в том, что он убил своего сына, чтобы помешать его переходу в католичество. После тщательной про-

верки всех источников процесса Вольтер, убедившись в невинности четвертованного в 1762 г. старика Каласа, добился пересмотра дела и посмертного оправдания казненного (в 1765 г.). Кампания, которую в течение нескольких лет вел Вольтер в защиту Каласа, взбудоражила все французское общественное мнение и приняла даже общеевропейский характер. Вольтер больно бил по представителям религиозного мракобесия, по французскому судопроизводству с его средневековой жестокостью, по всему старому режиму. История Каласа не раз была предметом драматической обработки. М.-Ж. Шенье написал драму о Каласе.

Гимн Равенству

Был исполнен 19 июня 1792 г.—в годовщину уничтожения во Франции дворянства. Музыка написана Кателем, который наряду с Госсексом был, так сказать, официальным композитором Республики.

К е ф и с—в аттической Греции было две реки с этим названием; кроме того, одна в Арголиде и одна в Фокиде и Беотии.

Г е л ь в е ц и я—Швейцария; у римлян—восточная провинция Галлии, включавшая в себя территорию теперешней Швейцарии.

Гимн Свободе

Архиепископ Парижский Гобель, явившись 17 брюмера II года в Конвент, заявил, что он слагает с себя обязанности служителя религии. Председательствовавший в ответной речи сказал, что «Верховное существо не признает иного культа, кроме культа Разума, и что отныне этот культ будет национальной религией». Департамент и Коммуна постановили в тот же день, что в ознаменование победы, одержанной в этом заседании над предрассудками 18 столетий, «музыканты оперы и национальной гвардии приглашаются через 3 дня, 20 брюмера, исполнить гимн Свободе перед изображением этого божества французов, в здании,

ранее именовавшемся кафедральным собором». Празднество состоялось в Соборе Парижской богородицы. На нем исполняли «Гимн Свободе» М.-Ж. Шенье на музыку Госсека.

Гимн Разуму

Гимн этот был написан Шенье специально для вновь установленного Конвентом праздника Разума. Впервые он был исполнен в церкви Сен-Рок 10 фримера. Музыка написал композитор Метюль, один из крупнейших музыкальных талантов Республики, автор оперы «Жозеф» и музыкальной композиции «Песнь отправления» (1763—1817).

Взятие Тулона

Тулон—порт на Средиземном море, отданный роялистами и жирондистами англичанам в 1793 г. и взятый обратно войсками Конвента в том же году. Конец 1793 г. принес Республике много побед после несчастий первых месяцев. 30 декабря декретом Конвента было объявлено «праздником триумфов Республики». В Париже на празднестве был исполнен «Гимн на Взятие Тулона» Шенье на музыку Госсека.

Гимн Верховному существу

Республиканский культ Разума продержался недолго. Уже во второй декаде, после праздника в честь Разума, Робеспьер заявил с трибуны якобинского клуба, что «атеизм аристократичен», и превознес «демократическую идею о Верховном существе, охраняющем угнетенную невинность и карающем торжествующее преступление». Спустя около полугода Робеспьер выступил в Конвенте с тщательно разработанной речью на тему «Об отношении религиозных и нравственных идей к республиканским принципам и о национальных празднествах». В заключение им был прочитан проект декрета, первая статья которого объявляла, что «французский народ признает существование Верховного су-

щества и бессмертие души». Следующая статья устанавливала 36 декадных национальных праздников и сверх того 4 годовых национальных праздника: 14 июля, 10 августа и др. Гимн был сочинен М.-Ж. Шенье к первому празднику Верховного существа, но исполнение его было запрещено Робеспьером, давно уже косившимся на Шенье за его симпатии к жирондистам. Музыка, написанная к гимну Госсекком, была исполнена лишь в годовщину 14 июля 1794 г. на стихи поэта Дезорга.

Песнь отправления

«Песнь отправления» была названа современниками «второй Марсельезой». Она стала самой популярной из песен, написанных Шенье к национальным праздникам. Музыку к песне сочинил Мегюль.

Барра и Виала—мальчики, прославившиеся своим героизмом и павшие в походах республиканских армий.

Песнь побед

10 августа 1794 г. исполнилась вторая годовщина со времени революции 1792 г., когда был низложен король и создана буржуазная демократическая республика.

Камилл (IV в. до н. э.)—римлянин из патрицианского рода Фуриев, особенно отличившийся в войнах римлян с галлами.

Флерюс—бельгийский городок на одноименной реке, под которым полководец Республики Журдан разбил в 1794 г. австрийцев.

Гимн 9 термидора II года

9 термидора—27 июля (9 термидора) 1794 г. был арестован Робеспьер, 10 термидора гильотинирован, после чего началась реакция.

Кибела, или Рея (греч. миф.)—мать олимпийского семейства богов—Зевса, Посейдона, Геры и др. Гре-

ческий культ Кибелы слился с культом азиатской Кибелы, или Кибебы, и эволюционировал к представлению о ней, как о мистическом всепроизводящем божестве земли.

Гимн Жан-Жаку Руссо

Жан-Жак Руссо (1712—1778)—идеолог низших слоев «третьего сословия», своими идеями оказавший громадное влияние не только на Францию, но и на всю Европу (например, на движение «Бури и натиска» в Германии, на сентиментализм). Его социологические трактаты, в том числе упоминаемый в гимне М.-Ж. Шенье «Общественный договор», были основаны на теории естественного права и подвергали критике не только феодализм, но и буржуазное просвещение (материализм), разоблачая его, как философию эгоизма и частного интереса. Его политический идеал—это система маленьких федеративных государств—общин, управляемых по принципам патриархальной демократии. Роман «Новая Элоиза», одно из действующих лиц которого упоминается в начале гимна Шенье (Софья), основан на мотиве протеста против социального неравенства. Его педагогический трактат «Эмиль или о воспитании» принадлежит к числу шедевров педагогики: Значение Руссо метко определил Беранже, сказав о нем, что он был литературным маяком революции. А Энгельс определил его отношение к якобинцам следующими словами: «он доставил французским республиканцам и террористам теоретическое знамя».

Похоронный гимн в честь генерала Гоша

Гош, Лазарь (1768—1797)—один из лучших полководцев республиканской Франции, выдвинутых революцией; к началу революции был простым сержантом, 25 лет был поставлен во главе Мозельской армии, одержал ряд побед над австрийцами в 1793—1794 гг., в 1794—1795 гг. усмирил контрреволюционную Вандею; в 1797 г. вновь разбил австрийцев; умер в том

же году от воспаления легких, не достигнув тридцатилетнего возраста; ходил слух, что он был отравлен завистниками.

М.-Ж. Шенье написал еще длинную элегию «Смерть генерала Гоша», 1798 г., прочитанную им на публичном заседании всех отделов Французского института и напечатанную тогда же в первый раз в записках Института «Littérature et Beaux-arts», t. III, p. 30—36.

Песнь 1 вандеяера VII года Республики

А р к о л а—итальянский городок, возле которого Наполеон разбил в 1796 г. австрийцев.

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ В КОММЕНТАРИЯХ

- Нац. Б.* — Национальная библиотека в Париже.
B. V. P. (Bibliothèque de la ville de Paris)—Парижская муниципальная библиотека при музее Карнавале.
Bibl. du Sénat — Библиотека сената в Париже.
«La Révol. Fr.» («La Révolution Française»)—исторический журнал, издававшийся Оларом.
«Annales histor. de la Rév. Fr.» («Annales historiques de la Révolution Française»)—исторический журнал, издававшийся Матъезом.
- Цифры, стоящие после названий песен, означают шифр, под которым данная песня числится в той или иной библиотеке. Например: *Нац. Б.* уе 3064 Rés; *B. V. P.* 12031; *Bibl. du Sénat. Cart. 6. Cote 362*, и т. д.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Фронтиспис. <i>С грав. Малано по рис. Фрагонарасына</i>	7
Клятва в зале для игры в мяч. Версаль, 20 июня 1789 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	111
Речь Камиля Демулена в Пале-Рояле 12 июля 1789 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	125
Смерть купеческого старшины Флесселя 17 июля 1789 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	137
Взятие Бастилии 14 июля 1789 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	145
Арест коменданта Бастилии Делонне 14 июля 1789 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	153
Перевоз пушек парижского гарнизона на Монмартр 15 июля 1789 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	167
Казнь Фулона 23 июля 1789 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	175
Поминки по гражданам, погибшим при взятии Бастилии, 5 августа 1789 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	189
Оргия королевской гвардии в оперном зале, в Версале 1 октября 1789 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	201
Прибытие короля и его семьи в Париж 6 октября 1789 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	221
Изнешение патриотов в Монтобанае 10 мая 1790 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	233

Подготовка празднования Федерации 14 июля 1790 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	241
Заключение общей федерации в Париже 14 июля 1790 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	251
Празднество и иллюминация в Елисейских полях 18 июля 1790 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	257
Восстание в Нанси. Смерть Дезиля 31 августа 1790 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	269
Празднество в честь солдат, погибших в Нанси в сентябре 1790 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	277
Торжественные похороны Мирабо 4 апреля 1791 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	285
Сожжение изображения папы в Пале-Рояле 6 апреля 1791 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	297
Арест Людовика Капета в Варенне 22 июня 1791 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	305
Прибытие Людовика Капета из Варенна в Па- риж 25 июня 1791 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	315
Триумф Вольтера, 11 июля 1791 г. <i>С грав П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	323
Расстрел на Марсовом поле петиционеров, требовавших низложения Людовика XVI, 17 июля 1791 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	335
Первый праздник Свободы 15 апреля 1792 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	345
Народ входит в Тюльери 20 июня 1792 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	355
Празднование взятия Бастилии 14 июля 1792 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	361
Объявление отечества в опасности 27 июля 1792 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	371
Избиение марсельцев в Елисейских полях 30 июля 1792 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	379
Осада и взятие Тюльери 10 августа 1792 г. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Приера</i>	387
Перевоз Людовика Капета и его семьи в Тампл	

13 августа 1792 г. <i>С врав. П.-Г. Берто по рис. Свебаха-Дефонтена</i>	395
Лафайет покидает армию под Седаном и отправляется в эмиграцию 19 августа 1792 г. <i>С врав. П. Г. Берто по рис. Свебаха-Дефонтена</i>	401
Убийство Лепеллетье в доме трактирщика Феврие 20 января 1793 г. <i>С врав. П.-Г. Берто по рис. Свебаха-Дефонтена</i>	407
Казнь Людовика XVI на площади Революции 21 января 1793 г. <i>С врав. П.-Г. Берто по рис. Свебаха-Дефонтена</i>	413
Убийство Марата 13 июля 1793 г. <i>С врав. П.-Г. Берто по рис. Свебаха-Дефонтена</i>	423
Принятие республиканской конституции 10 августа 1793 г. <i>С врав. П.-Г. Берто по рис. Свебаха-Дефонтена</i>	433
Расстрел англичанами экипажа французского судна «Модест» в Генуэзском порту 5 октября 1793 г. <i>С врав. П.-Г. Берто по рис. Озана</i>	445
Казнь 21 депутата Жиронды 31 октября 1793 г. <i>С врав. Ж. Дюплесси-Берто и П.-Г. Берто по рис. Ж. Дюплесси-Берто</i>	453
Казнь парижского епископа Гобеля, Эбера, Винсента, Шометта и др. 14 марта 1794 г. <i>С врав. Ж. Дюплесси-Берто и П.-Г. Берто по рис. Ж. Дюплесси-Берто</i>	463
Праздник Верховного существа 8 июня 1794 г. <i>С врав. Ж. Дюплесси-Берто и П.-Г. Берто по рис. Ж. Дюплесси-Берто</i>	477
Один из революционных комитетов в эпоху террора. <i>С врав. П.-Г. Берто и Малано по рис. Фрагонара-сына</i>	485
Заккрытие клуба якобинцев в ночь с 27 на 28 июля 1794 г. (с 9 на 10 термидора II года). <i>С врав. Ж. Дюплесси-Берто и Малано по рис. Ж. Дюплесси-Берто</i>	505
Раненый Робеспьер, привезенный в Комитет общественного спасения 28 июля 1794 г. (10 термидора II года). <i>С врав. Ж. Дюплесси-Берто и П.-Г. Берто по рис. Ж. Дюплесси-Берто</i>	513
Апофеоз Руссо. Перенесение его праха в Пан-	

теон 11 октября 1794 г. <i>С грав. Жирардэ и П.-Г. Берто по рис. Жирардэ</i>	527
Умиротворение Вандеи 1 флореаля III года. <i>С ориг. грав Жирардэ</i>	543
Суд над Фукье-Тенвилем в Революционном трибунале 12 флореаля III года. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Жирардэ</i>	599
Нападение на Национальный Конвент 13 вандемьера IV года. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Жирардэ</i>	611
Заседание Директории 30 брюмера IV года. <i>С грав. Ж. Дюпlessи-Берто и П.-Г. Берто по рис. Ж. Дюпlessи-Берто</i>	631
18 фруктидора V года. <i>С грав. П.-Г. Берто по рис. Жирардэ</i>	641
18 и 19 брюмера VIII года. <i>С грав. Ж. Дюпlessи-Берто и Дюпрееля по рис Ж. Дюпlessи-Берто</i>	653

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ц. Фридлянд.</i> Пафос революции	7
<i>А. Ольшевский.</i> Песни Первой французской революции	37

ПЕСНИ ПЕРВОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

І. Начало революции. Борьба буржуазии за власть

1. Народные моления. Перев. <i>А. Ольшевского</i>	101
2. Моления третьего сословия. Перев. <i>А. Ольшевского</i>	103
3. Куплеты окружным депутатам Меца. Перев. <i>М. Травчетова</i>	106
4. Заседание Генеральных штатов, собранное в Версале. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	108
5. 4 мая 1789 г. Перев. <i>М. Казмичева</i>	113
6. День 4 мая 1789 г. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	116
7. Новая песнь на собрание Генеральных штатов. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	119
8. Удачный версальский трюк 23 июня 1789 г. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	121
9. Соединение трех сословий. Перев. <i>М. Травчетова</i>	123
10. Объединение трех сословий. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	127
11. Песнь на взятие Дома инвалидов и Бастилии. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	129

12. Взятие Бастилии буржуазией и французской гвардией 14 июля 1789 г. Перев. *Л. Остроумова* 133
13. Песнь на осаду и взятие Бастилии. Перев. *М. Травчетова* 135
14. Новая песнь на взятие Бастилии. Перев. *Вс. Рождественского* 139
15. Письмо башмачника к другому башмачнику. Перев. *Вс. Рождественского* 141
16. Прибытие короля в городскую ратушу в Париже. Перев. *Л. Остроумова* 143
17. Песнь парижских буржуа. Перев. *М. Казмичева* 149
18. Волшебный фонарь. Перев. *Л. Остроумова* 152
19. Миротлюбивый собутыльник. Перев. *Вс. Рождественского* 157
20. Куплеты в честь г-на Неккера, возвратившегося в Версаль. Перев. *Л. Остроумова* 159
21. Песенка дам с площади Мобер. Перев. *Л. Остроумова* 161
22. Башмачник, добрый патриот. Перев. *Вс. Рождественского* 164
23. Счастливыи месяц, или Подлинный праздник порядочных людей. Перев. *М. Казмичева* 169
24. Отмена налогов и разрешение полевой охоты. Перев. *А. Кочеткова* 170
25. Обращение аристократов. Перев. *М. Травчетова* 172
26. Песнь на злобу дня. Перев. *Л. Остроумова* 174
27. Ричард Львиное Сердце. Перев. *М. Травчетова* 178
28. Славные дни 5 и 6 октября 1789 г. Перев. *М. Казмичева* 180
29. Парижские героини, или Предательство королевских гвардейцев. Перев. *А. Кочеткова* 183
30. Лейб-гвардеец, прекрасный Варикур. Перев. *Вс. Рождественского* 186

31. Поход в Версаль и прибытие короля в Париж. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	191
32. Бедствия короля и его семьи. Перев. <i>М. Травчетова</i>	193
33. Романс парижского трубадура. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	196
34. Новая песенка. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	199
35. Закон крови, или Военный закон, декретированный 21 октября 1789 г. Перев. <i>М. Травчетова</i>	203
36. Новые аностолы-аристократы. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	206
37. Жалоба духовенства, обобранного Национальным собранием. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	209
38. Аристократо - клерикально - вакхическая. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	211
39. Песнь 1789 г. Перев. <i>С. Олендер</i>	213
40. Национальное собрание, или Обольщенная Франция. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	215
41. Забавный диалог между мастером сапожником и его сыном. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	218
42. Недостаток в звонкой монете. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	220
43. Декрет Национального собрания об уничтожении дворянских титулов. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	224
44. Солдат-патриот. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	228
45. Песнь. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	230
46. Ah! Ça ira! Перев. <i>М. Зенкевича</i>	232
47. Патриотическая песнь, певшаяся на празднике Федерации 14 июля 1790 г. Перев. <i>М. Зенкевича</i>	235
48. К добрым гражданам, работающим на Марсовом поле. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	236
49. Куплеты, сочиненные и распеваемые рабочими Марсова поля. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	238

50. Клятва Конфедерации, или Гимн французской свободе. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	239
51. Свергнутая аристократия. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	243
52. Песнь. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	244
53. Патриотические куплеты ко дню Конфедерации. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	246
54. Куплеты, пропетые г-ном Пиис в Национальном клубе в Пале-Рояле... Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	248
55. Могила аристократов. Перев. <i>А. Кочеткова</i>	250

II. Буржуазия у власти

56. Песнь. Перев. <i>А. Кочеткова</i>	255
57. Патриотические куплеты. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	259
58. Национальное поуррия, или Зеркало дитяны. Перев. <i>М. Казмичева</i>	261
59. Якобинцы и капудины. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	266
60. Мужество дядюшки Дюшена. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	271
61. Исповедь версальского патриота. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	273
62. Патриотическая песнь, сочиненная нарочно без рифмы. Перев. <i>М. Зенкевича</i>	276
63. Песнь, сочиненная в Дижоне по поводу назначения нового епископа. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	280
64. Куплеты, распеваемые эмигрантами. Перев. <i>М. Травчетова</i>	281
65. Восемнадцать фравков. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	283
66. Песнь. Перев. <i>М. Зенкевича</i>	287
67. Французская конституция, подписанная в Национальном собрании 14 сентября 1791 г. Людовиком Бурбоном XVI, королем французов. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	290
68. Будущий законодатель. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	298

69. Прощание с бывшими депутатами. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	294
70. Ça ira! Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	296
71. Спасение Франции. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	299
72. Народный гимн. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	301
73. Дерево Свободы. Перев. <i>А. Кочеткова</i>	303
74. Куплеты, напечатанные в нашем «Утешителе». Перев. <i>Л. Остроумова</i>	307
75. Песнь об эмигрантах. Перев. <i>А. Кочетковой</i>	308
76. Национальная песнь, посвященная доброму народу. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	311
77. Воззвание к победе. Перев. <i>М. Травчетова</i>	313
78. Отправление парижских волонтеров. Перев. <i>М. Зенкевича</i>	317
79. Гражданам второй роты волонтеров секции французского Пантеона. Перев. <i>А. Кочеткова</i>	319
80. Республиканские героини. Перев. <i>М. Зенкевича</i>	320
81. Марсельеза	325
82. Брак священников. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	328
83. Песнь на поцелуй Ламурета. Перев. <i>М. Травчетова</i>	330
84. Лагерные работы. Перев. <i>А. Кочеткова</i>	332
85. Отечество в опасности. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	337
86. Упразднение монастырей. Перев. <i>М. Казмичева</i>	339
87. Революция 10 августа 1792 г. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	341
88. Песнь о 10 августа. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	343

III. Борьба между крупной и мелкой буржуазией

89. Карманьола. Перев. <i>А. Ольшевского</i>	349
90. Радость республиканского народа. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	353

91. Людовик XVI в башне. Перев. <i>М. Зенкевича</i>	354
92. Новая песнь. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	357
93. Маленькая патриотическая радость. Перев. <i>М. Травчетова</i>	359
94. Романс, посвященный толстому Луи, бывшему королю. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	360
95. Первый вызов Людовика Капета в Конвент. Перев. <i>М. Зенкевича</i>	363
96. Путешествие красного колпака. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	366
97. Колпак свободы. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	368
98. Совет санкюлотам. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	370
99. Республиканская песнь. Перев. <i>М. Травчетова</i>	374
100. Романс французам. Перев. <i>А. Кочеткова</i>	375
101. Людовик XVI к французам. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	377
102. Песнь о героической смерти Мишеля Лепеллетье де Сен-Фаржо. Перев. <i>М. Травчетова</i>	381
103. Смерть Людовика Капета. Перев. <i>М. Зенкевича</i>	383
104. Смерть королям! Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	386
105. Бешенство и бевумье королей. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	390
106. Пробуждение дядюшки Дюшена. Перев. <i>С. Олендер</i>	393
107. Трjumф Марата. Перев. <i>М. Казмичева</i>	397
108. Песнь о максимуме. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	398

IV. Диктатура мелкой буржуазии

109. Куплеты на трюмф Горы, породившей республиканскую конституцию. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	405
110. Патриотическая песнь. Перев. <i>М. Травчетова</i>	409

111. Гимн в честь Марата, Друга Народа, мученика свободы. Перев. <i>А. Кочеткова</i>	412
112. Гими смерти. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	416
113. Песнь о Шаретте. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	419
114. Осада Монтегю. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	421
115. Вандейская карманьола. Перев. <i>М. Травчетова</i>	422
116. Куплеты о республиканском календаре. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	426
117. Декада. Перев. <i>А. Кочеткова</i>	429
118. Сдача города Люона. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	431
119. Диалог тигрицы Антуанеты с гильотиной в день ее казни. Перев. <i>М. Зенкевича</i>	435
120. Патриотическая песнь. Перев. <i>А. Кочеткова</i>	439
121. Санкюлоты. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	441
122. Депутаты-заговорщики перед лицом Революционного трибунала. Перев. <i>М. Травчетова</i>	442
123. Дворянство патриота. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	447
124. Санкюлот. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	448
125. Гимн Разуму. Перев. <i>М. Травчетова</i>	450
126. Куплеты кюра, женившегося на молодой монашенке. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	452
127. Попоуское отродье. Перев. <i>М. Казмичева</i>	455
128. Ненужность духовенства. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	456
129. Литейщики Республики. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	459
130. Сдача Тулона. Перев. <i>А. Кочеткова</i>	461
131. Народные куплеты, сочиненные гражданином Пинс во II год Республики. Перев. <i>М. Казмичева</i>	465
132. Горы. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	467
133. Романс Н. Монжурдена. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	469
134. Гимн селитре. Перев. <i>А. Кочеткова</i>	472
135. Куплеты патриотов Сент-Антуанского предместья. Перев. <i>А. Кочеткова</i>	474

136. Жалобы дялюшки Дюшена. Перев. <i>М. Травчетова</i>	475
137. Битва при Флерюсе. Перев. <i>А. Кочеткова</i>	479
138. Перманентная гильотина. Перев. <i>М. Зенкевича</i>	481
139. Куплеты, спетые на братской пирушке гражданином X. Перев. <i>М. Травчетова</i>	483
140. Песнь сующих голову в окошко гильотины. Перев. <i>М. Зенкевича</i>	487
141. Песнь котла. Перев. <i>А. Кочеткова</i>	488
142. Революционные куплеты 7 термидора, II года Французской республики. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	490
143. Куплеты об опасности отечеству. Перев. <i>А. Кочеткова</i>	492
V. Термидорианская реакция и Директория	
144. Заговор, затеянный Робеспьером и его сообщниками. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	497
145. Сакюлотина. Перев. <i>М. Травчетова</i>	500
146. Песнь. Перев. <i>А. Кочеткова</i>	502
147. Новая песнь. Перев. <i>А. Кочеткова</i>	507
148. Пробуждение народа против террористов. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	509
149. Куплеты о Бурбонах. Перев. <i>А. Кочеткова</i>	511
150. Права и обязанности дворянства. Перев. <i>М. Казмичева</i>	515
151. Народные куплеты 21 плювиоза III года Французской республики. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	516
152. Французский народ — франтам. Перев. <i>А. Кочеткова</i>	517
153. Республиканская песнь. Перев. <i>С. Олендер</i>	519
154. День 12 жерминаля III года. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	521
155. Карманьола Фукье-Тенвиля. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	523
156. Встреча в аду Фукье-Тенвиля с Дантоном и Камиллом Демуленом. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	525

157. Похоронная песнь на смерть Ферро, народного представителя. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	529
158. Гимн братству, петый в Театре Сорзнования 20 нивога IV года Республики. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	530
159. Пленение Шаретта. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	532
160. Новая песнь для предместий. Перев. <i>М. Травчетова</i>	534
161. Водевиль. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	537
162. Народные куплеты. Перев. <i>М. Травчетова</i>	541
163. Песнь на открытие дорожных работ в департаменте Сены. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	545
164. Мои пожелания. Перев. <i>С. Олендер</i>	547
165. Куплеты по случаю мара. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	549
166. Куплеты на злобу дня. Перев. <i>М. Травчетова</i>	551
167. Похвала слову «гражданин». Перев. <i>Л. Остроумова</i>	554
168. Праздник юности. Перев. <i>А. Кочеткова</i>	556
169. Народная песнь на новые победы наших армий. Перев. <i>М. Травчетова</i>	558
170. 18 брюмера. Перев. <i>М. Травчетова</i>	560

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ АНДРЭ ШЕНЬЕ И МАРИ-ЖОЗЕФА ШЕНЬЕ

Ц. Фридлянд. Поэзия братьев Шенье 563

Стихотворения Андрэ Шенье

Гимн справедливости	579
Игра в мяч. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	584
Швейцарцам. Перев. <i>Л. Остроумова</i>	601
Версаль. Перев. <i>М. Зенкевича</i>	603
Ода Шарлотте Кордэ. Перев. <i>М. Зенкевич</i>	606
Юная пленница. Перев. <i>М. Зенкевича</i>	609
Старик-отец. Перев. <i>М. Зенкевича</i>	613
Ямбы. Перев. <i>М. Зенкевича</i>	614

Стихотворения Мари-Жозефа Шенье

Ода к Национальному собранию. Перев.	
<i>Г. Шенгели</i>	627
Смерть Мирабо. Перев. <i>Г. Шенгели</i>	634
Песнь 14 июля. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	640
Гимн на перенесение праха Вольтера во французский Пантеон. Перев. <i>Бен. Лившица</i>	644
Гимн Равенству. Перев. <i>Бен. Лившица</i> . . .	648
Гимн в честь победы, пропетый монтаньярами 20 прериаля II года Республики. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	650
Гимн Свободе. Перев. <i>Вс. Рождественского</i> .	652
Гимн Разуму. Перев. <i>Вс. Рождественского</i> .	655
Взятие Тулона. Перев. <i>Бен. Лившица</i>	656
Гимн Верховному существу. Перев. <i>Бен. Лившица</i>	658
Песнь отправления. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	661
Песнь побед	665
Гимн 9 термидора II года. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	668
Гимн Жан-Жаку Руссо. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	671
Похоронный гимн в честь генерала Гоша. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	674
Песнь возвращения. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	676
Песнь 1 вандемьера VII года Республики. Перев. <i>Вс. Рождественского</i>	679

КОММЕНТАРИИ

Комментарии к песням Первой французской революции	685
Комментарии к стихотворениям Андре Шенье	775
Комментарии к стихотворениям Мари-Жозефа Шенье	786
Список сокращений в комментариях	791
Перечень иллюстраций	735

Редактор А. М. Эфрос
Художественная редакция
М. П. Сокольников
Лит.-техническое наблюдение
А. Н. Плавильщиков
Техред И. А. Подсужин
Наблюдение на производстве
М. И. Козлов

Сдано в набор 26.III. 34
Подписано в печать 17.XI. 34
Тир. 5.300. Уполн. Главлита
Б—37907. Зак. тип. № 7872
«Ас» 101. Индекс. А—1. Бум.
74×105—¹/₃₂. П. л. 25¹/₄+1
вкл. Авт. л. 28,4 Тип. зн.
на 1 бум. л. 97920

Отпечатано на ф-ке книги
«Красный пролетарий». Мос-
ква, Краснопролетарская, 16

Цена Р. 12.00
Переплет Р. 2.00

О П Е Ч А Т К И

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует</i>
33	2 снизу	s'éleve	s'élève
81	2 »	Memoires	Mémoires
93	20 »	Guillaumé	Guillaume
94	9 »	rolution	volution
95	14 »	Tiersot, L.	Tiersot, J.
688	5 сверху	Assamblée	Assemblée
695	14 снизу	l'air de la fêtes	l'air de la bête
702	7 сверху	aristocrati-	aristocrato-
710	16 »	L'assamblée	L'assemblée
714	20 »	Babtiste	Bapriste
722	1 снизу	importum	importun
754	6 сверху	Sant	Saint
768	2 »	sut	sur

Песни Первой французской революции

